

Вестник
Московского
университета

Moscow
State University
Bulletin



Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9



PHILOLOGY



NUMBER SIX

NOVEMBER — DECEMBER

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press
2013



Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ



№ 6

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета
2013



УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л. РЕМНЁВА, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **главный редактор**

О.А. СМИРНЦКАЯ, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **зам. главного редактора по лингвистике**

Е.В. КЛОБУКОВ, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка — **отв. секретарь по лингвистике**

Н.А. СОЛОВЬЕВА, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы — **отв. секретарь по литературоведению**

Е.Г. ДОМОГАЦКАЯ, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности — **оргсекретарь**

Члены редколлегии:

Т.Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности

М.В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

И.М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Т.А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания

С.И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык *М.М. Филипповой*

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Корректор *И.В. Луканина*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5. Тел. 697-31-28.

119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет

Подписано в печать 15.11.2013. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,5.

Уч.-изд. л. 16,7. Тираж 600 экз. Изд. № 9803. Заказ №

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Типография МГУ.

119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2013



СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Ремнёва М.Л.</i> Древнерусский и церковнославянский	7
<i>Всеволодова М.В.</i> Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы	16
<i>Недзвецкий В.А.</i> Н.Г. Чернышевский, беллетрист и эстетик, сегодня (к 185-летию со дня рождения)	63
<i>Кормилов С.И., Аманова Г.А.</i> Метрика, рифма и строфика в русских переводах из корейской поэзии (А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев). Статья вторая	75

Материалы и сообщения

<i>Минеева И.Н.</i> Творческая история повести Н.С. Лескова «Гора»	94
<i>Вранеш Б.</i> Моделирование сюжета в гоголевской «Шинели»: травести сказки	112
<i>Черепанов Д.Д.</i> Постановка вопроса «религиозного отречения» в раннем романе Й. фон Эйхендорфа	122
<i>Кольовски А.А.</i> К вопросу о принципах построения научной биографии А.Л. Бема	129
<i>Павлова Л.В., Романова И.В.</i> Опыт применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте»	138
<i>Соломенник А.И.</i> Технология синтеза речи: история и методология исследований	149
<i>Пиперски А.Ч.</i> Переход сильных глаголов в слабые в истории немецкого языка: теоретические предпосылки и древнейшие процессы	163
<i>Фокина М.В.</i> Основные позиционные закономерности немецкого консонантизма в контексте обучения немцев русской фонетике	173
<i>Баркова Е.Е.</i> Графико-орфографические особенности старшего полуустава XIV–XV вв.	181

Критика и библиография

<i>Сорокина В.В.</i> Эрвин В е д е л ь. Первый сборник стихотворений ФёТАК??дора Ивановича Тютчева в немецких переводах Генриха Ноэ (<i>Erwin Wedel</i> “Ich bringe einer Sanger Dir vom Norden...” Die erste Lyriksammlung Fedor Ivanovi Tjutcevs in deutscher bersetzung von Heirich No. Wiesbaden: Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG, 2012)	191
<i>Ляпина Л.Е.</i> Петербургская стихотворная культура. Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов / Сост. и науч. ред. Е.В. Хворостьяновой. СПб.: Нестор-История, 2008. 662 с.; Петербургская стихотворная культура. Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов II / Сост. и науч. ред. Е.В. Хворостьяновой. СПб.: Нестор-История, 2013	199
<i>Темришина О.Р.</i> Эпические жанры в литературном процессе XVIII–XXI веков: забытое и «второстепенное». VII Майминские чтения. 5–9 октября 2011 г.: В 2 т. Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2011	207
<i>Певак Е.А.</i> Символизм как художественное направление: Взгляд из XXI века: Сб. ст. / Отв. ред.: д-р филос. наук Н.А. Хренов, д-р искусствовед. И.Е. Светлов. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2013	216
<i>Шедловская А.Ю.</i> Гончаров: живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И.А. Гончарова. Сомбатхей: University of West Hungary Press, 2012	220
<i>Мартыанова С.А.</i> Г у р е в и ч А. М. Сокровенные смыслы. Статьи о Пушкине (1984–2011). М.: Совпадение, 2011	228
<i>Матяш С.А.</i> Ф е д о т о в Олег. Сонет. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 614 с.	233

Научная жизнь

<i>Бочавер С.Ю.</i> «Информационная структура текстов разных жанров и эпох»: хроника конференции	239
<i>Новицкас Л.А., Перижкина А.Н., Федотов А.С.</i> II Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс»(МГУ, 21–22 марта 2013 г.)	248
<i>Терешкина Д.Б.</i> Конференция «М.Ю. Лермонтов и история» (Великий Новгород, 14–16 октября 2013 г.)	251
<i>Указатель статей и материалов</i> , опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» за 2013 год	258





CONTENTS

Articles

<i>Remnyova M.L.</i> Old Russian and Old Church Slavonic	7
<i>Vsevolodova M.V.</i> The Category of Quantitativeness in Slavic Languages: Numerals and Quantitatives	16
<i>Nedzvetsky V.A.</i> N.G. Chernyshevsky, a Belles-Lettres Author and Aestheticist, Nowadays	63
<i>Kormilov S.I., Amanova G.A.</i> Metrics, Rhymes and Stanzas in Russian Translations of Korean Poetry (A.A. Akhmatova, A.L. Zhovtis, G.B. Yaroslavtsev) (Article 2)	75

Communications and Materials

<i>Mineyeva I.N.</i> Creative History of N.S. Leskov's Long Story 'The Mountain'	94
<i>Vranesh B.</i> (Serbia) Modelling the Plot in N. Gogol's the Overcoat: the Travesty of a Fairy-Tale	112
<i>Cherepanov D.D.</i> Formulation of the Problem of 'Religious Self-Denial' in J. von Eichendorff's Early Novel.	122
<i>Koliovsky A.A.</i> Towards the Issue of the Principles on Which to Construct A.L. Bem's Scientific Biography	129
<i>Pavlova V.L., Romanova I.V.</i> Experimenting with Applying the Original Software System "Hypertext Search for Companion Words in an Author's Texts".	138
<i>Solomennik A.I.</i> Speech Synthesis Technologies. The History and Methodology of Studies	149
<i>Piperski A.C.</i> Transformation of Strong Verbs into Weak in the History of German: Theoretical Prerequisites and Oldest Processes	163
<i>Fokina M.V.</i> The Main Positional Regularities of the German Consonant System in the Context of Teaching Germans Russian Phonetics.	173
<i>Barkova E.E.</i> Graphical and Orthographic Features of the XIV–XV Century Older Russian Semi-Uncial.	181

Critique and Bibliography

<i>Sorokina V.V.</i> Wedel E. "Ich bringe einer Sanger Dir vom Norden..." Die erste Lyriksammlung Fedor Ivanovi Tjutcevs in deutscher bersetzung von Heirich No. Wiesbaden: Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG, 2012)	191
<i>Lyapina L.E.</i> St Petersburg's Versification Culture. Materials on Metrics, Rhythms and Stanzas of St Petersburg Poets/ Compiled and Edited by E.V. Khvorostianova. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008; St Petersburg's Versification Culture. Materials on Metrics, Rhythms and Stanzas of St Petersburg Poets II/ Compiled and Edited by E.V. Khvorostianova. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013	199
<i>Temirshina O.R.</i> Epic Genres in the XVIII–XXI Century Literary Process: The Forgotten and the "Secondary": The VII Maimin Readings. 5–9 October 2011: in 2 volumes. Pskov: LLC "LOGOS Plus", 2011	207
<i>Pevak E.A.</i> Symbolism as an Artistic Trend: A View from the XXI Century: Collection of Articles/ Editors-in Chief: Doctor of Philosophical Sciences N.A. Khrenov, Doctor of Art Critical Studies I.E. Svetlov. Moscow: The State Institute of Art Studies, 2013	216
<i>Shedlovskaya A.Yu.</i> Goncharov: The Living Perspectives of Prose. Scholarly articles about I.A. Goncharov's creative work. Sombathey: University of West Hungary Press, 2012	220
<i>Martianova S.A.</i> Gurevitch A.M. Secretly Treasured Meanings. Articles about Pushkin (1984–2011). Moscow: Sovpadeniye, 2011	228
<i>Matyash S.A.</i> Fedotov O. The Sonnet. Moscow: The Russian State Humanities University, 2011	233

Scholarly Life

<i>Bochaver S.Yu.</i> "Informational Structure of Texts of Different Genres and Epochs": The chronicle of the conference	239
<i>Novitskas L.A., Pershkina A.N., Fedotov A.S.</i> The II International Conference of Budding Researchers "Textology and the Historical-Literary Process" (Moscow State University, 21–22 March 2013)	248
<i>Tereshkina D.B.</i> The Conference "M.Yu. Lermontov and History" (Veliki Novgorod, 14–16 October 2013)	251
<i>Index of articles and other matter published in the journal "Moscow University Herald. Series 9. Philology" in 2013.</i>	258



СТАТЬИ

М.Л. Ремнёва

ДРЕВНЕРУССКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

Проблема соотношения древнерусского и церковнославянского языков рассматривается в контексте исследований, проведенных лингвистами в XX в. Автор, опираясь на сопоставительное изучение ряда явлений в этих языках, обращает внимание на соотносимые, но не совпадающие характеристики грамматической системы языка памятников церковнославянской и восточнославянской письменности (наличие / отсутствие сложной системы форм прошедшего времени, функционирование форм двойственного числа, оформление временных, условных, императивных, целевых синтаксических отношений).

Ключевые слова: древнерусский язык, церковнославянский язык, норма литературного языка, строгая норма, сниженная норма система прошедших времен.

The problem of correlation between Old Russian and Old Church Slavonic is considered in the context of research conducted by the XX century linguists. Relying on contrastive studies of a number of phenomena in these languages, the author concentrates her attention on some correlative, but not coincidental features of the grammatical system characteristic of historic written documents of Old Church Slavonic and East Slavic languages (presence / absence of a complex system of past tense forms, the functioning of dual number forms, the way temporal, conditional, imperative, purpose-expressing syntactic relations were put into shape).

Key words: Old Russian, Old Church Slavonic, norms (standards) of the literary language, strict norms, substandard norm, the system of past tenses.

А. Мейе писал, что «общеславянский язык, как бы ни был он близок к историческому периоду, в письменности не засвидетельствован. Из сравнения славянских языков, известных в историческую эпоху, мы узнаем о нем лишь как о некоторой совокупности отношений между славянскими языками. Но одно счастливое обстоятельство ставит лингвиста, изучающего общеславянский язык, в более благоприятные условия, чем, например, германиста или кельтолога. В девятом веке было сделано несколько переводов текстов, предназначенных для отправления христианского культа: евангелия, псалтири, молитвенников, поучений. Эти переводы написаны особым языком, отличным от общеславянского, принадлежащим южнославянскому типу, точнее — к македонскому, очень близкому к типу болгарских говоров. Но говор, на который опирался этот письменный язык,

содержал в себе множество архаических черт, и, за исключением небольшого числа диалектных особенностей, язык этих текстов тождественен тому, чем был бы общеславянский язык, если бы он был засвидетельствован в письменности. Мы будем называть этот язык “старославянским”»¹.

И далее в монографии ученый реконструирует грамматическую систему общеславянского (праславянского) языка в полном соответствии с грамматической системой старославянского. Авторитет А. Мейе был таков, что высказанная им точка зрения установилась на несколько десятилетий. Она нашла отражение в книгах словенского лингвиста Р. Нахтигала «Славянские языки», П.С. Кузнецова «Очерки по морфологии праславянского языка», практически во всех учебниках, учебных пособиях, посвященных праславянскому языку и проблемам его истории. П.С. Кузнецов, предложивший критический разбор почти столетней историко-морфологической реконструкции праславянского глагола, даже не ставит вопроса о соотношении явлений праславянских, южнославянских, западнославянских и восточнославянских в ранний период их бытования. Кроме того, авторы разных работ оперировали соображениями общего характера, считая, что особенности языка различных диалектных зон позднего периода существования праславянского языка были настолько незначительными, что перед солунскими братьями не возникало проблемы адаптации языка христианского культа, созданного ими на диалектной южнославянской основе, при использовании его в инославянских диалектах. При этом игнорировалось то, что старославянский язык возник в процессе перевода на славянский греческих богослужебных текстов и был по определению наддиалектным и нормированным образованием, первым славянским языком христианского культа, сознательно и по необходимости дистанцированным от языка бытового общения. И в этом отношении он ничем не отличался от латинского, неизменного в своей культовой функции, хотя и бытовавшего в культурной среде и романских, и славянских народов. В этом плане показательна и судьба церковнославянского языка в России: несмотря на то, что он обслуживает христианский культ в ситуации многовекового сосуществования с языком древнерусским, старорусским, русским, язык современных канонических церковнославянских книг минимально отличается от старославянского языка памятников X–XI вв. И поэтому проблема «подобия» славянских языков, допускающая возможность использования старославянского в инославянской среде в качестве культового, не обладает силой аргумента.

¹ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 7.

Так возникла легенда, согласно которой языковые характеристики различных диалектных зон праславянского языка, а затем старославянского, древнепольского, древнечешского, древнерусского и др. в области грамматики отличались друг от друга не более, чем, например, диалекты современного языка. Наибольшие различия допускались (признавались) лишь в области синтаксиса (старославянский синтаксис до сих пор в определенной мере расценивается как «слепок» с греческого синтаксиса), фонетики и, естественно, лексики. Итогом стало традиционно установившееся описание, например, исходной грамматической системы древнерусского языка в учебниках по исторической грамматике русского языка в основном в соответствии со схемой, заданной описанием старославянского языка, хотя и в процессе изменения, движения его к современному состоянию русского языка.

Однако сопоставительное изучение ряда явлений в языке старославянских, церковнославянских восточной редакции и древнерусских памятников, описание языка памятников по набору признаков обнаружило, что можно говорить о соотносительных, но не совпадающих характеристиках грамматической системы языка памятников церковнославянской (и старославянской) и восточнославянской письменности. И прежде всего это касается наличия / отсутствия сложной системы форм прошедшего времени, а также функционирования форм двойственного числа, оформления временных, условных, императивных, целевых синтаксических отношений.

В 1970–1990-е годы оживляется работа в этом направлении. Так, в 1970-е годы Ц.Г. Янакиева² в результате изучения функционирования форм прошедшего времени в памятниках северо-западной деловой письменности XI–XIII вв. определяет условия, характерные для проявления перфектного, аористного, имперфектного и плюсквамперфектного значений, и приходит к выводу, что в текстах грамот имеются контексты, в которых реализуются не только перфектное, но и все другие значения. Анализ же функционирования форм на -л (по терминологии Ц.Г. Янакиевой — перфекта) в выделенных диагностических контекстах позволяет прийти к выводу, что форма на -л обслуживает не только сферу перфектного значения, но и аористного, имперфектного и плюсквамперфектного значений. При этом в деловой письменности XI–XIII вв. отражается состояние, аналогичное тому, которое известно современному чешскому и словацкому языкам: в общеотрицательных предложениях отрицание ставится при форме на -л.

² См.: Янакиева Ц.Г. Система спрягаемых глагольных форм в языке деловой и бытовой письменности древнерусского Северо-Запада XI–XIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1977.

Дальнейшие исследования³ показали, что такое использование формы на -л характерно не только для северо-западной деловой письменности. Форма на -л как единообразное средство передачи различных оттенков прошедшего времени характерна для смоленских, московских, полоцких, позже — для соловецких и других грамот.

Это свидетельствует о том, что в *древнерусском языке* «система» прошедших времен отличалась от того, что мы имеем в современном русском литературном, лишь способом обозначения лица. И эта ситуация найдет отражение во всех памятниках деловой и бытовой письменности, созданных на Руси, вплоть до Уложения 1649 г., а с конца XVI в. распространится и на язык так называемой демократической литературы и поздних летописей. А следовательно, мы подтверждаем сомнению еще одну легенду — легенду о «падении» сложной системы прошедших времен в древнерусском и старорусском языках с XI по XVI в.

Вместе с тем в системе восточнославянской письменности есть большой корпус текстов, в которых реализуется грамматическая норма, которая знает сложную систему прошедших времен и правильное ее использование. При анализе применения форм прошедшего времени в текстах «правильность» или «неправильность» их употребления сознательно и привычно соотносится с характером использования форм в текстах памятников старославянского языка. Важно обратить внимание на то, что сложная система форм прошедшего времени есть не только в произведениях канонической литературы, в житиях, памятниках ораторской прозы, текстах юридического содержания, переведенных с греческого (Мерило праведное, Закон судный людем, Устав Студийский и под.), но и в летописях, Изборниках 1073 и 1076 гг., повестях (например, Сказание о Мамаевом побоище, Слово о полку Игореве, Хождение Стефана Новгородца и под.), посланиях. Это подтверждает, несомненно, мысль о том, что по-церковнославянски писались не только произведения, переведенные с греческого, не только произведения высокой книжно-славянской культуры, созданные на Руси, но и произведения зарождающейся оригинальной русской литературы. Грамматическая система всех этих памятников характеризовалась наличием правильно используемой сложной системы прошедших времен. В связи с этим приходится признать, что морфологические системы *древнерусского* и *церковнославянского*

³ См.: Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981; Кукушкина О.В., Ремнёва М.Л. Вид и время русского глагола (диахронический аспект). М., 1984; Хабургаев Г.А. Старославянский — церковнославянский — русский литературный язык // История русского литературного языка в древнейший период. М., 1984; Он же. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990; Ремнёва М.Л. История русского литературного языка. М., 1995; и др.

языков кардинально отличались друг от друга отсутствием или наличием сложной системы форм прошедшего времени.

Несомненным является наличие в морфологической системе *церковнославянского* языка категории двойственного числа. Формы двойственного числа используются в памятниках книжно-славянской письменности в известных контекстах двойственности, хотя и с определенным процентом ошибок (9–25%), в основном в анафорическом употреблении, причем процент ошибок не зависит от жанра произведения (так, например, процент ошибок в *Слове о полку Игореве* при использовании форм двойственного числа ниже, чем в *Сказании о Борисе и Глебе*). Такое в основном правильное употребление форм двойственного числа сохранится в книжно-славянской письменности вплоть до XV в. (имеются в виду создаваемые на Руси произведения, а не переписываемые).

В то же время еще В.И. Борковский писал, что с XII в. даже в текстах, отражающих церковнославянское влияние, формы двойственного числа фиксируются в случаях, которые не могут указывать на сохранение самой грамматической категории, ибо являются словоформами, закрепленными речевой практикой (парные существительные и сочетание существительных с числительным «два»). Именно в кругу этих слов авторы и писцы даже в XV–XVII вв. почти не допускают ошибок в употреблении форм двойственного числа, хотя формы согласуемых слов при них оказываются во множественном числе, указывая на то, что авторы текстов, сохраняя устойчивую (фразеологизированную) форму двойственного числа таких существительных, воспринимали ее с категориальным значением множественности, а не двойственности⁴.

В этом отношении интересно употребление форм числа в берестяных грамотах, во вкладной Варлаама Хутынского монастырю (XII в.), в Духовном завещании Климента (XIII в.), в Смоленской грамоте (1229) и др. Формы множественного и двойственного числа в этих памятниках являются допустимыми в тексте грамматическими синонимами⁵, а это значит, что в языковом сознании автора категория двойственного числа отсутствует. Кстати, вероятно, о том же свидетельствуют ошибки при использовании двойственного числа в памятниках книжно-славянской письменности (в ряде памятников каждое четвертое-пятое употребление — ошибка). Думается, что они обуславливаются спецификой языковой системы, которой владеет автор (или писец).

⁴ См.: *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 158–161.

⁵ См. подробнее: *Ремнёва М.Л.* История русского литературного языка: Особенности грамматической нормы. М., 1988; *Она же.* История русского литературного языка. М., 1995.

Итак, со значительной долей достоверности мы можем утверждать, что в ранний период письменности (XI в.) старославянский язык характеризовался достаточно развитой системой форм двойственного числа. Это справедливо и для памятников церковнославянской письменности русской редакции. В то же время памятники древнерусской письменности застают древнерусский язык в том состоянии, когда можно констатировать «падение» категории двойственного числа, а может быть — завершение процесса падения.

В памятниках *церковнославянского* языка достаточно широко распространена конструкция «да + презентная форма» для передачи значения цели. Она используется в этой функции в житиях; см., напр., Житие Нифонта: **и учи възвод тихо, да ти рекоуть члѣци се ксть штыць великъ** (9, 11–14); **блюди оубогыи нифонтѣ. да ти не оукрадетъ пагоубьникъ съвѣтъника дша твоѣ** (10, 3–5). Жития Успенского сборника при оформлении целевых отношений также характеризуются употреблением конструкции «да + презентная форма», наряду с этим возможно использование сочетания «да + сослагательное наклонение», а также вместе с чистой формой инфинитива возможны конструкции «**яко да** + инфинитив», «**яко** + инфинитив». Основным средством передачи значения цели в произведениях ораторской прозы также является конструкция «да + презентная форма»: **положи законъ на проуготование истинѣ и блгдати да въ немъ обыкнетъ члѣско естество** (169 а); **отрши сонъ възведи очи да видиши какоѡ тл чьсти гѣ ти на земли оставилъ** (192 б, Слово о законе и благодати); **и оувѣдавъ дастъ тѣло Иосифу да его погребетъ яко же хощетъ** (Златоуст, Похвальное слово Иосифу) и под.

В *восточнославянских* грамотах используется иная система передачи значения цели (общей для языка древнерусских и церковнославянских памятников является лишь возможность использования в данном значении инфинитива и супина, — таким образом, их наличие / отсутствие не маркирует текст). В списках готландской редакции Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом для передачи значения цели используется конструкция **аж (ажѣ) бы...** форма на -л: **пре сеи миръ троудилася дъбрни людик аж бы миро былъ** (Смоленская грамота, 21). В договоре неизвестного князя с Ригой и Готским берегом значение цели передается либо супином, либо конструкцией «**ать** + презентная форма»: **тъ ли еметъ хытрити а поставити и предъ судью ать выдасть и судъ** (45–47). В Русской Правде и в Духовном завещании новгородца

Климента находим случаи оформления значения цели конструкцией «отъ (отъ) + презентная форма глагола»: **а жена мо пострижеть сѧ въ чернице то выданте кси четверть штъ не боудеть голодна** (Духовное завещание новгородца Клементя до 1270 г., 27); **а шному дати лице отъ и деть до конечнаго свода** (Русская Правда, 337–338). В берестяных грамотах используется союз **дать** в значении *пусть, чтобы*. В качестве синонима союзу **дать** выступает союз **добро**. Превращение слова *добро* в целевой союз является, очевидно, новгородско-псковской инновацией, поскольку только в этих регионах он выступает в четком целевом значении, в роли же уступительного и условного союза это слово может выступать и в других диалектах⁶.

Таким образом, и грамматическое значение цели оформляется в церковнославянском и древнерусском языках по-разному.

По-разному в церковнославянских и древнерусских текстах оформляется и значение императивности.

Основным средством оформления значения императивности является, конечно, повелительное наклонение, имеющее место в грамматической системе обоих языков. Однако в *книжно-славянских* памятниках значение приказа, распоряжения, пожелания передается не только формами императива, но и конструкцией «да + презентная форма». В памятниках *деловой* письменности — договорных грамотах, уставах, уставных грамотах — значение необходимости совершения действия передается инфинитивной формой или супином: **око. роука. нъга. или инъ что люво. по пати гривньъ сѣрѣбра платити** (Смоленская грамота, 21); **роусиноу не звати. латина на полѣ битъ сѧ. оу роускои земли** (Смоленская грамота, 35) и под. Кроме того, возможна передача императивного значения посредством конструкции «ать (отъ) + презентная форма глагола»: **или нѣмечьскыи гостъ иметь сѧ бити межю собою в рѣси... то не надобе никакому рѣсину ать правать сѧ по суду** (Смоленская грамота, список D, 56).

При обозначении времени протекания действия, для называния определенного временного отрезка в *книжно-славянской* письменности используется прежде всего конструкция дательный самостоятельный (далее — ДС), являющаяся устойчивым признаком церковнославянской грамматической нормы. Конструкции, пере-

⁶ См.: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

дающие временные значения, близкие тем, которые оформляются ДС, включаются в текст и посредством союзов **кгда** и **тако**.

Вполне естественным и ожидаемым является отсутствие в языке памятников *деловой* письменности конструкции дательный самостоятельный; не употребляются в таких текстах и союзы **кгда** и **тако**. Для грамот в принципе характерна условная структура как основа текста. Однако в повествовательной части грамот — в начале и частично в заключении — есть случаи использования временных конструкций с союзами **како** и **коли**: **како придѣтъ гость латинескии оу городѣ с волока дати имѣ княгини поставѣ частины** (Смоленская грамота, 73; Смоленская грамота, список В, 125–127; Смоленская грамота, список С, 52–53); **а се га всеволодѣ далѣ ксмѣ блюдо велѣлѣ ксмѣ бити в нѣ коли игоуменьѣ обѣдаѣтъ** (Мстиславова грамота, 15–18).

Условные конструкции в языке *книжно-славянских* памятников повествовательного жанра широкого распространения не имеют. Особое место среди таких памятников занимает Изборник 1076 года, основная часть которого — поучения. Условная конструкция оформляется посредством союза **аще**. Аналогичную картину мы находим во всех произведениях, в которых реализуется строгая грамматическая норма.

Исследование материала *деловой* письменности показывает, что некоторые грамоты характеризуются широким использованием союза **аще** (списки торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом), как и памятники книжно-славянской письменности. В целом же для восточнославянских грамот XI–XIV вв. при оформлении условных конструкций характерны союзы **оже**, **аже**, **или**, **ли**, **атче**, а также бессоюзная связь. Новгородские берестяные грамоты по набору условных союзов несколько отличаются: в них используется союз **атно** в значении *если, если же*⁷: **да в рѣблѣ и .Г. гривны (sic!) дастѣ лковѣ, атно се замѣшете Млхалѣ братѣ кто дастѣ серебро двок; ати** (более ранний вариант от **ать**): **ати бѣудѣ война и на мл почьнѣ, а молитеса гостѣтѣю кѣ кѣназю.**

Характер оформления условных конструкций к середине XIV в. в грамотах меняется. Значительному набору условных союзов в ранних грамотах соответствует широчайшее распространение конструкции без употребления условных союзов типа **а который**, **кто**, **гдѣ**, ставшей основным средством оформления условного значения. Единичным является использование союзов **аже**, **коли**, **бѣудѣ**, **ци**.

⁷ Там же.

Таким образом, параллельное рассмотрение важных фрагментов грамматической системы восточнославянского и церковнославянского языка (система форм времени глагола, категория числа) и синтаксических средств оформления того, что в целом можно назвать «сложно-подчиненными отношениями» (ведь то, что мы называем условными, целевыми и т. д. конструкциями, в другой системе описания можно назвать сложноподчиненными предложениями с соответствующими придаточными), обнаруживает, что древнерусский и церковнославянский — языки родственные, коррелирующие по набору элементов, по характеру грамматической системы, но не совпадающие по морфологическим и синтаксическим характеристикам. При этом на данном этапе развития языков (XI–XIV вв.) мы не можем рассматривать эти черты, обособляющие системы, просто как средство маркирования языка произведений, в которых реализуются разные типы нормы. Мы говорим об объективно существующей специфике грамматических систем двух древних славянских языков — южнославянского (зафиксированного в старославянских и церковнославянских памятниках) и восточнославянского (зафиксированного на раннем этапе в памятниках восточнославянской деловой письменности).

Список литературы

- Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Кукушкина О.В., Ремнёва М.Л.* Вид и время русского глагола (диахронический аспект). М., 1984.
- Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Ремнёва М.Л.* История русского литературного языка: Особенности грамматической нормы. М., 1988.
- Ремнёва М.Л.* История русского литературного языка. М., 1995.
- Хабургаев Г.А.* Старославянский — церковнославянский — русский литературный язык // История русского литературного языка в древнейший период. М., 1984.
- Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Янакиева Ц.Г.* Система спрягаемых глагольных форм в языке деловой и бытовой письменности древнерусского Северо-Запада XI–XIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1977.

Сведения об авторе: *Ремнёва Марина Леонтьевна*, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, декан филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dekan@philol.msu.ru

М.В. Всеволодова

**КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ:
ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И КВАНТИТАТИВЫ**

Основные положения статьи: 1. В славянских грамматиках требует серьезной проработки грамматика числительных; 2. Славянские числительные в сочетании с существительными образуют определенную морфо-синтаксическую целостность — количественно-именные группы, или квантитативы (в том или другом виде существующие и в других языках), — специфически ведущие себя в синтаксисе; 3. В категории числа славянских существительных рационально наряду с единственным и множественным числом выделять и счетное множество. Эти положения показаны на ряде системных для разных славянских языков языковых явлений, некоторые из которых в нашей грамматике не отражены.

Ключевые слова: количественность, числительное, квантитатив, морфо-синтаксис, категория числа существительных.

Three main points of the article are as follows: 1. In the grammars of Slavic languages the grammar of the numeral requires thoroughly working through; 2. Slavic numerals when combined with nouns form a certain morphosyntactic global whole — i.e. quantitative-nominal groups, or quantitatives (existing in this or that shape in other languages, too) which behave in particular ways in syntax; 3. It would be rational to single out a countable multitude in the category of number in Slavic nouns, besides the singular and the plural number. These points are demonstrated and illustrated with a number of linguistic phenomena systemic for different Slavic languages. However, some of those phenomena are not reflected in our grammar.

Key words: quantitateness, numeral, quantitative, morphosyntax, the category of number in nouns.

Об общих принципах представления материала. В современной лингвистике важное место занимает функциональная грамматика, в рамках которой есть разные модели языка, обусловленные конкретными лингвистическими приоритетами исследователей. Общеизвестна школа А.В. Бондарко, основные достижения которой представлены в шеститомной «Теории функциональной грамматики» (далее — ТФГ) [ТФГ, 1986–1996, 1–6] под его редакцией. Эта модель языка, заявившая о себе в конце 1960-х годов [Бондарко, 1967], дала инструмент описания грамматики в теснейшей и необходимой связи с выражением ею внеязыковых содержательных категорий. Концепция функционально-семантических полей/категорий (ФСП и ФСК)

стала основой анализа и описания языка не только в рамках школы А.В. Бондарко.

Важное место в русистике занимает модель функционального (коммуникативного) синтаксиса Г.А. Золотовой, оформившаяся в начале 1970-х годов [Золотова, 1973], основной задачей которой является создание адекватного инструментария анализа языка художественной литературы. Разработанные Г.А. Золотовой языковые единицы (ЯЕ) — синтаксические формы слова, понятие изосемии/неизосемии, регистры текста и ряд других понятий позволяют на принципиально другом уровне, нежели в рамках традиционной грамматики, понимать и анализировать язык, в том числе и в прикладных целях.

Свое место в рамках функциональной грамматики заняла функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка — прикладное направление, еще в начале 50-х годов осознанное преподавателями русского языка как иностранного (РКИ) именно как грамматика функциональная, т.е. описывающая функционирование языка как средства общения, коммуникации, в том числе и в целях обучения русскому языку как иностранному [Амиантова и др., 2001]. Именно в этих целях Е.А. Брызгуновой была разработана концепция интонационных конструкций (ИК), без которых оказалось невозможным корректное представление категории актуального членения В. Матезиуса [Ковтунова, 1976] как (в отличие от неславянских языков) инструмента категории предикации (предикцирования, не предикативности) — главной грамматической категории русского предложения-высказывания [Кацнельсон, 1971; Лекант, 1974], без чего на современном уровне невозможно адекватное описание русского предложения-высказывания [Янко, 2001; Кодзасов, 2001].

В рамках прикладной модели выявлены категории, до сих пор не получившие соответствующего толкования и описания в теоретической грамматике, но необходимые для адекватного представления языка при обучении русскому языку инофонов, в первую очередь в среде общения, т.е. в пределах России. Специфика именно этого аспекта состоит в том, что учащийся слышит вокруг себя: в научных, деловых и личных контактах, в обыденном общении гораздо более богатую и разнообразную речь, нежели это представлено в нашей традиционной грамматике, базирующейся, главным образом, на языке художественной литературы и так называемом общелитературном языке.

В последние десятилетия (с середины 1980-х годов) принципиально изменилась стилистическая структура русского языка. На смену низкому, среднему и высокому стилям времен М.В. Ломоносова и общелитературному и просторечному послепушкинских времен, пришли функциональные стили, что первыми почувствовали преподаватели РКИ еще в 1960-е годы, когда поняли, что, во-первых, есть

понятие «синтаксис научной речи» [Лариохина, 1964, 1965, 1979], а во-вторых, что язык каждой науки специфичен и языковой материал, необходимый студентам-физикам и студентам-географам или биологам, медикам, военным, юристам, значительно разнится.

Примечание. Сейчас осознано полноправие и функционального стиля делового общения, сформировавшегося, очевидно, гораздо раньше многих других стилей, который, однако, еще в недавнем прошлом как необходимая составная нашей речи не воспринимался (вспомним ругательное «канцеляризм»)¹, но которому сейчас тоже нужно уделить.

Практически неправомерно по отношению к носителям языка говорить о просторечии: везде с малых лет слушают радио и смотрят телевизор, не говоря об обязательном 9-летнем среднем образовании. Можно говорить о спонтанной речи (термин Т.М. Николаевой [Николаева, 2008]), или о языке естественного общения [Булыгина, Шмелев, 1997]. Поэтому нам сейчас для анализа и описания нужен весь язык, и актуальной становится концепция А.М. Пешковского о создании объективной (а не только нормативной) грамматики [Пешковский, 2010]. Эта концепция подразумевает наряду с привлечением материала разных функциональных стилей и языка естественного общения, и анализ непроработанных еще областей грамматики (к которым относится и числительное не только само по себе, но и как компонент синтаксической формы слова и как фактор в структуре предложения).

В последнее время в русистике наиболее популярны когнитивистика и концептология, несомненно важные и нужные направления. К сожалению, для многих наших коллег грамматика ушла на задний план и не представляет интереса. Вместе с тем и когнитивистика, и концептология «живут», в первую очередь, в грамматике, о чем И.И. Мещанинов писал еще в 1945 г. [Мещанинов, 1945]. И без углубленного изучения грамматики эти науки не смогут стать частью фундаментальной грамматики, которая нам очень нужна и которой у нас пока еще нет ни для одного языка². Проникновение грамматики в национальную концептуализацию мира прекрасно показано уже в работах С.Д. Кацнельсона «Типология языка и речевое мышление»

¹ В свое время на одной из конференций после доклада об описательных предикатах (коллокатах) у Ю.Д. Апресяна типа *решать* — *заниматься решением* (*проблемы*) нас с негодованием спросили: Чем вы занимаетесь? Ведь это канцеляризм, которые нужно выжигать из языка. Но в любом договоре фирм о сотрудничестве возможно только: *Фирмы осуществляют сотрудничество* (а не: *сотрудничают*). Да и язык любой науки невозможен без таких образований. Не говоря уже о том, что это — лингвистическая универсалия.

² Мне иногда делают замечания, что первым об отражении действительности в языке писал еще Уорф в 1931 г. В 30–40 годы об этом писали Брюно и Есперсен, последний в [Есперсен, 1958/2006] в примечании к 3-й главе. Интересно сопоставить это примечание и статью И.И. Мещанинова, чтобы понять всю «огромность» и диапазон понимания этой проблемы И.И. Мещаниновым по сравнению с другими авторами, думается, до сих пор нашей лингвистикой не оцененные.

(1972), Н.Д. Арутюновой «Предложение и его смысл» (1976) и «Типы языковых значений» (1988); в фундаментальной работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» (1997) и мн. др. Будем надеяться, что эта концепция получит развитие.

А.М. Пешковский, в принципе, опирается на концепцию Гумбольдта о том, что человек живет в круге своего языка и выйти из него может только в другой язык [Humboldt, 1841–1852], с чем был согласен и А.А. Потебня [Потебня, 2010]. Другими словами, носитель языка может нарушать норму, но не может выйти за пределы системы своего языка. Все кажущееся нам неправильным в речи носителей языка не выходит за рамки системы данного языка, и лингвисты, должны эту систему знать. Наряду с традиционными грамматиками, направленными на культуру речи и общее образование, для того чтобы иметь адекватное представление об объективном положении дел в языке, чтобы понимать, объяснять и прогнозировать возможные изменения в языке, нам нужна и грамматика «внутрилингвистического пользования». Сейчас такой грамматики нет. Материалом для нее должен служить язык в полном его объеме. Эта концепция отнюдь не отрицает и не снижает понятия нормы. Наоборот, она позволяет находить способы поддержания нормы, понимать причины ее изменения и прогнозировать их. Для такой грамматики нужны не только факты языка нашего естественного общения, но и синтез, и осмысление результатов исследований наших коллег за последние десятилетия, иногда, вроде бы, не связанных между собой и написанных в разных моделях языка, но в синтезе позволяющих понять и объяснить определенные явления в языке из, казалось бы, совсем другой области. Приведем один пример. В монографии [Шувалова, 1990], посвященной сложному предложению, показано, что в предложениях с придаточным условия при контролируемом действии синонимичны союзы *если/в случае, если/при условии, что/при условии, если: Мы пойдем в парк, если с нами пойдет папа/ в случае, если с нами пойдет папа/ при условии, что с нами пойдет папа / при условии, если с нами пойдет папа*. Для неконтролируемого действия возможны только союзы *если/в случае, если: Мы пойдем в парк, если /в случае, если у Миши не поднимется температура*. Но не возможны два других: **Мы пойдем в парк при условии, что /при условии, если у Миши не поднимется температура*. В монографии [Булыгина, Шмелев, 1997] рассматривается ряд синтаксических образований, где эта оппозиция релевантна, в частности, условия переносного употребления форм настоящего времени глагола в значении будущего, и выявляется, что переносное употребление возможно для глаголов со значением контролируемого действия типа *Завтра мы*

идем в парк; *Через год мой сын кончает школу*. И невозможно для неконтролируемого действия типа: **Скоро идет дождь; *Завтра у сына болят зубы*. Сходная (и вполне предсказуемая) картина в англ. и др. языках: ср. *We are leaving next night*, но не **It is raining soon³?*. И значит, категория контролируемости/ неконтролируемости действия релевантна для разных разделов русской грамматики и заслуживает самостоятельного изучения и представления, но пока в составе «официальной» грамматики как таковая не выделена.

Сейчас мы уже можем говорить, с одной стороны, о более широком понимании грамматики, рассматривающей все уровни языка в единстве их функционирования, ср. такие понятия, как морфонология, морфосинтаксис и под., рассмотрение лексики как «рабочего тела» грамматики, без которого грамматика не существует, а с другой — не просто о грамматике русского языка, а о грамматике конкретных частей речи (ЧР) и конкретных категориальных классов слов. Одной из таких грамматик, пока не имеющей адекватного описания в славистике, является грамматика числительного, причем не только самого по себе, но и как ЧР, функционирующей в синтаксических построениях, то есть, на уровне морфосинтаксиса и собственно синтаксиса. Как было показано на примере категории контролируемости / неконтролируемости, языковые категории разных уровней имеют зоны взаимодействия и пересечения. В случае с числительными такой зоной пересечения представляется нам расширение формообразования Им. п. мн. ч. слов мужского рода на *-á* типа *домá*, как реликт форм двойственного числа (на этот счет есть и другие мнения, см. [Зализняк, 2002]), и, думается, это тоже проблема современной грамматики, в том числе и нормативной. И, наконец, все мы наблюдаем расширение «неправильного» употребления числительных. Что оно неправильно в рамках нашей нормы, нет сомнения. Но увидеть и проанализировать этот процесс, думается, мы должны. Это тоже один из разделов статьи.

Представим некоторые наблюдения (и наши, и других авторов) в следующем порядке: 1. Общие замечания о числительном как части речи; 2. Замечания о категории квантитативности; 3. Специфика славянского квантитативна; 4. Влияние категории двойственного числа на формы Им. п. мн. ч. некоторых существительных муж. р.; 5. Проблемы нарушения нормы в категории числительных.

1. Общие замечания о числительном как части речи

Практика профессионального общения показывает, что среди русистов нет единства взглядов на понятие «часть речи» (ЧР). Так, одни считают, что причастия и деепричастия — самостоятельные

³ Я благодарю за этот пример О.А. Смирницкую.

ЧР, другие — что это формы глагола⁴. В практике РКИ эти формы рассматриваются в рамках системных отглагольных образований. Но вместе с тем осознаются и как специфическая ЧР. Материал показывает, что выведение в самостоятельные ЧР только причастий и деепричастий, как форм, морфологически отличных от базовой формы, нелогично, поскольку разряды в других ЧР тоже не всегда изоморфны базовой форме. Действительно, русские прилагательные наряду со склоняемыми и согласуемыми сочетаниями слов *более высокий, самый высокий*, дают компаративы типа *выше/скорее*, и суперлативы-сочетания (с/с) *выше всех/скорее всех*, полностью совпадающие с компаративами и суперлативами наречий и относящиеся к классу неизменяемых. Форма инфинитива осознается русистами как исходная форма категории спряжения, как базовый представитель всех членов словоизменительной и словообразовательной глагольной парадигмы. Вместе с тем сам инфинитив есть неизменяемая форма, как, например, и наречия. Вспомним, что в «Грамматике» М.В. Ломоносова представителем глагола является первое лицо ед. ч. настоящего/будущего простого времени, а инфинитив занимает десятую позицию в реестре глагольных форм. В болгарском языке форм инфинитива нет вообще, и именно форма первого лица ед. ч. настоящего времени и есть словарный представитель данной лексемы.

Класс числительных, включающий три разряда: количественные, собирательные и порядковые, — тоже представлен морфологически разными разрядами. И здесь есть некоторые моменты, требующие осознания и обсуждения.

1. Что касается количественных числительных, то здесь выделим три случая.

1) В этом разряде наряду с собственно числительными системно используются слова *ноль, тысяча, миллион, миллиард* и выше, не имеющие другого способа выражения количества. Некоторые исследователи делят такие слова на два разряда: существительные и числительные [Валгина и др., 2002]. Но, опираясь на положение М.В. Панова о том, что частеречная принадлежность слова определяется только на основе его морфологических характеристик [Па-

⁴ В 1980-е годы на защите кандидатской диссертации по методике введения русских причастий в таджикской аудитории я спросила диссертантку, есть ли у нее алгоритм образования форм причастий. Она ответила, что есть, но он очень сложный. (Наша практика показала, что это достаточно простые алгоритмы, не совпадающие с данными в традиционных грамматиках.) Руководитель диссертационного совета академик Н.М. Шанский спросил у меня: «Причастия — это часть речи?» Я ответила утвердительно, на что он сказал: «Если причастия — это часть речи, то, о каком образовании может идти речь? Пусть запоминают как словарную единицу, пословно». Думаю, ни один преподаватель-практик с этим не согласится. В 2008 г. на защите докторской диссертации Ф.И. Панковым его первый оппонент Е.В. Красильникова поставила ему в упрек, что он вводит причастия и деепричастия в состав ЧР, в то время, как это только формы глагола.

нов, 1999], мы должны признать их существительными и только существительными. Но кроме них в речи системно выступают в количественно-именных сочетаниях и такие слова как *тройка* < три; *пятерка* < пять, *десяток*, *десятка* < десять, *сотня* < сто и под.: *Двойку мальчиков не разглядела. На высоте кроме пулеметчиков остался десяток солдат. Из сотни детей мой сын вышел в десятку мальчиков, которым предложили прийти на следующий отборочный тур через 2 дня. Две сотни головоломок.* Все они имеют категорию рода и соответственно согласование с ними определений: *Москва покинула не только первую тройку, но уже и первую двадцатку самых дорогих городов мира. Кстати хоть одну золотую медаль финны-то возьмут на Олимпиаде, или так и будут в третьем десятке с Эстонией соревноваться?*; имеют категорию числа: *сотня* — *сотни*, *десяток* — *десятки*, *тысяча* — *тысячи*, полную падежную парадигму обоих чисел. Разумеется, эти существительные могут иметь и предметное значение, например, названия денежных купюр и монет: *Две мятые сотни и горсть мелочи. Армия Спасения собирает пожертвования. Я опустил десятку в запечатанную банку и прошел в Мол.* Или названия номеров транспортных средств: *Если бы он ехал на двойке, то убедился бы, что двойка стоит в тех же пробках что и четверка, и укачивает там, как и в четверке.* Но эти употребления в данном случае нас не интересуют. Важно, что такие существительные системно выступают и в функции, свойственной числительному.

То, что эти существительные воспринимаются нашим языковым сознанием как представители категории количественности, показывает синтаксис, в частности, вариативность глагольных форм в функции сказуемого. Приведем примеры.

В норме существительные в позиции подлежащего сопрягаются с соответствующей формой числа глагола: *И вот в кабинет вошла первая пятерка. Так, в бесконечных битвах, прошла тысяча лет. Явилась сотня каскадеров. Уже десяток лет прошел с того момента. Десятки лет прошли; их сосчитать нетрудно. В течение двух дней на двух сценах выступают десятки исполнителей различных музыкальных форматов. Так прошли сотни лет. Пройдут тысячи лет.* Но в квантитативе в принципе возможны обе формы числа глагола: *Тревожное подсознание подсказывало: после меня тоже пройдет три тысячи лет. Пришло три сотни человек. Перед нашими глазами сменяются семь династий, пройдут три тысячи лет истории Поднебесной. На ледовой арене выступили три сотни профессиональных фигуристов, артистов и певцов.* Но в речи, в том числе в художественной литературе, отмечены и другие реализации:

1. Им. п. ед./мн. ч. существительного + ед. ч. глагола (в прош. вр. — ср.р.): *Хоть **тысяча лет** прошло, ср. прошла тысяча лет. Сколько раз ты уже погиб, растворился, умер, переродился в тень. Сотня лет прошло. Смотри, уже **десяток лет** прошло, как постригли меня в монахи, и бросил я совсем эту пагубу. Ср.: **Миллионы лет** прошло, прежде чем нашла себе щелку на берегу океана и пронзила ее корешком живая травинка на планете (В. Астафьев), ср.: миллионы лет прошли. Он совершает маленькую прогулку на несколько дней, путешествуя почти со скоростью света, но когда он вернется, на Земле **пройдет тысячи лет** из-за замедления времени. Они ждут, когда **пройдет сотни лет**, и мы поумнеем и все расшифруем.*

2. Ед. ч. существительного + мн. ч. глагола: ***Десяток лет** прошли, как день. В нонтанах каждый день **проходят десяток** уличных торговцев. **Проходят сотня лет**, и языческий Рим распинает мужика только за то, что он говорил слишком много умных и добрых вещей. **Прошли тысяча лет** со времени разделения. Вот так и была основана династия, кстати, правящая в Японии и поныне. И когда же **прошли тысяча лет**, в 1966 году он (праздник) стал считаться государственным. **Тысяча человек написали «Тотальный диктант».** **Прошли миллион лет**, прежде чем возникли современные гигантские человеиники из десятков сотен миллионов человек. При всей возможной «ненормативности» последних предложений, они, во-первых, логично объясняются восприятием квантитатива как единого названия множества; и, во-вторых, отнюдь не воспринимаются как «просторечие». Очевидна системная изоморфность ед. / мн. ч. форм глагола. Налицо — глубокое пересечение двух именных категориальных классов: существительных и числительных, объяснимое полевой структурой языка, где множества дискретных единиц пересекаются.*

3. Пересечение этих двух классов выявляется и в том, что слова типа *тысяча* в одних и тех же контекстах осмысливаются говорящим как собственно существительное — главное слово словосочетания (далее «слово»), при котором зависимое имя стоит в Родительном приименном (далее «словоформа»), и как числительное, см., например: *Раскопки, проведенные на вершине горы, обнаружили древнее культовое сооружение, **украшенное около сорока одной тысячью наскальных рисунков.** И в частности, все те истории, где мы показываем саму Церковь, священника, который усыновил 120 детей или который не дал сделать аборт **двум тысячам матерей.** И ср.: *Не сделаны аборты более чем **двум тысячам матерям,** где «словом» является существительное *матери*, а числительное согласуется с ним в функции «словоформы». Оба одинаковых по содержанию предло-**

жения принадлежат одному человеку. То же явление отмечено и для слова *сто*, см. ниже.

4. Как известно, в рамках класса количественных числительных выделяются три морфосинтаксических типа: простые *пять*, *сорок*, *сто*; сложные *одиннадцать*, *двадцать*, *пятьдесят*, *девяносто*; составные, представленные уже фактически словосочетаниями: *двадцать три*, *сто девяносто семь*. В восточно- и западнославянских языках составное количественное числительное не имеет внутри себя служебных единиц (но допускает в других разрядах), в южнославянских присоединяет названия единиц союзом **и** (i), ср. хорватское: *sto četrdeset i jedan stol*. То же наблюдаем и в немецком языке: *einundzwanzig*. И значит, уже само составное числительное есть морфосинтаксическая единица — определенный тип сочетания слов. Наше разделение языка на уровни с жесткими границами не всегда адекватно. Все эти типы — склоняемые имена.

Примечание. Отметим, что числительное **сорок**, отличающееся структурно от числительных *двадцать*, *тридцать*, и числительное **девяносто**, отличающееся от *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемь-десят*, — есть только в восточнославянских языках: русском, украинском и белорусском. Во всех трех языках они имеют те же формы: *сорок* Им. и Вин. п. — *сорока* — все косвенные, кроме белорусского *девяноста* во всех падежах, что связано с принципами белорусского письма, опирающимися в основной массе случаев на фонетику. Во всех других славянских языках это формы, аналогичные всем другим: в сербском и хорватском **чтердесет**, **деведесет**; в польском — **czterdzieści** **dziewięćdziesiąt**. Слова **четыредесате**, **четыредесати** и **девяносто** были в русском языке XI–XVII вв. [Шапошников, 2010, 1: 212; 2: 357] Относительно этимологии **сорок** и **девяносто** см. [Фасмер, 2009; Преображенский, 1910–1914] и др.

5. В разряде собственно количественных числительные **один**, **два** согласуются по роду: *один стол*, *одна рука*, *одно окно*, *два стола/окна*, *две руки*. В старославянском языке слово (в современной транскрипции) **единь** в значении числа склонялось по образцу местоимения *той*, равно как и слова **два**, **оба** [Плетнева, Кравецкий, 2012: 131–132]. А в значении *некий*, *некоторый*, имело формы числа и наряду с краткой — полную форму, ср. наши *единый*, *единая*, *единое*, *единые*, и склонялось как прилагательное. Впрочем, думается, что в случаях типа *один глаз*, *одна рука*, *одно ухо* и в те времена выступало собственно числительное. Причем они сохраняют это качество и в составных числительных типа *двадцать один новый стол* — *двадцать одна детская рука* — *двадцать одно заказное письмо*, *сорок два новых / новые стола* — *сорок две детские / детских руки*. Склонение этих числительных, как и числительных **три**, **четыре**⁵, несомненно адъективное. Как видим, вопрос классификации ЧР достаточно сложен.

⁵ Интересно, что в [Плетнева, Кравецкий, 2012] говорится о «словах, обозначающих числа», и не употребляется слово «числительное», поскольку в то время эта категория как часть речи у славян еще не сформировалась.

Помимо количественных, в грамматике выделяются следующие классы числительных:

6. Собираательные типа *двое, пятеро*, которые, очевидно, тоже можно отнести к именам: они склоняются, не согласуются и управляют *Нр: трое внуков, семеро саней*;

7. Порядковые типа *первый, двадцать второй* — склоняемые согласуемые адъективы. «Русская грамматика» 1980 г. [РГ-80], как известно, выводит порядковые числительные в разряд порядковых прилагательных, с чем мы принципиально не согласны и считаем их собственно числительными.

8. Комплексные Как известно, в ГРЯ-52 в состав собственно числительных входят и дробные числительные, которые ГРЛЯ-70 и РГ-80 из разряда частей речи вообще исключают, относя их к словосочетаниям (с/с). Вместе с тем образований, подобных дробным числительным и включающим составные числительные, т. е., с/с, несколько. Поэтому весь этот разряд мы отнесли к количественным числительным [Всеволодова, 2010; 2012 б, в, Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013], и теперь видно, что в рамках количественных это самостоятельный разряд, во-первых, включающий несколько подразрядов, а во-вторых, даже при обозначении числа (а не количества) выступающий в форме квантитатива, т. е. с/с, где есть грамматически главное «слово» и зависимая «словоформа». Это зона пересечения категорий числа и количества.

Комплексные числительные представлены следующими подразрядами: дробные, степени, величины (размера), пропорции и диапазона, соотнесенности со временем (скорость, регулярность, частотность).

1) Дробные типа *одна седьмая; пять целых и три восьмых* (подразумеваются доли единицы), см.: *Ноль целых одна десятая процента. Весит одно зерно 0,03 (ноль целых три сотых) грамма*. В них соседствуют собственно количественные, порядковые (простые, сложные, составные) числительные и субстантивные единицы типа *часть, доля, целая*, само наличие которых (пусть и в нульформе) объясняет употребление числительных *один, два* в форме ж.р.: *пять целых одна седьмая; пятьдесят пять целых тридцать одна сорок первая; три целых две пятых; четыре целых две десятых*. Ср. системную вариативность при *две, три, четыре: Одна целая и две десятые. — Сколько будет если одну целую две десятых перевести в дробь?*

2) Обозначение степени: *Ближайший мир, населенный двойниками землян, — шар радиусом сто световых лет, — располагается на расстоянии десять в степени десять в девяносто первой степени (10^{10} и в 91 степени) метров... Вероятность получается, примерно, со степенью десять в минус двести с лишним*. На семинаре по матанализу: *«Упрощенно это будет равно семь двадцатых в степени три*

двадцать первых в степени четырнадцать третьих, умноженному на тридцать двадцать пятых в степени...»

3) Обозначения величины, разного рода размеров — линейных, площади, объема: *В этом игроке — два метра двадцать пять сантиметров роста. Взрослая яблоня таких сортов (...) будет занимать площадь примерно восемь на шесть метров. Скала в четыре человеческих роста, на ее краю камень два на три и на три метра, снизу.*

4) Отношения пропорции и диапазона: *Один к семи — это соотношение болельщиков нашей команды по половому признаку. По статистике, соотношение женщин и мужчин, страдающих мигренью, — примерно, пять к двум. Рыба-король довольно крупная и может достигать в длину три — пять метров. Количество участников: пять — семь человек. Температура в десять — пятнадцать градусов Цельсия является оптимальной для кристаллизации меда.*

5) Соотнесенность со временем: скорость, регулярность. Числительное *один* может быть в славянских языках опущено, во многих других — обязательно. *Прирученные киты-убийцы могут развивать скорость 38 км/ч (тридцать восемь километров в час). На протяжении всей жизни человеческое сердце усердно трудится, совершая от пятидесяти до ста пятидесяти ударов в минуту. 15 фраз с частотностью от 3 999 до 1000 и 5 фраз с частотностью от 999 до 0. С места до скорости сто километров в час разгоняется за три секунды. Одиннадцатого января (...) выжили на запланированную пропускную способность — сорок человек в час.*

9. Наречные единицы типа *вдвое, втрое*, ср.: [Зарплата] *Вдесятеро* меньше, чем у приличного специалиста с высшим образованием. *Вдвадцатеро* меньше, чем у кандидата наук на частной работе (Интернет)⁶. Ср. также единицы типа *вдвоем, впятером*.

Слова *много, немного, мало, немало, достаточно, недостаточно, несколько, сколько-то*, как известно, имеют две частеречные реализации: 1) наречие в случаях типа *много работать, мало читать*; см.: *Отель несколько уставший, номера со старой мебелью*; 2) числительное, требующее в русском и большинстве славянских языков *Нр*⁷: *много книг, мало воды, несколько роз*. Сюда же относятся многие, немногие, некоторые (несомненные адъективы)⁸. У них две падежные

⁶ Примеры, взятые из Интернета, в дальнейшем не маркируются.

⁷ Мы пользуемся обозначениями падежных форм существительного символами *Ни* — именительный, *Нр* — родительный, *Нд* — дательный, *Нв* — винительный, *Нт* — творительный, *Нп* — предложный, *Нк* — любой косвенный падеж без предлога или с предлогом. Соответственно для числительных — символом *Num* с соответствующим маркером.

⁸ Семантический аспект слов *всякий, каждый, любо, некоторые, все, мало, немного* и пр. прекрасно описан в разделе Логические операторы в естественном языке, в главе 1. Механизмы квантификации в естественном языке и семантика

парадигмы: *со с/с большое/небольшое количество* и с существительным множество (за эту подсказку спасибо О.Б. Сиротининой). Как показали курсовые и дипломная работы Анастасии Петровиц (научный руководитель Ф.И. Панков), у них своя падежная парадигма, не представленная в нашей грамматике. В частности, для числительных **много, немного, мало, немало** падежная (словоизменяемая по своей сути) парадигма ущербна⁹ и представлена в косвенных падежах дескрипциями со словами-экспликаторами **количество, число** и прилагательными *большое, небольшое, малое, некоторое*, системно выступающими в анафорической позиции: *В его работе много ошибок. Из-за большого количества ошибок ему поставили двойку.* Но и в других позициях также: *Дело в том, что на рассмотрение экспертов поступает слишком много заявок. — В связи с большим количеством заявок поступления в наш садик — мы планируем открыть еще 3–4 садика. — И еще немного показателей. — К первому типу относятся приборы, выполняющие анализ по небольшому числу показателей. — На этот раз — совсем мало признаков драмы. — Остерегайтесь малого количества признаков схемы защиты. — С самого начала берется установка на отыскание малого числа признаков большой информативности. — Мы сможем найти достаточно читателей. — Основные идеи оказались важными для достаточного числа читателей.* (Для носителей неславянских языков типично употребление определения *многие, немногие*: **Около дома стояли многие машины. *Из-за многих ошибок ему поставили двойку.* В русском же *многие*, как представляется, имеет коннотацию ‘большая часть, но не все’.)

Сами эти дескрипции имеют свою полную падежную парадигму, т. е. выступают, помимо *Нк*, и в *Ни*, и *Нв*: *Для задач эволюции жизни это очень высокая вероятность и очень малое число признаков. Несмотря на все преимущества капота второго типа, некоторое число машин получило первый капот. В нашем распоряжении достаточное количество машин. Используйте малое количество повторов.* Налицо пересечение двух множеств (составов двух парадигм разных ЯЕ), что объясняется полевой устроенностью языка, и сам факт такого пересечения, в грамматиках не представленный, думается, имеет свои реализации и в рамках других ЧР.

Примеры парадигмы со словом **множество**: *И есть много случаев заболевания кишечника или др. болезни от парного молока. — Во множестве случаев стойку можно даже менять.*

количественной оценки в [Булыгина, Шмелев, 1997: 193–207.] Нам нужен и аспект грамматический.

⁹ Парадигма у слова может быть ущербной, см. словоформу **щец** (*Мне бы щец погорячее*), не имеющей других реализаций. Ущербная парадигма есть у глаголов, см. *сидеть = сажу, но висеть — ?*

Числительные сами по себе обычно используются при обучении счету. В общении же они используются при определении количества предметов, явлений, признаков, и выступают в сочетании с существительным. Представим этот аспект проблемы.

2. Замечания о категории квантитативности

1. В нашей грамматике и в грамматике вообще категория количественности рассматривается в первую очередь в рамках проблемы форм числа существительного и их значений, а также форм числа других ЧР¹⁰. (Кроме [ТФГ-5, 1996] см., например, [Крылов, 2005], где выявлены интересные моменты семантического плана и представлен интересный опыт оппозитивной организации основных признаков этой категории.) Но практически нет теоретических работ (или они мало известны) о собственно числительных и их роли в синтаксисе. А в большинстве случаев числительные выступают не сами по себе, а в составе количественно-именных групп, выражающих количество предметов или единиц счета, или число событий, признаков и т. п. И, как оказывается, здесь есть структуры, логическому объяснению на данном этапе не поддающиеся. Они описываются только в прикладных целях, например, чтобы научить будущих журналистов грамотно употреблять эти структуры [Валгина и др., 2002].

2. В наших грамматиках некоторые типы числительных и особенности их синтаксического поведения не прописаны. Эти проблемы выявились сначала при анализе коррелятов предлогов — словоформ, выступающих в функции предлога, но не выходящих из своей ЧР. К таким в славянских языках относятся параметрические существительные типа **длина, высота, масса, скорость, крепость, этажность** и мн.др., системно распространяемые количественно-именными группами типа **два метра, сто километров в час** и под. Отметим, что эти группы в данном случае выступают в приименной позиции в Им. п.: *на доске длиной два метра, ехать со скоростью сто километров в час*. Как оказалось, подобные группы, которые мы, вслед за А.В. Бондарко, назвали к в а н т и т а т и в а м и, составляют не просто множество, а вместе с другими аналогичными образованиями формируют функционально-семантическую категорию (ФСК) квантитативности (кванторности, нумеративности), несомненно, являющейся одним из грамматических центров функционально-семантического поля (ФСП) количественности. В «Теории функциональной грамма-

¹⁰ О понятной категории количественности см., например: Акуленко, 1990: 216–246; Бодуэн де Куртенэ, 1927/ 1963: 311–324; Булыгина-Шмелев, 1997; Есперсен, 1924/1958; Жаботинская, 1992; Исаченко, 1960; Копыленко, 1993; Панфилов, 1977: 158–285; Холодович, 1949/1979; Храковский, 1989, 1999; Реформатский, 1960/1987; Чеснокова, 1992; Швачко, 1981; Шмелев, 2002 (приводим этот список вслед за С.А. Крыловым [Крылов, 2005]).

тики» под ред. А.В. Бондарко эта часть категории количественности не представлена, хотя и упомянута в тексте [ТФГ-5, 1996: 161]. И не потому, что авторы что-то пропустили, а по причине ее отсутствия как объекта изучения в грамматике.

Вместе с тем уже при описании коррелятов предлогов выявился фрагмент этой категории, показавший, что все множество формирующих его единиц есть не просто ряд образований, которые можно перечислить через запятую, а множество, семантически и структурно организованное, — фрагмент ФСК квантитативности как одной из составляющих ФСП количественности [Судзуки, 2008; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013].

3. В русском языке мы нашли некоторые специфические характеристики числительных в составе квантитативов, в наших грамматиках не выделяемые. В частности, квантитативы в ряде случаев имеют падежные парадигмы, отличные от падежных парадигм входящих в них существительных. Этот аспект представлен ниже.

4. Сами числительные как морфологическая категория в разных славянских языках ведут себя по-разному:

1) Если восточно- и западнославянские славянские числительные **пять** — **девять** и составные с этими числительными на конце склоняются: *двадцати пяти, двадцатью пятью*, то в хорватском и сербском они потеряли склонение. В болгарском и македонском языках все числительные, как и другие имена, потеряли склонение. Если в русском языке числительные типа **пять** сохранили склонение, свойственное словам женского рода третьего склонения типа **кость**, в частности в Тв. п. имеют форму на **-ью**, ср. *костью — пятью*, то в польском языке они здесь приняли окончание числительных **два, три, четыре** — старое окончание двойственного числа: *pięcioma, dziesięcioma*. Как видим, двойственное число не исчезло в славянских языках бесследно, а оставило очень заметное наследие. Диапазон этих изменений по языкам и диалектам даст интересный материал для осмысления самих механизмов развития языка и факторов, влияющих на типы изменений, то есть позволит в истории языка перейти от фиксации явлений к их гносеологическому объяснению.

2) В русском языке в составном порядковом числительном склоняется в форме адъектива только последнее числительное: *в тысяча девятьсот сорок первом / в тысяча девятьсот сороковом / в тысяча девятистотом / в тысячном году нашей эры*. В польском языке склоняются два последних числительных-адъектива: *w tysiąc dziewięćset czterdziestym pierwszym / w tysiąc dziewięćsetnym czterdziestym / w tysiącnym dziewięćsetnym*. Это опять морфосинтаксис.

3) Об употреблении союза в составе числительных говорилось выше.

Наверняка, таких явлений гораздо больше.

3. Специфика славянского квантитатива. Представим материал в таком порядке: 1. Отличие славянского квантитатива от квантитативов других языков и его место в категории числа существительного; 2. Национальная специфика квантитативов в разных славянских языках; 3. Причины специфики славянских квантитативов; 4. Структура и грамматические характеристики русских квантитативов.

3.1. Отличие славянского квантитатива от квантитативов в других языках состоит в следующем. Во всех других, теоретически известных мне, языках числительные составляют с существительным словосочетания, где грамматически «словом» во всех случаях является существительное, а числительное — грамматически зависимая «словоформа» — выполняет при нем функцию количественного определения. Известны некоторые варианты такой реализации квантитативов в неславянских языках. При этом важными оказались следующие факторы: 1) отсутствие/ наличие категории числа в языке; 2) числительное как носитель смысла в с/с; 3) обязательность/ факультативность счетных слов.

Представим их.

3.1.1. Если в языке нет категории числа существительных, возможен только один вариант типа: рука — ‘два/пять/сто детский рука’.

3.1.2. Если в языке есть категория числа, то пока известны два типа словосочетаний:

1) с ед. ч. имени при числительном *один* и мн. ч. имени при *два* и больше (представлю возможную кальку) ‘*один стол / один (одна) рука*’ — ‘*два / пять / сто один столы, два / пять / сто один руки*’. Так обстоят дела, например, в немецком и английском языках.

Как показали сопоставительные данные с новогреческим языком, полученные студенткой филологического факультета МГУ Викторией Ладневой¹¹, русским предложениям *Пришли / Пришло два / три / четыре известных преподавателя* или *Пришли / Пришло двое / трое / четверо известных преподавателей* — в новогреческом соответствует один тип модели (дадим кальку): *Пришли два / три / четыре известные преподаватели* (Ни. мн. ч.); равно как и русским *Пришли / Пришло пять / пятеро известных преподавателей*: (калька) *Пришли пять известные преподаватели* (Ни. мн. ч.);

2) с ед. ч. имени в сочетании с числительным, как это имеет место в иранских и тюркских языках. Показателем мн. ч. в таджикском языке является формант **-хо**: *кетоб* (книга) — *кетобхо* (книги, много, несколько). Но при наличии числительного выступает только форма ед. ч. *як хетоб* ‘один книга’ — *ду кетоб* ‘два книга’ — *чор кетоб* ‘четыре книга’ и т. д. Тот же тип сочетаний выступает в тюркских языках: ‘*один / два / пять, сто стол / рука*’. Форма мн. ч. существи-

¹¹ Курсовая работа выполняется под научным руководством автора.

тельного представляется излишней, поскольку смысл множества передан. Такое образование можно воспринять и как составную часть категории числа — определенное множество.

3.1.3. В некоторых языках, например, в китайском, корейском, в иранских языках в составе квантитатива обязательно строевое — счетное — слово типа *штука* или *человек*, с которым и сочетается числительное, образуя «вторичный квантитатив», выполняющий при базовом существительном функцию количественного определения. Позиция определения маркируется послелогом. Эта структура может соответствовать русскому родительному приименному. Представим русские квантитативы и рабочую кальку. В китайском языке числительный компонент квантитатива + счетное слово с послелогом ‘де’ стоит в препозиции к имени: *один дом* — ‘один штука де дом’ — ‘одной штуки дом’; *одна чашка* — ‘один штука де чашка’ — ‘одной штуки чашка’; *пять студентов* — ‘пять человек де студент’ — ‘пяти человек студент’ Интересно, что в соответствии с этим правилом, нашим сочетаниям типа *стакан воды, тарелка супа, две полки книг* соответствуют структуры типа ‘один штука стакан де вода’ — ‘стакана вода’; ‘один штука тарелка де суп’ — ‘тарелки суп’; ‘два штука полка де книги’ — ‘двух полок книги’. Отметим, что наличие числительного *один* в такого рода сочетаниях свойственно и многим другим языкам. В японском языке выбор счетного слова определяется классом предметов или явлений, названных существительным. Так, для зонтов, карандашей, палок, пальцев — это *хон*, для некрупных животных типа овец, собак, зайцев — *хики*, для газет, карт и под. — *май* и т. д.

3.1.4. В славянских же языках числительные в сочетании с существительным образуют целостность другого типа. Это проявляется в том, что для *с/с*¹² в позиции Им. и Вин. п., т.е. в прямых падежах, «словом» оказывается числительное в Num_и и Num_в, а «словоформой» — существительное в Nr. В косвенных же падежах «словом» является существительное, а числительное-«словоформа» согласуется с ним по падежу, ср: *стоит дом / стоят дома́, вижу дом / дома́*, но *стоит пять домов / два дома́ вижу пять домов, / два дома́* ср. в других падежах: *у домов — у пяти/у двух домов, к домам — к пяти/к двум домам, с домами — с пятью/с двумя домами, о домах — о пяти/о двух домах*. Но в каких-то случаях числительное может сохранять функцию «слова» и в косвенном падеже: *После ее [естественной дамбы] прорыва вода хлынула в Черное море потоком, сравнимым с 200 Ниагарских водопадов* (Знание — сила, 4/13), = с двумястами

¹² Как показали наши материалы [Всеволодова, 2012а], для нашей модели языка большей объяснительной силой обладает концепция широкого понимания словосочетания, в которую форма словосочетания в концепции В.В. Виноградова входит как базовая единица.

Ниагарских водопадов. Очевидно, *–стами* воспринимается говорящим как Твор. падеж имени (ср. выше со словом *тысяча*). В данном случае это можно объяснить тем, что сам Ниагарский водопад один. Ср.: *Река с двумястами водопадами*. Слово *сто* в составе сложного числительного сохраняет здесь «существительность». Впрочем, возможно, что это и просто синонимическая пара, ср.: *На входе придется расстаться с двумястами рублями*. — *Я пошел в магазин с двумястами рублей*. *Полностью затоплено 10 улиц с двумястами домами* — *Келек миновал деревню Имам-Дура с двумястами домов*; ... *располагается одноименный поселок с тремястами жителями, магазином, столовой* — *Илимский острог, небольшое поселение, меньше чем с тремястами жителей*. *Ксандр выступил с пятьюстами солдатами* для наведения порядка на восточных землях графства. — *Он может, сидя в Сальсе с пятьюстами солдат, погубить сорокатысячную армию*. Системно числительное сохраняет функцию «слова» в некоторых случаях склонения (см. ниже).

Что касается счетных слов, то в славянских языках они факультативны, хотя и образуют системные сочетания, см.: *Кроме Веленчука, около костра грелись еще пять человек солдат моего взвода*. (Л. Толстой). *Я забрала с собой двадцать человек студентов*. *Я прочитал десять тысяч семьсот пятьдесят три штуки книг*.

Как видим, квантитатив — это лексико-грамматическое единство, состав и поведение которого на современном уровне не всегда объяснимы и пока не нашли соответствующего грамматического представления. Но прежде чем рассмотреть хотя бы некоторые из этих случаев, постараемся понять, в чем причины специфики славянских квантитативов.

3.2. Причины специфики славянских квантитативов. Таких причин, к настоящему времени, можно назвать две: 1) собственно грамматическая — изменения в категории числа существительных; 2) когнитивная — специфика славянского языкового мышления. Рассмотрим их.

3.2.1. Изменения в категории числа славянских существительных и последствия этого в грамматике квантитативов и в категории числа существительных. Если логика синтаксических отношений в случаях *стоит новый дом* — *стоят новые дома́* понятна (согласование по числу и роду), то как можно объяснить такое построение: *стоит/стоят два/три/четыре новые/новых дома́* — где существительное в форме Род. п. ед. ч., прилагательное — в Им./Род. мн., а глагол может стоять в ед. и мн. ч. И хотя в норме указывается, что в словосочетаниях со словами муж. и ср. рода нужно употреблять Род. п.: *оба высоких берега, три открытых окна́*, а для жен. — Им. п.: *две большие руки*, это указание, во-первых, все равно не объясняет проблему согласования чисел и падежей этих



словоформ, а во-вторых, во всех сферах языка оно далеко не всегда соблюдается, как например: *Утром две ладони, две больших руки Мыли окна в доме наперегонки. Обе новых машины предназначаются для междугородних маршрутов. Два новые дбма в старом болгарском стиле. На Андреевском спуске снесли три старые дома. Сфотографируйте три красные автомобиля (второй вариант — три зеленых). Два большие яблока, зеленых сортов, натереть. Три новые платья на 42-44-46-48. 350 руб.* Другими словами, в узусе Им. и Род. п. прилагательных в этих словосочетаниях синонимичны.

Кое-что нам объясняет история языка. Во-первых, как известно, в славянских языках дольше других индоевропейских языков сохранялось три формы числа существительных: единственное, двойственное (дв. ч., дуалис) и множественное¹³. Флексией дуалиса для слов муж. р. на согласный, мы знаем, было в Им. и Вин. п. ударное окончание **-á**, сохранившееся в русском языке в названиях парных предметов типа **глазá, бока́, рога́, берега́**, ср. также сохранившиеся формы дв. ч. названий парных частей тела в ср. р.: **очи, уши, плечи**. Во-вторых, если числительные **один, два, три, четыре** изначально были близки прилагательным, что видно по падежным формам и подтверждается наличием трех форм рода и формы мн. ч. у числительного **один**, двух форм рода у **два/две**, а также тем, что с числительными **три, четыре** выступал Им. п. мн. ч. существительных, ср. из «Домостроя»: **три пальцы равны имѣтн вкупѣ а два перста имѣтн наклонена**; или из «Новгородской летописи»: **Избрашася три брата с роды свонмн**, то числительные от **пять** и выше были полноправными существительными, ср. запись XVIII в.: **купилъ другую тридцать коровъ**; из новгородских грамот: **пришли еще одну десять лососей**. Этим объясняется N_{pl} присоединяемого существительного. В отличие от неславянских языков числительное не конкретизировало существительное, а управляло им, ср.: **горсть орехов — пять орехов**.

Примечание. Кстати, это дает нам хороший методический прием обучения склонению числительных. Числительные **пять — двадцать, тридцать**, склоняются по образцу слов жен. р. 3-го склонения типа **кость**. В числительных **пятьдесят — восемьдесят** склоняются обе части: **пятидесяти, пятьюдесятью**. Числительные **двести — четыреста и пятьсот — девятьсот** сами в свое время представляли квантитативы, поскольку слово **сто** воспринималось как существительное и имело формы ед. и мн. ч. Поэтому склонение этих числительных вводится через склонение

¹³ Категория дв. ч. представлена в санскрите и в древнегреческом; еще в XIX в. она была живой категорией в литовском языке. Из современных индоевропейских языков к середине XX в. остатки дв. ч. сохранял ирландский язык (группа кельтских языков). В большинстве славянских языков категория дв. ч. начала утрачиваться до X в. н. э., так как уже в первых памятниках старославянской письменности наряду с употреблением форм дв. ч. без числовых показателей **два, оба** есть употребление форм дв. ч. с подкрепляющими значение этих форм числительными. В настоящее время категория дв. ч. сохранилась в словенском и серболоужицком [Щерба, 1913] языках.



квантитативов типа *два/три/четыре окна — пять/девять окон*, срю: *три окна — триста* (здесь *ста* — Ни_{pl} «ста»), *пять окон — пятьсот, трем окнам — тремстам, пятью окнами — пятьюстами*. Само слово *двести* в русском языке — абсолютный след двойственного числа, где конечное **и** есть результат свойственных русскому языку редукции или перехода в другой звук безударной гласной. В других славянских языках сохранилась либо форма 'двесте', ср. польск. **dwieście**, либо, как в сербском и хорватском **двеста**, где это числительное «присоединилось» к триста, четыреста. Ср. выше пример с водопадами.

В какое-то время категория дв. ч. стала ослабевать, потребовалось ее подкрепление числительными **два, оба**, объединившимися с **три** и **четыре**, что не спасло ее от падения. С тех пор считается, что в славянских языках существует две формы числа существительного: единственное и множественное. Нельзя сказать, чтобы дв. ч. ушло без следа. Слова **очи, уши, плечи**, западнославянские **řeče, ruče** — это старые формы дв. ч. в функции мн. ч. И только болгарский и македонский языки сохранили память о дв. ч., распространив эту категорию на все квантитативы, пусть только для слов муж. р. на согласный, которые в сочетании с любым числительным от **два** и выше имеют окончание **-а/-я** — окончание Им./Вин. п. дв. ч. в древнеболгарском языке. Эта категория получила название **счетного множества**. Таким образом, в этих языках фактически выделены три формы числа существительного: ед. ч. — **стол**, мн. ч. — **столове**, счетное множество — *град — два града, стол — три стола, славей — четыре славей, кон — пет коня* и т. п. Интересно, что в сочетании с местоименными числительными **колко, толкова, няколко** выступает также счетная форма: *колко броя, няколко лева, толкова речника* и т. п., а в сочетании с **много** — мн. ч. — *много столове*, где неопределенное числительное выполняет функцию количественного определения¹⁴. У счетного множества и мн. ч. свои взаимоотношения: слова жен. и ср. р. счетной формы не имеют, в определенных условиях и для муж. р. вместо счетной формы выступает мн. ч., но это другой вопрос. Важно, что эта категория есть.

Логично предположить, что и в других славянских языках категория дв. ч. уступила место категории счетного (числового) множества, или категории квантитативности. Этот вывод «выплыл» у нас еще в семидесятые годы при анализе категории именной темпоральности [Всеволодова, 1975: 276]. Но подтверждение он получил именно сейчас при анализе категории предложных единиц [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013; Судзуки, 2008]. Именно категория квантитатива выпала из поля зрения лингвистики. А она, во-первых, в каждом славянском языке имеет свои особенности, во-вторых, в ней есть аспекты, не отраженные в нашей грамматике, в частности, упо-

¹⁴ Я благодарю заведующего кафедрой русского языка университета им. Климента Охридского в гор. Велико Тырново (Болгария) Гочо Гочева за постоянную помощь в работе.

требление квантитативов в предложных сочетаниях, и в-третьих, — это распространение форм мн. ч. на ударное -á у того же, что и в болгарском и македонском языках класса существительных муж. р. типа **домá, городá** в русском языке как один из результатов утраты дв. ч. (о другой точке зрения, А.А. Зализняка, имеющей свои основания, см. ниже). Но основное, пожалуй, сводится к тому, что по причине совпадения словоформ многих существительных в Им. п. дв. ч. и в Род. п. ед. ч. *стола — стола, книги — книги*, в языковом сознании южных и восточных славян произошло переосмысление формы, и форма Им. / Вин. дв. ч. в большинстве этих языков стала восприниматься как форма Род. п. ед. ч. Об этом см. ниже. Но есть еще один фактор. Очевидно, с конца XVIII — начала XIX в. и в названиях количеств стали происходить определенные изменения: категория числительного стала превращаться в самостоятельную категорию, слова типа **пять** перестали восприниматься как слова жен. р. и согласовываться с собой прилагательные и глаголы. Этот процесс еще идет, что проявляется в нарушении нормативного употребления числительных в речи многих, в том числе, и имеющих высшее образование людей. Более конкретные моменты рассмотрим ниже.

3.2.2. Специфика славянского языкового мышления. Как было видно выше, в некоторых языках достаточно одного показателя числа — либо формы существительного, либо числительного. В других самое общее семантическое согласование числительное *один* и существительное в ед. ч., числительное от два и выше — и мн. ч. существительного. В принципе в славянских языках то же самое, но вместе с тем синтаксическая связь не только числительного и существительного, но и форм прилагательных в составе квантитатива, и форм числа и рода глаголов при разных типах квантитативов в предложении иногда не могут быть объяснены грамматически. Сам славянский квантитатив и его роль в предложении свидетельствуют о том, что это не просто сочетание слов, а гораздо более глубоко внутренне связанное целое, в котором смысл не просто складывается из сочетания двух словоформ, а закреплен в синтаксической структуре всего предложения и связан с такой характерной для славянских языков особенностью, как усиление средств, способов выражения смысла. В частности, это редупликация разных типов, как повторение одного слова типа **быстро-быстро** (бежал), так и удвоение смысла сочетанием синонимов, типа **к вопросу о** чем (ср. **к вопросу** чего/о чем), или введение дополнительных формантов: *рассказал, как ездили/рассказал о том, как ездили*. Категория количественности — одна из важнейших в славянской концептосфере. В ФСК именной локативности и именной темпоральности пересечение с этой категорией имеет место уже в самых первых рангах оппозиций, в самом центре системы [Всеволодова, Владимирский, 1982/2009; Всеволодова,

2000: 105, 112,]. Возможно, именно поэтому славянский квантитатив представляет собой такую целостность, иногда не объяснимую с позиций современной грамматики. Представим некоторые аспекты наших квантитативов.

3.3. Национальная специфика квантитативов в разных славянских языках. Специфика славянских квантитативов, во-первых, в том, что в них могут выступать не только количественные, но и собирательные, и комплексные числительные. Выбор каждого из этих разрядов обусловлен определенными факторами. Так, при выражении разного рода параметров, т.е. не числа, а величины — наряду с количественными: *сто метров, пять часов, семь грамм*, — выступают комплексные числительные, в составе которых возможны и порядковые числительные: *Только годовая энерговыработка уже перевалила за величину десять в двадцатой степени. Довольно просторный прямоугольник площадью пять на шесть метров*¹⁵. Некоторые типы существительных допускают, а некоторые требуют постановки именно собирательного числительного, которое, в свою очередь, выступает не во всех типах. А это уже морфосинтаксический фактор. Во-вторых, в том, что в этой категории сохранились реликты двойственного числа. И, в-третьих, в том, что в некоторых славянских языках в эту категорию вмещивается категория грамматического рода. Покажем эту специфику на квантитативах 1) с **два, три, четыре**; 2) с **собирательными** числительными; 3) на составных числительных с конечным **один/одна/одно** и **два/две**.

3.3.1. Квантитативы с *два–три–четыре*. Исчезновение категории дв. ч. привело к перестройке некоторых словосочетаний существительных с **два, три, четыре**, которое по-разному реализовалось в славянских языках. Есть три типа таких подчинительных словосочетаний: 1) словосочетания, где числительное является количественным определением-«словоформой», а существительное в прямых падежах мн. ч. является «словом»; 2) словосочетания, где «словом» в прямых падежах является числительное, а «словоформа»-существительное в этом случае стоит в форме Род. п. ед. ч.; 3) словосочетания, где присутствуют оба типа структур.

1. Первый тип представлен в западнославянских, в частности, в польском языке, где словосочетания с **dwa, trzy, cztery** системно выступают с Им. п. мн. ч. имени: *dwa/trzy/ cztery stoły / konie /lata / pola, dwie panie / ręce*, а прилагательные и глаголы — во мн. ч., в том числе и в составных числительных: **dwa dziesięć dwa nowe stoły / sto dwie młode panie**. (Не обсуждаем здесь категорию мужского лица типа *dwóch panów przyszło / dwaj panowie przyszli*.)

¹⁵ Рамки статьи не позволяют нам подробно остановиться на комплексных числительных, подробнее см.: [Судзуки, 2008, Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013].

2. Чистый случай сочетаний второго типа представлен в русском языке, где даже слова муж. р. — имена парных предметов, исконно выступающие в старой форме дв. ч. типа **глаза́, берега́, бока́, рога́**, в этих сочетаниях выступают в форме Род. ед.: **оба глаза́, оба берега́, оба бока́, оба рога́** (заметим, *оба* сейчас — всегда анафора, ср. в церк. сл. **обанадесать**). Напомним, что определение к этой форме стоит в форме мн. ч. и может быть выражено как Им., так и Род. п.: *два синие / синих глаза́*. Объяснить конъюнкцию этих форм с мн. ч. определения в Им. п., вероятно, можно исторически, когда при **три / четыре** эта форма определения была системна, но вопрос о Род. п. мн. ч. остается открытым. Что касается формы числа глагола, то интересно отметить, что если при **два / две** глагол может выступать в обеих формах числа: *лежат / лежит / лежали / лежало два журнала / две книги*, то при **оба / обе** глагол в норме выступает в форме мн. ч.: *В течение полугода оба журнала выходили параллельно. Оба дома стоят в лесу. Обе башни стоят рядом*. Но в спонтанной речи возможно и ед. ч. глагола: *В архиве лежит оба решебника. Лежало оба диска. В слами у нас лежит обе именные педальки Вая. Дóма стоит обе консоли. Раньше стояло обе зимних щетки, но одна из них слетела с крепления. Вот точно также висело оба колеса у меня*.

3. Но особенно интересной представляется ситуация в украинском и белорусском языках. В русском языке словоформы существительных в сочетаниях с **два, три, четыре** типа *два дома́, три руки́, четыре окна́* однозначно воспринимаются как Род. п. ед. ч. Воспринимаются не только грамматистами, а, в первую очередь, и носителями языка, чему есть подтверждение в памятниках, где употребляется генитив на -у, ср. в двинских грамотах еще XV в. *на два году́*. В сербском и хорватском языках то же самое: после **два, три, четыре** и составных с ними выступает по определению этих грамматик Род. п. ед. ч.: *Došla su četrdeset i dva studenta / autobusa / taksija. Došle su četrdeset i dvije studentice. Prošla su četrdeset i tri ljeta*. В белорусском языке с **два, тры, чатыры** в номинативе мн. ч. выступает только муж. р. на твердый согласный: *стаяць / стаялі два / тры / чатыры сталы* и слова ср. р., но некоторые в старой форме дуалиса типа *акны́*, при том, что во всех косвенных падежах, как и в собственно мн. и в ед. ч., выступает форма с инициальным губным *во́кна, вакно́*. (Интересно, почему *акны́*, хотя в ср. роде должно бы быть *акнѣ́*.) Словоформы муж. р. на мягкий согласный и на **к-, г-, х-** и слова жен. р. и муж. р. первого склонения осознаются, как и в русском, как Род. п. ед. ч., ср.: *два кані́* (мн. ч. *ко́ні*), *два суддзі́*, но *грозны́я суддзі́, два бацькі́*, но *усе бацькі́; дзве рукі́, дзве нагі́, дзве сцяны́*, ср. Им. п. мн. ч.: *рукі́, но́гі, сця́ны* (сте́ны). Как видим, налицо теснейшее взаимодействие морфонологии и морфосинтаксиса. В украинском все формы имен в сочетании с **два, три, четыре** осознаются и грамматически определя-

ются как формы Им. п. мн. ч., а при наличии различия в ударениях — как акцентуационные варианты; т. е. в словосочетаниях *Дві хати* и *мої хати* обе словоформы считаются формами Им. п. мн. ч. Но если при Им. п. мн. ч. существительного прилагательное стоит в Им. п. мн. ч.: *два нови столи*, то в Вин. п. — в форме Род. п.: *два нових столи*. (Кстати, наш материал их поисковых систем Интернета показал, что в русск. языке для Им. п. мн. ч. свободно и выступают обе формы: *Здесь возводятся два новые дома*. — *Два новых дома будут построены в селе Аллак в 2012 г.*, но в Вин.п. для слов муж. р основным является Род.п. даже при неодушевленных существительных: *Продаю два новых дома*; *Один новый автомат АК-12 в обмен на три старых автомата со склада Минобороны*. Нами найден только один пример: *Снесли два старые дома*. Для с/с со словами ж.р. системны обе формы: *Дети, которые возьмут почитать три старые книги*; — *Выдал три старых книги о лицедеях*)¹⁶. Как это объяснить с точки зрения грамматики? Различия в ударениях грамматисты объясняют влиянием дв. ч. В этих трех восточных языках при два, три, четыре такая форма — это одна и та же форма. Разница в ее грамматическом осознании, что вторично и, наверняка, имеет в каждом случае свое обоснование. В белорусском и украинском языках, не подпавших, в отличие от русского, под такое сильное влияние староболгарского (старославянского) и развивавшихся «более самостоятельно», в сочетаниях с два, три, четыре соседствуют морфологически разные формы существительных: собственно мн. ч. и остатки дв. ч., интерпретируемые по-разному в грамматике каждого языка. Эти различия есть только в прямых падежах. В косвенных — везде мн. ч. К сожалению, мы не располагаем материалами по русинскому — четвертому восточнославянскому языку.

4) Квантитативы с Np_{sg} системны в позиции Им. и Вин. п. В косвенных же падежах имя выступает в функции «слова» в форме соответствующего падежа мн. ч., а числительная «словоформа» согласуется с ним по падежу: у домов — *У двух новых домов уже сделали бетонную стенку*; к домам — *Оптоволокно проложено только к двум новым домам*; с домами — *Дача с двумя новыми домами*; о домах — *Обновлена информация о двух новых домах в Черногоровке*. Это общеизвестный факт, но налицо падежная парадигма словосочетаний, где прямые и косвенные падежи формируются разными формами числа существительных; где в прямых и косвенных падежах числительное и существительное в словосочетаниях меняются функциями («слово» и «словоформа»). И это, безусловно, определяется спецификой статуса самого квантитатива, как особой

¹⁶ Я благодарю проф. Университета им. Янки Купалы в Гродно (Белоруссия) М.И. Конюшкевич, проф. Университета в Донецке (Украина) А.А. Загнитко, коллегу из Хорватии Ивану Матас за помощь в подборе и осмыслении материала.

морфосинтаксической структуры, особой языковой единицы. Нельзя не обратить внимания на синонимику разных форм числа глагола, где на формальном уровне трудно однозначно объяснить такое функционирование с учетом закона семантического согласования как главного фундаментального закона Языка. Соответственно, рационально поставить вопрос о месте квантитативов в категории числа.

3.3.2. Квантитативы с собирательными числительными. При собирательных числительных существительное в прямых падежах выступает в Род. п. мн. ч., т.е. это всегда «словоформа». Определение же выступает в прямых падежах в препозиции к числительному в Им. п.: *Мои двое сыновей уже вспоминают это*; а в препозиции к существительному — в Род.: *Я, двое моих сыновей и четверо внуков очень дорожим своей фамилией*. С собирательными числительными в норме сочетаются, как известно, не все существительные, а только:

1. Одушевленные — антропонимы и зоонимы: *Семеро школьников престижной школы заболели туберкулезом. Пятеро девочек погибли под обломками рухнувшей школы; Волк и семеро козлят; У родителей пятеро кошек и котов. Девятеро котят за два часа... ничуть не лучше затяжных родов, на мой взгляд. Трое ворон пытались заклевать гордого хищника. На картинке изображено трое воробьев. Шестеро поросят погибли в огне. Продажа щенков Ростов-на-Дону. 11 ноября 2012 г. родились десятеро замечательных малышей*. Собирательные числительные абсолютно свободно могут быть заменены здесь количественными: *Трое девочек погибли на месте. — Три девочки погибли, провалившись под лед. В багажнике обнаружили четверо двухмесячных телят — Продаются четыре теленка по 7 месяцев; Трое водителей частного перевозчика уволены за допущенные нарушения — Три водителя общественного транспорта были уволены благодаря обращениям жителей Алматы. Жил-был на свете бедняк, и были у него четверо сыновей. — Давным-давно жил старик и было у него четыре сына*. См. сообщения об одном и том же факте: *На ферме в деревне Волчки одна из коров принесла четверо телят. — На днях в Чишминском районе Башкирии корова родила сразу четырех телят. — Одна корова «показала» восхитительный результат — у нее появились на свет четыре теленка*. Но это уже и проблема одушевленности/неодушевленности (см. ниже);

2. Существительные *Pluralia tantum*, которые можно разделить на две группы: а) названия неделимых предметов и явлений: *сани, ножницы, очки, брюки, штаны, трусы, джинсы, сутки, переговоры, выборы*; б) парные в принципе делимые предметы: *туфли, башмаки, перчатки, ботинки, лыжи, коньки*.

1) Слова типа *сани, сутки* с **два, три, четыре** не сочетаются и требуют собирательного числительного, выступая при них в Род. п.

мн. ч.: *В течение ближайшего года нас ждет еще **трое выборов**. Вот та же Вера, провела только **трое переговоров**. В 1888 году английский турист Уилсон Смит соединил между собой **двое саней** с доской и использовал их для путешествия. **В семеро саней по семеро в сани** уселись сами. Числительные от **пять** и выше возможны: *Сзади следовало **пять саней** с разной кладью, покрытой медвежьими шкурами. В гардеробе любой женщины должно быть, как минимум, **пять брюк**.**

2) Квантитативы с названиями парных делимых предметов типа *ботинки, туфли, лыжи, коньки*, — с количественным и собирательным числительными несут разную информацию: *Тогда меня найдешь, когда **трое башмаков** железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвешь. — Давай-давай, завязывай все **три башмака**. Брать **двое лыж** точно перебор. — **Две лыжи** совершенно целые. У Василисы есть и велик, и самокат, и теперь еще **двое коньков** — фигурные и роликовые. — Ключка, шайба, **два конька**.*

Как известно, по отношению к словосочетаниям типа *двое лыж, трое ботинок* системно употребляются дескрипция со счетным словом *пара*: *купить **две пары лыж**, износить **три пары башмаков***. Такое употребление узуально и по отношению к названию парных неделимых предметов типа *две пары брюк / джинсов, трусов* = *двое брюк / джинсов / трусов*, в том числе и по отношению к одному предмету: *одни брюки / джинсы / трусы — одна пара брюк / джинсов / трусов*. Но возможно и счетное слово *штука*: ***Семь штук трусов** в одной пачке на неделю, в день по трусам! Лет пять назад в городе Фуншале можно было насчитать семь пар быков, запряженных в сани. Сейчас осталось **три штуки саней** и шесть быков. Куплены **три штуки очков** для стрельбы*. Однако, в некоторых ситуациях употребление слова *пара* носителями языка отвергается. Где-то в середине 2000-х годов после природного катаклизма в одном из наших южных районов, откуда были эвакуированы люди, буквально, в чем были, шел сбор одежды и вещей для пострадавших. Я купила и принесла на пункт сбора сто пар (штук) детских и женских трусов. В процессе регистрации служащая сказала: «Я запишу “сто трусов” потому что, если “сто пар”, то я должна буду сдать двести трусов».

Употребление счетных слов обязательно в квантитативах с **составным** числительным и существительным типа *сани*. Поскольку имена Pl. tantum в прямых падежах не сочетаются с **два, три, четыре**, а только с собирательными, которые в составных числительных в норме не выступают (ср. *двадцать два* и **двадцать двое*), то в таких квантитативах необходимо: 1) или введение счетного слова *штука* [Валгина и др., 2002: 80]: *Тридцать **три штуки саней**. Двадцать **две штуки ножниц***; 2) или вынесение существительного в препози-



цию и введение классификаторов *количество*, *число* и слова **штука**: *Колхоз приобрел сани в количестве тридцати четырех штук*. Словоформа *в количестве* здесь выступает в функции предлога. Но, например, для названий временных единиц это счетное слово невозможно. Где-то в 1970-е годы после полета очередного советского спутника по радио передавали официальное сообщение советского правительства, и диктор произнес фразу (видно, числительное было написано цифрами): *Полет спутника продолжался шестьдесят три суток* (Последовала пауза). Текст полностью зачитали вторично: *Полет спутника продолжался шестьдесят трие суток* (Опять пауза). И только при третьем чтении диктор произнес: *Полет спутника продолжался в течение шестидесяти трех суток*; — где предлог **в течение** управляет генитивом, а вместо собирательного выступает количественное числительное. Таким образом, квантитативы с составным числительным на *два* — *четыре* и существительным Pl.t. системно выступают в таких случаях в предложных конструкциях. А как построить фразу с квантитативом-подлежащим: ср.: *Нам нужно двое суток на подготовку*; но, вероятно, только *Нам нужно двадцать два дня*. Впрочем, в ненормативном употреблении и в деловом стиле такие сочетания отмечены: *Экскурсия продолжалась *двадцать четверо суток*; *Да, *двадцать четверо одного не ждут*. Когда военному дают отпуск, то в отпускном свидетельстве пишут прописью «*тридцать двое суток*». И соответственно русистам, отвечающим за норму в грамматике, этим следует поинтересоваться. Значит, следует представить парадигмы этих квантитативов во всей нормативной полноте, чего пока в грамматике нет.

Примечание. 1. В грамматиках отмечается, что русские собирательные числительные образуются только для чисел первого десятка 2–10. В польском языке они грамматически нормативны и для чисел второго десятка: ... *każdy ma czworo dziadków, ośmioro pradziadków, szesnaścioro prapradziadków*... — каждый имеет четверо дедов, восьмеро прадедов, шестнадцатеро прапрадедов... В сербском и хорватском эти формы тоже образуются для большего числа числительных. Вместе с тем материал спонтанной речи и литературы показывает, что и в русском языке возможны такие употребления: *Из сарая вышло одиннадцатеро гусей. Лучше пусть меня судят двенадцатеро — чем несут шестеро!!! Тринадцатеро, говорятся, говорят о живом. Четрнадцатеро! Держите меня двадцать один! Ибо четырнадцатеро не удержат! Все пятнадцатеро студентов группы удачно сдали сессию. Он не говорил о том, что за ним едет еще шестнадцатеро мастеровых, чтобы не дать разрабить леса* (Б. Пильняк). Эх, вначале, как погнали нас семнадцатеро из деревни, ничего не понятно, а больше плохо. Не много, не много, восемнадцатеро всего, восемнадцатеро, — говорил за окном, заикаясь и щелкая зубами, очевидно совсем переязбший человек. (Н. Лесков); *Девятнадцатеро одного ждут. Тут одних девочек десятеро или двадцатеро* (В.Ф. Панова); *Настоящий мужик стерпит и крепостное право, и то, что два кавказца прогнули тридцатеро мужиков вместе с ним в армии*. Ср. явно не нормативное, не узуальное и специально образованное, но системное: *Пожалуйста, будьте бдительны. В случае, если кто-то начнет переходить рамки допустимого — оба/трое/пятьдесятеро спорщика / и будут...* Ср. украинское: *Було бо до пяти тисяч чоловіка. Рече ж до учеників своїх: Садовит' їх купами по п'ять-*



десятеро. Таков же потенциал наречных числительных типа *вдвоем*: *Подопечные Берти Фогтса отбивались достаточно спокойно. Водинадцатером. Новый год мы встречали вденадцатером. Можете отправляться втринадцатером. Мы отдыхали в Мезмае вшестнадцатером. Посетили Водопадистый ввосемнадцатером 24 июня 2012 г. Мы ехали вчетвером на машине, а не вдвадцатером на автобусе.*

2. В естественном общении отмечены — в нарушение нормы — словосочетания собирательных числительных с неодушевленными существительными: ... *желая поскорее сдать добытые трое шкафов ореховых. У нас двое домов заброшенных рядом. Пятеро машин стояло на линии старта.* Эту проблему мы не рассматриваем.

3.3.3. Квантитативы с составными числительными, оканчивающимися на «один» и «два». В восточно- и южнославянских языках составные числительные с **один** и **два** сохраняют категорию рода. В русском, украинском и белорусском языках и имя, и прилагательное, и глагол стоят в форме ед. ч., а слово **один** изменяется по роду: *стоит / стоял двадцать один новый дом*, укр. *стоїть / стояв двадцять один новий будинок*, белор. *стаяў/ стаіць дваццаць адзін новы дом; поднялась двадцать одна детская рука*, укр. *піднялась двадцять одна дитяча рука*; белор. *паднялася дваццаць адна дзіцячая рука; лежало двадцать одно куриное яйцо*, укр. *лежало двадцять одне куряче яйце*, белор. *ляжыць* (но можно и *ляжаць*!) *дваццаць адно курынае яйка*. То же в южнославянских языках. С числительным **один**, как и в восточнославянских языках, в составных числительных глагол и Им. п. сохраняются в ед. ч.: *Došao je četrdeset i jedan student/ autobus / taksi. Došla je četrdeset i jedna studentica. Prošlo je četrdeset i jedno ljeto*¹⁷.

В польском языке в составных числительных с **jeden** это числительное не изменяется по роду, а все существительные выступают в форме Род.п. мн. ч., глагол во мн. или в ед. ч. ср. р., как и при числительных от **pięć** и выше: *Przyszły / Pryszło dwadzieścia jeden studentek*. Думается, что ни в одном неславянском языке конструкции типа восточно- и южнославянских невозможны. Например, в немецком, где есть все три рода, и само числительное **ein** в сочетании со словами муж. и жен. р. имеет разные формы, ср.: *nur ein Mann* (только один мужчина) и *nur eine Frau* (только одна женщина), — в составном числительном **ein** по роду не согласуется, а существительные, а значит, и глаголы, стоят во мн. ч.: *einundzwanzig Männer gehen spazieren, einundzwanzig Frauen gehen spazieren* (калька: двадцать один мужчины / двадцать один женщины идут гулять)¹⁸. Почему категория рода у славян здесь оказалась сильнее категории числа? Хотелось бы получить ответ от когнитивистики. Вместе с тем, на рекламных табло, развешанных по Москве, отмечена такая реализация: *Динамо*

¹⁷ Я благодарю нашу хорватскую коллегу Ивану Матас за предоставленную информацию.

¹⁸ Я благодарю нашего соотечественника Юргена Ридгера за предоставленные материалы.

это **2861** — **золотых медалей** на мировых и европейских чемпионатах. (Как это прочесть: *две тысячи восемьсот шестьдесят один *золотых медалей?*). То же в речи ведущего на ТВ при открытии Универсиады 2013: *Количество разыгрываемых медалей на Универсиаде тоже рекордное — триста пятьдесят один.* Важно и интересно, что в норме форма ед. ч. и соответствующего рода остается во всех падежных формах без предлогов и с предлогами. Существительное в ед. ч. (что зависит от числительного **один**) здесь всегда «слово», но числительное из синтаксической структуры без изменения смысла изъять нигде нельзя, ср.: *Пришел двадцать один человек — пришел человек. Поговорил с двадцать одним человеком — поговорил с человеком.* И, значит, это не просто словосочетания, а целостное, неразделимое морфосинтаксическое единство. Возможно, это словоформа, единица категории синтаксической формы слова. Вместе с тем, для глагольной формы императива отмечено и мн. ч., см. приведенный выше пример *Держите меня двадцать один!* В словосочетаниях с **два/две** маркируется женский род: *лежало/лежали двадцать два новые/новых журнала/письма — лежало/лежали двадцать две новые/новых книги.* Налицо — пересечение категорий числа и грамматического рода.

3.4. Некоторые грамматические характеристики русских квантитативов. Рассмотрим этот аспект в следующем порядке: 1) квантитативы и категория одушевленности; 2) квантитативы в падежной системе русского языка.

3.4.1. Квантитативы и категория одушевленности. Категория квантитатива непоследовательно выражает категорию одушевленности/неодушевленности. Но сначала отметим, что категория одушевленности, специфичная, в отличие от западнославянских языков с их категориями мужского лица (польск.) и просто лица (чешск.), для других славянских языков, не потерявших склонения, в русском языке реализуется не для всех одушевленных существительных. Она не реализуется на уровне формы существительного в Вин. п. ед. ч. для названий лиц (независимо от пола) и животных, выраженных существительными первого склонения (на -а): *вижу мужчину, владыку, воеводу, юношу, слугу, бродягу, маму, сестру, птицу, лису*; и для лиц женского пола — существительных третьего склонения (на -ь): *вижу дочь, мать.* Но работает в Вин. п. мн. ч.: *вижу мужчин, слуг, сестер, лис, матерей, животных.* В ед. ч. категорию одушевленности выражают у названий лиц мужского пола согласованные определения: *вижу одного мужчину, высокого юношу*; но не у названий лиц женского пола и зоонимов. Не относятся — в ед. ч. — к одушевленным слова ср. р.: *существо, животное, дитя.* В остальных случаях важен разряд числительного: простое, сложное, составное.

3.4.1.1. Для простых числительных в Вин. п. категория одушевленности реализуется/не реализуется двумя формами квантитатива:

1) где Вин. п. равен Им. п., «словом» является числительное (и здесь категория одушевленности, вроде бы, не «работает»), которое может быть: а) количественным: *Четверых родила: три сына и дочь. Я пригласил два друга. На восхождение пригласили пять «колясочников».* К каждой корове-кормилице прикрепляют **четыре теленка** для выращивания на подсосе. Хулиганы выпустили из мешка **шесть поросят** в здании министерства образования РФ; б) собирательным: *Мелу первая супруга родила пятеро сыновей и двое дочерей. На ферме в деревне Волчки одна из коров принесла четверо телят. Продаю четверо коров. Холодный день — Седлают шестеро коней, Уходят в тень.* Во всех этих случаях нумератив стоит в форме собственно Вин. п., Род. п. существительного обусловлен здесь его зависимой позицией при «слове», а Род. п. определения — его позицией, зависимой от имени: *Тогда Гедеон позвал десять лучших слуг своего отца и ночью отправился разрушить престол Ваала. Ср. позвал лучшую десятку слуг.*

2) где Вин. п. = Род. п. Из количественных числительных здесь выступают только **два, три, четыре**: — *Трех сыновей родила, две дочки-красавицы. Родила двух дочек, хочу еще сына. На днях в Чишминском районе Башкирии корова родила сразу четырех телят.* Для множеств от **пять** и выше необходимо собирательное числительное, способное в этой позиции стоять в форме Род. п. Но и **двое** — **четверо** здесь тоже системны. (Невозможность для слов **пять** — **двадцать** и т. д. выступать здесь в форме Род. п. объясняется их «существительным» прошлым.) Ср.: *Фурич приглашает пятерых иностранных туристов посетить Россию. Вместо того чтобы как-то наказать Торла, она осмотрела десятерых оставшихся. Подросток застрелил пятерых человек. Свинья родила шестерых поросят. Взрыв под Астраханью убил шестерых солдат.* Как видим, для некоторых количеств (от двух до десяти) собирательные числительные являются основным средством выражения одушевленности. Таким образом, парадигмы для квантитативов с **два-четыре** и для **пять** и выше будут различны: *Корова родила четыре теленка/четырёх телят/четверо телят/четверых телят.* Но: *Взрыв убил шесть солдат / — / шестеро солдат/шестерых солдат.*

3.4.1.2. Со сложными количественными числительными категория одушевленности, судя по всему, не реализуется, ср.: *Иракский смертник убил пятнадцать человек прямо на похоронах. — На однокомнатную квартиру в Москве можно купить пятнадцать комнат-студий в доме на побережье Черного моря...* Сочетания типа *убить пятнадцати человек представляются невозможными, и в

системах Интернета мы их не нашли. То же верно для квантитативов **двести — четыреста и пятьсот — девятьсот**. Но четко реализуется для собирательных: *Он убил семнадцатерых. Обменяют пятнадцатерых на Ходорковского и Лебедева. — Они же, все двенадцать молодцов, положили двенадцатеро клещи в горы. С/с типа (убить, пригласить, наказать) семнадцатеро человек* в поисковых системах Интернета мы не нашли. Аналогично, судя по первым материалам, обстоят дела в украинском и белорусском языках¹⁹.

3.4.1.3. В составных числительных категория одушевленности сохраняется при конечном **один**: *Летом сорок шестого при погроме в польском городке Кельце местные жители — уже без помощи нацистов — убили сорок одного еврея*. Во всех других в норме — собственно Вин.п. числительного: *Две медведицы вышли и убили сорок два ребенка. Делал с вышки сорок три выстрела и убивал сорок три кабана. НВВКУ воспитал двадцать три Героя, шестнадцать из них получили это звание посмертно*. Но согласованное определение, возможно, может выполнять здесь определенную функцию: **Остальных тридцать два кандидата знаете ли?** Нужен анализ языкового материала.

3.4.2. Падежные парадигмы квантитативов. Как показано выше, русские простые и сложные (однословные) числительные от **два** и выше в косвенных падежах и в предложных словосочетаниях, где они являются «словоформой», согласуются с именем-«словом» по падежу. Все числительные сами по себе: и простые *один — десять, сорок, сто*, и сложные *одиннадцать — двадцать, тридцать, пятьдесят — девяносто*, и составные типа *двадцать один, сорок три, сто семьдесят девять, пять тысяч восемьсот тридцать четыре* — имеют полную падежную парадигму и свободно выступают во всех падежах, в том числе и с предлогами. «В составных количественных числительных при склонении изменяется каждый из компонентов числительного: *к двум тысячам пятистам шестидесяти семи*» [Валгина, Розенталь, Фомина, 2002: 255]. См. пример из Интернета:

¹⁹ В авторитетнейшей грамматике белорусского языка П.П. Шубы отмечается, что с числительными *двести, триста, четыреста* работает категория одушевленности и приводится один пример такой падежной формы: «Лічэбнікі дзвесце, трыста, чатырыста ў вінавальным склоне могуць мець формы назоўнага (пры неадушаўленых) або роднага (пры адушаўленых назоўніках): *узьяў трыста рублёў, адправіў трохсот чалавек*» [Шуба, 1987: 127]. Однако, как показывают современные грамматики и подтверждают наши белорусские коллеги, в настоящее время здесь выступают квантитативы с Вин. п. числительного, вот примеры: **Трыста пасажыраў маскоўскага метро эвакуавалі з фіялетавай галінкі. За пяць гадоў абароннае таварыства падрыхтавала без малoga трыста тысяч спецыялістаў для розных галін народнай гаспадаркі**. (Материалы М.И. Конюшкевич. Частное письмо). И современные грамматики правила П.П. Шубы не упоминают. Это еще один пример несовпадения нормативной и объективной грамматики.



И. п.: двадцать одна тысяча пятьсот сорок восемь

В. п.: двадцать одну тысячу пятьсот сорок восемь

Р. п.: (из) двадцати одной тысячи пятиста сорока восьми

Т. п.: (с) двадцатью одной тысячей / тысячью пятьюстами сорока восьмью

Д. п.: (к) двадцати одной тысяче пятистам сорока восьми

П. п.: (о) двадцати одной тысяче пятистах сорока восьми

В подавляющем большинстве случаев квантитативы ведут себя так же, с тем исключением, что, как и при простых и сложных числительных, в прямых падежах «словом» является числительное, а в косвенных — существительное:

И. п.: **двадцать одна тысяча пятьсот сорок восемь** домов /книг /сел

Р. п.: (до) двадцати одной тысячи пятиста сорока восьми **домов / книг / сел**

Д. п.: (к) двадцати одной тысяче пятистам сорока восьми **домам / книгам / селам**

В. п.: (на) **двадцать одну тысячу пятьсот сорок восемь** домов / книг / сел

Т. п.: (с) двадцатью одной тысячей/тысячью²⁰ пятьюстами сорока восьмью **домами / книгами / селами**

П. п.: (о) двадцати одной тысяче пятистах сорока восьми **домах / книгах / селлах**.

Но есть ряд случаев, требующих осмысления и фиксации в грамматике. Пока отмечено три таких случая: 1) Им. п. квантитатива в приименной позиции; 2) формирование падежной парадигмы квантитативов с Pl. t. разными разрядами числительных; 3) употребление квантитатива в некоторых предложных конструкциях. Эти аспекты непосредственно связаны с категорией управления.

3.4.2.1. Именительный падеж квантитатива в приименной позиции. Квантитативы системно выступают в приименной позиции в Им. п. при параметрических существительных: *Жизнь длиной один день. Есть свободное место на высоте два–пять–ноль. Это практически чистый альфа-излучатель, с энергией пять целых три десятых мегаэлектронвольт. При глубине сто метров под морским дном имеется сильное давление. И все священники, и дьяконы вошли тогда в Храм, так что было их числом одна тысяча священников и дьяконов, дабы освятить купель, в которой крестили бы младенца.* Эта структура имеет синоним с предлогом-эспликатором **в**, управляющим Вин.п. и не вносящим каких-либо семантических или стилистических значений: *Рдейский Монастырь (путешествие длиной в один день). Коралловый риф, площадь которого составляет на сегодняшний день более восьми тысяч километров квадратных, это при глубине в сто метров. Гигантский гриб поднялся на высоту в 65 километров.*

3.4.2.2. Падежная парадигма квантитативов с Pl. tantum формируется разными разрядами числительных.

²⁰ «Числительные тысяча, миллион, миллиард склоняются как соответствующие существительные. Допустимы варианты формы: (одной) тысячей и тысячью» [Валгина, Розенталь, Фомина, 2002: 255].



Приведенные выше примеры корректного употребления квантитативов с Pl. tantum показывают, что их падежная парадигма в косвенных падежах меняет собирательное числительное на количественное, то есть, *двое, трое, четверо* на *два, три, четыре*; в том числе и с простыми числительными: *Осталось меньше трех суток. Вы должны быть очень довольны результатами двух последних выборов президента. 8 февраля от Китовой бухты на юг вышли четыре человека с тремя санями, запряженными восемнадцатью собаками. Большая просьба разобрать шоу-румы в раздевалке, а то пятнашки с четырьмя штанами на одного ребенка отнимают время на прогулку.* Соответственно, эти парадигмы должны быть представлены в грамматиках, в том числе, или даже в первую очередь, нормативных.

3.4.2.3. Употребление квантитатива в некоторых предложных конструкциях. Представим случаи: 1) выбор падежной формы квантитатива при наличии предлога-конкретизатора; 2) зависимость падежной формы числительного от конкретного значения конкретного предлога и падежного потенциала самого числительного.

3.4.2.3.1. Выбор падежной формы квантитатива при наличии предлога-конкретизатора. Категория квантитатива а priori предполагает оппозицию «точное количество» vs. «приблизительное количество». Эта оппозиция в русском языке может выражаться порядком слов, ср.: *Двадцать пять человек на одно место. — В ординаторскую набилось человек двадцать пять.* В других славянских языках инверсия может, наоборот, подчеркивать точность названного количества. Есть и другие средства. Так, при анализе коррелятов типа *длиной в метр — длиной около/порядка метра* в русском языке (для украинского и белорусского языков этот фрагмент системы еще ждет своего исследования) выявилось, а скорее, было осознано, что в качестве маркеров-конкретизаторов приближенности системно выступают предлоги **порядка, около, сверх, свыше**, а также компаративы **больше, не больше, меньше, не меньше** и под. Они выступают в двух типах структур:

1. Как основной — базовый — предлог в составе квантитатива. Квантитатив с таким предлогом может выступать:

1) как самостоятельная именная группа в позициях разных членов предложения: *Около двухсот мусульман уволены в США за молитвы на работе. Порядка семи тысяч полицейских будут охранять порядок в Астане в дни проведения Саммита ОБСЕ. Я дам один процент с каждой тысячи сверх ста двадцати тысяч рублей. Свыше семидесяти разовых доз героина и около двадцати разовых доз метадона были обнаружены у подозреваемого в ходе личного досмотра на посту ДПС ГИБДД. Более полусотни травмированных за неделю.*

В Туле и области больше сорока магазинов СПАР. Если масса тела больного менее шестидесяти пяти килограммов, то есть хороший рецепт. И потратили мы меньше одной тысячи рублей. Не более двух рекламных блоков на страницу. Наверно, весит не меньше двухсот шестидесяти, а то и двухсот семидесяти фунтов.

2) в приименной позиции после параметрического существительного. В этом случае названные выше комплексные числительные, в отличие от других разрядов, выступают в Им. п. даже после предлогов-конкретизаторов, управляющих Род. п.; ср. длиной более двух метров; на глубине порядка шестисот метров; и: частица с энергией **свыше десять в двадцатой** («Наука и жизнь»); *Это мой, с позволения сказать, отель, на втором этаже которого я занял свой первый в Алжире оборонительный рубеж площадью около пять на пять метров. Параллелограмм объемом около два на три и на пять метров; рейка длиной около одна десятая метра; А звонили они с регулярностью порядка один звонок в месяц; Целесообразнее иметь отдельно небольшую автомобильную («жидкую») АКБ емкостью порядка 35–45 ач; Это однокомнатная квартира площадью порядка 38–40 кв. м на Западе Москвы. Цена порядка двести — триста рублей; Породы крепостью в пределах один–шесть по Бомэ.*

Десятичные дроби, начинающиеся с нуля, представлены двумя типами:

а) и слово **ноль**, и другие количественные числительные стоят в Им. п.: *Частица величиной не более ноль целых пять десятых нанометра. Доходы же бюджета от приватизации за 1992–1996 годы составили смехотворную сумму — порядка ноль целых пятнадцать сотых процента (0,15%) суммарных бюджетных поступлений. Как известно, мозг среднестатистического грызуна весит около ноль целых четыре десятых грамма. Вышло что-то около ноль целых, ноль тысячных процента. Берег курорта представляет собой песчаный пляж шириной около ноль целых восемь десятых километра и длиной почти два километра [Судзуки, 2008]. Возможен и союз и: Давление воды — около ноль целых и две десятых бара. Уверенности в том, что она будет издана, было не более ноль целых и ноль десятых процента. Металлический лист толщиной порядка ноль целых и пять десятых миллиметра;*

б) в Ни стоит только слово **ноль**, количество десятых, сотых и т. д. — Num_p; *Порядка ноль целых двадцати пяти сотых при этом составляет толщина сфокусированного луча. При температуре плавления жидкого железа, растворимость кислорода составляет около ноль целых, двух десятых процента. Средняя их плотность около ноль целых, одной десятых (! М. В.) грамма на кубический сантиметр. По-моему, сейчас нашего брата на планете около ноль*

целых двух десятых процента, — покачал головой Шай. Прирост против ноль целых семи десятых процента в прошлом году (Путин. ТВ).

2. Конкретизатор выступает как часть более сложной структуры, в составе квантитатива, сформированного другим базовым предложением как первичным, так и вторичным. Последующая проверка таких единиц с первичными предложениями **в, на, к, с**, т.е. в составных единицах типа **в около, в порядка, к около, к порядка, с около, с порядка** и т.п. показала, что здесь управляющим может быть каждый из двух предлогов.

1) Квантитативом управляет конкретизатор: *Объем планируемых расходов на доразведку оценивается **в порядка \$62 миллионов** (ср.: в шестьдесят два миллиона); **Наше оборудование успешно используется в около 70 стран** (ср.: в семидесяти странах). Исходные примерно четыреста тэгов сведены **к порядка ста наиболее употребительных** (к ста употребительным); ... **получить доступ к около 400 планет** различных форм и жизненных условий. В 1952 г. американские исследователи А. Кребер и К. Клакхон собрали 164 определения культуры **к свыше сотни попыток** объяснить это понятие описательно. Только за февраль и март мы обратились **с порядка сорока заявлений** о понуждении опекунов предоставить отчеты в органы. Да мне бы в реальный Метрополитен-музей... он является самым посещаемым музеем в Соединенных Штатах, **с около пяти миллионов посетителей в год**. Художественные бригады Казахской государственной филармонии провели около сорока тысяч концертов **перед порядка десяти миллионов слушателей**.*

2) Квантитативом управляет первичный предлог: *Выручку за 2007 год Rambler Media оценивает **в порядка \$63 миллиона**. К тому времени он успел сняться **в порядка двадцати картинах**. Работы Эрвина Редда экспонировались **в около сотне стран** мира. Арнольд написал музыку **к порядка сорока сериалам и фильмам**. Застройщик взаимодействует **с порядка сорока государственными, полугосударственными структурами**. Горгиашивили встретился **с около десятью офицерами** из его батальона. Регулярно общаюсь **с около сотней** людей. Была установлена норма представительства: **от крупных фабрик с более тысячью рабочих...***

3) Базовый предлог управляет существительным, конкретизатор — числительным: *Во Владивостоке произошло столкновение маршрутного автобуса **с около десяти автомобилями**. Я не хочу терять акк **с около десяти играми**. Эта проблема стоит **перед около тридцати регионами**. (Ср. квантитатив, где точно определить падежную словоформу «ста» нельзя: **Перед свыше ста собравшихся членами общества и почетными гостями** выступили: пре-*

зидент общества «Арарат» Альберт Степанян, вице-президент Григор Айрапетян.)

Думается, здесь можно и нужно найти когнитивное объяснение, которого сейчас нет. Подробнее см. [Всеволодова, 2010; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013].

Выше были даны квантитативы, где конкретизатор выступает после базового предлога. Но, как показывает материал, в речи предлог-конкретизатор может выступать и в препозиции к нему, что абсолютно нормально для конкретизатора-наречия типа *почти/приблизительно в сорока странах*. См.: *Автомобиль Сердюкова остановился у здания прокуратуры около в десять утра*. (ТВ. НТВ, 11.01.2013) *Постарайтесь побывать в монастыре около с 10.00 до 11.00 — в это время здесь ежедневно поет хор мальчишков, который считается старейшим в Европе. Предприятию удалось сократить свои запасы порядка на 10 тысяч автомобилей. Рост свыше на 5%. Бафкетт производил возвращения сверх на 10% выше, чем рынок в течение прошлых 45 лет*. Вероятно, в последнем примере налицо синонимическая редупликация — механизм, системный для русских предложных единиц [Всеволодова, 2010; Всеволодова, 2012б].

Представленные выше случаи в наших грамматиках и словарях вообще не отмечены, поэтому степень их нормативности не обсуждается.

4.2.3.3.2. Зависимость падежной формы квантитатива от ряда факторов. Обычно считается, что тот или иной предлог в том или ином своем значении (если он имеет несколько значений) требует определенного падежа. В действительности дело обстоит сложнее. Во-первых, один и тот же предлог в одном и том же значении может управлять не одним, а двумя падежами, в том числе Им., ср.: *здание в стиле поздний модерн — здание в стиле позднего модерна*. О предлогах, управляющих Им. п., в нашей литературе уже писалось [Акимова, 1990; Клобуков, 2000], см. также [Всеволодова, 2010; 2011; 2012б; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013]²¹. Во-вторых, падежная форма может определяться самим припредложным именем. Так, предлоги **во благо**, **во вред** управляют Род. и Дат. п., но личные местоимения и возвратное местоимение **себя** выступают только в Дат. п., даже при наличии в словосочетании другого имени в Род. п.: *Работать во благо общества и себе; Он действовал во вред каждого и мне*. Возможно, употребление Род. п. объясняется влиянием слов

²¹ Мы не рассматриваем здесь всю морфосинтаксическую парадигму составных предлогов, когда базовый предлог присоединяет первичные предлоги-экспликаторы, не вносящие никаких новых смыслов, ср.: *жить вблизи моря и вблизи до моря / вблизи к морю / вблизи от моря / вблизи с морем* или выступает со своим синонимом, образуя синонимический редупликат *жить вблизи у моря / у вблизи с морем* (см. названные выше работы).

третьего склонения, которые в обоих падежах имеют одну форму, могущую расцениваться носителем языка и так, и так, ср.: *Разговор идет только во благо истине и человечности* (А.Богданов).

Случаи с квантитативами представим на примере двух значений русского предлога **по**. Это очень многозначный предлог, до сих пор в нашей авторитетной словарной и грамматической литературе не получивший адекватного представления, хотя отдельные очень важные для нас замечания были сделаны, в частности в СОШ. Этот предлог среди прочих вводит значение разделительности, причем разделительности двух типов, назовем их (в рабочем порядке) общей и конкретной разделительностью²².

4.2.3.3.2.1. Предлог **по** со значением общей разделительности. Общая разделительность предполагает, в первую очередь, множество типов пространств (мест) или временных отрезков, которое может быть выражено как просто формой мн. ч. их названий, так и квантитативом, указывающим на их число, по отношению к которому действует субъект или распределяется некоторое множество объектов. В этом случае всегда употребляется Дат. п. мн. ч.: *люди разошлись по домам* (= в свои дома), *почтальон носит письма по домам* (= в разные дома); *расставить книги по полкам* (пример СОШ; = на полки); *мы ездили по городам и весям нашей области* (в города и веси); *ходить по магазинам, по ресторанам* (= в магазины, в рестораны), *лазить по карманам* (= в карманы); *распределить дежурства по дням и часам*; *дать точные данные по месяцам и неделям*; *Европа по столетиям*; *История России в портретах по столетиям*; *Резерв незаработанной премии с разбивкой по кварталам и годам*. При наличии квантитатива все числительные тоже употребляются в Дат. п.: *Разослали письма по одной тысяче двумстам сорока одному адресу. Делегаты разъехались по двадцати пяти странам. Звонил по тридцати двум номерам. Расставили книги по двумстам сорока трем полкам. Проезд автотранспорта еще по двадцати двум центральным улицам Москвы станет односторонним*.

4.2.3.3.2.2. Предлог **по** со значением конкретной разделительности. В конкретной разделительности речь идет о множестве множеств (даже представленных единичным предметом), так или иначе распределяемых между другим множеством (начиная от двух) объектов. Если это существительное без количественного показателя или с числительным **один**, они выступают в Дат. п. ед. ч.:

²² Мы не настаиваем на признании именно этих терминов. Это проблема более общего обсуждения. Нам важно показать их различия. Вместе с тем важно иметь в виду что не каждый случай по + квантитатив относится к рассматриваемым ниже значениям, ср.: *Обвинение по ста сорока двум пунктам предъявили Джеймсу Холмсу, которого судят за массовое убийство в предместье Денвера на премьерной новой части «Бэтмена»* (= в соответствии со ста сорока двумя пунктами); ср. *обвинение по пункту*.

Маше и Саше дали по яблоку. Нам выдали по проездному билету. Ребята взяли по одной книжке / по одному апельсину. В предложениях с таким компонентом частотны местоимения **все, каждый, некоторые**, или квантитативы-адресаты, получатели в широком смысле: *В каждую комнату / В три комнаты / Во все комнаты поставили по большой вазе с цветами.* Но в сочетании с квантитативами предлог **по** способен управлять тремя падежами.

Числительные **один/ одна/ одно** выступают только в Дат. п., поскольку являются определением к существительному, независимо от того, выступают они самостоятельно или в составном числительном: *Приблизительно по одному миллиону долларов за бензоколонку. Нам с Красниковым по двадцати одному, а они на целых два года моложе. Я возьму у него шестьсот пар кроссовок по тридцать одной «юшке»* (см. выше пример о разосланных письмах). Другие числительные в этом случае в норме в Дат. п. не выступают.

Числительные **два, три, четыре, сорок, девяносто, сто, двести, триста, четыреста** — в норме выступают только в Вин. п.: *дали по два/три/четыре яблока; в каждом отряде по сорок/девяносто/сто человек; некоторые платят за билет по двести/триста/четыреста рублей.* Разумеется, для числительных **сорок, девяносто, сто** выделить конкретно форму Вин., противопоставив ее Род. и Дат. п. невозможно. По аналогии с **два — четыре** и **двести — четыреста** будем считать, что это Вин. п.

Числительные **пять — девятнадцать**, названия десятков на -дцать или -десят, числительные **пятьсот — девятьсот**²³ могут выступать как в Вин., так и в Род. п.: *Каждый заплатил по пять рублей / по пяти рублей; работали по очереди по четырнадцать / по четырнадцати дней. Каждому выплатили по шестьсот пятьдесят / по шестисот пятидесяти рублей.* Но: *по шестьсот пятьдесят одному / по шестисот пятидесяти одному рублю*; и в норме, пожалуй, только *по шестьсот пятьдесят два / три / четыре рубля*. Ср., впрочем, в языке прошлых веков: *Тридцать таковых годов составляют период в котором считается девятнадцать годов обыкновенных т.е.: по триста по пятидесяти четыре дня...* (Н. Муравьев-Карский. 1794–1866 гг.). Ср. в православных текстах: *... имея каждый в руках по тридцати три свечи; а я, окаянный, ни одной не имею.* В современном деловом: *В Минвнешторге выделили по тридцать (Num_в) одной (Num_д) инвалютной копейке на пару.* См. еще пример из Интернета: *Ответ справочной службы русского языка. Конструкция с дательным падежом является книжным вариантом: по двадцати одному рублю, по двадцати девяти рублей;* — где не различаются Дат. и Род. п., да и само утверждение не

²³ Возможность предлога **по** управлять Род. п. числительных **пятьсот — девятьсот** отмечена в СОШ (с. 542).

точное. Вся сложность в том, что в одном составном числительном, где присутствуют простые и сложные числительные разных типов, фактически в одной морфосинтаксической единице в современной норме выступают разные падежные формы: *Каждый получил по одной тысяче* (Дат.) *двести сорок* (Вин.) *одному рублю* (Дат.) / *двести сорок два / три / четыре* (Вин.) *рубля* (Род. ед.) / *двести сорок пять* (Вин.) *рублей* (Род. мн.). *Кое-кто заплатил по пять* (Вин.) *тысяч семисот двадцати* (Род.) / *семьсот двадцать* (Вин.) *одному рублю* (Дат.) *За два участка заплатили по два миллиона* (Вин.) *одной тысяче* (Дат.) *пятидесяти рублей* (Род.). Но см. из документа XIX в.: *Ранен и в плену у неприятеля не был. 1862 г. приказом уволен от службы в чине штабс-капитана в мундире с пансионом полного оклада по двести сорока пяти рублей серебра в год, который ему будет производиться в с. Лохвица Полтавской губернии. При этом изъять числительное из квантитатива нельзя, поскольку форма существительного определяется здесь последним числительным. Проведем эксперимент: *Каждый получил по двадцати одному рублю* — *каждый получил по рублю*, — где сохраняется грамматическая правильность, но меняется смысл; *каждый получил по двадцать два рубля* — **каждый получил по рубля*; *каждый получил по пять / по двадцать пять / по сто / по сто пять рублей* — **каждый получил по рублей*. И это при том, что в косвенных падежах, как уже говорилось, «словом» должно бы быть существительное. Здесь же оно сохраняет статус «словоформы». Это еще раз подчеркивает и удостоверяет, во-первых, целостность и специфику такого сочетания, как квантитатив; во-вторых, — специфику категории счетного множества среди форм числа существительного; и, в-третьих, грамматическую непроработанность и, соответственно, непредставленность этой категории в нашей грамматике. Интересно сопоставить этот материал не только с украинским и белорусским, но и с другими славянскими языками.*

4. Влияние категории двойственного числа на формы Им. п. мн. ч. некоторых существительных муж. р. Это вопрос собственно русского языка, поскольку ни в одном другом славянском языке таких форм нет. Речь идет о соотношенности форм *два дѡма* — *домá*. Происхождение этой формы из старого дв. ч. подробно рассматривает С.П. Обнорский [Обнорский, 1921; 1946], см. также [Аксаков, 2011; Потебня, 1941; Богородицкий, 1935; Соболевский, 1907; Пешковский, 1938; Селищев, 1941; Флоринский, 1897 и др.]. Судя по всему, в тех случаях, когда формы Им. дв. в словах муж. р. типа *стол* — *стола́* совпадали с Род. ед., они — по мере утери в нашем языковом сознании самой категории дуалиса — стали восприниматься как формы Род. п. ед. ч. и постепенно «перетянули» в эту форму и старые формы дв. ч. типа *глаза́*, *бока́*, изменив место ударения: *два гла́за*, *оба бо́ка*. (Такому «перетяжению» мог способствовать и тот факт, что в словах

жен. р. и м. р. на **-а** тоже встречались случаи совпадения этих форм, ср. *нет книги — мои книги, у лампы — эти лампы, для мужчины — все мужчины*; ср. средний род: *Рождение из чрева: возвращение в Мир Людей. — Бог закрыл все чрева в доме Авимелеха.*) Формы **глазá, бока́** стали восприниматься в отсутствие категории дв. ч., как мн. ч. (Ср. поговорку *руки в боки.*) В русском языке, как известно, постепенно расширяется число существительных муж. р. с ударным окончанием **-á/-я** в Им. п. мн. ч. типа **домá, городá**. Эти слова еще в XVIII в. имели форму **дóмы, гóроды**. Форма **учителя** появилась в начале, а форма **профессорá** — в конце 40-х годов XX в. Как показывает материал, эти формы проявляются в определенных функциональных стилях. Так, у кулинаров-профессионалов системны формы **супá, тортá**, у спортсменов — **тренерá**, у авиаторов — **штурманá**²⁴, у метеорологов **ветрá**, у техников — **инженерá, токаря, слесаря**, у медиков — **фельдшерá**. Некоторые слова сейчас функционируют в спонтанной речи в двух формах: **кáтеры** и **кaтерá** (у моряков уже только **кaтерá**), **дирéкторы** и **директорá, куполы — куполá**. Им. мн. этого типа для слова **слои** отмечен в разных функциональных стилях и в речи естественного общения: *Можно настроить полупрозрачность базового слоя маски, чтобы затемнить все слоя выше симметрично него. Все слоя промазать майонезом. Украсить гранатом. Океанская вода разделяется на несколько слоев. Верхние слоя легче и теплее, а нижние — боле плотные и холодные. В то время как верхние слоя звезды светят по максимуму, взрываются глубинные слоя на тысячи километров.* Но уже нормативны формы **докторá, поварá, номерá, мастерá, поездá**. Идет речь о нормализации словоформы **договорá**: бессмысленно что-либо запрещать. Это процесс системы русского языка. Но у нас пока нет анализа этого процесса, нет объяснения — в нашей концепции — почему старые формы дв. ч. взяли на себя функцию мн. ч. и, очевидно, распространяют ее на множественное. См. другую и очень авторитетную точку зрения А.А. Зализняка: «В соответствии с предложенной выше трактовкой элементов *i* и *a* естественно предположить, что, по крайней мере, одна из причин этого явления состоит в стремлении распространить элемент *a*, выступающий в косвенных падежах и уже воспринимающийся как показатель мн. числа, на все словоформы мн. числа. Подчеркнем, что под причинами данного явления здесь подразумеваются не его исторические истоки (связь с двойственным числом, с собирательными существительными и т. д., а факторы,

²⁴ Водитель, который однажды подвозил меня после работы домой, поинтересовался, кто я, и узнав, что филолог, сказал следующее: «Вот я со своим внуком хожу в бассейн, а там все спортсмены говорят **тренерá**, ведь это же неправильно». И сразу после этого в рассказе о себе (а он летчик-инструктор в летном училище) сказал: «Вот в нашем училище все **штурманá**...».

обуславливающие интенсивное распространение окончания И. мн. а в современном языке. (В самом деле, факторы первого и второго рода могут быть совершенно различными, поскольку само появление первых парадигм типа *глаз>а, рог>а* и т. п. еще не объясняет притягательной силы этой модели.) Соответственно, говоря о замене *і* на *а*, мы будем далее иметь в виду именно поздние формы И. мн. на *а* (*а* не такие, как, например, *глаз>а, рог>а, рукав>а, господ>а*)» [Зализняк, 2002: 547]. Вероятно, А.А. Зализняк прав, но само наличие такой формы, которая потеряла специфическое значение двойственности, с нашей точки зрения, было толчком к такому осознанию этой формы. Думается, что утрата двойственного числа по-разному проявилась в разных языках: в болгарском это счетное множество с конечным *-а* существительных м. р. при всех числительных, а в русском — распространение ударного *-а* на множественное число тех же существительных м. р. без числительных. Что при этом релевантными могут быть и другие факторы — абсолютно правильно. То, что этот процесс в русском языке идет очень постепенно, в буквальном смысле слова, пословно, — факт языка, и, как свидетельствуют авторы «Большого орфоэпического словаря», аналогично, по отдельным словам в разных группах слов происходят сдвиги ударения, редукция и т. п. [Каленчук и др., 2012]²⁵.

Следует проанализировать, возможно ли образование таких форм от слов **дневник, ученик, дождь, вождь, труд, пруд, хирург, супруг, стол, пол;** или **станок, рубанок, сынок**. А это позволило бы прогнозировать неизбежные изменения в языке. Разумеется, это вопрос современной системы, но для объяснения ее нужно выйти и в другие славянские языки, и в диахронию. Этот процесс связан с переносом ударения на окончание. О.А. Смирницкая рассказывала, что когда в частях военно-морского флота читали приказ Главного штаба, в котором было выражение *все катеры*, которое, вероятно при чтении приказа вслух было озвучено как *катеры́*, моряки смеялись и говорили: *В Москве говорят «катеры́»*. И значит, для них ударение в этом слове на конце. Это уже морфонология, пока тоже не описанная в нашей грамматике. Фонетисты, к которым я обращалась с этим вопросом, связь этого явления с переносом ударения отрицают.

²⁵ В одном из своих научных докладов на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова М.Л. Каленчук отметила, что работа над словарем XXI в., к удивлению авторов, показала, что переход ударения, характер редукции и др. фонетические изменения происходят пословно: в одном слове произошли изменения по сравнению с нормой, в другом аналогично — нет. То же можно отметить и для форм Им. п. мн. ч. на *-а́* слов мужского рода. Вряд ли можно говорить об осознанном, нарочитом изменении как фонетических, так и морфологических характеристик слова говорящими, причем не одним, а многими одновременно. Когда мы говорим, мы не думаем о фонетике и грамматике.

5. Проблемы нарушения нормативного употребления форм числительных. И, наконец, последнее. Не секрет, что сейчас в речи даже образованных людей наблюдается системное нарушение нормативного склонения числительных типа **двухста** вместо **двухсот**, а также: **В двух тысяча четвертом** году они выбыли (ТВ). В том числе и в речи известного лингвиста: **за двух тысяча первый год** (запись устной речи — в докладе на конференции). Необходимо выяснить, какие конкретно изменения происходят сейчас в категории и собственно числительных, и квантитативов. Эти ошибки должны быть типичны. Приведем типичные ненормативные употребления.

*Темно-розовые плоскоокруглые плоды достигают **двести пятидесяти** грамм. Пока не отгремит, не отвоет и не отскрежещет металл на всех **двести пятидесяти** их «музыкальных» штучках. Граммов около **двухста**. Наше столетие длилось три года. Мрак слишком ярк, вечность пуста. Моя вселенская свобода — задержав дыхание досчитать до **двухста**. С начала своей миссии в Афганистане Британия потеряла более **трехста человек**. В **трехста пятидесяти** метрах от приморского парка. Модификации предохранительного клапана данной конструкции, которые работают при температурах от минус шестидесяти до плюс **четыреста двадцати пяти** градусов... А если быть более точным, то в нем кровь приблизительно трех миллионов **четырехста двадцати четырех** тысяч **восьмиста шестидесяти семи** человек. Среднемесячные доходы **сто сорока семи** предприятий и **пятьсот сорока одного кооперативов** превысили сорок тысяч форинтов. В Универсиаде участвуют спортсмены более **сто шестидесяти** стран (в речи телеведущей). Рекорд равен **сто сорока восьми сантиметрам**. К концу года — **двадцать один с половиной тыщ** (Губернатор Владимирской области. ТВ). Стоимость работ составляет **порядка пятьсот двадцать** миллиардов рублей. Где-то **около шестьсот** миллиардов долларов (ТВ). Проехать предстояло **порядка шестиста** километров, поэтому и выехали так рано. В шествии участвовали **около семиста** человек. Оказывается, что во всем мире представителей данного семейства насчитывается **около семьсот** видов. Это добавка к тем **трехсот рублям**. Следующие **три специальные виды** аттестатов Webmoney обеспечивают различные стороны функционирования системы и формируют организационную структуру Webmoney Transfer; **Три старые консервы** — не то, что есть — смотреть невыносимо. **В двух тысяча четвертом** году они выбыли (ТВ).*

Вместе с тем, судя по материалам Интернета, и для носителей русского языка здесь возникают проблемы, ср. из Интернета. *Не понимаю, как сказать правильно: из последних **двадцати одних часов** восемнадцать я проспала ...; Вопрос: Сомневаюсь, правильно ли я пишу: Дело принято на 540 (**пятьсот сорок**) листах, или надо пи-*

сать на (**пяти**сот сорока)? Ответ: правильно на **пятиста сорока** (ср. нормативное на **пятистах сорока**). И соответственно структура квантитативов с составными числительными и их парадигмы должны присутствовать в учебниках. Самое прискорбное, что Интернетовские «грамотеи» зачастую чуть ли не официально выступают в роли консультантов; см., например, сайт «Школьные Знания.com — ... язык»: «**Именительный пятьсот сорок два растения. Родительный пятьсот сорока двух растений. Д. п. семьсот двадцать одному. Т. п. семиста двадцати одному**». Отмечены квантитативы с составными числительными, где проявляется категория одушевленности, но при этом первое числительное стоит в форме Им. / Вин. п.: *Семья считалась многодетной даже для того патриархального времени: вместе с Билли родители воспитывали **двадцать трех детей**. Джек рассказывал Эннису о грозе с молниями на горе годом раньше, которая убила **сорок двух овец***. И т. д., и т. п. Русские студенты-математики говорили, что для них самое трудное — употребление числительных в речи. «Я не могу сказать *двухсот пятидесяти*, я должен сказать *двести пятидесяти*» — признавался один из них.

И думается, наряду с обучением в школе нормативному употреблению числительных, очень полезен будет для лингвистов анализ типов ненормативного употребления, как числительных, так и квантитативов. И не только в современном русском языке. Полезно выйти и в диахронию. Как показано в [Плетнева, Кравецкий, 2012: 132–133], сложные числительные в церковнославянском могли склоняться тремя способами: 1) склоняется первая часть: И домь свѣй создá солóмонь **трени́десать** лѣтъ; 2) склоняется вторая часть, которая при этом принимает окончания прилагательных: Мѣра ёгѡ **четыренáдесатихъ** лакѡтъ; 3) склоняются обе части: по **патина́десати** рáдь. Это тоже отражение процесса становления последующей нормы. Не зная специфики и типологии нарушений нормы, мы не найдем адекватных методических приемов обучения, в том числе и в русской школе. Интересно также, что происходит сейчас с категорией числительных в других славянских языках.

Заключение

1. Можно утверждать, что категория числительного в русской грамматике требует дальнейшего изучения, в первую очередь, в плане ее функционирования в речи и, соответственно, ее более строгой парадигматизации.

2. Логично выделить собственно числительное и его типы, которые следует категоризовать в зависимости от структуры и особенностей функционирования в синтаксических построениях. Следует выделить и представить полное описание функционирования не только «определенных»: количественных, порядковых, собиратель-

ных, дробных и комплексных, а также «неопределенных» типа *много мало, некоторые, многие* и под., числительных. Необходимо выявить и зафиксировать их падежные парадигмы.

3. Интересно осознать, что и сами числительные — категория морфосинтаксическая, поскольку есть разряды, представляющие собой сочетания слов, как бы их ни называли.

4. У нас пока нет категоризованного представления числительных — многогранговой дихотомической оппозиции [Трубецкой, 1961; Маркус, 1963; Ломтев, 1972], где были бы учтены все разряды этого класса с учетом их морфосинтаксических характеристик. См., однако, удачный, с нашей точки зрения, опыт такой категоризации в [Крылов 2005].

5. Можно признать, что в русском и других славянских языках числительные в сочетании с существительными образуют специфическое словосочетание — квантитатив. Как показал приведенный выше материал, в большинстве случаев в прямых падежах «словом» в таком с/с является числительное, а «словоформой» — существительное; в косвенных же они меняются позициями. Но возможны случаи, когда во всех падежах «словом» остается числительное. Если признать наличие категории счетного множества и квантитатива как средства ее реализации, то следует признать квантитатив морфосинтаксической структурой типа синтаксемы. И тогда получают свое обоснование членопредложенческие позиции, занимаемые такими составными единствами.

6. Можно говорить о наличии в категории славянского существительного трех форм числа: 1) единственного; 2) множественного и 3) счетного множества с двумя разрядами: неопределенного и определенного множеств.

7. Необходимо выделить все типы квантитативов и описать специфику их структур, в том числе и в зависимости от типа существительного. Важно увидеть и зафиксировать зоны пересечения разных типов квантитативов в падежной парадигме одной исходной формы.

8. Мы пока располагаем единственным зафиксированным случаем, когда при одном предлоге в одном значении каждый подразряд количественных существительных выступает в «своей» падежной форме. Вряд ли это единственный случай. Нужно выявить и другие.

9. Нужно зафиксировать и представить морфосинтаксис предложений, включающих квантитативы, с учетом пересечений с категориями рода и числа как существительных, так и глаголов.

10. Требуют сбора и анализа с последующим осмыслением все системные случаи ненормативного употребления числительных и квантитативов.

11. В статье не затронуты вопросы собственно синтаксиса. Вместе с тем квантитативы активно участвуют в коммуникативных механизмах актуального членения. Как и всякая двукомпонентная единица в славянских языках, квантитатив может ставить свои компоненты в отношении предцирования (фокус темы и фокус ремы): *На столе — пять книг — Книг на столе — пять. Отремонтировал шесть машин — Машин отремонтировал шесть.* (Такие трансформы возможны далеко не во всех неславянских языках.) «Для естественно-языковой квантификации существенной оказывается коммуникативная сторона» [Булыгина, Шмелев, 1989: 194]. Соответственно, в русском языке сформировалась модель с типовым значением: ‘субъект/объект и его количественная характеристика’, когда в фокусе темы стоит $N_{р1}$ имени субъекта или объекта, независимо от способа выражения квантитативности: *Книг на столе одна; Гостей пригласили большие ста человек. Нас шестнадцать офицеров ехало в вагоне. Снегу навалило выше головы. Снегу-то, снегу !!!* [Всеволодова, 2000: 382–385]. Этот аспект тоже нужно учесть в грамматике квантитатива. Несомненный синтаксический интерес представляют модели, где падежные формы самого субъекта могут быть разными (Ни / Нв): *Нас четверо. Соперников, врагов. А ты одна. — И мы четверо в центре круга. В секцию нас пришло трое. — Мы пришли трое — жена его брата, его духовная дочь В.Н. и я.* Ср. модели, где эти формы распределены между субъектом и объектом: *Мы четвером (она, обе сестры и я) или в театр. Ребята четвером создают костюмы и ставят спектакли. Но: Закинули нас четвером вертолетом, под водораздел, на северный склон. Он решил оставить ребят четвером.* Необходимо представить модели предложений с этими компонентами и их парадигматику. Это тоже грамматика числительных, пусть и наречных. См. очень интересные наблюдения в [Крылов, 2005].

Наверняка это не все проблемы и вопросы, связанные с грамматикой категории числительных, закономерности изменения которой мы пока констатируем на уровне нарушения нормы. Но нарушения (пусть и, к сожалению, для нас) часто переходят в норму. И лингвистика должна знать систему, чтобы уметь предвидеть и объяснять изменения в норме и, если возможно, как можно дольше сохранять норму.

Список литературы

- Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
 Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. Имя. М., 2011.
 Акуленко В.В. (отв. ред.) Категория количества в современных европейских языках. Киев, 1990.
 Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М., 1935.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Количественность в языковом мышлении // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И.* Современный русский язык: Учебник / Под ред. Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
- Всеволодова М.В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
- Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4.
- Всеволодова М.В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3.
- Всеволодова М.В.* Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012а. № 1.
- Всеволодова М.В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2: Фрагмент системы — мотивированные (вторичные) предлоги // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012б. № 6.
- Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М., 2013.
- Гак В.Г., Кузнецов С.Н.* О типологии квантитативной сегментации предметов // Лингвистическая типология. М., 1985.
- Есперсен О.* Философия грамматики. 2-е изд. М., 2006.
- Жаботинская С.А.* Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка). М., 1992.
- Зализняк А.А.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.
- Исаченко А.В.* О грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1961. № 1.
- Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М., 2012.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Клобуков Е.В.* Семантическая категория падежности в системе функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 2000.
- Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. 2-е изд. М., 2002.
- Кодзасов С.В.* Комбинаторные методы в фонологии. М., 2001.

- Копыленко М.М.* (отв. ред.). Средства выражения количества в русском языке. Алма-Ата, 1993.
- Крылов С.А.* Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2005.
- Лариохина Н.М.* Особенности изучения синтаксиса научного стиля речи // В помощь преподавателю русского языка как иностранного. М., 1964.
- Лариохина Н.М.* и др. Сборник упражнений по синтаксису научной речи / Под ред. Н.М. Лариохиной. М., 1965.
- Лариохина Н.М.* Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М., 1979.
- Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
- Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Маркус С.* Лингвистический аспект логических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
- Мещанинов И.И.* Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945. № 1.
- Николаева Т.М.* Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
- Обнорский А.В.* Именное склонение в русском языке. Т. II. М., 1931.
- Обнорский А.В.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.
- Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания. М., 1977.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык. М., 2010.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 4. М.; Л., 1941.
- Потебня А.А.* Мысль и язык. М., 2007.
- Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1910–1914.
- Реформатский А.А.* Число и грамматика // Вопросы грамматики: Сборник статей к 75-летию со дня рождения И.И. Мещанинова. М., 1960.
- Селищев А.М.* Славянское языкознание: Западнославянские языки. 1-е изд., 1941; 2-е изд., 2010.
- Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. 1-е изд., 1907; 5-е изд., 2005.
- СОШ — *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Судзуки Рина.* Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Теория функциональной грамматики. Т. 5: Качественность. Количественность / Ред. А.В. Бондарко. Новосибирск, 1996.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1961.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2009–2010.
- Флоринский Т.Д.* Лекции по славянскому языкознанию. Т. 1: Болгарский, сербо-хорватский, словинский. Киев, 1895; Т. 2: Северо-западные славян-

- ские языки (чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий и полабский). 1897.
- Холодович А.А.* Категория множества в японском в свете общей теории множеств в языке // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. М., 1979.
- Храковский В.С.* (отв. ред.). Типология итеративных конструкций. СПб., 1989.
- Храковский В.С.* Мультипликативы и семьelfактивы (проблема видовой пары) // Храковский В.С. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб., 1999.
- Чеснокова Л.Д.* Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. Таганрог, 1992.
- Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 2010.
- Швачко С.А.* Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском. Киев, 1981.
- Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. М., 1998.
- Шмелев А.Д.* Определенность-неопределенность и проблемы квантификации // Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Шуба П.П.* Сучасная беларуская мова. Марфаналогія. Марфалогія: Вучэб. дапаможнік для філал. фак. ун-таў. Мінск, 1987.
- Шувалова С.А.* Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990.
- Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Humboldt W. von.* Gesammelte Werke. Bd. 1–7. Berlin, 1841–1852.

Сведения об авторе: *Всеволодова Майя Владимировна*, докт. филол. наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mvsevol@mail333.com

В.А. Недзвецкий

**Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, БЕЛЛЕТРИСТ
И ЭСТЕТИК, СЕГОДНЯ
(к 185-летию со дня рождения)**

Был ли создатель знаменитого романа «о новых людях» художником по роду своего дарования? В чем слабые и сильные стороны эстетики Н. Чернышевского и где ее истоки? Таковы вопросы, на которые отвечает эта статья.

Ключевые слова: беллетрист рационалистического склада, необыкновенный успех и неприятие, трактовка содержания и формы в художественном произведении, общественное назначение искусства.

Was the creator of the famous novel “about new people” an artist as far as his talents are concerned? What are the weak and the strong aspects of N. Chernyshevsky's aesthetic and where can we find its origins? These are the questions answered by this article.

Key words: a belles-lettres author of the rationalist type, extraordinary success and rejection, the treatment of content and form in a work of fiction, the social mission of art.

Энциклопедическая личность Николая Гавриловича Чернышевского, мыслителя и революционера, экономиста и полиглота, литературного критика, публициста и переводчика, ныне филологов интересует прежде всего как автора романа «Что делать?» и оппозиционного к соответствующим понятиям своего времени эстетика. Написанный в Петропавловской крепости за четыре месяца и опубликованный «Современником» весной 1863 г. помянутый роман с необычным подзаголовком («Из рассказов о новых людях») был, по свидетельствам Н. Лескова, князя П.А. Кропоткина, профессора одесского Новороссийского университета П. Цитовича, критика А. Скабичевского и многих других современников, русской радикальной молодежью 1860–1870-х годов воспринят как второе Евангелие и имел успех, с которым не могло состязаться ни одно произведение А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, И. Гончарова, Ф. Достоевского или Л. Толстого.

Своим становлением в русской прозе этого периода ему обязано и целое течение, представленное романами В. Слепцова («Трудное время»), Н. Бажина («Степан Рулёв»), И. Оммулевского («Шаг за шагом»), Д. Гирса («Старая и новая Россия»), И. Кушевского («Николай Негорев, или Благополучный россиянин») и других прозаиков.

Что же касается таких даровитых русских очеркистов-«шестидесятников», как Николай Успенский, Василий Слепцов, Александр Левитов, Федор Решетников, Николай Помяловский, Глеб Успенский, то в своем отказе от повествовательного лиризма (исключением здесь стали лишь «Степные очерки» А. Левитова) и «излишеств» творческой фантазии, литературного пейзажа и в установке на строгую авторскую объективность, почти «протоколно» (А. Скабический) и «без прикрас» фиксируемый житейский факт они в немалой мере опирались и на ряд положений магистерской диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности».

Неслыханный читательский интерес к роману «Что делать?» со стороны молодой России вместе с тем не помешал по существу единодушной негативной оценке его крупнейшими отечественными романистами второй половины XIX столетия. Называя роман Чернышевского в художественном отношении «почти смешным» (Н. Лесков), «бездарным» (И. Гончаров), совершенно чуждым «красоте» (И. Тургенев), эти романисты решительно отклоняют и философские начала, на которых его автор «строил <...> здание какого-то нового порядка в условиях и способах общественной жизни»¹. Лев Толстой в комедии «Зараженное семейство» (1864) пародирует следующих этим началам положительных героев «Что делать?», а Ф. Достоевский в «Записках из подполья» (1864) подвергнет острейшей критике отличающее их нормативно-рационалистическое представление о человеческой природе².

Резко отрицательно отнеслись названные художники и к магистерской диссертации Чернышевского после издания ее отдельной книжкой. Тургенев именует ее «гнусной мертвечиной», подозревает ее автора в «худо скрытой вражде к искусству», которое-де, по Чернышевскому, «годится только для людей незрелых», и заключает: «его книга и ложна и вредна»³. Как сугубо утилитарный взгляд на дело художника, подчиняемого злободневным политическим целям, расценили эстетику Чернышевского И. Гончаров и Л. Толстой. Проповедь «порабощения искусства» внехудожественными задачами увидел в ней в одноименной статье 1864 г. критик и беллетрист Н.Д. Ахшарумов.

В советское время и роман «Что делать?», и эстетика Чернышевского были возведены в ранг образцовых как для прозы соцреализма, так и для его теоретических норм и критериев. И для советского

¹ Гончаров И.А. Цензорское заключение о деятельности журнала «Современник» за 1863 год. Цит. по: Пиксанов Н.К. Роман И.А. Гончарова «Обрыв» // Учен. зап. ЛГУ. № 173. Русская литература. Л., 1954. С. 25.

² Подробнее об этом см.: Недзвецкий В.А. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать» и его оппоненты. М., 2003. С. 86–162.

³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 3. М., 1987. С. 46, 49.

юношества «Что делать?» признавался «учебником жизни». Помню, как в школьном учебнике 1950-х годов по литературе почтительно цитировались в качестве незыблемой нравственной максимы следующие слова одной из его героинь: «Лучше смерть, чем поцелуй без любви!» И как почему-то забывалось, что максима эта провозглашалась содержанкой светского петербургского шалопая Сержа, французенкой Жюли, т.е. женщиной, сама «профессия» которой полностью исключала ее следование этой заповеди.

Неоспоримой истиной признавался главный тезис эстетики Чернышевского: «Прекрасное есть жизнь». Вспоминается, как в 1960-е годы директор Института художественного воспитания при Академии педагогических наук СССР Скатерщиков в одной из своих печатных работ научно «углубил» эту истину не подлежащим сомнению утверждением «Прекрасное есть *наша, советская, жизнь!*»...

Сегодня и знаменитый роман Чернышевского, и его эстетика снова не в чести, хотя и по совсем иным, чем у Тургенева, Гончарова, Л. Толстого и Достоевского, причинам. Теперь «мужицкому демократу» Чернышевскому (как и поэтам-декабристам, А. Герцену, Н. Огареву, В. Белинскому, М. Салтыкову-Щедрину) некоторые наши литературоведы и критики не желают прощать его радикально-революционную позицию, так радовавшую и восхищавшую В. Ленина, И. Сталина и всех следующих за ними советских вождей, членов Политбюро и ЦК КПСС. Между тем проблема Чернышевского-*беллетриста* далеко не так проста, как она решалась и снова решается в угоду той или иной политико-идеологической конъюнктуры.

Путь к ее научному освещению открывается лишь с вопросом, которого в советские времена как-то стыдливо избегали: «А был ли автор “Что делать?” не просто способным беллетристом, что он, думается, убедительно доказал и романом “Пролог”, названным А.В. Луначарским даже “литературным шедевром”, и рядом повестей, пьес, созданных уже в сибирской ссылке, а художником от природы?»

На наш взгляд, тут возможен лишь один ответ: нет, Чернышевский в силу преимущественно рационалистического склада его личности и рационалистического же восприятия человека и мира был мыслителем и ученым, ученым с огромным потенциалом, который российская действительность его времени не позволила ему должным образом реализовать, но никак не художником. Что четко проявилось в понимании им содержания и формы как его романа «Что делать?», так и произведения искусства в целом.

Обратим внимание: Чернышевский, вне сомнения, полагает себя прямым наследником эстетических принципов В.Г. Белинского. И в то же время сам он фактически не пользуется такой фундаментальной категорией своего учителя, как сверхпонятийный и даже антипонятийный концепт «пафос» (от др.-греч. *patos* — страсть, возбуждение,

воодушевление), ставший у Белинского синонимом «поэтической идеи», которая и творится художником, и воспринимается его читателем (зрителем, слушателем) «не рассудком, не чувством и не какою-либо одною способностью» того и другого, а «полнотою и целостью»⁴ их духовных (эстетических, морально-нравственных), эмоциональных и интеллектуальных способностей в их нераздельном и синхронном единстве. «Искусство, — не уставал повторять Белинский, — не допускает к себе отвлеченных философских, а тем более рассудочных идей: оно допускает только идеи поэтические; а поэтическая идея — это не силлогизм, не догмат, не правило, это живая страсть, это — пафос...»⁵.

У Чернышевского на месте пафоса (*поэтической идеи*) обычно стоит (как, скажем, в утверждении «... Искусство выражает идею...»⁶) именно отвлеченная, понятийно-логическая мысль, и это отнюдь не случайно. Ведь и сердцевиной художественного таланта Чернышевский считает не присущие его носителю высокий эстетический идеал и настоящую внутреннюю потребность в его реализации, «творящую фантазию» (В. Белинский) и развитое воображение, мощную интуицию, в случае с писателем — еще и природное чувство слова во всей его семантике, орфоэпической и интонационной гибкости, а «замечательный ум» и «сильный здравый смысл»⁷.

Отсюда и умозрительно-абстрактное в его происхождении и сути содержание романа «Что делать?», по этой причине качественно отличающегося от произведения подлинно художественного. Например, от толстовской «Анны Карениной». Вот после ее публикации философ и критик Н.Н. Страхов письменно излагает Л. Толстому свое понимание *идеи* его романа и упрекает писателя, что он «ни разу ничего не сказал об этой идее»⁸. А Толстой ему отвечает: «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, который я написал, сначала»⁹. И, поясняет, что как художник он творит те *сцепления*, основу которых выразить «непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения»¹⁰.

В отличие от «Анны Карениной» («Обломова», «Отцов и детей», «Идиота» и т. п.) идею (содержательную основу) романа «Что делать?» передать словами как раз можно, а для человека, неплохо

⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VII. М., 1953–1959. С. 312.

⁵ Там же.

⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 6. М., 1939–1953. С. 82.

⁷ Там же. Т. 3. С. 133.

⁸ Н.Н. Страхов — Л.Н. Толстому от 15–16 апреля 1876 г. Цит. по: Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 17. М., 1965. С. 786.

⁹ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 784.

¹⁰ Там же.

осведомленного в философско-этических доктринах середины XIX в., и нетрудно. Это оттого, что в данном романе его содержание представляет собой систему умозрительных положений и тезисов, почерпнутых Чернышевским (иногда, как в понимании «разумного эгоизма» или в представлении об обществе будущего, видоизмененных и обогащенных) из трех теоретических учений: так называемого антропологического материализма Людвиг Фейербаха, утилитаристской этики Иеремии Бентама и Дж. Стюарта Милля и рациональной организации коллективного труда и быта, как она мыслилась французскими утопическими социалистами (Ш. Фурье, В. Консидеран) и шотландцем Робертом Оуэном.

Ведь именно усвоение положительными героями «Что делать?» этих учений, которыми Дмитрий Лопухов, Александр Кирсанов, Вера Павловна Розальская и в особенности Рахметов руководствуются решительно во всех своих отношениях и друг с другом, и с наличным, в их глазах, ложно («фантастически») устроенным обществом, предопределяет то их *самостоятельное-самоформирование* в «новых людей», коим диктуются развитие (сюжет) и построение произведения.

В качестве учения основополагающего при этом выступает фейербаховская концепция человека как создание не Бога (шеллинговского Мирового Духа, гегелевской Абсолютной Идеи), а естественной природы, частью которой является и природа человеческая, состоящая из четырех компонентов: от рождения человек разумен (*homo sapiens*), склонен к деятельности, труду (*homo faber*), он существо общественное, а не индивидуалистическое («*social animal est homo*»; «*zoon politikon*»), и он эгоист, т.е. жаждет личного счастья.

В «организациях» названных героев «Что делать?» есть все эти элементы, что позволяет этим героям заменить христианские категории *жертвы*, *жертвования* и *долга* этикой «разумного эгоизма» и начисто отвергнуть онтологичное христианству *страдание* (оно, мол, отсутствует в человеческой природе и порождается лишь ложно устроенным обществом). И в процессе овладения вышеназванными учениями, а также несвоекорыстного труда и активного противостояния господствующей социальной практике (не одной революционной деятельностью, но и учреждениями мирными, как швейные мастерские Веры Павловны и Кати Полозовой) сложиться в людей в точном смысле слова *натуральных*, т.е. соответствующих неискаженной «общей природе людей».

В этом качестве они противостоят у Чернышевского людям, по его квалификации, «*дурным*» (от лексемы «дурень»), т.е. понимающим свои природные потребности-«выгоды» ошибочно, однако для верного осознания их все же не потерянным, и «*дрянным*», т.е. множеству тех чиновников, помещиков, вообще богачей, что живут

паразитически, без собственного труда, чем безнадежно уродуют собственную человеческую природу, а поэтому подлежат, как раковая опухоль, устранению хирургическим мечом революции. Которая у автора «Что делать?» закономерно не буржуазная или пролетарская, а *крестьянская*; ведь и жизнь русского мужика от начала до конца зиждется на общественно полезном труде, а труд, согласно Чернышевскому, важнейший после разума компонент человеческой природы. Как сказано во втором сне Веры Павловны, он «представляется в антропологическом анализе коренною формою движения... А без движения нет жизни...»¹¹. В «Что делать?» люди «дурные» представлены матерью Веры Павловны Марией Алексеевной, а «дрянные» — Михаилом Сторешниковым, аристократом Сержем, Жаном Соловцовым.

Обращаясь к принципиальной для классической эстетики проблеме взаимоотношения в произведении искусства его пафоса и художественной формы, Белинский писал: художник «носит и вынашивает в себе зерно поэтической мысли, как носит и вынашивает мать дитя в утробе своей»¹². Говоря иначе, художественное произведение и зарождается, и созревает, и является на свет, как *живой организм*, в диалектическом взаимопроникновении и взаимообусловленности его сути и плоти. В этом понимании итога художественного акта Белинский предвосхищает современную трактовку «содержания» художественного явления как *совокупной содержательности* всех и всяческих его образно-литературных форм.

Совсем не то мы видим у Чернышевского-эстетика и автора «Что делать?». Приведем, например, его суждение о творчестве автора «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки»: у Пушкина «...художественность составляет не одну *оболочку*, а *зерно* и *оболочку* вместе»¹³ (курсив наш. — В. Н.). Тут чрезвычайно показательна уже замена слова «форма» вовсе не синонимичным ему словом «оболочка» (согласно В. Далю, от глагола «облекать», т.е. оболочка это то, что укрывает, покрывает и закрывает или во что облачают¹⁴), коренным образом меняющая и самую связь в литературном произведении между его «идеей» и формой.

У Белинского она внутренняя, равноправная и аналогична взаимозависимости в человеке его души и тела; у Чернышевского — внешняя и функционально неравноценная в той же мере, как и связь между ореховым ядром и его скорлупой, подушкой и наволочкой, человеком и его одеждой.

¹¹ Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1958. С. 124.

¹² Белинский В. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 312.

¹³ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 473.

¹⁴ Даль В. Толковый словарь живаго великорусского языка. Т. 2. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. СПб.; М., 1881. С. 594.

Если неорганичность художественной формы пафосу произведения (в частности, невыдержанность стиля, особо значимых характеров, сюжетной линии, ряда сцен и т. д. или их разлад с его целым) означает гибель и самого этого пафоса, то всего лишь беллетризованная **оболочка**, которой облачили какие-то идеи отвлеченного рода, послужит, нисколько не меняя их природы и глубины, только их иллюстрацией с целью большей доступности для людей, с этими идеями совершенно не знакомых или к их усвоению в понятийно-логическом виде не готовых. Чего, на наш взгляд, прежде всего и желал Чернышевский как автор «Что делать?», обратившийся к литературно-романной шифровке своих философско-этических воззрений не ранее того, как арест и тюремное заключение сделало невыносимым их сколько-нибудь прямую пропаганду.

Помимо весьма рациональной при всей ее запутанности для цензуры композиции «Что делать?» и его страдающих изрядным схематизмом действующих лиц (он диктуется уже убеждением Чернышевского в грядущей идентичности всех людей друг другу по мере того, как каждый из них верно поймет состав своей человеческой природы) основой литературной «оболочки» этого романа послужили риторические фигуры мысли и слова (вроде следующего пассажа о новом человеческом типе, явившемся в России: «Недавно *родился* этот тип. Он *рожден* **временем**, он знамение **времени**, и, сказать ли? — он исчезнет вместе со **временем**»¹⁵), а также приемы занимательного и развлекательного повествования. Если арсенал не собственно художественного, а «украшенного слова» Чернышевскому был превосходно известен еще по его учебе в Саратовской духовной семинарии, то способы занимательного рассказа (например, таинственное исчезновение и появление какого-то персонажа, элементы детектива, нарочитая недосказанность и т. д.) он черпал как из текущей русской (в частности, из повести А. Писемского «Винювата ли она?», «Переписки» И. Тургенева), так и западноевропейской литературы, где позаимствовал центральную коллизию романа Жорж Санд «Жак» (1834).

Не изобретенные самим автором «Что делать?», а взятые, что называется, напрокат у их первооткрывателей, эти беллетристические приемы по существу утрачивали в романе Чернышевского свою первоначальную содержательность, превращаясь в элемент функционально весьма условный.

В своей основе риторическая, а не художественная природа «Что делать?» явилась, на наш взгляд, главной причиной и забвения этого романа уже к 80-м годам XIX столетия, а затем — после его официального ренессанса в советское время — и в последние

¹⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 236.

двадцать лет. Впрочем, хоронить этот роман Чернышевского как объект читательского спроса явно рано, а то и вовсе бесполезно. Как показывают отдельные свидетельства, у его героев есть и ныне поклонники из людей, сходных с ними по своему складу и прагматическому отношению к жизни. Именно таковыми, должно быть, оказались те студентки русского отделения одного из американских университетов, которые на вопрос преподавателя «Какой из русских романов девятнадцатого века вам больше всего понравился?» ответили: «“Что делать?” Н. Чернышевского». Их можно понять. Ведь в «Что делать?» не только поставлены, но впервые и положительно решены многие из тех *онтологических* проблем человечества, которые были в центре внимания и крупнейших русских художников слова. Это противоречия между человеческой свободой и внешней необходимостью, эгоизмом и альтруизмом, человеком и наличным обществом, природой и мирозданием в целом, наконец, между мужчиной и женщиной. Это и проблема женской эмансипации.

Другое дело, что их гармонизация в романе Чернышевского осуществляется в свете той апологии разума и рассудочного *«расчета»*, которая подчиняет им всю душевно-психологическую и эмоционально-эротическую сферу человека, не исключая и его совести. Однако же глубоко прав был Ф. Достоевский, — «... одни разум, наука и реализм (т.е. позитивизм. — В. Н.) могут создать только муравейник, а не социальную “гармонию”, в которой можно было бы ужиться человеку». Ибо главный залог человеческого совершенствования — «начала нравственные»¹⁶.

* * *

Еще менее однозначен ответ на вопрос о нынешней актуальности магистерской диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (защищена в 1853, опубликована в 1855).

В советское время ее безмерно хвалили за *материалистичность*, т.е. за утверждение приоритета явлений жизни над творениями искусства и правды объективной реальности над якобы «субъективной» правдой художника. Что у Чернышевского выразилось в его формуле: искусство не иная в отношении к жизни — эстетическая — реальность, как полагала классическая немецкая эстетика от И. Канта, братьев Шлегелей до Г.В. Гегеля, а «суррогат (бледная копия, неадекватная замена. — В. Н.) жизни».

Это было, разумеется, серьезной вульгаризацией дела художника, общественная ценность которого ограничивалась лишь тем, насколько «верно» (в чьих глазах?) он *воспроизводит* реальность,

¹⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л., 1972–1990. С. 10.

как ее современникам *объясняет* и какой *приговор* над ней выносит. Впрочем, и здесь не все так просто. Переключки с некоторыми идеями Чернышевского-эстетика исследователи находят в позднем трактате Л.Н. Толстого «Что такое искусство?» (1898); в качестве полезного опыта «практической эстетики» его диссертацию поддержит Владимир Соловьев. В чем же дело?

Очевидно, в разных концепциях *общественного назначения* искусства или, по Чернышевскому, его отношений действительности. Первая, восходящая к эстетике классической и лаконично выраженная, в частности, И. Тургеневым в его эссеистской повести «Довольно» (1865), исходит из того, что искусство «сильнее самой природы» (стало быть, и жизни), «потому что в ней нет ни симфонии Бетховена, ни картины Рюисдаля, ни поэмы Гёте, и одни лишь педанты <...> могут толковать об искусстве как о подражании природе...»¹⁷. В то время как прекрасное в жизни и природе несовершенно или мимолетно, «Венера Милосская, пожалуй, несомненное римского права или принципов 89 года»¹⁸ (т.е. лозунгов Великой французской революции *liberté, égalité, fraternité*). Если ни правовое сознание римлян, ни названные лозунги французской революции не привели человечество ни к социальной гармонии, ни к «всемирному счастью» (Ф. Достоевский), то древнегреческая статуя Афродиты-Венеры, найденная в 1820-м на острове Мелос, — явилась, по Тургеневу, и воплощением и обретенным образцом человеческой гармонии.

В этой тургеневской мысли — отражение гегелевского положения о несвободе и подавленности *Духа* в материально-*практическом* бытии человека, где и сам человек, говоря словами А. Пушкина, — «поденщик, раб нужды, забот» («Поэт и Толпа»). Свою свободу и полноту Дух, согласно Гегелю, обретает лишь в трех видах нематериальной деятельности человека: в акте религиозного созерцания Бога, в рамках гегелевской философии (точнее, ее диалектического метода) и особенно в процессе эстетического творчества¹⁹.

Искусство в данной его трактовке, таким образом, видится единственной областью, пребывая в которой, человек счастлив. Однако сотворенный художником гармонизированный, в отличие от раздираемой противоречиями, безобразной или пошлой реальности,

¹⁷ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. Т. 7. М., 1981. С. 228.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Высшей формой духа» искусство вместе с тем признавалось Гегелем не всегда. Как справедливо отмечал П.В. Палиевский, «Гегель, установив впервые диалектику абстрактного и конкретного в искусстве, сделал это на идеалистической основе и потому не смог удержаться в рамках действительной диалектики <...> и, оторвав абстрактное (“дух”) от конкретного, предсказал окончательную победу и торжество духа над “временной” его оболочкой — искусством» (Палиевский П.В. Внутренняя структура образа // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М., 1962. С. 92).

мир существует только в воображении его самого и «потребителей» (читателей, зрителей, слушателей) его произведения, т.е. *иллюзорно*. И по этой причине подобен лишь тому «сну золотому», который в стихотворении П. Беранже «Безумцы» (“Les fous”, в переводе В.С. Курочкина) навеивается человечеству, жаждущему правды, но так и не дождавшемуся ее, неким кудесником. И все-таки — пусть искусство не более, чем очарованный сон, но разве с утратой этой его социальной роли, хотя бы время от времени *компенсирующей* людям скудость и скуку их реального существования, они, люди, не лишатся совершенно им необходимого? Так, отвергая, с этой точки зрения, «ложную и вредную» диссертацию Чернышевского, ставит вопрос И. Тургенев, когда по ее поводу замечает в письме к В.П. Боткину: «Отними у нас *этом* энтузиазм (т.е. стремление творить искусство и наслаждаться им. — В. Н.) — после хоть со света беги»²⁰.

Тот же вопрос возникнет в следующем начальном катрене из датируемого 25 декабря 1899 г. стихотворения Александра Блока:

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра — нет,
Готов и смерти покориться
Младой поэт.

Но решен он здесь почти полярно тургеневской позиции:

Я не таков: пусть буду снами
Заворожен, —
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.

Опять тревога, опять — стремленье,
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенью
До новых снов!

Принципиально иначе, чем Тургенев и его единомышленники, смотрит на проблему общественного назначения искусства и Чернышевский. В диссертации его этот взгляд не высказан в виде четкой формулировки, но он вполне проясняется в контексте следующей важной работы Чернышевского по эстетике — его статьи 1854 г., написанной в связи с опубликованным в том же году переводом Б. Ордынского с древнегреческого оригинала «Поэтики» Аристотеля. При этом Чернышевский опирается не на аристотелевскую теорию искусства как подражания природе, а на общественно-гражданское отношение Платона к поэтам его времени.

Платон, говорит Чернышевский, считал поэзию «только пустой забавою»²¹, и она (как и другие тогдашние «изящные искусства»)

²⁰ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 3. С. 54.

²¹ Чернышевский Н.Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1950. С. 479.

была и останется таковой до тех пор, пока будет отказываться «от практического значения для жизни»²². В чем, однако, это ее значение может проявиться?

Поэзия, отвечает Чернышевский, и она в особенности, ибо «другие искусства очень мало делают в этом отношении», может и должна распространять «в массе читателей огромное количество сведений и, что еще важнее, знакомство с понятиями, вырабатываемыми наукою, — вот в чем заключается великое значение поэзии для жизни»²³. Ясно, что такая утилитаризация дела поэтов, восхитившая бы Д. Писарева в пору его гонения на эстетику и требований, чтобы писатели популяризировали естественно-научные знания, могла только дискредитировать идею общественно-практического служения искусства. К счастью для Чернышевского, возможность такого служения, на наш взгляд, вытекает из самой внутренней логики (хочется сказать общего «пафоса») его диссертации.

Ибо, нимало не довольствуясь способностью искусства уводить человека из мира необходимости в мир прекрасных грез, эта диссертация не без оснований утверждает искусство как одну из сил самой практической человеческой действительности в ее стремлении к своей гуманизации и гармонизации. Разве великие русские романисты, поэты, живописцы и композиторы не желали и своим творчеством, как говорили в XIX в., споспешествовать очеловечиванию российского бытия и быта с тем, чтобы преобразить то и другое по нормам справедливости и красоты?

Вот и у Чернышевского искусство, дело художников должно было, не ограничиваясь не только развлекательной, но и компенсаторной функцией, сливаться с глубинным процессом жизненного самосовершенствования. И, ориентируя его *так*, Чернышевский оказывался уже не вульгаризатором от эстетики, а ее новатором, предвосхищающим в будущем *жизнестроительную* поэтическую позицию В. Маяковского (в какой мере и как ее удалось реализовать — это другой вопрос), а из прошлого унаследовавшим ту суровую, но совсем не беззаконную требовательность к деятелям искусства, которая отличала «божественного Платона». Того самого, кто, как известно, не допустил в свой совершенный Полис-Государство поэтов на том основании, что, лишь забавляя людей или увлекая их в мир вымышленной гармонии, они мешают им строить гармонию реальную.

Если и не умышенная, то все же объективная переключка эстетики Чернышевского с эстетическим максимализмом Платона — суть убедительное свидетельство того, что эстетическая теория автора «Что делать?» и «Пролога» выросла далеко не на бесплодной почве

²² Там же. С. 480.

²³ Там же. С. 479.

и отнюдь не была актом нигилистического «разрушения эстетики», как склонен был считать Д. Писарев. Иное дело, во что могли и могут впредь деформироваться эстетические постулаты и критерии Н. Чернышевского в руках чиновников от искусства, особенно тех, кто любой ценой хочет лишить художника его творческой свободы и заставить служить якобы общественной практике в рабском положении «колесика и винтика» очередного партийного или государственного механизма.

Список литературы

- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VII. М., 1953–1959.
- Даль Владимир.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. 2. М., 1881.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л., 1972–1990.
- Недзвецкий В.А.* Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и его оппоненты. М., 2003.
- Палиевский П.В.* Внутренняя структура образа // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М., 1962.
- Пиксанов Н.К.* Роман И.А. Гончарова «Обрыв» // Учен. зап. ЛГУ. № 173. Русская литература. Л., 1954.
- Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 22 т. Т. 17. М., 1965.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 3. Письма. М., 1987.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Сочинения. М., 1981. Т. 7.
- Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3, 6. М., 1939–1953.
- Чернышевский Н.Г.* Избранные произведения. М.; Л., 1950.
- Чернышевский Н.Г.* Что делать? М., 1958.

Сведения об авторе: *Недзвецкий Валентин Александрович*, докт. филол. наук, заслуженный профессор МГУ, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nedzvetsky@bk.ru

С.И. Кормилов, Г.А. Аманова

**МЕТРИКА, РИФМА И СТРОФИКА В РУССКИХ
ПЕРЕВОДАХ ИЗ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ
(А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев)**

Статья вторая¹

Из-за различия просодий ритм в русских переводах с некоторых восточных языков передается чрезвычайно условно. Немногочисленные переводчики корейской поэзии по-разному пытаются дать русский художественный аналог иноязычных приемов. В данном исследовании с точки зрения стиховедения рассматриваются работы трех переводчиков разного таланта и разной квалификации.

Ключевые слова: стих, полустишие, размер, стопа, рифма, строфа.

In translations of poems from some oriental languages rhythm has a contingent character, because they have a prosody different from that of Russian poetry. Translators of Korean poetry, who are not numerous at present, try to find different ways to render artistically into Russian some methods typical of foreign languages. The authors of this work attempt to investigate translations of Korean poems by three Russian translators, who have different levels of their skills and qualifications.

Key words: verse, hemistich, metre, metric foot, rhyme, stanza.

В Собрание сочинений Ахматовой включено 164 сиджо, переводы которых полностью ей приписаны вместе с одним переводом А.А. Холодовича (см. статью первую). К публиковавшимся в «Корейской классической поэзии» добавлен перевод «Ночью осенней при свете луны...» [Ахматова, 2005:355]², сохранившийся в карандашной рукописи. Приемлемо такое расширение основного корпуса ахматовских сиджо или нет, но современный читатель получил под именем Ахматовой 164 стихотворения в этой форме, с чем приходится считаться, хотя в «Корейской классической поэзии» ей принадлежат 162 сиджо. Из 164-х ямбических 102, в том числе 5-стопных 73. Остальные стопности распределились так: Я4–14, Я43– 8, Я3–5, Я7–2. Естественно, что второе и третье места заняли самый популярный в русской классической поэзии 4-стопный ямб и его сочетание с 3-стопным.

¹ Статью первую см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 5. С. 92–115.

² Далее страницы этого издания указываются в круглых скобках без отсылки к источнику.

Хореических сиджо 38. Здесь тоже лидирует 5-стопник — 17 стихотворений, но 4-стопник в чистом виде отстает ненамного — 15, к тому же три сиджо выполнены в Х8 (спаренных 4-стопниках) и по одному в сочетаниях Х43 и Х34. Лишь один текст 3-стопный.

Трехсложников немного — 22 стихотворения. Среди них лидирует, как и в русской поэзии XX в., анапест («пропорция дактилей, амфибрахий и анапестов в начале века была 3: 3: 4, в середине века становится 1: 4: 5» [Гаспаров, 1984: 263]): Аи3–10, Аи4–1. На втором месте почти без отрыва немного менее популярный в оригинальной поэзии амфибрахий: Амф3–5 сиджо, Амф43–4. Дактиль, утративший популярность в XX в., аутсайдер и в ахматовских переводах: Д4–1 сиджо, Д43–2. Два сиджо, как говорилось выше, переведены дольником.

Ахматова на слух четко метрически отделяла эти переводы от собственных стихов. В них за 1956–1959 гг. по строкам картина совсем другая: Я5–11%; Дк3–16,0; Я4–9,5; Аи3–12,5; Х4–1,0; Х5–10,5%. Без большой дольниковой «Поэмы без героя» картина несколько иная, но все равно резко отличная от переводов: Я5–13%; Дк3–5,0; Я4–12,5; Аи3–17,5; Х4–1,0; Х5–11,5 [Гаспаров, 1997: 482]. Особенно бросается в глаза разница в отношении к двусложникам: Я5 и Я4 практически на равных, а в переводах сиджо Я5 превосходит чистый Я4 в 5,2 раза и Я4 вместе с Я43 — в 3,3 раза; в хорее переводов 5-стопники и 4-стопники практически на равных, а в оригинальных стихах первый превосходит второй в 11,5 раза. Дольника в них 5%, а в переводах сиджо — 1,2%.

Любопытно посмотреть, как соотносятся чередующиеся мужские и женские окончания в размере-лидере. Поскольку «мужское, более обрывистое, окончание четче кончает строфу, чем женское» [*Холшевников*, 2005: 59], соотношение ЖМЖМ: МЖМЖ в рифмованных четверостишиях Ахматовой (основной форме поэзии) — 44: 17% [Гаспаров, 1997: 488]. В ее сиджо двустишия ЖМ и МЖ находятся в равновесии: 35 и 31 стихотворение, со сплошными женскими клаузулами — 3, со сплошными мужскими — 2. В двух случаях альтернанс не соблюден: в сиджо Син Хыма «В селенье горном снег на землю выпал...» первое двустишие женское, а два с альтернансом МЖ [Ахматова, 2005: 319], в сиджо Ким Сам Хёна «Погибни, Наньпа!...» пять строк женских, но последний стих энергичный мужской: «А после сколько мужей знаменитых // Рыдали, эти слушая слова!» (с. 326). Во втором случае речь идет о молодом человеке, который добровольно пошел на смерть вместе с мужественным государственным деятелем (с. 859) — это эпизод из истории Китая³. Ахматова такое стихотворение сочла необходимым выделить также размером: первая стро-

³ Корейская культура в течение столетий, вплоть до рубежа XIX–XX вв., испытывала определяющее влияние китайской.

ка — Я2, а не Я5, как остальные. В сиджо Ли Хён Бо «Несется туча над вершиной горной...» также в эмоциональном месте переводчица позволила себе более значительное отступление — в центральном двестишии вместо Я5 формально оказались Я2 и Х3: «О, эти двое! // Как они свободны!» (с. 323) — сочетание практически невозможное. Но вместе эти две короткие строки звучат как Я5, только один стих, а не два. В другом стихотворении Ли Хён Бо, о рыбаке, первая и последняя строки, обобщающие по смыслу, выделены (скорее всего подсознательно) 6-стопником на фоне 5-стопника: «От бремени забот здесь человек свободен» и «Теченья времени не замечает он» (с. 322). В V сиджо цикла Юн Сон До «Пять друзей» 6-стопна лишь первая строка: «Прошла суровая и долгая зима» (с. 306). Получилось это, надо полагать, случайно, но «долгая зима» логично оказалась в удлинённом стихе.

А.Л. Жовтис тоже мог допустить случайные отступления от размера. Так, в подборке переводов трех стихотворений (не в форме сиджо) трех поэтов он в одном случае включил строку 4-стопного хорей («Десять тысяч долгих лет!») в 5-стопный, в другом случае — строку 6-стопного ямба («И на душе легко, и полон смеха дом!») в 5-стопный [Пак Ин Ро..., 1961: 80]. Правда, впоследствии в письме к Л.Р. Концевичу Жовтис писал: «Вы вот делаете мне замечания, иногда справедливые и принимаемые во внимание, о ритмической структуре стиха, но почему-то, находясь под обаянием В.Н. Марковой, не видите, что стих (метр) здесь элементарно хромает» — и приводил пример с включением в 5-стопный хорей строк 6-стопного хорей без цезуры: это размер, «почти никогда не употреблявшийся в русской поэзии и считающийся “хромым”, неблагозвучным» [Концевич, 2008: 390].

В совокупности у Ахматовой заканчиваются мужским стихом (более «решительно») 38, женским — 35 сиджо в Я5. Отличие от ее собственных четверостиший огромное, а в сиджо — практически равновесие. То или иное окончание в них, кажется, не обнаруживает тенденции к определенной выразительной функции; как в отношении размеров, Ахматовой важно было именно отличить переводные стихотворения от ее собственных.

А.Л. Жовтис клаузулам, по-видимому, вообще значения не придавал. Из 93 переведенных им и включенных в книгу «Эхо» сиджо 53 так или иначе нарушают альтернанс, т.е. выглядят с версификационной точки зрения заметно менее классично, чем ахматовские. В частности, из десяти стихотворений цикла Ли И «Девять излучин Косана» с нарушением — семь (первое: ЖЖЖМЖМ, второе: ЖМЖЖЖМ и т. д.) и три с правильным чередованием ЖМ. Всего в сборнике сиджо с таким чередованием 18, с противоположным 20, с одними женскими окончаниями два. В совокупности шестистиший, оканчивающихся женской клаузулой, в сборнике 38, оканчивающихся мужской — 55,

что несколько больше, чем у Ахматовой, соответствует закономерной в русском стихе тенденции завершать строфу мужской клаузулой, но в значительно меньшей степени, чем в рифмованных четверостишиях. Значит, все же можно предполагать общую тенденцию к повышенной доле женских окончаний текста в переводных сиджо. Переводчики в них не стремятся к значительному преобладанию «категоричных» мужских завершений, создавая тем самым эффект некоторой конечной «неопределенности». Показательно, что у Жовтиса в «Девяти излучинах Косана», хотя женскими клаузулами завершаются лишь два сиджо из десяти, второе из них — финальное в цикле.

Из Юн Сон До Ахматовой переведены два цикла — упомянутый «Пять друзей» и «В горах». Воспринимала она эти тексты как циклы или маленькие лирические поэмы, неизвестно, но составляющие их сиджо она перевела разными размерами, подчеркнув тем самым, что в данном случае сиджо не становится строфой, а остается отдельным стихотворением. В первом цикле использованы Х4, Я5, АНЗ, Х4З, Я4 и Я4З, во втором — Я4, снова Я4, Я5, Х4 и вновь Я5 с первым стихом Я6. Ахматовский «Реквием» тоже составлен из стихотворений разных размеров; его неправильно называть просто поэмой, это поэма-цикл. Видимо, как более цельное произведение, объединенное рефреном, переводчица оценивала «Девять излучин Косана» Ли И: все 10 (со вступительным) сиджо выдержаны в Я5 и играют роль строф.

Циклом сиджо называет М.И. Никитина и «Времена года рыбака» Юн Сон До [Никитина, 1977: 18, 22], но это скорее аллегорическая поэма. И хотя в сборнике «Корейская классическая поэзия» она соответственно оригиналу напечатана в третьей части, среди сиджо [Корейская..., 1958: 103–119], Ахматова для нее изобрела особую строфу из восьми строк, которую сближает с сиджо трехчастность: два трехстишия МЖМ и двустиишие МЖ, размер — Х5. В каждой строфе по два рефрена — один неизменный, в шестой строке: «Ты плечи, весло мое, плечи!» (с. 306–318), другой вариативный, в третьей строке: «Лодку выведи, рыбак, скорей!», «Якорь выбирать пора, рыбак!», «Парус подымать пора, рыбак!» (с. 306, 307) и т. д. А.Л. Жовтис в своем переводе использовал строфу Ахматовой, но размер заменил на Я5, к которому в сиджо благоволил однозначно. Рефрены у него обрели следующий вид: постоянный — «И — раз! И — два! Гребни, гребни, весло!..» [Жовтис, 1983: 107–117]⁴, вариативный — «Спускай челнок! Спускай челнок, рыбак!», «Отчаливай! Отчаливай, рыбак!», «Давай-ка парус поднимай, рыбак!», «А ну-ка веселее, налегай!» [там же: 107] и т. д. Оба переводчика лишь минимально, соответственно оригиналу, варьировали рефрен в цикле Ли И «Девять излучин Косана»: у Ахматовой в первой строке каждого

⁴ Далее отсылки к этому изданию даются с обозначением АЖ без указания источника.

сиджо, кроме вступительного, — «Излучину, что у Кванак, я славлю!» (в тексте, подготовленном Н.В. Королевой, ошибочно напечатано «Излучины» — с. 300), «Излучину, что у Хваам, я славлю!» [Корейская..., 1958: 92, 93] и т. д., у Жовтиса не в первой, а во второй строке каждого сиджо — «Как хороша излучина Ильгок!», «Как хороша излучина Игок!» [АЖ, с. 60] и т. д. В 1976 г. Жовтис писал Концевичу: «Вы говорите, что первые две строки (в оригинале полустишия) переставлены. Верно. Поскольку обе они синтаксически замкнуты, я могу п е р е с т а в и т ь местами. <...> В оригинале (и у меня) строжайшим образом сохранена идентичность одного из полустиший на протяжении всего цикла («Как хороша излучина...»), раскрывается образное значение в ы м ы ш л е н н ы х поэтом названий (так говорят корейские комментаторы), наконец, сохраняется тональность риторического вопроса в восклицании, завершающем двустушие <...>. Почему Никитина (составитель подстрочника. — С. К., Г. А.) варьировала первые строки? Потому что в русских стихах удручающе унылым было бы идентичное начало девяти. И если я перемену местами строки, я сделаю то, чего надо было непременно избежать. Возможно, что по-корейски так з в у ч и т. По-русски было бы скверно» [Концевич, 2008: 427].

Во второй части «Корейской классической поэзии» из трех произведений в жанре *каса* Ахматова перевела только одно — вышеупомянутую небольшую поэму Сон Кана (Чон Чхоля) «Зашел в Сонсан однажды некий странник...» У нее не было оснований как-либо метрически противопоставлять ее стихотворениям в жанре *чанга*, вошедшим в четвертую часть сборника. «Каса имели много общего с сиджо, особенно с чан-сиджо, — говорится в «энциклопедической» статье: — музыкально-речевая основа, строка из двух полустиший с двумя 4-сложными (реже 3-сложными) стопами в каждой, специфический характер заключительной строки. Но каса были свободны от формальной ограниченности сиджо: в них без какого бы то ни было строфического деления могло соединяться до нескольких сотен строк. Каса напоминают ритмически организованную прозу <...>. Каса уже не пели, а декламировали нараспев» [Концевич, 2001: 403]. Что тогда остается от сходства с всегда певшимися сиджо, обладавшими довольно строгой организацией? Из статьи непонятно. Ранее в ней шла речь о «поздних композиционных разновидностях сиджо — о с-с и д ж о (“циклических сиджо”, объединенных тематически) и с а с о л ь с и-д ж о (“повествовательные сиджо”), которые иногда называют одним термином ч а н-с и д ж о (“длинные сиджо”). Форма их стала более свободной: увеличение длины строки, вызванное произвольным чередованием 2- и 3-стопных полустиший, привело к ломке 3-членной структуры. Чан-сиджо могли содержать несколько трехстрочных строф. <...> В этой разновидности жанра намечается

появление свободных стоп, типичных для современного стиха. <...> слова были воедино слиты с музыкой. <...> Стандартной мелодией строки считается 3-4-3-4 лада» [там же: 402–403]⁵. И здесь неясно, почему чередование 2- и 3-стопных полустиший должно было привести к удлинению строки, а не разбросу строк по длине. М.И. Никитина в диссертации о жанре сиджо и отчасти чан-сиджо пишет иначе: «<...> чан-сичжо имеет две разновидности — «оссичжо» и «сасоль сичжо». Больших метрических расхождений между ними нет <...>. Различие между ними сводится, по-видимому, скорее к исполнительской стороне. Так < , > корейские авторы отмечают, что одна из строк оссичжо исполняется в манере сасоль сичжо, в то время как остальные две исполняются в манере сичжо» [Никитина, 1972: 237]. И дело не в «ломке 3-членной структуры», а в том, что обе разновидности чан-сиджо, «сохраняя трехстрочную структуру, унаследованную от сичжо, произвольно увеличивают количество слогов в строках», причем в корейском литературоведении «совершенно не упоминается о роли полустишия и стопы, интонации и ударения. По-видимому, в этом случае надо говорить не просто об увеличении количества слогов в строке, а об увеличении количества полустиший в ней, о большей метрической самостоятельности полустишия чан-сичжо по сравнению с полустишием в классическом сичжо» [там же: 237–238]. Строка может содержать неопределенное, четное или нечетное число полустиший. Разброс может быть велик. В одном из примеров М.И. Никитиной полустиший «в первой строке — 2, во второй строке — 10, в третьей строке — 4» [там же: 239]. К большей самостоятельности в чан-сиджо стремится и стопа. Отсюда «не только распад строки классического сичжо и утверждение за полустишием больших прав как метрической единицы, но и распад самого полустишия и появление свободных стоп» [там же: 247]. Наконец происходит редукция главного признака сиджо. «В чан-сичжо не всегда отчетливо заметна трехстрочная структура. Это происходит потому, что количество полустиший в какой-либо из строк увеличивается настолько, что границы строк стираются и стихотворение воспринимается как нерасчлененное на строки» [там же: 249]. Это понятнее, чем «увеличение длины строки, вызванное произвольным чередованием 2- и 3-стопных полустиший» и «несколько трехстрочных строф» [Концевич, 2001: 402]⁶.

⁵ В статье явная описка или опечатка: «сасоль си-джо» вместо «сасоль-сиджо».

⁶ Может быть, первая формулировка навеяна статьей А.Н. Тэн, где, правда, говорится о другом жанре и о стопах, а не полустишиях — о фактическом переходе «формы сичжо в форму каса, в основе которой лежит более свободный и простой метрический закон: неограниченное в строках чередование трехсложных и четырехсложных групп» [Тэн, 1967: 261].

Однако ничего этого нельзя передать в русских переводах. Ахматова в своих чан-сиджо сохранила классическую метрику, но несколько ослабила принцип строфичности.

В Собрание ее сочинений вошли переводы чан-сиджо Ким Мин Суна «Недугов, что меня терзают тяжко...» и 20 чан-сиджо неизвестных авторов (с. 343, 355–364). Размеры распределились так: Я5–11 текстов (с. 343, 356, 356–357, 358, 359, 359, 360, 361, 361, 362, 362–363), Я5Х4–1 (с. 364), Я4–3 (с. 357–358, 361, 363), Я3–1 (с. 355–356); Х5–2 (с. 357, 357), Х4–2 (с. 358–359, 360–361); Амф4–1 (с. 362). Разнообразия сравнительно немного. Но стихотворения «Недугов, что меня терзают тяжко...» и «Фазаночки трепещущее сердце...» заканчиваются не 5-стопником, а 3-стопником, словно обрываются, как бывало в поздней лирике самой Ахматовой: «Так это все неважно...», «Сравнить три эти сердца?!» (с. 343, 357). В стихотворении «Когда весною наши моряки...» 7 ямбических стихов и 10 хореических, что мотивировано прямой речью. Разделение размеров было подсказано подстрочником, в котором «повествовательная» часть записана как проза, в строчку, а прямая речь — столбиком: «У Чолладо, у Хёнсандо <...>» (с. 884) — этот первый стих и задал второй размер (в Собрании сочинений «для ясности» расставлены ударения, которых не было в сборнике [Корейская..., 1958: 290]: «У Чолладо, у Кенсанжо, // Близ Ульсана, у Сандаля, // По стремнинам у Канхва <...>» — с. 364).

Лишь одно стихотворение, «Твои красивы зубы — улыбнись!..», разделено пробелами на три неравные части: между двумя двустопными напечатано четверостишие, первый стих которого разделен на две строки, как бы два стиха Я2 и Я3 («Сиди и стой, // Иди или беги» — с. 356). В ахматовских чан-сиджо заметна тенденция к преобладанию женских окончаний. В 5 текстах чередуются окончания МЖ — если только что приведенные две строки считать одним стихом (с. 356, 357, 358, 360, 361), в 6 — ЖМ (с. 343, 357, 357–358, 359, 361, 361–362), но двустопия не выделены ни пробелами, ни как правило синтаксически, а 6 из этих стихотворений содержат и нечетное число стихов (по 3 в каждой разновидности). Два стихотворения имеют только женские окончания (с. 356, 359), одно, амфибрахическое, — только мужские (с. 362). В чан-сиджо «Кузнечик, о кузнечик!..» (с. 355–356) после первых шести стихов с женскими окончаниями появляется стих с мужским, и та же конфигурация в последних семи стихах, но эти «семистишия» разделяются только запятой и, по-видимому, сложились непреднамеренно. В 4 стихотворениях первоначальная упорядоченность чередования окончаний потом нарушается. Хореические чан-сиджо «Почему ты не приходишь?..» и «Эй, лудильщик молодой...» (с. 358–359, 360–361) можно было бы разделить, соответственно, на четверостишия ЖЖЖМ и МЖМЖ, но



в конце обоих к ним добавляется по одной строке и они превращаются в пятистишия ЖЖЖЖМ и ЖМЖЖМ. В стихотворении «Эй, парень, ты, что гонишь там вола...» (с. 362–363) чередуются мужские и женские окончания, но в двух случаях к женскому добавляется еще по одному такому же. В чан-сичжо «Засею вспаханное поле...» (с. 363) 18 женских стихов и 1, заключительный, мужской. Совсем беспорядочно чередуются окончания только в восьмистишном чан-сиджо «Эти брови — словно мотыльки...» (ЖМЖМ ММЖМ) и обеих частях, ямбической и хореической, стихотворения «Когда весною наши моряки...» (МЖМММЖЖМ и ЖЖМЖМЖМЖЖМ). Между тем для русского белого стиха, особенно Я5, характерно именно нерегламентированное чередование женских и мужских окончаний. Таким образом, Ахматова, отказавшись в жанре чан-сиджо от графического выделения стрóf, все-таки подспудно принцип строфичности проводила, что соответствует *природе* оригиналов, хотя безнадежной попытки *буквально* воспроизвести их форму гениальная переводчица и не пыталась предпринимать.

Не исключено, что Ахматову иногда мог спровоцировать на тот или иной размер подстрочник. Кто-то из составителей подстрочников (или все трое) временами тяготел к метризации своей прозы,⁷ возможно, под впечатлением от переводов Н.И. Конрада и его группы с японского; метризованные переводы В.М. Алексеева с китайского тогда еще не были опубликованы, но востоковедам могли быть известны. Подстрочник «Ох! Рубят! Высокие гордые сосны рубят! Если дать подрасти, какой материал на балки! А вдруг покосится тронный зал, Чем его тогда подпирать?» (с. 849) в основном соот-

⁷ Г.А. Пак называет подстрочниками свои переводы сиджо, которые и вовсе записаны трехстишиями, в столбик. Одно из них выполнено ровным 10-стопным ямбом, полустигмиями 5+5: «Долину всю снегами занесло, и тучи черные ее накрыли» и т. д. [Пак, 1998: 61], в другом первые полустигии 4-стопного ямба наращены одним безударным слогом: «Раскаты грома горы рушат, но этого глухой не слышит. // В небесном своде солнце блещет, но этого слепой не видит, // Но мы-то видим все и слышим, живем же как слепцы глухие» [там же: 62], и лишь треть ближе к прозе, да и то, если в последнем стихе атонировать слово «пыль», он уложится в дольник; средний — тактовик, а первый — чистый 6-стопный амфибрахий: «Стою с обнаженным мечом на вершине горы Пэктусан. // Корея, как древесный листок, зажата меж Хо и Юэ. // Когда же разведем в пыль тех, кто грозит нам с юга и севера!» [там же: 61]. Стихотворная установка поддерживается и постоянной анакрузой, и краткой формой «меж» вместо «между». Ранее А.Н. Тэн заявила: «Сичжо приводятся в статье в основном в наших подстрочных переводах <...>» [Тэн, 1967: 162 (напечатано: 261)] — и уже на следующей странице столбиком привела шестистишие в форме дольника, воспроизводящее по-русски сиджо Тхэ Чжона (XIVв.) «На свете бывает и так, и эдак...» [там же: 163]. В подстрочнике Никитиной, рекомендованном Л.Р. Концевичем Жовтису («На перекате прошлой ночью вода шумела...» Вон Хо), записанном столбиком, средняя часть — чистый Я5, да еще с характерными для стиха инверсиями: «И только я сейчас сообразил, //Что это государя слезы были» [Концевич, 2008: 412].



ветствует схеме дольника, хотя слова «какой материал на балки!» лучше укладываются в 4-стопный ямб (вспомним, что В.М. Алексеев постоянно смешивал двусложники и трехсложники). У Ахматовой — «Ох, рубят, безжалостно рубят// Высокие, гордые сосны!» и т. д. (с. 300), использован 3-стопный амфибрахий с метрически таким же зачином, как в подстрочнике. Другой подстрочник записан столбиком без размера, но последняя строка совпадает с Я5: «И разве не рассеется туман?» (с. 851). И Ахматова использовала этот размер, впрочем, и так преобладающий: «Гора Вольчхун прекрасна, высока...» (с. 305). Третий подстрочник начинается без метризации, но потом переходит в дольник; в нем имеются характерные для стихов инверсии и внутренняя рифма: «Изумрудная густеет трава. Здесь спишь, здесь лежишь ты! Где ты преклонила светлый свой лик? И некому чашу с вином поднести (духу), что горше всего» (с. 865). Перевод начинается со слова того же корня (с тем же ударением), но прилагательное трансформировано в наречие, благодаря чему получился 3-стопный анапест: «Изумрудно сияет трава...// Здесь ты спишь, здесь покоится тело» и т. д. (с. 334). Подстрочник сиджо неизвестного автора «Хмельным восторгом упоен, Ли Бо...» (Я5) сильно метризован двусложником, а его начало прямо совпадает с Я5: «Ли Бо, хмельным восторгом напоенный <...>» (с. 872). Сиджо «Когда моя настанет смерть...» (Я4) переведено с подстрочника, который также метризован, но не начинается, а заканчивается, как Я4: «до слуха милого дойдет» (с. 876). Это был уже второй подстрочник; первый был чисто прозаическим, но, вероятно, не удовлетворил корееведа, который во втором варианте вольно или невольно провоцировал Ахматову на определенный метр. Чан-сиджо «Хозяин, эй! Купите этих крабов!...» выполнено Я5 — и так же кончается подстрочник: «— Эй, перестань вопить, я их куплю» (с. 881). Подстрочник сиджо «Ива мне как нитка...» содержал возможную подсказку размера (X3) опять в начале: «Ива — ниткой станет <...>» (с. 877). Но почему Ахматова, не стесненная рифмой, не начала свой перевод буквально так? Из-за профессиональной гордости, творческого настроения? Здесь возможны только гадания. Все-таки в большинстве случаев «провоцирующая» роль подстрочников в отношении размера перевода не просматривается или проблематична (с. 873 и 351, 876 и 355, 879–880 и 360, 882 и 362, 883 и 364), а иногда Ахматова не принимает «подсказанный» метр. Так, подстрочник сиджо «Пробудившись — снова пью...» (X4) начинается не хореем, а ямбом: «Проснусь и снова пью. А опьянев, опять ложусь» (с. 869). У подстрочника чан-сиджо «Туго я любовь перевязал...» (X5) конец (со слова «умру») совпадает с трехсложником — амфибрахийем, в котором начальный икт на втором слоге, а не

на первом, как в хорее: «Нет, пусть изнемогая под тяжестью ноши, умру я, не брошу, а буду идти (с тем грузом)» (с. 878). Не польстилась Ахматова и на неточную рифму *ноши* — *брошу*: в стихотворном переводе ее нет (с. 357). Рифма *подарить* — *говорить* (с. 880) из подстрочника в поэтический перевод чан-сиджо «Когда ты мною овладеть хотел...» тоже не перешла (с. 360).

Жовтис в письме к своему редактору прямо выступал против следования «случайной» метризации в подстрочниках (несколько преувеличивая возможное количество таких случаев): «Первая строка многих подстрочников непременно «в л е з а е т» в какой-нибудь стих, но так называемый «случайный» ямб или хорей ее лишь в редчайшем случае дает т у о н а л ь н о с т ь, которая требуется для данных стихов в русской интерпретации» [Концевич, 2008: 391].

В книге Жовтиса «Эхо» переводы из корейской поэзии поделены на три раздела. Два составлены по жанрово-хронологическому принципу, как книга «Корейская классическая поэзия», — «“Короткие песни”. Сиджо» и «“Песни новых времен”. Чансиджо». Естественно, в них нет деления на трехстрочные строфы. Жовтис не стал также сохранять колебания строк по длине, выполнил свои переводы равноstopными стихами (или равноиктными дольниками). В 22 стихотворениях второго раздела преобладающим остается 5-stopный ямб — 12 текстов, 5 — это 5-stopный хорей (тоже 5-stopник), по одному переводу выполнено в 4-stopном ямбе и 4-stopном анапесте и три — в 3-иктном дольнике.

Жовтис в жанре чан-сиджо придерживается в основном классического русского стиха, но более разнообразного, чем в своих исключительно пятиstopноямбических сиджо. Это в данном случае упрощенный «ахматовский» путь. Среди «длинных сиджо» оказались два шестистишия [АЖ, с. 82, 84] и одно пятистишие — приведенное выше полностью рифмованное «Мой милый, уезжая в дальний край...» Л.Р. Концевич возражал только против шестистиший в переводах чан-сиджо: «Строк должно быть в переводе либо меньше шести, либо — чаще — больше шести» [Концевич, 2008: 381]. В ответ Жовтис воспроизвел «почти в стенографической записи» их диалог при личной встрече. К о н ц е в и ч: Почему в разделе чан-сиджо есть ряд шестистрочных текстов? Это сиджо? Ж о в т и с: Это не сиджо, а “длинные стихи” (чанга). Просто случайно число строк оказалось равным шести. К о н ц е в и ч: В таком случае перенесите их в раздел сиджо. Так будет логичнее. — Ж о в т и с удивился, но выполнил указание», хотя «в подстрочнике даже М.И. <Никитиной> были *чанга* из ш е с т и строк» [Концевич, 2008: 395], однако, подчинившись редактору сборника «Бамбук в снегу», в книге своих избранных переводов ложных сиджо (не писавшихся в таком качестве

корейцами) не поместил, да и в процессе подготовки «Бамбука в снегу» с Концевичем поспорил: «В длинных вещах, строфически строго организованных, эквилинеарность как принцип вообще не соблюдается. Отнеситесь как к неизбежному к двум-трем мелким отклонениям (т.е. две строки вместо трех или три вместо двух)...» [там же: 397–398]. И несколько позже: «Если лучшие корееведы нашего отечества долго разбирались — то ли это *сиджо*, то ли *чан-сиджо*, то русский читатель переживет и пятистопный ямб и шесть строк в двух случаях *чан-сиджо* <...>» [там же: 404]. Надо заметить, что общепризнанной теории *сиджо* не было и у самих корейцев, они по-разному пытались определить даже число слогов в этой форме: от 41 до 50 [Чо Дон Иль, 1995: 287]. Судя по доступным нам оригиналам, а именно авторским сборникам *сиджо*, изданным в 20–40-е годы XX в., и отдельным произведениям известных поэтов, их приверженность к традиции главным образом выразилась в вертикальном способе письма. Практически все поэты, кроме Чу Ё Хана (начало XX в.), писали *сиджо* именно так. Поэтический язык *сиджо* не претерпел кардинальных изменений, поэты упорно продолжали использовать иероглифику, архаичные и диалектные слова, а поэты-буддисты еще и свою терминологию. Хотя в стихах некоторых поэтов все же появляются нетипичные для *сиджо* и режущие ухо слова «космос», «асфальт» и т. п., язык *сиджо*, однако, не стал доступнее простым корейцам в то время, они трудны для понимания и современным корейцам. Немногие из них даже в наши дни могут «с листа» прочитать и понять их содержание. При всем пиетете к классике, к традиционным жанрам, *сиджо* остаются уделом специалистов или людей, хорошо знающих старый корейский язык и китайские иероглифы.

В десятистрочном стихотворении неизвестного автора «Если пряжу из моси прядут...» первое два четверостишия, не разделенные ни синтаксически, ни пробелом, рифмуют первые стихи с четвертыми, а между ними остаются незарифмованные: *прядут* — нитку — рвется — берут — зажимают — губ — руками — соединяют [АЖ, с. 87]. Рядом напечатано дольниковоое стихотворение из 15 строк «Почему ты ко мне не приходишь?..» Его срединная шестистроочная фраза включает три строки на одну рифму, остальные не зарифмованы: *стеною — окружили — посадили* — *связали — навесив — закрыли* [там же]. В стихотворении Ким Монсина (XIX в.) «Ох, ох! Замучили меня недуги!..» неточная рифма создается параллелизмом, что характерно для корейской поэзии: «Присматриваюсь — ничего не вижу, // Прислушиваюсь — ничего не слышу <...>» [АЖ, с. 80].

Одно восьмистроочное стихотворение неизвестного автора содержит вариативный рефрен; в последней строке он не появляется:



«Остановить строптивного коня, // Сказав ему «тпру-тпру», конечно, можно! // Ленивого быка согнать с пути, // Сказав ему «но-но», — и это можно! // И даже тигра, что спустился с гор, // Уговорить назад уйти — возможно! // Ты ж, девушка, упрямая такая, // Какого рода-племени ты дочь?!» [АЖ, с. 82]. Заключительное двустипное отличается от предыдущих также обратным расположением клаузул. Вариативный рефрен у Жовтиса можно встретить и в сиджо — в переводе из Ким Суджана (XVIII в.), где вторая, четвертая и шестая строки имеют вид «Цветущей хризантеме я отдам», «Я винограду черному отдам», «Своей протяжной песне я отдам!» [АЖ, с. 74].

Третий раздел переводов из корейской поэзии в книге «Эхо» не получил жанрового определения и назван просто «Поэты IX–XX вв.». Естественно, здесь больше всего формального разнообразия. 5-стопный ямб тоже лидирует, но далеко не так, как во втором разделе, не говоря уже о первом, сплошь пятистопноямбическом, — 10 текстов из 38. Остальные силлабо-тонические размеры и их сочетания распределены так: Я53–1 стихотворение, Я4 с редким чередованием дактилических, женских и мужских окончаний — 1 (это «Саккат, соломенная шляпа» поэта XIX в. Ким Сакката: «На лодку легкую похожую, // Надел я шляпу из соломы // И с нею, как с подругой верною, // Брожу по свету сорок лет» и т. д. [АЖ, с. 123]), Я42–1, Х5–2, Д2Ан3 (фактически напечатанный полустипиями Д5) –1, Амф5–1, Амф32 (фактически напечатанный полустипиями тот же Амф5) –1, Ан23–1, Ан24–1. Соединенные размеры играют не одинаковые роли в строфе. В сочетании Я42 («В зеленых горах буду жить» неизвестного автора начала XIII в.) 2-стопным является только рефрен после каждого четверостишия в Я4, например: «Ты плачешь, птица, надо мной? // Плачь, птица! Плачь с утра до ночи! // И я печален, как и ты, // И я с утра до ночи плачу! // Вот так! Вот так...» [АЖ, с. 91]. В сочетании Я53 («Шелковый туман» Ким Совея) 3-стопным тоже является только рефрен, но занимает он вторую строку четверостишия: «Когда спускался шелковый туман // И застилал глаза, // Обиженная девушка в петле // На почерневшей ветке умирала» и т. п., повторяются слова «И застилал глаза» [АЖ, с. 128]. В сочетании Ан23 («Опадает весенний цвет» Ким Совея) первая строка каждого четверостишия 2-стопная, остальные 3-стопные [АЖ, с. 125]. В сочетании Ан24 («Чужбина» того же автора) 4-стопна лишь одна строка среди четырех 2-стопных, по сути, это чисто графическое соединение таких же: «Понимаешь ли ты, что теперь я стою» [АЖ, с. 129]. Размеры стихотворений «Оплакиваю маленького сына» поэтессы XVI в. Хо Нансорхон и «Пишу, услышав, что несколько уездных начальников наказаны за взятки» Ли Губо (XII–XIII вв.) звучат как Д5 и Амф5, но записаны отдельными полустипиями. В первом случае



формально это Д2 и Ан3: «В прошлом году // Схоронила любимую дочь. // В этом году // Схоронила любимого сына. // Плачу, скорбя, // Над долиною “Вечный покой” — // Там, где теперь // Притаились немые могилы» [АЖ, с. 106]. Второй случай сложнее. Формальное сочетание Амф3 и Амф2 с женскими окончаниями не выдержано в определенной последовательности (начало стихотворения: «Увы, доведут нас налоги // До ямы могильной: //Лишь кожа да кости // Остались у бедных людей»), а в конце стихотворения появляются дактилическое и мужское окончания, дактилическая и анапестическая анакрузы: «Но, рты ненасытные, // Сколько вас, жадно раскрытых, // Готовые нас съесть, // Без остатка готовых сожрать?!» [АЖ, с. 90]. Однако эти изменения — только в строках-полустишиях. В реально звучащем стихе остается всё тот же Амф5.

Таким образом, в третьем корейском разделе книги «Эхо» ямбом переведено в совокупности 13 стихотворений, хореем, только 5-стопным, — 2, трехсложниками — 5, в том числе по два амфибрахийем (Амф5) и анапестом (Ан23 и Ан24) и одно дактилем (Д5). Трехсложники тяготеют либо к длинному размеру, либо к короткому, середины нет. Поскольку Амф5 в двух стихотворениях по-разному записан, получается, что каждый текст в трехсложнике в этом разделе версификационно индивидуален.

В «Слове о мире» (1598) Пак Инно⁸, переведенном 5-стопным хореем в основном с женскими окончаниями, последний (шестьстой) строфоид из 11 стихов вдруг оказался пронизан рифмами (не зарифмованы только первая, четвертая и последняя строки): Небо—счастье—согласье—обогрей — в покое—лет—сохою—поэт—справедливый—счастливой—моих [АЖ, с. 104].

О рефренах в поэме Юн Сондо «Времена года рыбака» говорилось выше. Приняв ахматовскую восьмистрочную строфу, переводчик не стал печатать это произведение в ряду сиджо, как было в «Корейской классической поэзии».

Главная особенность третьего раздела книги Жовтиса — большой процент неклассического стиха. Если во втором разделе дольником, и только 3-иктным, переведены 3 стихотворения, то в третьем — 15 [АЖ, с. 88, 89, 100, 101, 120, 120, 120, 121, 121, 122, 123–124, 124–125, 126, 126–127, 129]. Преобладает, что естественно, тоже 3-иктный (9 текстов), но 5 стихотворений переведены 4-иктным, притом необязательно чётким; так, у поэта 1920–1930-х годов Ким Соволя в каждом четверостишии стихотворения «В сумерках» после трех женских окончаний идет заключительное мужское, что «укрепляет»

⁸ В первом (неполном) варианте перевода («Из “Слова о мире”») имя поэта давалось в транскрипции Пак Ин Ро. Заключительного строфоида с рифмами не было [Пак Ин Ро..., 1961: 80].

строфу, зато анакрузы разные и икты постоянно атонируются: «Водная гладь бесконечного неба. // Облака краснее, чем солнце. // Брожу я по широкому полю, // Грущу я и думаю о тебе» [АЖ, с. 129]. «Разговор в стихах с молодой женщиной из деревни» Ким Сакката оформлен весьма редким 2-иктным дольником с разными анакрузами, преобладанием женских окончаний и двумя отступлениями в 3-иктный стих: «Так говорил прохожий», «Женщина из деревни» — икт приходится на предлог и атонирован [АЖ, с. 122].

Во фривольном стихотворении неизвестного автора XVI в. «Пошла я за куклой в лавку» (4-иктный дольник) каждое шестистишие заканчивается двустрочным рефреном «Пойду я с ним в укромное место, // В уютную маленькую беседку...», а между шестистишиями вставляется еще один рефрен или припев: «Грам-та-та-там — говорят барабаны, // Так говорят, кричат барабаны...» [АЖ, с. 101]. В данном случае неклассичность размера как раз «смягчена» обилием повторов и единством женских окончаний стихов.

Ким Соволь, как и многие другие поэты XX в., часто писал свободным стихом. У А.Л. Жовтиса была своя теория свободного стиха, согласно которой он не отказывается вовсе от традиционных версификационных средств, а постоянно варьирует их: акцентное и слоговое неравенство строк компенсируется в одном месте текста единством анакруз, в другом — клаузул, в третьем — элементом метра, в четвертом — окказиональной рифмой и т. д., организующим принципом свободного стиха объявлялась «смена мер повтора» [Жовтис, 1966: 105–123]. В подборке произведений Ким Соволя, вошедшей в «Эхо», представлены три варианта так интерпретированного «свободного стиха» [АЖ, с. 128–130]. Поскольку классический корейский стих, не имевший отношения к силлабо-тонике, переводился силлабо-тоническими размерами или дольником, ответившимся от трехсложников, Жовтис считал возможным сохранять силлабо-тоническую основу и при переводе свободного стиха.

«Теперь уже вдвоем» Ким Соволя у него начинается двустишием 3-иктного дольника с утяжелением анакруз: «Снег на крышу нашего дома // Чистой белой циновкой лег». Далее сохраняется анапестическая анакруза, а стихи становятся разностопными, то есть дольник сменяется вольным анапестом. Сразу — резкое удлинение строки: «Утром встал я, надел башмаки, подпоясал одежду». После этого анакруза больше не утяжеляется, а длина стиха в порядке чередования по-разному уменьшается или увеличивается: «На тебя посмотрел. // И еще раз взглянул на тебя. // И еще раз, // Уходя, на тебя оглянулся». Две контрастные по длине строки объединены анафорой «И еще раз». Во втором случае это целый стих.

«Счастье будущего» можно было бы назвать просто вольным анапестом, если бы переводчик, словно спохватившись, не вставил почти в середину стихотворения, после первых пяти и перед последними четырьмя строками, самый длинный 4-стопный амфибрахический стих с единственным дактилическим окончанием «Когда матерями становятся девочки». Ритмическая инерция перебита сразу и длиной строки, и анакрузой, и клаузулой, что в совсем небольшом тексте существенно: элемент «свободы» подчеркнут.

Стихотворение «Сеульская ночь» у Жовтиса намного просторнее (35 строк) и, естественно, сложнее построено. В основе его — вольный трехсложник, неупорядоченно варьирующий все три вида анакруз. Дактилическая клаузула одна — в короткой строке «В этом городе», но эти клаузулы вообще редки по сравнению с женскими и мужскими. Самый длинный стих, 10-й, — по размеру 5-стопный дактиль («В городе этом, который меня не поймет») — повторяется в качестве 31-го (повтор через большую часть текста); самые короткие стихи, 6-й, 8-й, 23-й и 30-й (их разбросанность, как и «отдаленный» повтор длинного стиха, служит впечатлению «свободы»), — однословные: «Зеленый», «Красный», «Говорили», «Ужасны!» Четыре строки соответствуют не силлабо-тоническим схемам, а схеме дольника; первый — на 5-й позиции («Свет, открывающий путь кому-то»), второй и третий — рядом на позициях 13 и 14 («Таится свет. Настоящий, дневной!» и «Вспыхивают во мгле» — с атонированием второго икта, пришедшегося на окончание глагола), четвертый — заключительный, как бы возрождающий ощущение «свободы» после пучка разбросанно рифмующихся строк (до 26-й рифм в стихотворении не было):

- Говорили:
Прекрасны проспекты Сеула!
Говорили мне:
26 Ночи в Сеуле прекрасны!
Говорили напрасно!
Красные лампы, зеленые лампы
В городе этом
30 Ужасны!
В городе этом, который меня не поймет,
Так тоскливо мерцают,
То вспыхнут, то снова погаснут
В темноте равнодушно-бесстрастной
35 Огни — зеленый и красный...

Слово *погаснут* можно и не считать рифмующим, но все равно оно участвует в «смене мер повтора» наряду с силлабо-тоническим принципом, длиной строк, анакрузами, клаузулами, анафорой «Говорили» и просто повторением слов.

«Сеульская ночь» на корейском и в подстрочном переводе
Л.В. Галкиной:

Пулгын чондынъ	Красные огни.
Пхурын чондынъ	Зеленые огни.
Нэптаран коримйон пхурын чондынъ	Если путь открыт, зеленые огни.
Мактарын колмогимйон пулгын	Если путь закрыт, красные огни.
чондынъ	
Чондынъын панччагимнида	Огни сверкают,
Чондынъын кымурымнида	Огни меркнут,
Чондынъын тто таси осырийотхамнида	Огни снова горят,
Чондонъын чугын тытхан кин памыл	Огни сторожат длинную,
чикхимнида	словно мертвую ночь.
Наый касымый сон морыл госый	В потаенных глубинах моей души,
Эдупко палгын кы согесэдо	Даже в этой глубине, то светло, то темно.
Пулгын чондынъи хыдыгйо умнида	Красные огни рыдают.
Пхурын чондынъи хыдыгйо умнида	Зеленые огни рыдают.
Пулгын чондынъ	Красные огни.
Пхурын чондынъ	Зеленые огни.
Мэнамэн пам ханырын сэкхамамнида	Черное, как смоль, далекое ночное небо.
Мэнамэн пам хынырын сэкхамамнида	Черное, как смоль, далекое ночное небо.
Сэул корига чотхагохэё	А говорили, что улицы Сеула хороши.
Сэул пами чотхагохэё	А говорили, что ночь в Сеуле хороша.
Пулгын чондынъ	Красные огни.
Пхурын чондынъ	Зеленые огни.
Наый касымый сон морыл госый	В потаенных глубинах моей души
Пхурын чондынъын кочжэкхамнида	Одинокие зеленые огни,
Пулгын чондынъын кочжэкхамнида	Одинокие красные огни

[Галкина, 1979: 255–256].

Как видим, несмотря на «свободный стих» Жовтиса его перевод — достаточно вольный. В нем даже строк в полтора раза больше, чем в оригинале: 35 вместо 23-х.

Иногда в третьем разделе переводов А.Л. Жовтиса из корейской поэзии появляются неудачные *ритмические* варианты метра, вызванные употреблением совсем не свойственных корейскому языку длинных слов: «И улетучивается навек!», «О, соотечественники мои!» [АЖ, с. 89, 118]. Когда Л.Р. Концевич сделал справедливое замечание: «<...> “я или плещущие в речке рыбки?” — по-русски трудно произносимы», — Жовтис ответил: «<...> выполняю Ваши рекомендации, хотя <...> мне нравится “плещущая” строка <...>» [Концевич, 2008: 430, 431]. Впрочем, «перебор» коротких русских слов тоже затрудняет ритм, как в конце большого стихотворения Чон Чхоля «Тоскую о милом» — притом на фоне длинного слова в предыдущей строке: «Тебя овеивая ароматом... // А ты бы и не знал,

что это я!» [АЖ, с. 95]. Ахматова в противоположность Жовтису, но тоже неудачно утяжеляет иногда ритм сверхсхемными ударениями: «Расстаюсь с вами, воды Хингана!» — *с вами* в АнЗ, «Когда на том свете мы встретимся вновь» — *на том* в Амф4, «Возвели в дворце том стену» — *том* в Х4 (с. 327, 348, 358).

Переводы Ахматовой и Жовтиса резко различаются пунктуацией. Корейский язык ее не знает, и переводчик волен в расставлении знаков препинания. У темпераментного Жовтиса сплошь восклицательные конструкции и немало вопросительных. Сдержанная как в собственных стихах, так и в переводах Ахматова предпочитает выражать эмоции смыслом слов, а не знаками препинания. Например, в поэме Юн Сондо «Времена года рыбака» у Жовтиса [АЖ, с. 107–117] знаков ! и !.. — 211, ? и ?.. — 37 да еще ... — 4; у Ахматовой (с. 306–318) восклицательных знаков 94 (все равно много из-за восклицательных рефренов) и вопросительных 17. У Жовтиса 40 восьмистрочных строф, Ахматова уложилась в 38.

Бесспорные, по мнению Н.В. Королевой, переводы Н.И. Харджиева и переводы А.А. Холодовича под редакцией Ахматовой в «Корейской классической поэзии»⁹ составляют в совокупности 42 произведения из 230 (18,3% текстов), в том числе 31 сиджо при 162-х вошедших в сборник ахматовских (без учета строф поэмы Юн Сон До «Времена года рыбака», превращенных при переводе из шестистиший в восьмистишия); соотношение в этой наиболее популярной форме примерно 16:84%.

Относительно размеров Харджиев в общем беднее Ахматовой, хотя подсознательно он стремился в этом быть самостоятельным. Размер-лидер у него — тоже Я5, это 9 произведений (с. 44–49, 64, 77, 90, 164, 242, 257–259, 274) из 38, но только 5 в форме сиджо — менее 13,2% всех харджиевских переводов из корейской поэзии, в то время как у Ахматовой пятистопноямбических сиджо было 73 из ее 188 вошедших в сборник произведений всех размеров (38,8%, а от 162-х сиджо — почти 45%).

Остальные размеры у Харджиева распределились так.

Я4 — 6 текстов (с. 80, 89, 159, 169, 180, 278).

Я43 — 5 текстов (с. 81, 83, 85, 91, 287).

Я3 — 4 текста (с. 82, 84, 87, 262).

Х4 — 3 текста (с. 63, 127, 161).

Х43 — 1 текст (с. 267).

Х5 — 3 текста (с. 57, 227, 228).

Х53 — 1 текст (с. 21–23), «Тон-дон», в котором трехстопным является лишь звукоподражательный припев «Ай, тон-дон-дари!» в конце каждого куплета кроме первого (МЖМЖ).

⁹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках без обозначения источника.

Амф 23 — 1 текст (с. 79).

Амф 43 — 1 текст (с. 55).

Ан 2, Ан 3, Ан 43, Ан 5 — по 1 тексту (с. 86, 167, 56, 181).

В 38 переводах использовано 14 размеров и их сочетаний. Дактиль и дольник не привлекались, вообще трехсложниковых переводов 6 (около 16% на фоне почти 23,2% ахматовских только в сиджо, если признавать все 164 собранных Н.В. Королевой). Типичный для трехсложников беспримесный трехстопник у Харджиева единичен. Но материал слишком мал, чтобы судить об определенных закономерностях.

Тем более чисто случайными можно считать размеры четырех переводов Холодовича: Я4, Х5, Я5 с последней строкой ЯЗ (как бы оборванной подобно некоторым ахматовским стихам: «Нет, лучше умереть») и Х4 (с. 128, 229, 263, 280). Отсутствие трехсложников естественно, равновесие пяти- и четырехстопников в ямбе и хорее — тоже.

Как уже говорилось, два перевода Холодовича относятся к форме сиджо и два — к форме чанга. У Ахматовой очевидно преобладание сиджо. Харджиев тоже помогал ей в значительной степени не в преобладающем жанре. В первом, фольклорном разделе «Корейской классической поэзии» он перевел одно, но первое произведение (с. 21–23) из четырех, во втором разделе книги (каса Сон Кана) — два из трех (с. 44–52), причем это сравнительно большие тексты; в четвертом разделе (чанга) из 29 переводов Харджиёву принадлежат пять (с. 262, 267, 274, 278, 287) и два, напомним, Холодовичу. В самом большом третьем разделе «Корейской классической поэзии» безусловно Харджиёву принадлежат 29 сиджо Нам И, Ким Чон Со, Сон Сам Муна (с. 55, 56–57, 63–64), Сон Кана (с. 77, 79–87, 89–91), Ли Хвана, Чо Хона, Ким Сан Ёна, Чо Чэ Сона, Хон Со Бона, Хван Чин И, Ким Ёна (с. 127, 161, 164, 167, 169, 180–181) и неизвестных авторов (с. 227, 228, 242) из общего числа 193 включая два перевода Холодовича, или 15%. Вклад в подготовку «Корейской классической поэзии» значительный, но далеко не определяющий.

Список литературы

- Ахматова Анна.* Собр. соч. Т. 8 (дополнительный). М., 2005.
Галкина Л.В. Жизнь и творчество Ким Чжонсика (Соволя): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.
Гаспаров М.Л. Стих Анны Ахматовой // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. III. О стихе. М., 1997.
Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строрфика. М., 1984.
Жовтис А. Границы свободного стиха // Вопросы литературы. 1966. № 5.
Жовтис Александр. Эхо. Стихотворные переводы. Алма-Ата, 1983.

- Концевич Л.Р.* Корейская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
- Концевич Л.Р.* Оригинал — подстрочник — художественный перевод и границы их адекватности (из опыта переводов корейской средневековой поэзии) // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Сост. Н.И. Никулин. М., 2008.
- Корейская классическая поэзия / Пер. Анны Ахматовой. М., 1958.
- Никитина М.И.* Корейская средневековая поэзия «сичжо» и «чан-сичжо»: Дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1972.
- Никитина М.* Предисловие // Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII–XIX веков / Пер. А. Жовтиса. М., 1977.
- Пак Г.А.* Антология корейской классической поэзии в переводе А.А. Ахматовой // Культура и текст. Литературоведение. Ч. I. СПб.; Барнаул, 1998.
- Пак Ин Ро.* Из «Слова о мире». *Мин Хи Мун.* У себя дома. *Неизвестный автор.* Девушка тклет шелк // Простор. Алма-Ата, 1961. № 8.
- Тэн А.Н.* Корейское классическое трехстишие — сичжо // Филологический сборник (статьи аспирантов и соискателей). Вып. IV–VII. Алма-Ата, 1967.
- <*Холшевников В.Е.*> Что такое русский стих // Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха / Сост. В.Е. Холшевников. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005.
- Ким Со Воль.* Сборник стихов. Пхеньян, 1955. 김소월 시선집. 업호석. 조 작가동맹출판사. 평양, 1955.
- Чо Дон Иль.* Общая история корейской литературы: В 5 т. Т. 5. Сеул, 1995. 조동일. 한국문학통사. 5권. 서울, 1995.

Сведения об авторах: *Кормилов Сергей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: <profkormilov@mail.ru>; *Аманова Гулистан Абдиразаковна*, канд. филол. наук, преподаватель китайского и турецкого языков (Ташкент — Москва). E-mail: <mangul9797@mail.ru>

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И.Н. Минеева

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «ГОРА»

Статья посвящена творческой истории повести Лескова «Гора» (1890). Выявляются причины, повлиявшие на замысел произведения; анализируется каждый этап работы (от замысла к окончательной редакции), устанавливаются литературные и исторические источники.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, повесть «Гора», Новый Завет, древнерусская литература, Пролог, текстология.

The article is devoted to N.S. Leskov's novel *Gora (The Mountain, 1890)* and the history of its origin. The causes that influenced conception of the plot are identified; each phase of the work (from the initial idea to the final version) is analyzed; literary and historical sources of the text are established.

Key words: N.S. Leskov, *Gora (The Mountain)*, the New Testament, Old Russian literature, the Prolog, textology.

Известно, что основным сюжетным источником повести Лескова «Гора» послужило проложное «Слово о кузнице, иже молитвою сотвори воздвигнутися горе и воврещися в Нил реку» (далее — «Слово») от 7 окт., с которым писатель познакомился по изданию Пролога 1642–1643 гг. (М., Синод. тип.) [см. подробнее: Минеева, 2001; 2003]¹.

¹ В «Слове» рассказывается о славном «златокузнице» из Александрии Египетской. Однажды к нему обратилась «некая жена» с просьбой изготовить для нее ювелирное украшение. По бесовскому пленению она начала склонять «златокузнца» к прелюбодеянию. Он также прельстился ею. Но вдруг «златокузнец» вспомнил евангельские слова: «Аще соблажняет тя рука твоя десная или нога, отсецы ю, или око, — избоди е». «Златокузнец» выкальвает себе глаз. В то время, когда произошел этот случай, Египтом овладели «сарацины» и стали принуждать александрийских христиан причаститься к скверной магометовой вере. Желая удостовериться в правдивости слов Христа («аще имате праву веру в себе и о мне речете горе сей: восстани, вверзися в море, — и будет вам»), один варвар предьявляет епископу требование повергнуть гору Адар в Нил. Христианам дается на его исполнение восемь дней. Епископ собирает в церкви верующих на моление и всенощное стояние. Но среди христиан не оказалось «златокузнца». Заметив это, «некая жена» рассказала епископу о твердой вере «златокузнца» во Христа. На третий день все христиане направились к горе и трижды обошли ее с крестами, после чего епископ призывал «златокузнца» «показати веры твоея дело». Подойдя к подножию горы, «златокузнец» помолился Богу. И по его вере свершилось чудо. Гора Адар пошла в реку Нил. Тогда нечестивые «сарацины» уверовали во святую Троицу и обещали

Как показывают творческие материалы, Лесков не остался равнодушным прежде всего к образу «златокузнеца». Усиленно штудировав в 1886 г. Пролог, писатель выделяет в нем более ста текстов и часть из них собственноручно конспектирует в записную книжку [Минеева, 2002: 121–127; 2003: 4–5]². Среди сделанных Лесковым записей значится и «Слово» от 7 октября. В ходе его фиксации писатель сохраняет название первоисточника (только дает краткий вариант: «Кузнец гору сдвинул»³) и сюжетную канву, но подвергает источник глубокому идейному переосмыслению. В отличие от проложного «Слова», в конспекте смысловым ядром становятся те эпизоды, где с наибольшей полнотой выражена сила и стойкость праведного «златокузнеца»: сцены соблазнения «некой женой» и чудо с горой. Эти фрагменты Лесков маркирует кавычками и переписывает их с особой тщательностью на церковнославянском языке. В образе «златокузнеца» писателя поразила мощь духа и твердость веры.

По своей духовной и нравственной силе проложному персонажу близок один из главных героев «Соборян», о. Савелий Туберозов. В рукописной редакции хроники под более ранним названием «Божедомы. Повесть лет временных» о. Савелий сетует, что

«в нем нет этой, не знающей сомнения, веры столько, сколько б хотел он иметь ее, иметь ее с горчишное зерно, чтобы повелевать горам двигаться и чтобы оне двигались»⁴.

О внимании писателя не столько к назидательно-дидактической идее «Слова» («всё просимое от Бога исполняется»), а, скорее, к духовным качествам проложного героя свидетельствуют также сокращения эпизодов о прении «христиан» и «сарацин» и молитии «христиан»: в конспекте они обозначены лишь пунктирно. Вне записи остались также евангельские цитаты и резюмирующая, морально-религиозная сентенция.

Отправной точкой для нескольких переложений сюжета о «златокузнеце», сделанных писателем на протяжении последующих двух десятилетий, послужило не собственно «Слово», а конспект. Намеченная Лесковым еще в конспекте концепция впоследствии сохраняется и развивается вплоть до 1890 г.

креститься. В Прологе «Слово» послужило иллюстрацией идеи, выраженной в его заключительной части: «верующему вся от Бога прошения подаваются» (Пролог. М.: Син. тип. 1642–1643. Л.164–166об.)

Сюжет «Слова» вошел также в состав патериков и «Великого Зеркала» (см.: *Державина О.А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 150). А.Н. Веселовский отмечал, что пересказ о чуде с горой в славянорусской версии восходит к мировому сюжету о прении жидов с христианами [Веселовский, 1883; 14–33].

² РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 8об.–10.

³ Там же. Л. 8об.

⁴ Глава 18; в окончательном варианте данные слова автором зачеркнуты [Лесков, 1997].

Импульсом для нового осмысления сюжета проложного «Слова» послужила полемика Лескова со «старым поверьем» о женщинах как соблазнительницах. Суть полемики писатель излагает в свойственной ему ироничной манере в предисловии к циклу «Легендарные характеры» (1887):

«Тридцать лет назад, когда у нас писали о женском вопросе, не раз было упоминаемо, будто в России репутации женщин был нанесен большой вред житийными сказаниями, которым верили наши предки <...> женщины постоянно выставлялись соблазнительницами, стремившимися удалить мужчин от возвышенных задач жизни и погрузить их в жизнь чувственную и безрассудную»⁵.

Подобные представления о житийных книгах, содержащих якобы обличительные отзывы о «женщинах», остаются, по утверждению Лескова, «до сей поры <...> в непререкаемом значении» (310).

В кругу медиевистов и историков бытовало мнение, что в «древнейших памятниках нашей литературы» можно заметить «враждебный взгляд на женщину» как «вместилище всего скверного и губельного для души человека», «резкость выражения этого взгляда» у русского народа сформирована чтением «аскетических сборников, пришедших к нам из Византии» ([Некрасов, 124]; см. также [Пыпин, 1857]). Между тем в науке того времени существовала и иная точка зрения. Так, Ф.И. Буслаев считал расхожие среди исследователей выводы «односторонними и неосновательными в отношении русской жизни» [Буслаев, 22–23]. Единомышленником Буслаева оказался и Лесков, назвав утвердившееся в обществе суждение «ложью» (310). В предисловии к «Легендарным характерам» он настаивал на том, что «старому поверью» противоречат повествования переводного Пролога. По мысли Лескова, «в этом может убедиться всякий, кто пожелает познакомиться с женскими типами» византийской книги (311). Для чтения предлагается 36 пересказанных Лесковым историй и приводится итоговая статистика: в 36 примерах 17 женщин не соблазняли мужчин, а «пострадали» от их соблазнов (320); девять «не только останавливали мужчин от их грубых страстей, но даже научили их обуздывать свою природу и жить для более возвышенных целей» (320); две женщины представлены в «дурном виде» (детоубийцы) (320); в трех случаях женщины увидели «трогательное участие к себе» (320); четыре соблазняли, но без успеха (320). В последнюю группу, где говорится о соблазнявших, но не нашедших успеха в своих «искательствах на мужчин», Лесков включает текст проложного «Слова» от 7 октября. Согласно его трактовке, из всей галереи женских лиц «этот сюжет выделяется тем, что изображенная в нем героиня обладает “характером более сложным и более интересным”» (320), она не только не могла соблазнить «нравственного

⁵ [Лесков, 1899: 310] Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках. Текст «Легендарные характеры» переиздан по [Лесков, 1890–1893].

человека, но еще и сама была поражена твердостью христианских правил» (325). В «Легендарных характерах» писатель открыто говорит о своем методе работы с первоисточником: «воспроизвести» историю, «держась самой сжатой краткости», «обозреть случай обстоятельно и беспристрастно» (323).

Какие же грани проложного «Слова» были актуализированы вновь Лесковым через год после того, как он зафиксировал его с некоторыми изменениями в записной книжке? В «Легендарных характерах» (1-я редакция) писатель, следуя присущей конспекту последовательности сюжетного развития, более детально прописывает исторический и этноконфессиональный фон раннехристианской Александрии, описывает быт жителей. Наибольшей правке подвергся образ «златокузнеца». Лесков индивидуализирует проложный прототип. «Златокузнец» получает имя — Зенон, наделяется отсутствующей ранее характеристикой «потаенный христиан», больше говорится о его праведности и силе веры. На втором этапе переработки исходного конспекта изменился и образ «некой жены»: из второстепенного персонажа она превращается в центрального, намечается ее характер. Она обретает собственное имя, Нефорис (или Нефора), и впервые по сравнению с конспектом называется «язычницей». Введены портретные зарисовки героини и психологические мотивировки ее поступков (эгоизм, себялюбие). Однако самым существенным стало отсутствующее в записной книжке духовное преображение героини.

Эта эволюция героев особенно наглядно прослеживается в эпизоде чуда с горой. Лесков изменяет и усложняет его семантику: усиливает знаменательность чудесного события, заставившего поверить «сарацин» в святость христианских правил и праведность «златокузнеца», введением трехкратного повтора: «речете горе сей: восстани, вверзися в море, — и будет вам» (Мтф 17: 20). Этот фрагмент «интонируется» графически курсивом и подчеркиванием слов: *«если кто имеет веру», «можно велеть горе двинуться идти в воду», «гора, которая двинулась».*

Чудо движения горы передается теперь как стихийное природное явление (землетрясение), отрывок «реалистически» детализируется. Эпизод чуда с горой приобретает также и символическое значение за счет введения мотива духовного преображения героини. Гора движется и в душе язычницы Нефоры. Пораженная твердостью христианских правил, она неожиданно преодолевает эгоизм, не жалеет себя и обнажает перед людьми свой сокровенный грех. Этот значимый фрагмент — чудо духовного переворота — Лесков дублирует, присочиняя к концовке еще один сюжетный ход: женитьбу Зенона на Нефоре. Движение образа «некой жены» (от себялюбивой натуры до христианки по духу) является следствием реализации общего замысла

цикла «Легендарные характеры»: показать, что в Прологе «женщины представлены собой отнюдь не так дурно, как это думают и утверждают люди» (311). Лесковская героиня оказывается нравственно выше своего проложного прототипа.

Писатель придает иное значение образам «епископа» и «христиан». Если в записной книжке это образы абсолютно идеальные, как и в Прологе, то теперь христиан Лесков называет «толпой», они «плачущие», ни один из них «не чувствовал в себе уверенности в своей вере» (345). О златокузнице епископ говорит в духе «обрядового» христианства:

«... он в вере нашей не крепок, он постоянно в общении с людьми разных вер <...> он не поспевает к общей со всеми молитве в день недельный...» (345).

В таком отступлении от конспекта намечается тема, преобладающая в творчестве писателя 1870–1890-х годов: несоответствие деятельности священнослужителей их высокой роли духовных пастырей (см. «Патриаршие повадки», «Чудеса и знамения», «Мелочи архиерейской жизни», «Святительские тени» и др.). 8 июня 1871 г. Лесков писал В.П. Щебальскому:

«<...> в новом колене слуг алтаря я не вижу “попов великих”...» [Туниманов, 1994]

В июле 1887 — конце 1888 г. Лесков существенно перерабатывает текст, который мы выше называли 1-й редакцией переложения проложного «Слова». В письме С.Н. Шубинскому от 2 июня 1890 г. есть признание, позволяющее судить об актуальной творческой задаче:

«<...> делаешь <...> на пользу людям, усиливаясь подавить в них инстинкты грубости и ободрить дух их к перенесению испытаний...» (XI, 460).

Можно предположить, что поводом для возвращения к проложному «Слову» стали причины внутреннего порядка. В «Слове» есть важная для Лескова тема праведничества и разрешение нравственно-философского вопроса: «в чем сила, в чем утешение христианской религии»⁶. Известен и интерес Лескова к изображению «темных», не подвластных рассудку начал женского эроса (см.: [Гуревич, 1895; Лесков, 2000]).

О новом пересказе Лесков сообщает в письме в редакцию «Русские ведомости» от 10 января 1889 г.:

«<...> повесть “Зенон” <...> есть повесть обстановочная <...> историческая и обстановочная ее части обработаны по Эберсу и Масперо и по другим египтологам <...> Повесть просто представляет интересное старинное происшествие. Герой повести “Зенон” — художник из Александрии, а героиня Нефорис — богатая вдова из Антиохии, влюбленная в Зенона и обращаемая им в христианство. Все события происходили в конце III или начале IV века...» (XI, 240).

⁶ Письмо О.С. Крохиной от 17 нояб. 1890 г. // РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 41. Л. 27–28.

В письме И.Е. Репину Лесков дает более глубокое толкование:
«“Зенон” <...> вещь <...> трудная, и ее можно читать только тем, кто понимает, каково было все это измыслить, собрать и слепить, чтобы вышло хоть нечто не совсем обстановочное, а и идейное и отчасти художественное... “идея” ... это суть» (XI, 414–415).

В замечаниях Лескова есть несколько моментов, важных для понимания творческой истории 2-й редакции будущей «Горы». Сохраняя сформированное в 1-й редакции смысловое ядро (взаимоотношения Зенона и Нефорис, преображение героини), писатель вносит в текст значительную правку. Во-первых, теперь определен жанр — повесть. Во-вторых, обозначены конкретные литературные и научные источники. В-третьих, делается намек на скрытый «идейный» пласт.

В эпистолярных диалогах с В.А. Гольцевым и С.Н. Шубинским писатель неоднократно говорил о 2-й редакции как о самой «обработанной»:

«на повесть я положил целый год пристального труда» (XI, 398), «“Зенон” обработан тщательнее всего прочего мною сделанного в этом роде» (XI, 398), «“Зенона” уже сто раз правил»⁷.

Какой была авторская правка в 1887–1888 гг.? Изучение сохранившихся в архивах материалов выявило только два факта. Колебания Лескова были связаны с выбором названия произведения и эпиграфом. В записных книжках находим варианты названия: «Кузнец», затем оно зачеркнуто и сверху надписано «Гора»⁸. На листе 17 Лесков записал: «Эпиграф к повести “Гора”». Позже приписано: «Зенону». Ниже идет текст эпиграфа:

«Этот анекдот совершен древний. Такой торг нынче несбыточен, как сооружение пирамид, как римские зрелища — игры гладиаторов и зверей»⁹.

В результате 2-я редакция была озаглавлена «Зенон-Златокузнец. Историческая повесть (по древним преданиям)». Эпиграф Лесков не включил.

Текстологический анализ корректуры «Зенон-Златокузнец. Историческая повесть (по древним преданиям)» с правкой Лескова¹⁰ убеждает, что во 2-й редакции сохраняется сюжетная канва 1-й редакции. Вместе с тем в текст внесены изменения, связанные как с историко-культурным контекстом места действия, так и социально-философским содержанием произведения в целом. Введены новые эпизоды, детали, характеризующие культурную и религиозную ситуацию раннехристианской Александрии, появляется много новых персонажей, есть побочные сюжетные линии. Реконструируя события

⁷ Письмо В.А. Гольцеву от 16 окт. 1888. // РО РГБ. Ф. 77. Карг. 4. Ед. хр. 63. Опубл.: [Из переписки Н.С. Лескова, 1997].

⁸ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108-а. Л. 1об.

⁹ Там же. Ед. хр. 108. Л. 17.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 6.

III — начала IV в., Лесков черпал сведения из научных работ. Данные им описания обычаев, ритуалов, нравов, портретов, одежды жителей Александрии Египетской, а также египетских ландшафтов, пейзажей схожи вплоть до текстуальных совпадений с фрагментами работ современных ему отечественных и зарубежных историков, богословов и этнографов. По архивным материалам удалось установить, что фактическую основу 2-й редакции составляют труды английского богослова Ф.В. Фаррара «Первые дни христианства» (СПб., 1888)¹¹, французского исследователя Г. Буасье «Римская религия от Августа до Антонинов» (М., 1878)¹², русского историка Ф.А. Терновского «Три века христианства» (Киев, 1878), «Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов» (Киев, 1883)¹³. Кроме того, писатель практически дословно приводит факты из атласа «Рисунки из атласа по Египту» немецкого египтолога Г. Эберса и его романов («Номо сум» (в русской версии «Человек бо есмь») (1878), «Дочь египетского царя» (1883), «Серapis» (1885)). Известно, что Г. Эберс виртуозно использовал данные науки в художественных произведениях. Лесков обильно цитирует и мемуары В. Андреевского «Египет. Александрия, Каир, его окрестности, Саккара и берега Нила до первых порогов. Описание путешествия в 1880–1881 гг.» (1884).

Под «другими египтологами» (см. письмо выше в редакцию «Русские ведомости» от 10 января 1889 г.) Лесков подразумевал, вероятно, Готенрота. См. в письме З.П. Ахочинской от 13 марта 1889 г.:

«Альбомы Готенрота и Масперо видел. Они неопишимо полны и хороши. Готенрот у меня есть (наряды Египта), Масперо (лица) я могу достать» (XI, 422).

Возможно, писатель использовал также выписки на французском языке из трудов Э. Годара («Египет и Палестина») и М. Грегвара («История религиозных сект»), сделанные для него Е.В. Пеликан¹⁴.

Во 2-й редакции Лесков выдвинул на первый план образ праведного «златокузнеца». Его облик значительно конкретизируется: сообщается предыстория персонажа, говорится о его рождении, родителях, даются пространные описания внешности. Наиболее сильной переделке подверглись эпизоды, повествующие о вероисповедании и необыкновенном, тонком искусстве героя. Они значительно расширены за счет введения емких психологических деталей и сравнений. С образом «златокузнеца» в текст входит и развивается целый комплекс узловых нравственно-философских проблем: вера в водворение Царства Божия на земле; христианство истинное, животворящее и

¹¹ Книга Ф.В. Фаррара имела в библиотеке писателя и хранится ныне в Доме-музее Н.С. Лескова (ф. 2, ед. хр. 229). См. также: [Лесков, 1888].

¹² См. выписки из этого труда Г. Буасье в записной книжке Лескова: РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 9.

¹³ См. переписку Лескова с Ф.А. Терновским (XI, 269–277).

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 524.

христианство обрядовое, не воспринявшее духовное Слово Иисуса; «необузданная» страсть и высшая христианская Любовь.

Лесков продолжает работать и над психологическим прорисовыванием облика язычницы Нефоры. В повествование вводится история ее детства, «полного беспрестанных тревог», замужества за «старым и безнравственным вельможей», вдовства. В характере и поведении героини усилена «страстность», «безрассудная одержимость», «мщение» Зенону, но показано и зарождение нового чувства: «нежной, теплой влюбленности», которое затем переходит в высшую христианскую, жертвенную любовь. Включены многочисленные портретные описания, монологи героини, смутные движения ее души «переведены» в отчетливые зрительные образы.

Перед чудом с горой вводится важный диалог Зенона и Нефорис, где открывается хилиастическая мечта героя:

«Я счастлив, я не боюсь ничего и умру <...> я не дам унижить насмешкой Его <...> Того, кого я зову моим Учителем и моим Господином <...> Довольно Его унижали!.. Я один взойду на гребень горы: пусть видят, что кто Его любит, тот Ему верит. — Но для чего это нужно? — Это нужно для счастья людей, потому что в учении Его сокрыт путь ко всеобщему счастью, но чтобы идти этим путем... надо верить, Нефора»¹⁵.

Преображение мира «златокузнец» связывает с «покорностью воле Учителя своего естества», исполнением евангельских заповедей:

«отдать себя делам любви», «любить без различия породы и веры, любовь обнимает всех в одном сердце», «любить людей и жить, чтобы делать добро людям»¹⁶.

Высказывания персонажа по сути представляют собой беллетризованную версию 13-й главы Первого послания к Коринфянам Святого Апостола Павла.

Настроения героя до некоторой степени правомерно отнести к самому Лескову. Повестью «Зенон-Златокузнец» хилиастические мотивы у писателя не исчерпываются. Они вычитываются и из публицистики писателя, и из других, как ранних, так и поздних произведений¹⁷. Например, в незавершенном очерке «Соляной столб» сын художника, совершая паломничество в народ, учит крестьян жить так, «як Бог показал, що бы всим равно было», и «утешает» их тем, что «впереди с веками придет на землю Царство Божие...»¹⁸. Один из самых загадочных лесковских праведников, герой очерка «Обнищеванцы», надеется «объединить все человечество в любви Божией», «осчастливить все человечество»¹⁹. Еще один аргумент.

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 6. Л. 24.

¹⁶ Там же. Л. 21.

¹⁷ См. об этом: [Лесков, 1997, 23].

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.



В 1883 г. происходит схватка Лескова с К. Леонтьевым по поводу статей Леонтьева о Толстом, выразителя (в глазах критика) «розового христианства», верящего в царство правды на земле. Так, в заметке «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» Лесков опровергает вывод К. Леонтьева о том, что Толстой не христианский писатель, ибо в рассказе «Чем люди живы» «на первый план поставил *любовь*, а не *страх и смирение*». По мнению Лескова, выраженная Толстым мысль: «... люди живы не заботой о себе, а любовью» — есть «наибольшая заповедь в законе». Как аргумент полностью цитируется 13-я глава Первого Послания к Коринфянам. К. Леонтьев, как считает Лесков, подменил «высший идеал христианства» другим, «низшего достоинства», которым «всегда шло искажение христианства» («совершенная любовь вон изгоняет страх») [Лесков, 1883]. О значимости для Лескова христианской идеи любви, выраженной в 13-й главе Послания, говорит и то, что среди кратких выписок на отдельных листах из Нового Завета и книг религиозного содержания 13-я глава выписана полностью²⁰.

В тексте 2-й редакции автор наделяет Зенона чертами своего духовного мироощущения. В эпистолярных диалогах Лескова с самыми близкими людьми 1888-1890 гг. темы «человеческого родства», «обретения гармонии в христианской любви» лейтмотивны:

«... людей роднит “не кровь и плоть”, а родство духа, одинаковость свойств, которых природы мы не знаем...»²¹, «... Я знаю, что вся религия лежит в слове “любовь”... “Бог любви есть” ... вся гармония силы духовной состоит только в покорности...»²², «... Я чувствую себя как можно более приверженным и преданным моему Господину, для которого не значимо ничего ни имения, ни слава, ни родство, ни угрозы, ни страх ...»²³, «... Возьми <...> Новый Завет <...> 13 главу I послания ап. Павла к Коринфянам. Там узнаешь, как должно оказывать любовь ... согрей сердца любовью, которая “все покрывает” <...> произойдет чудо Божие, о котором с умом человеческим не вздумаешь, — именно “мир Божий”, который превыше всякого ума да водворится в сердцах ваших»²⁴.

Примечательно, что во 2-й редакции идеи милосердной любви и покорности воле Христа поддерживаются комплексом введенных аллюзий на учение религиозного мыслителя Оригена о сотериологическом идеале личности Христа и всеобщем восстановлении, в том числе и дьявола, в апокатастасисе. В 1870–1880-е годы Лесков был увлечен идеями Оригена. Так, в эпистолярном общении с И.С. Аксаковым (23 декабря 1873 г.) он упоминал о магистерском сочинении священника Г. Малесванского «Догматическая система Оригена», которое намеревался использовать как источник для статьи

²⁰ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1. Стлб.1.

²¹ Н.П. Крохину от 27 ноября 1889 г. // РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 44. Л. 22.

²² Е.Н. Ахматовой 2 августа 1882 г. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 2.

²³ Н.П. Крохину от 13 декабря 1889 г. // РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 44. Л. 28.

²⁴ О.С. Крохиной от 29 марта 1892 г. // РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 42. Л. 460б.



о штундизме (XI, 346). По воспоминаниям И.А. Шляпкина, Лесков проектировал перевод на русский язык трактата Оригена «О Началах» под общей редакцией арх. Арсения [Шляпкин, 1895: 208]. В сотериологическом идеале Оригена на первый план в личности Христа выступает Его образ как совершенного Учителя, показавшего людям образец борьбы духа с плотью, пример восхождения человеческой души к духовному совершенству²⁵. Согласно Оригену, величайшее из всех чудес Иисуса — чудо перерождения всех тех, которые обращаются ко Христу²⁶. Центральным пунктом в эсхатологии Оригена является учение о всеобщем суде и восстановлении в добре грешников разной степени вины. По Оригену, душа человека после смерти получает воздаяние, соответствующее ее заслугам. Одни удостоиваются вечной жизни и блаженства, другие — подвергаются загробным наказаниям, адскому огню. Загробные наказания имеют временный характер. Кроме того, Ориген смотрел на адские мучения не только как на наказания грешников, но считал их и средством врачевания нравственно-испорченной природы последних. Во время всеобщего суда произойдет восстановление всех душ в их первоначальное состояние, т.е. в добре. Мир изменится, приняв новый вид, произойдет воскрешение не телесных, а тончайших, духовных тел. Согласно Оригену, даже дьявол, этот символ низшей враждебной силы, не останется навек заключенным в гордыне и злобном упорстве. Ему также предстоит постепенное восхождение по ступеням добра и, наконец, реинтеграция в Божественную сущность. Ориген попытался разрешить проблему мирового зла через отрицание вечности зла и страданий [Петров, 1899; Николаев, 1913; Балашов, 1996; Макарий, 1999].

Во 2-й редакции христиане говорят о «златокузнице» (их характеристика предшествует чуду с горой):

«Он не верит, что воскреснут на суд с земными телами и даже сомневается в справедливости вечных наказаний, а это самая страшная ересь, которая ведет к тому, что, стало быть, и дьявол будет когда-нибудь будет прощен»²⁷, «Он не проклинает гностиков, он не верит в вечность мучений и в воскрешение с телами. Ему нет дела до чуда»²⁸, «Зенон вспоминал Христа, Петра, Стефана и своего почитаемого учителя Оригена»²⁹.

Аллюзии на учение Оригена во 2-й реакции впервые вводят тему противопоставления «златокузница» христианам, которое следует трактовать как противопоставление двух типов: христианина, вос-

²⁵ Орлов А. Христология Илария Пиктавийского в связи с обзором христологических учений 2–4 вв. Сергиев Посад, 1909. С. 51.

²⁶ Малесванский Г. Догматическая система Оригена // Труды Киевской Духовной Академии. 1870. Январь. С. 54.

²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 6. Л. 33.

²⁸ Там же. Л. 39.

²⁹ Там же. Л. 40.

принявшего духовный смысл учения Иисуса, и христианина, только буквально, исторически понимающего евангельское слово.

В «Зеноне-Златокузнице» Лесков развивает намеченные в 1-й редакции уничижительные характеристики «епископа» и «александрийских христиан», дополняя повествование новыми подробностями, сравнениями, создающими порой комический эффект, образом «трусливого», «хитрого» патриарха. Показано, что христиане не понимали духа своей религии. Их благочестие проявлялось лишь в исполнении обрядов. Им чуждо было творение дел любви и добра — первейшая заповедь Иисуса. Значим введенный во 2-ю редакцию диалог патриарха и «златокузница»:

«— Его я люблю и во всем покоряюсь <...> Но я люблю Его и Ему покоряюсь не ради того, что Он претворил воду в вино, а потому, что Он претворил себялюбие в добро, что Он жалел других больше себя, что Он не мстил никому за обиды и предпочел остаться униженным и нищим, когда мог быть богатым и знатным. — Знаешь, Зенон, мне правду сказали: ты еретик, но ересь твоя не опасна, потому что не многие станут по-твоему веровать»³⁰.

В унисон своим размышлениям Лесков отчеркивает в сочинении Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу» слова:

«Если мы в наружных токмо обрядах полагаем успех наш в религии, то наше благочестие скоро кончится»³¹.

Позже в «Кратком изложении Евангелия» Л.Н. Толстого им выделяется карандашом сходная мысль:

«Нельзя соединять дел любви с исполнением обрядов»³².

Нравственно-философская проблема «во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облакаемся» лейтмотивна в произведениях Лескова 1870–1890 гг. о современной русской жизни.

Во 2-й редакции Лесков развивает и своеобразно выделяет введенный ранее в 1-ю редакцию мотив духовного перерождения Нефоры. В новое переложение включается пространственный диалог Зенона и Нефорис. Героиню преобразила сила любви к ней Зенона, любви христианской, «возвышающей душу и сердце»:

«... я счастливо умру, передав тебе любовь мою к страдающим людям <...> я не мог принять той любви, которая принуждала меня пренебречь послушанием к словам моего Учителя и забыть Его просьбы для удовольствий плоти <...> теперь ты <...> укрепляешь, а не расслабляешь мой дух и обещаешь отдать себя делам любви, — теперь я тебя люблю сострадательная Нефора <...> ты одного со мной духа <...> ты сестра мне <...> любовь же того, кто может сказать: “всем ты добра моя голубица”, — обещает разумную жизнь, не пыл <...> ты теперь кротка и добра <...> всё свершилось, гора тронулась с места...»³³

³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 6. Л. 34.

³¹ ОГЛМТ 610/248оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 242.

³² ОГЛМТ. 610/47оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 251.

³³ Там же. Л. 28.

В отличие от 1-й редакции Лесков более отчетливо маркирует момент преобразования Нефорис. Во-первых, изменяется композиционная функция эпизода чуда движения горы. Если в исходном тексте оно является звеном в причинно-следственной цепочке, то теперь выступает как символ, итог перерождения героини. Во-вторых, эпизод укрупняется формально и содержательно. Лесков вводит описание страшной грозы во время землетрясения, «реалистичной» и символической одновременно. С одной стороны, природному явлению дана научная мотивировка за счет включения аллюзии на «Географию» Страбона. Символизация достигается путем ассоциативного сопоставления фрагмента с Откровением Иоанна Богослова. Как показал текстологический анализ, в новой переработке Лесков акцентирует важную концовку, женитьбу Зенона на Нефорис, используя «сюжетный» повтор. В повествование 2-й редакции вводится аналогичная история о Юзуфе и Зулейке. Удалось установить, что источником вставного эпизода является труд В. Андреевского «Египет. Александрия, Каир, его окрестности, Саккара и берега Нила до первых порогов. Описание путешествия в 1880–1881 году» (СПб., 1884. С. 45). В повести «Гора» Лесков делает примечание, где указывает источник истории об Юзуфе и Зулейке: «Коран, 21:1». Однако, как показали наши разыскания, ссылка, сделанная автором, ложная и заимствована из подстрочных замечаний В. Андреевского.

«Зенон-златокузнец. Историческая повесть (по древним преданиям)» должна была появиться в свет в ноябрьском номере «Русской мысли» за 1888 г., но публикация была запрещена. Вопрос о причинах запрета остается дискуссионным. В письмах и воспоминаниях как самого Лескова, так и его современников содержатся противоречивые сведения, которые не позволяют отдать предпочтение той или иной версии. Согласно первой, редакция «Русской мысли», усмотрев сходство между «патриархом» и московским митрополитом Филаретом, решила обезопасить себя от неприятных последствий и без ведома автора направила повесть в С.-Петербургский Комитет Духовной Цензуры, и уже Комитет наложил veto. Говоря словами самого писателя, «неглядно», «то есть просто на словах», запретил публикацию повести [Лесков, 1954: 560]. Сам Лесков писал 12 января 1889 г. в редакцию «Русских Ведомостей»:

«Во всей повести <...> нет ни малейшего намека на какое бы то ни было известное русское лицо <...> Ничего представляющего какие бы то ни было современные происшествия в России, в Европе или вообще на всем белом свете — в повести моей нет <...> Никаким сопоставлениям с русскими нравами и положениями там нет и места — в чем я и свидетельствуюсь редакцию “Русской мысли”, которой хорошо известно содержание повести “Зенон Златокузнец”. Лучшим же подтверждением моих слов может послужить немецкий перевод “Зенона”, который сделан с корректурных листов и появится в немецком журнале» (XI, 240–241).

По мнению исследователя С.П. Шестерикова, есть основания сомневаться в искренности Лескова:

«Личность Филарета, одного из “столпов” православия, неизменно прославлявшегося церковниками, была вполне “неприкосновенна” для сколько-нибудь критического изображения в легальной печати; такой подход к личности и деятельности Филарета Лесков осуществил как раз в 1883 г. в статье “Оживленная память” <...> Характеристика “лихой памяти” Филарета оказалась столь убийственной, что статья Лескова так и осталась в рукописи...»³⁴

Вторая версия кардинально противоположна первой. В более ранних письмах Лескова это событие излагалось несколько иначе. Так, 1 октября 1888 г. Л.Н. Толстому он писал:

«Поп, которому давали читать, будто “открыл сходство между патриархом и Филаретом”, после чего будто “Русск<ая> М<ысль>” ахнула и сама отказалась печатать»³⁵.

Начавшееся уже печатание повести было приостановлено. Вскоре Лесков узнал, что во всей этой истории определенную роль сыграл его могущественный враг, начальник Главного управления по делам печати Феокистов. 20 ноября 1888 г. Лесков пишет В.А. Гольцеву:

«Сейчас <...> был у меня Вк. Мх. и передал мне, в какое положение поставлен “Зенон”. Это положение, без сомнения, есть вполне безнадежное. Меня крайне удивляет ожидание что-то выиграть здесь, когда проиграно в Москве. Известно ведь, что Ф<еокистов> имеет ко мне особую ненависть, и притом сугубую, так как притеснением меня он доставляет удовольствие П<обедонос>цеву и г-ну <Т.И.> Ф<илипп>пову. Следовательно, ожидать хорошего просто смешно и наивно»³⁶.

Однако неудача обескураживает Лескова только на первых порах. Он начинает борьбу за появление повести в печати. В уже цитированном письме к В.А. Гольцеву он просит

«прислать <...> *хоть в полосах* экземпляр “Зенона” без выпусков, которые... не нравятся и которые напрасны, ибо они не могли изменить общего духа и направления повести»³⁷.

Лесков пробует напечатать «Зенона-златокузнеца» в петербургском журнале «Неделя», минуя, таким образом, московскую цензуру, но эта попытка приносит новое и опять неожиданное разочарование. Напуганный толками, идущими из Москвы, редактор «Недели» П.А. Гайдебуров предлагает Лескову неприемлемые условия. Друг Лескова А.И. Фаресов вспоминал:

«...Лесков передал повесть П.А. Гайдебурову в “Неделю”, но тот приехал к автору просить “пожертвовать тенденцией”».

В своих воспоминаниях А.И. Фаресов запечатлел интереснейший диалог между Лесковым и П.А. Гайдебуровым:

³⁴ См.: Шестериков С.П. Запретный Лесков. Машинопись. 7 лл. Фонд К.П. Богаевской. Благодарю докт. филол. наук, проф. СПбГУ И.В. Столярову за возможность познакомиться с материалами из архива К.П. Богаевской.

³⁵ Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928. С. 72.

³⁶ Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 400–401.

³⁷ Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 401.

«Такое прекрасное описание египетской жизни <...> Обстановка, природа, обычаи — удивительно художественно воспроизведены; но для сохранения повести необходимо пожертвовать тенденцией. Мне хочется напечатать ее, но в этом виде, как возьму я ее в руку, она жжет мне пальцы». На что Лесков ему твердо ответил: «Отымите от рассказа тенденцию <...> от него ничего не останется. Выйдет глупая басня. Я именно и писал его затем, чтобы человек своей верой мог увлекать людей, двигать горами, как Зенон готовностью умереть за веру тронул и сдвинул чужое сердце... Мне только это и мило в моем рассказе, а вы меня просите пожертвовать тенденцией и оставить только рамки рассказа и краски» <...> Так они и разошлись. По уходе Гайдебурова Лесков сказал: Настоящий литератор никогда не посоветовал бы сохранить художественность без идеи...» [Фаресов, 1901: 135–136].

Наконец, третью версию приводит комментатор повести «Гора. Египетская повесть (по древним преданиям)» А.И. Батюто в составе Собрания сочинений Лескова (М., 1958. Т. 8). Согласно наблюдениям А.И. Батюто, своего рода некую запутанность в цензурной истории повести породила заметка И. Розанова «Еще о лесковиане». И. Розанов полагает, что запрещение повести вызвано было описанными в ней погромами христиан, в которых цензура усмотрела намек на еврейские погромы в России. Однако, как считает А.И. Батюто, данные, привлекаемые И. Розановым для доказательства такой точки зрения, не выдерживают критики. И. Розанов неправильно прочел автограф Лескова на экземпляре отдельного издания «Горы» (ГИМ). Вот эта надпись Лескова:

«Эта повесть под заглавием “Зенон Златокузнец” была вырезана в 1888 году из журнала “Русская мысль”. Н. Лесков».

Нечетко написанную восьмерку Розанов принял за тройку, вместо 1888 г. появился 1883, а вслед за этим и заманчивое, но явно необубдительное заключение. Розанов писал:

«Как раз перед 1883 годом, когда роман должен был быть напечатан в “Русской мысли”, в 1881 и 1882 годах по России прокатилась волна страшных еврейских погромов <...> Аналогия между тем, что рассказывалось в романе, и тем, что было у всех на глазах, была слишком очевидна, и роман был запрещен. В 1890 году впечатления от этих погромов сгладились, новых погромов не было, роман перестал казаться опасным и был разрешен под другим заглавием»³⁸.

В действительности же «Гора» и писалась, и проходила цензуру в относительно спокойное время [Батюто, 1958: 602–603].

Через полгода был найден выход. Текст Лескова под названием «Гора. Роман из египетской жизни» рискнул напечатать в 1890 г. в журнале «Живописное обозрение» (№ 1–12) его редактор А.К. Шеллер. В целях маскировки Лесков внес большую правку. А.И. Батюто установил следующие изменения: новое название; новый подзаголовок («роман из египетской жизни» вместо исторической повести; переименованы главные действующие лица (Зенон стал Фовелом, Нефора — Атоссой); исключены эпизоды, связанные с образом патриарха (VIII, 601).

³⁸ Книжные новости. 1937. № 23–24. С. 108.

Обнаруженные нами в последнее десятилетия в российских архивах сведения позволили пересмотреть и дополнить сделанные ранее наблюдения. На наш взгляд, более правомерно говорить как о формальном, так и о творческом характере правки. К формальным исправлениям относятся исключения фрагментов, где упоминается имя Оригена и узнаваемы оригеновские идеи о сотериологическом идеале личности Христа и «всеобщем апокатастасисе». Очевидно, Лесков учел нареkania цензора арх. Тихона по поводу имени Оригена в 1-й редакции «Скомороха Памфалона» под названием «Боголюбезный скоморох. Старинное сказание» (1886) [Минеева, 2003].

Формальным и в то же время творческим изменением следует считать новое название: оно более удачно, по сравнению с прежним, актуализирует узловые сюжетные линии: 1) преодоление греха соблазна Зеноном; 2) духовное преображение Нефорис; 3) проявление силы веры «златокузнеца»; 4) торжество «животворящей» христианской религии. Напомним, что Лесков, как свидетельствует его набросок в записной книжке, с самого начала колебался в выборе названия, и одним из вариантов была «Гора».

Творческими изменениями являются: 1) вставка эпиграфа (он также был в первоначальном замысле); 2) новый подзаголовок. Лесков продолжал размышлять над жанровой природой текста. По мысли Е.Г. Мущенко, «сама природа таланта Лескова очень близка к эпическому мышлению», во всех используемых жанрах писатель «стремился распределить центр тяжести произведения поровну между событием и героем» [Мущенко, 121]. Как показывают текстологические разыскания, в «Зеноне» выделялся образ «златокузнеца», но при этом не исчезал интерес к «количественному», насыщенному описанию среды. Новое определение произведения как романа поддерживается особенностями повествования: главный герой Зенон воплощает собой начало движения, стремится изменить мир вокруг, автором воссоздается контакт персонажа с действительностью [Бахтин, 1975: 73]; повествование аллюзионно, наиболее значимое подчеркивается путем «дублирования» эпизодов [Самойлова].

В последнее двадцатилетие XIX в. в жанре романа появляются новые тенденции: этнографические подробности, быт, нравы привлекают к себе повышенное внимание авторов. Эти тенденции можно обнаружить и в рассматриваемом лесковском тексте. Между тем в «Горе» нет свойственной роману широты, панорамности изображения, многоплановости сюжетного развития.

Редактор «Живописного обозрения» послал повесть в петербургскую цензуру, которая не узнала в ней нашумевшего «Зенона-златокузнеца» и пропустила в печать. Как справедливо отмечает

А.И. Батюто, восхищенный находчивостью А.К. Шеллера и феноменальной тупостью и непоследовательностью цензуры, Лесков в письме от 5 октября 1889 г. сообщал В.А. Гольцеву:

«Кстати прибавлю, что Зенон под иным заглавием *пропущен к печати предварительной цензурой*, весь и без всяких сокращений. Вот что делается в нашем благоустроенном государстве!»³⁹

В этом же 1890 г. текст переработанной 2-й редакции публикуется в 10 томе Собрания сочинений Лескова. Писатель оставляет название «Гора», но возвращается к прежнему жанровому определению «Историческая повесть (по древним преданиям)», а также возвращает прежние имена главных героев (Фовел стал опять Зеноном, Атосса — Нефорис, или Нефорой). Все остальные сделанные ранее изменения сохраняются.

Критические отклики современников на появление повести Лескова в печати были положительными. А.И. Фаресов отмечал, что с повести «Гора» «начинается <...> ускоренное сближение» Лескова с Толстым:

«Когда эта повесть появилась в печати, Толстой отметил в ней значение идеи о том, что “вера двигает горами”, но что сдвинуть языческие верования гораздо труднее, чем обычную гору, и что это “чудо” должно быть в нравственном подвиге христиан...» [Фаресов, 803]

В рецензии, посвященной выходу в свет отдельного издания романа, критик С. Трубачев писал:

«Интрига романа очень проста, да и не в ней дело: дело в симпатичной идее, положенной в его основу и воплощенной в живых образах. Автор хотел показать превосходство любви чистой, духовной, христианской перед любовью мутной, чувственной, языческой, — любви самоотверженной, деятельной перед любовью эгоистической, эпикурейской...»⁴⁰

Переходя далее к оценке чисто художественных достоинств повести, Трубачев продолжал:

«Написана “Гора” с мастерством, присущим г. Лескову в обработке легенд и обличающим крупного художника. Простой, гибкий, образный и вместе с тем музыкальный язык удивительно гармонирует с благородством и глубиной содержания; картины египетской языческой жизни являют собой эффектные контрасты с главной идеей произведения; герой и героиня психологически очерчены мастерски, хотя и несколько эскизно. Вообще, повторяем, роман “Гора” — крупное художественное произведение» (Там же. С. 680).

Отзыв начинающего критика настолько понравился писателю, что он поспешил поделиться своими впечатлениями с редактором «Исторического вестника» С.Н. Шубинским:

«“Гора” столько раз переписана, что я и счет тому позабыл, и потому это верно, что стиль местами достигает “музыки”. Я это знал, и это правда, и Трубачеву делает честь, что он заметил эту “музыкальность языка”. Лести тут нет: я *добивался* “музыкальности”, которая идет к этому сюжету *как речитатив*... Мне самому стыдно

³⁹ Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 403.

⁴⁰ Исторический вестник. 1890. Июнь, отд. «Критика и библиография». С. 679.

было на это указывать, а старшие этого не раскушали. А Трубачев это уловил. Это ему делает честь. Он умеет читать...»⁴¹.

Еще одна хвалебная рецензия на повесть «Гора» появилась в «Русской мысли». Анонимный критик ставил повесть в один ряд с другими произведениями Лескова на восточные темы и характеризовал эти произведения как «блестящие художественные картины», полные «любви к ближним, без разделения этих ближних на “своих” и “чужих” по верованиям, национальностям, общественным положениям и занятиям»:

«Необходимо иметь не только очень большие знания относительно описываемых событий, обычаев и мелких житейских подробностей, но еще из ряда выдающийся, совершенно особенный своеобразный талант для того, чтобы представлять в беллетристических произведениях такие цельные, захватывающие своей реальностью картины...»⁴²

В начале XX в. по мотивам «Горы» была написана пьеса; постановка на сцене Петроградского культурно-просветительского клуба «Народный дом» не получила в литературных кругах положительных отзывов. Так, А.И. Фаресов в 1916 г. писал:

«В настоящее время “Гора” переделана г-жой Бахаревой в пьесу и поставлена в Петрограде на сцене “Народного дома” под заглавием: “Блажен, кто верует”. Центр тяжести перенесен режиссерами на физическое движение горы, потому что, по их мнению, без этого физического “чуда” не было бы пьесы... Но... разве Лесков не проповедовал того, что только моральное величие людей может сдвинуть в нас “Гору” язычества и эгоизма? Конечно, обстановочные картины в пьесе смотрятся не без интереса, но сам Лесков не был бы ею удовлетворен»⁴³.

Список литературы

- Балашов Н.И.* От Оригена к Достоевскому (Надежда на возможность конечного спасения и ее проявления в литературе и живописи) // Русское подвижничество. М., 1996.
- Батюто А.И.* Гора // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М., 1958.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Буслаев Ф.И.* История русской литературы. М., 1907. Вып. 2.
- Веселовский А.Н.* Заметки по литературе и народной словесности. СПб., 1883.
- Вольнский А.Л.* Н.С. Лесков. Очерк творчества. СПб., 1898.
- Л.Г.* <Гуревич Л.Я> Из дневника журналиста // Северный вестник. 1895. № 4. Из переписки Н.С. Лескова / Подг. текста и вст. ст. О.Е. Майоровой // Вопросы литературы. 1997. № 1.
- Лесков А.* Жизнь Николая Лескова. М., 1954.
- Лесков Н.С.* Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи: Религия страха и религия любви // Новости и биржевая газета. 1883. № 1, 3.

⁴¹ Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» на 1897, сентябрь — декабрь. С. 319–320.

⁴² Русская мысль. 1890. № 6. Библиографический отдел.

⁴³ Исторический вестник. 1916. № 3.

- Лесков Н.С.* Сочинение Фаррара о христианстве // Новое время. 1888. № 4334.
- Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1989.
- Лесков Н.С.* Божедомы. Повесть лет временных. Рукописная редакция хроники Н.С. Лескова «Соборяне» / Вст. ст. О.Е. Майоровой; публ. О.Е. Майоровой и Е.Б. Шульги; комм. Е.Б. Шульги // ЛН. Т. 101. Неизданный Лесков. Кн. 1. М., 1997.
- Лесков Н.С.* Бракоразводное забвение (Причины разводов брачных по законам греко-восточной церкви) / Предисл., публ. и примеч. А.М. Ранчина // ЛН. Т. 101. Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2. М., 2000.
- Лотман Ю.М.* Избр. работы: В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993.
- Малесванский Г.* Догматическая система Оригена // Труды Киевской Духовной Академии. 1870. Январь.
- Макарий (Оксиук).* Эсхатология св. Григория Нисского. М., 1999.
- Минеева И.Н.* К проблеме генезиса художественного образа в творчестве Н.С. Лескова (повесть «Гора») // Юбилейная Международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета. Материалы. Вып. I: Н.С. Лесков. Орел, 2001.
- Минеева И.Н.* Записная книжка Н.С. Лескова «Выписки из Прологов» как прототекст цикла очерков «Легендарные характеры» // Кормановские чтения. Ижевск, 2002. Вып. 4.
- Минеева И.Н.* Древнерусский Пролог в творчестве Н.С. Лескова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
- Муценко Е.Г.* Путь к новому роману на рубеже XIX–XX веков. Воронеж, 1986.
- Некрасов И.С.* Женский литературный тип Древней Руси // Филологические записки. 1864. Вып. 3.
- Николаев Ю.* В поисках за Божеством: Очерк из истории гностицизма. СПб., 1913.
- Орлов А.* Христология Илария Пиктавийского в связи с обзором христологических учений 2–4 вв. Сергиев Посад, 1909.
- Пролог. М., 1642–1643.
- Петров Н.И.* Сочинения Оригена «О Началах»: Историко-критический очерк // Православный собеседник. 1899. Ч. 2.
- Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928.
- Пытин А.Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.
- Самойлова Г.М.* Внефабульные связи как структурообразующее начало в русском романе II пол. XIX в.: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Н. Новгород, 2000.
- Туниманов В.А.* Письма Николая Лескова // Русская литература. 1994. № 2.
- Фаресов А.И.* Умственные переломы в деятельности Н.С. Лескова // Исторический вестник. 1916. № 3.
- Фаресов А.И.* А.К. Шеллер (Михайлов). СПб., 1901.
- Шляпкин И.А.* К биографии Н.С. Лескова // Русская старина. 1895. № 12.

Сведения об авторе: *Минеева Инна Николаевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета. E-mail: ruslitemig@mail.ru

Б. Вранеш (Сербия)

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЮЖЕТА В ГОГОЛЕВСКОЙ «ШИНЕЛИ»: ТРАВЕСТИ СКАЗКИ¹

В статье при помощи генеалогического и типологического методологических подходов доказывается, что повесть «Шинель» Н.В. Гоголя можно трактовать как травести сказки. Утверждается, что и структурные признаки повести, и скрытые повествовательные аллюзии дают основание для прочтения «Шинели» Н.В. Гоголя как сознательной травести сказки «Золушка», судя по всему версии Шарля Перро. Это подтверждено анализом особенностей сюжета. Гипотеза является оправданной и с литературно-исторической точки зрения, считает автор.

Ключевые слова: Гоголь Николай Васильевич (1809–1852); «Шинель» (1842), Пьеро Шарль (1628–1703), братья Гримм, «Золушка», сказка, сюжет, травести.

It is proved in the article with the help of the genealogical and typological methodological approaches that N.V. Gogol's long story 'The Overcoat' can be interpreted as a travesty of the fairy-tale. It is stated that both the structural features of the story and the hidden narrative allusions provide sufficient grounds to read N.V. Gogol's 'The Overcoat' as a conscious travesty of the fairy-tale 'Cinderella', most likely the one from Charles Perrault. It is confirmed by the analysis of the plot's peculiarities. This hypothesis is justified from a literary-historical point of view as well, the author thinks.

Key words: Gogol Nikolai Vassilievich (1809–1852); 'The Overcoat' (1842), Charles Perrault (1628–1703), the brothers Grimm, 'Cinderella', plot, travesty.

Повествовательное начало известной повести Н.В. Гоголя «Шинель»: «В *одном* департаменте служил *один* чиновник» (III, 128)² сторонний наблюдатель может произвольно связать с вводной формулой сказки. Однако литературно-исторические представления о тексте Н.В. Гоголя, общие впечатления читателя и атмосфера повести обуславливают отсутствие подобного сравнения в литературе уже

¹ Данный текст является первым из серии работ, где будут проанализированы особенности пространства, времени, образов и повествования в произведении Н.В. Гоголя «Шинель» в сопоставлении с особенностями сказки. Благодаря любезности профессора Ю.В. Манна и предупредительности Дома Н.В. Гоголя текст «Золушка в гоголевской шинели» на данную тему включен в сборник Гоголевские чтения (в печати).

² Цит. по изд.: Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1959. С. 128–160.

более 150 лет, хотя и не исключают его полностью. В связи с этим возможность установления параллели между структурными элементами известной повести Н.В. Гоголя и структурой сказки необходимо обосновать при помощи серьезных литературно-исторических аргументов и анализа поэтики.

Наше исследование совмещает генеалогический и типологический методологические подходы и выражает позицию о том, что «Шинель» Н.В. Гоголя, точнее, события в течение жизни главного героя повести могут быть истолкованы как травести сказки. Более того, мы считаем, что имеется достаточно оснований, от структурных признаков повести до скрытых повествовательных аллюзий, для прочтения «Шинели» Н.В. Гоголя как сознательной травести сказки, известной под названием «Золушка»³. Сюжетный анализ, выполненный в начале нашего исследования, является одной из основных предпосылок для высказывания данного предположения. Гипотеза является оправданной и с литературно-исторической точки зрения.

Народные версии сказки о Золушке существовали в России в гоголевское время, в середине XIX в., о чем свидетельствуют записи А.Н. Афанасьева⁴, в то время как литературные версии Базилео, Шарля Перро или братьев Grimm появились еще до первых десятилетий XIX в. (сказки Шарля Перро существовали и в русском переводе)⁵. При некоторых различиях в зависимости от культурного контекста ключевые элементы сюжета «Золушки» совпадают и составляют устойчивую, хорошо известную структуру. После того, как добрая мать Золушки умирает, девушка терпит оскорбления и находится на положении служанки в собственном доме. Чтобы помешать ей отправиться на предстоящее торжество, перед ней ставят невыполнимые задачи и создают непреодолимые препятствия. Волшебный помощник все-таки помогает ей и создает платье для торжества, где все собираются и где Золушка, получая пропуск в общество, предстает в новом свете. По окончании торжества девушка теряет туфельку, или башмачок, ее наряд исчезает, а сама Золушка возвращается в первоначальное состояние. В новом круге событий после

³ Заметим, что повесть Н.В. Гоголя реализуется именно через жанровое многообразие.

⁴ Ср. версии «Золушки» в сборнике А.Н. Афанасьева: «Свиной чехол» (290–291), «Золотой Башмачок» (292) и «Чернушка» (293). См.: *Афанасьев, А.Н.* Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2. М., 1986. С. 312–319. Число в скобках означает номер версии в сборнике.

⁵ Мы пользовались изданиями: *Перро Ш.* Сандрильона, или Замарашка // Перро Шарль. Волшебные сказки, или Приятное занятие от нечего делать. Т. 6. М., 1825. С. 103–124; *Brüder Grimm.* Aschenputtel // Brüder Grimm. Die Kinder- und Hausmärchen. Berlin, 1812. S. 88–101; *Basile G.B.* La Gatta Cenerentola // Basile G.B. Lo cunto de li cunti. Milano, 1995. P. 53–60 (первое издание вышло в Неаполе, 1634–1636).

того, как Золушку находят по потерянному башмачку, сказка обретает счастливый конец.

Не забывая о специфике повествовательного мира Н.В. Гоголя, можно говорить о неожиданной для читателя возможности увидеть сходство сюжета «Шинели» и сюжета известной сказки. Незаметного Акакия Акакиевича, который *служит* в одном департаменте титулярным советником, коллеги немилосердно дразнят и выставляют посмешищем. Этому предшествует эпизод смерти «доброй» матушки Акакия. Вместо злых сестер и мачехи, отца, или же трагических последствий смерти матери в сказке, виноватым в «Шинели» оказывается суровый петроградский климат, обусловивший появление помощника, создающего новое чудесное платье.

Петрович, герой, который помогает Акакию Акакиевичу, обособлен от мира обычных людей рядом не вполне человеческих атрибутов — от хтонического местопребывания до демонической хромоты⁶. По профессии он *портной*, в чем можно увидеть остроумную мысль писателя на тему сказочных помощников. С необходимой долей осторожности и два характерных момента описания Петровича — его одноглазость и знаменитый изуродованный большой палец на ноге — по всей видимости, можно сопоставить с аналогичными выразительными моментами из сказки. В конце «Золушки» братьев Grimm одной из сестер в качестве наказания голуби выклевали глаза, а перед этим она отрезала себе палец на ноге. В этом свете и привычку Петровича обзывать жену немкой, а также ироничные намеки на немцев, которых он любил при случае кольнуть, можно толковать как часть того же сюжетного комплекса.

Возможность сопоставления требует наличия определенных доказательств, которые, как можно утверждать, выстраиваются постепенно в сюжете повести. Чтобы раздобыть деньги на новую шинель, Акакий Акакиевич должен был выполнить чрезмерно строгие задания и испытать почти сверхчеловеческие лишения, соизмеримые с препятствиями из сказки. Гоголевский герой не только целый год не будет зажигать по вечерам свечи или будет голодать, но и «по улицам, ступать как можно легче и осторожнее (...), почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подметок» (III, 141). Акакию Акакиевичу посылаются несколько видов помощи, неожиданных как для самого героя, так и для читателя: от стародавних сбережений до неожиданной прибавки к жалованию, наподобие сказочных избавителей от невыполнимых заданий. «*Противу всякого чаяния,*

⁶ *Вайскопф М.* Облачение в слово // Вайскопф М. Сюжет Гоголя: морфология, идеология, контекст. М., 1993. С. 334–335.

директор назначил Акакию Акакиевичу (...) целых шестьдесят рублей». Поведение директора, который словно «предчувствовал, что Акакию Акакиевичу нужна шинель» (III, 142), рассказчик погружает в атмосферу, напоминающую чудесную интуицию помощников и тайные законы, характерные для сказочного мира.

Новый наряд, который можно считать еще одной параллелью с сюжетом «Золушки», преображает Акакия Акакиевича и приходится ему впору. При этом Петрович принес шинель «поутру, перед самым тем временем, как нужно было идти», причем «никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель» (III, 142). Следует особо подчеркнуть, что помощник в сказке всегда доставляет платье *как раз* тогда, когда необходимо отправиться на торжество, а торжество непременно представляет собой исключительнейшее событие в жизни героя⁷.

После приобретения нового наряда и преодоления тяжелых препятствий Акакий Акакиевич, который «уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу» (III, 145), был приглашен на большой прием для всех чиновников. Повествователь в «Шинели» подчеркнет, что день, когда Петрович наконец принес шинель, был «для Акакия Акакиевича точно самый *большой торжественный праздник*» (III, 144).

Перед тем, как мы сопоставим мотивы торжества в повести Н.В. Гоголя и в сказке, нужно обратить внимание на описание пути Акакия Акакиевича к месту проведения приема для чиновников. Пока Акакий Акакиевич ехал к дому помощника столоначальника, он «остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то *красивая женщина*, которая скидала с себя *башмак*, обнаживши, таким образом, всю *ногу, очень недурную* (...)». Акакий Акакиевич усмехнулся и подумал о французах (III, 145). Как мы знаем, самая известная, пожалуй, книжная версия «Золушки» была опубликована во Франции. При этом следует подчеркнуть, что в данной версии особое внимание обращено на мотивы, связанные с торжеством, куда приезжает Золушка. В повести Н.В. Гоголя картина в окошке магазина является инверсией сцены обувания потерянного башмачка в «Золушке», что можно рассматривать как скрытое указание на связь со сказкой, а кроме того, и предсказание иной, несчастливой судьбы гоголевского героя.

Приезд главного героя на прием повествователь все-таки окружает особой атмосферой. Как только Акакий Акакиевич вошел на прием, «его

⁷ В народной традиции вместо мотива бала мы находим наряду с другими и мотив большого праздника. Ср. с версией 293 из сборника Афанасьева.

уже заметили, приняли с криком, и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель» (Ш, 146). Когда в день накануне приема Акакий Акакиевич прибыл в свое ведомство, рассказчик подчеркивает, что «в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича». «Начали поздравлять его, приветствовать (...)» (Ш, 143). Акакий Акакиевич первый раз в повествовании, а может быть, первый раз в своей жизни, становится общественно желанным. Оба отрывка необычайно напоминают нам сцену приезда Золушки на бал в сказке Шарля Перро: «Лишь только Сандрильона вошла, послѣдовало глубочайшее молчаніе (...), всѣ съ изумленіемъ устремили глаза на прелестную незнакомку. (...) Всѣ женщины бывшія на балѣ (...) разсматривали головной ея уборъ и покрой платья»⁸.

Сам ход приема Акакия Акакиевича, представляющий собой вполне незаметную сюжетную линию, приобретает необычайно важное значение после сравнения его с аналогичной сценой в сказке Ш. Перро. Золушка Ш. Перро на торжестве «совершенно забыла приказанія крестной своей матери, и (...) вдруг услышала, что часы пробили двѣнадцать. Она въ ту же минуту бросилась изъ комнатъ и полетѣла какъ стрѣла»⁹. Словно боясь повторить ошибку своей предшественницы, и подвыпивший Акакий Акакиевич «однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой» (Ш, 146).

Значение этого мотива, согласно нашей гипотезе, подчеркивается и аллюзиями рассказчика. После того, как Акакий Акакиевич около полуночи покинул торжество, он «подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения (...)» (Ш, 147). Дама, бегущая, как молния или лань, сразу после того, как пробило двенадцать, согласно нашей логике, настойчиво напоминает Золушку, бегущую с бала после полуночи.

Степень тяжести возвращения Золушки после торжества в первоначальное состояние можно сопоставить с аналогичной ситуацией в повести Н.В. Гоголя. Несчастливая Золушка «прибѣжала домой запыхавшись, безъ кареты, безъ лакеевъ, въ запачканномъ своемъ платьѣ», и у нее «остался одинъ только хрустальной башмачокъ»¹⁰. Акакий Акакиевич прибежал домой после приема в похожем состоянии, растрепанный и «в совершенном беспорядке» (Ш, 148).

Мотив побега с торжества в сказке тесно связан с потерей одной туфельки и исчезновением нового платья. Волшебному исчезнове-

⁸ Перро Ш. Указ. соч. С. 113–114.

⁹ Там же. С. 118.

¹⁰ Там же. С. 118–119.

нию платья Золушки в повести Н.В. Гоголя соответствует странная и необычная сцена кражи шинели. На бесконечной, мрачной площади, «которая глядела страшную пустынею» (III, 147), усатые люди с нереально огромными кулаками грубо снимают новую шинель с Акакия Акакиевича и сразу после этого исчезают.

Скрытое указание на мотив потерянного башмачка содержится, по нашему мнению, в сцене возвращения главного героя домой после приема. Рассказчик описывает, что «старуха, хозяйка квартиры, услышав страшный стук [Акакия] в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку (...)» (III, 148). Согласно нашей интерпретации, мотив «башмака на одной только ноге» хозяйки Акакия Акакиевича отсылает к подобному мотиву из сказки, которого не хватало в сюжете повести Н.В. Гоголя¹¹.

Кратко отвлекаясь от анализа сюжета, заметим, что роль башмачка в повести Н.В. Гоголя важна и для этимологии имени героя. Фамилия Акакия Акакиевича звучит Башмачкин, и «она когда-то произошла от башмака» (III, 129). Связь со сказкой, наблюдаемая в фамилии Акакия Акакиевича, является еще одним доводом в пользу нашего прочтения повести. Время ухода с бала, описание Петровича, мотивы загадочной дамы и башмака, по нашему мнению, играют роль писательских аллюзий, которые обращают читателей к подтексту сказки.

Мы считаем, что в распределении подобных аллюзий писателя можно увидеть логически выстроенную систему. При анализе сюжета «Шинели» необходимо рассмотреть вопрос о множественности источников формирования подтекста гоголевской повести. В этом плане индикатором может быть место предполагаемых аллюзий на немецкую версию сказки. Они помещены в той части повести, которая следует за описанием насмешек чиновников и их издевательства над Акакием Акакиевичем, а в версии сказки братьев Гримм больше всего внимания уделено именно мотиву мучений Золушки. Ассоциация с французами помещена в контекст эпизода с приемом для чиновников, а связанные с торжеством мотивы играют главную роль в элегантной версии сказки Ш. Перро. Мотив полночи, когда Золушка покидает бал, а Акакий Акакиевич — свой прием, наблюдается только в вер-

¹¹ Следует указать на спонтанную реакцию Михаила Вайскопфа, свидетельствующую в пользу обоснованности сравнения упомянутой детали из повести Н.В. Гоголя с мотивом из сказки. Вайскопф хозяйку с башмаком на одной ноге видит как ироническую трансформацию девушки с картины в магазинном окошке, снимающей башмак, и называет ее «курьезной Золушкой». *Вайскопф М.* Облачение в слово. С. 349.

сии сказки Ш. Перро¹². В этом же контексте находятся и возможные писательские аллюзии на башмачок Золушки и ее побег с бала. При этом следует отметить, что понятие *башмачка*, характерное для фольклорной версии сказки, с начала XIX в. использовалось и в русском переводе версии «Золушки» Ш. Перро вместо понятия *туфельки*. Все это, наряду с конкретными текстовыми совпадениями, может подтолкнуть нас к предположению, что Н.В. Гоголь выстроил части сюжета, связанные с торжеством, куда отправился главный герой, по французскому образцу¹³.

Жанр сказки имеет известные особенности поэтики, которые в большой мере относятся к характеристикам сюжета. Владимир Пропп указывал на четкую и устойчивую структуру сказочного сюжета¹⁴, в то время как по словам Макса Люти, «видимая изоляция и невидимая общая взаимосвязь»¹⁵ героев оказывают влияние и на действие сказки, логика которой свободна от всяких глубинных связей с логикой реальности. Особая логика сказки позволяет, как мы видели, помощнику появиться именно в тот момент, когда это необходимо герою, словно они тайно *связаны*. Абстрактная точность сюжета сказки, тяготеющей к тому, чтобы четко вписать свои эпизоды в жесткие контуры, имеет те же основания. Контуры эпизодов могут быть очерчены яркими контрастами, и в двух соседних эпизодах «не обязательно присутствие какой-либо внутренней связи между двумя идущими друг за другом состояниями»¹⁶. Эпизоды в сюжете сказки в этом плане являются *изолированными* или *немотивированными* и представляют собой «замкнутые единицы»¹⁷. Когда помощник выполняет свою обязанность, он сразу исчезает, чтобы зачастую в сказке больше не появляться, а герою и в голову не приходит обращаться еще раз к нему за помощью. Действие, связанное с помощником, и то, что следует за этим, — замкнутые самостоятельные единицы, без обязательного переплетения.

Пустоты в мотивированности событий в повести Н.В. Гоголя можно заметить и в действиях чиновников, которые мгновенно окружают Акакия Акакиевича, хотя из текста нельзя заключить, как

¹² Поэтому оправданным будет предположение, что мотив полночи и в народные версии сказки о Золушке перенесен из сказки Шарля Перро.

¹³ Версия сказки Базилео не рассматривается, поскольку не обнаруживает особого подобия с текстом повести Н.В. Гоголя. Базилео уделяет внимание не столько мотивам мучений Золушки, нового платья или бала, сколько событиям после бала.

¹⁴ См.: *Пропп В.Я.* Морфология «волшебной» сказки. М., 1998.

¹⁵ *Lüthi Max.* Das europäische Volksmärchen. Form und Wesen. Bern, 1947. S. 62.

¹⁶ *Ibid.* P. 46.

¹⁷ *Ibid.* P. 49.

чиновники узнали о новой шинели Акакия Акакиевича. Своевременная помощь директора или Петровича носит похожий характер. После выполнения своей роли оба героя «исчезают» из сюжета «Шинели». Функция чудесной помощи в сюжете повести может свидетельствовать о контурности, точности и изолированности выстраивания эпизодов в сказке. Крайняя контрастность, характерная для сюжета сказки, вероятно, наиболее заметна в сценах, связанных с болезнью и смертью Акакия Акакиевича. Акакий заболевает ангиной, а на следующий день она превращается в сильную горячку, и врач предвещает ему смерть за полтора суток. Несмотря на незавидное состояние медицины гоголевского времени и суровую петроградскую зиму, Акакий Акакиевич умирает внезапно, но без трагичности, в чем сказывается адаптированность к стилю сказки, где «теряется конкретность и реальность, глубинная связь и чувства, нюансы и серьезность содержания»¹⁸. Трагичность в «Шинели» не столько имманентна данной сцене, сколько дополнительно вызывается в ней комментариями рассказчика. С контрастами и бинарными оппозициями в структуре сказки, где «богатый наряд рядом с поношенной одеждой»¹⁹, по нашему мнению, связано отличие старой и новой шинелей Акакия Акакиевича. В свете параллелизма с поэтикой сказки можно рассматривать и повторы в выстраивании эпизодов прихода в ведомство и на прием, или подобие постоянных сцен в сказочном сюжете, таких как гиперболизированные препятствия и роль помощников.

Между тем одно из ключевых различий составляет статус данных элементов в сказочном мире и в повести Н.В. Гоголя. Постоянные эпизоды сказки и элементы сюжета «Золушки» необходимо рассмотреть сквозь призму возможностей современного общественного устройства, прозаической канцелярской жизни и бюрократии. В этом свете опускается счастливый сказочный конец, а идеальные параметры сказки материализуются, что последовательно отражено в отношении к элементам сюжета «Золушки». Чудесное задание гоголевского времени — достать восемьдесят рублей. Герой современной сказки вместо чудесной помощи получает от директора повышение жалования. Мучения Золушки — это издевки в канцелярии. Торжество Акакия — день на работе или званый вечер в квартире у помощника столоначальника. С другой стороны, в конце повести не просто никто не находит Акакия Акакиевича и убеждается в его человеческой ценности, но и сам гоголевский герой после нескольких безуспешных столкновений с бюрократической реальностью умирает.

¹⁸ Ibid. P. 89.

¹⁹ Ibid. P. 51.

Всюду заметно принижение, намеренная прозаичность. Такое же отношение наблюдается не только в плане содержания, но и основных структурных компонентов текста.

Гоголь, как замечает Эйхенбаум, отказывается от ведущей роли сюжета в пользу игры повествования. Сюжет «Шинели» наводнен деталями и описаниями, которые не влияют на развитие действия²⁰. В то время как герой сказки решительно, под руководством помощников направляется к выполнению действия, Акакий Акакиевич терпит события нехотя и без каких-либо ориентиров. «Нежелание» Акакия Акакиевича принять развитие действия и «неприспособленность» героя представляют собой трагедии в отношении пассивности главного героя сказки, «обреченного на милость и немилость силам, которые ему неизвестны»²¹. Приглашение на вечер Акакий едва принимает, вначале он отказывался и от новой шинели, всячески оттягивая время заказа у Петровича.

Можно утверждать, что эпизоды в «Шинели» соответствуют сказочной схеме. Гоголевский герой борется с реальной опасностью. Собрание денег на шинель — длительный и мучительный процесс ввиду социального положения героя. Петрович — своенравный помощник, с которым нужно торговаться. Появление половины суммы, повышение жалования, хотя и вовремя «появляются о ниоткуда»²², все-таки выглядят случайными, в отличие от сказочного мира, который «не знает случайностей»²³. Эти элементы обыгрываются и в размытых комментариях рассказчика²⁴, стирающих границы между эпизодами и затягивающих развитие сюжета.

Последнее отклонение от сказочного сюжета Гоголь производит в «финале» своей повести. По закону гротеска начинают распространяться слухи о превращении Акакия Акакиевича в оборотня и о его мести, словно подобная банальная и странная месть может компенсировать метафизическое отсутствие справедливости и смысла. События, связанные со слухами об оборотне, мы не можем связать ни с одной из версий «Золушки». По своей тональности, характерным онирическим картинам и натуралистичным деталям, окончание «Шинели» ближе поэтике народных преданий. Интересно отметить и контраст между примечанием писателя о фантастичности окончания повести и реалистичным отображением мира. Можно утверждать, что

²⁰ Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б.М. О прозе: сборник статей. Л., 1969. С. 306–326.

²¹ Lüthi Max. Op. cit. P. 70.

²² Ibid. P. 68.

²³ Ibid. P. 66.

²⁴ См.: Эйхенбаум Б. М. Указ. соч. С. 306–326.

мотивация событий в финале «Шинели» является более реалистичной и прозаичной, чем в первой части «Шинели». В ней нет пустых мест и недосказанности, а причины поступков и реакций героев (страх, выпивка, плохая видимость), хотя и прикрыты иронией, все же имеются²⁵. Похоже, рассказчик «срывает маску» сказочного мира, тонко обнажая за ней первоначально искаженный реальный мир и быт.

Смысл раскрытия различий между миром реальности и миром сказки в повести Н.В. Гоголя требует отдельного исследования, однако уже на основе анализа сюжета можно отметить его основные элементы — это критика приравнивания человека к его должности в обществе и растворения человеческой индивидуальности внутри вульгарного материализма быта, а также трагичность, граничащая с фарсом, в отношении основных законов, которые управляют судьбой человека. Травести как последняя истина, высказываемая о мире и жизни человека, отражает одну из наиболее горьких мыслей Гоголя, от которой может спасти, вероятно, только простодушное доверие к жизни, лучик беспричинной жизнерадостности в поведении гоголевских героев.

Список литературы

- Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2. М., 1986.
- Basile G.V.* Lo cunto de li cunti. Milano, 1995 (первое издание вышло в Неаполе, 1634–1636).
- Brüder Grimm.* Die Kinder- und Hausmärchen. Berlin, 1812.
- Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: морфология, идеология, контекст. М., 1993.
- Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1959.
- Эйхенбаум Б.М.* О прозе: сборник статей. Л., 1969.
- Lüthi Max.* Das europäische Volksmärchen. Form und Wesen. Bern, 1947.
- Манн Ю.В.* Творчество Гоголя: Смысл и форма. СПб., 2007.
- Перро Шарль.* Волшебные сказки, или Приятное занятие от нечего дѣлать. Т. 6. М., 1825.
- Протт В.Я.* Морфология «волшебной» сказки. М., 1998.

Сведения об авторе: *Бранко Вранеш*, ассистент кафедры сербской и южнославянских литератур филол. ф-та Белградского университета. E-mail: brankovranes@gmail.com

²⁵ См.: *Манн Ю.В.* Творчество Гоголя: Смысл и форма. СПб., 2007. С. 86–88.

Д.Д. Черепанов

**ПОСТАНОВКА ВОПРОСА «РЕЛИГИОЗНОГО
ОТРЕЧЕНИЯ» В РАННЕМ РОМАНЕ
Й. ФОН ЭЙХЕНДОРФА**

В статье анализируется роман Й. фон Эйхендорфа «Предчувствие и действительность». Своеобразие трактовки «религиозного отречения» (В.М. Жирмунский) у Эйхендорфа исследуется в сравнении с романом А. фон Арнима «Нищета, богатство, вина и покаяние графини Долорес». Эволюция героя в романе Эйхендорфа рассматривается с точки зрения переосмысления художественного опыта йенского романтизма.

Ключевые слова: романтизм, Эйхендорф, Арним, религиозное отречение.

This article analyzes J. von Eichendorff's novel "Ahnung und Gegenwart". Eichendorff's vision of "religious self-denial" (V.M. Zhirmunsky) is clarified through comparison with A. von Arnim's novel "Armut, Reichtum, Schuld und Buße der Gräfin Dolores". The evolution of Eichendorff's hero shows how the author rethinks the esthetic experience of Jena romantics.

Key words: Romanticism, Eichendorff, Arnim, religious self-denial.

Г.А. Корф (1882–1963), известный исследователь пространной «эпохи Гёте», выделил три основные черты «зрелого романтизма», составившие к началу XX в. одну из традиций культуры: тягу к религиозности, тягу к национальному и осознанный историзм¹. В основе единства, которое они образуют, по мысли ученого, лежит историзм — признак того, что само это единство претендует сохраниться в качестве традиционного выражения национального, «германского» характера. Из него рождается «коренная» ("wurzelecht"), подлинно немецкая поэзия, представляющая «творческое продолжение народной традиции»².

Одним из ярких примеров того, какую роль сыграли выделенные Корфом три тенденции, можно считать романы Й. фон Эйхендорфа³. В них налицо возрастающее внимание к религиозному началу и все более взвешенное отношение к исторической действительности, что влечет за собой изменения в творческой установке писателя. В его

¹ Korff H.A. Geist der Goethezeit. Bd. 4. Leipzig, 1953. S. 2–6.

² Ibid. S. 11.

³ Lämmert E. Eichendorffs Wandel unter den Deutschen: Überlegungen zur Wirkungsgeschichte seiner Dichtung // Die deutsche Romantik. Göttingen, 1967. S. 219–252.

первом романе «Предчувствие и действительность» (завершен в 1812, опубликован в 1815 г.) отводится место характерному для гейдельбергского романтизма слиянию двух начал — национального и религиозного. При этом можно согласиться с В.М. Жирмунским, который находит, что «“народная нужда”, призыв к борьбе за национальную независимость — вот руководящая национальная идея Эйхендорфа и его героя»⁴. Но уже в этом раннем произведении заложено основание для той перестановки акцентов, какая произойдет у его автора в следующие десятилетия. То, что простой победы над внешним врагом недостаточно, поэт почувствовал уже в конце 1814 г.: французы изгнаны, но до настоящего мира еще далеко. «Нынешнее время является и должно было бы быть второй частью моего романа»⁵, — пишет он на полях письма от Лёбена о сохраняющемся чувстве внутренней неудовлетворенности. В 1815 г. Эйхендорф с иронией пишет другу о «припадке патриотизма», от которого он излечился после «недавнего похода» против Наполеона: вместо ожидаемой полноты жизни ему пришлось подвергнуться «ужасной муштре» и «основательно поесть и попить» в нескольких французских городах⁶. Вопрос молодого поэта, на каких основаниях строить дальнейшую жизнь, относился не только национальной судьбе, но и к судьбе личности. В такой момент поиска своего места в мире должно было приобрести значимость религиозно-философское понятие «центра» (Mittelpunkt)⁷, которое Эйхендорф мог уловить из идей Ф. Шлегеля⁸.

В романе «Предчувствие и действительность» обретение «центра» венчает путь главного героя, графа Фридриха. Последний завершает свои поиски в стенах монастыря, и это «религиозное отречение» представлено писателем в первую очередь как реакция на духовную атмосферу, в которой и национально-освободительная борьба, и всякая «непосредственная деятельность» личности оказываются бессмысленными из-за отсутствия единомышленников. Религиозное возрождение, которое представляет уход Фридриха в монастырь, должно подготовить и основание для национальной борьбы: “... wenn die Gemüther auf solche Weise von den göttlichen Wahrheiten der Religion lange vorbereitet ... und wahrhaft durchdrungen würden ... dann erst wird es Zeit sein, unmittelbar zu handeln, und das alte Recht, die alte Freiheit, Ehre und Ruhm in das wiedereroberte Reich zurückzuführen”⁹. Для героя

⁴ Жирмунский В.М. Религиозное отречение в истории романтизма: Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М., 1919. С. 61.

⁵ Eichendorff J. v. Sämtliche Werke. Bd. 13. Regensburg, 1911. S. 59.

⁶ Eichendorff J. v. Sämtliche Werke. Bd. 12. Regensburg, 1910. S. 14.

⁷ Eichendorff J. v. Werke. Bd. 2. München, 1978. S. 286.

⁸ Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 61.

⁹ Eichendorff J. v. Ibid.

главной ценностью остается деятельная, наполненная жизнь, а «мир в Боге», обретенный им и другими персонажами романа — это только «перемирие душ», как отметил сам Эйхендорф на полях письма от графа Лёбена¹⁰. По его замыслу, роман должен был дать образ внутренне неудовлетворенного поколения, у которого жажда жизни не может вылиться в «непосредственную деятельность». Именно поэтому Фридрих и Леонтин, его двойник, оказываются вытолкнутыми из жизни и внешне (их имущество конфисковано за участие в восстании, а сами они находятся в розыске), и внутренне, так как оба отказались от «света», от его поверхностного существования. Найти себя они могут лишь в утопии — каждый по-своему, в зависимости от характера: Леонтин, «от природы бурный» (*ungestüm*), чувствует призвание «непосредственно вмешаться» в ход времени — его ждет Америка; более созерцательный Фридрих обретает свой идеал в жизни исключительно внутренней, духовной. Но и в словах Фридриха: “Wenn das Geschlecht vorderhand einmal alle seine irdischen Sorgen ... vergessen ... wollte, wenn die Gemüter ... erweitert ... würden” (Курсив мой. — *Д. Чер.*) — чувствуется сослагательное наклонение. Жизнь монастырская, полностью подчиненная религиозному началу, выглядит лишь одним из утопических вариантов идеала целостной жизни; для самого же автора наиболее близким вариантом остается национально-освободительная борьба.

Эйхендорф — в традициях иенского романтизма — полемизирует с романом Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», где Лотарио и Ярно утверждают ценность активной деятельности в повседневной действительности (“Hier oder nirgend ist Amerika!”)¹¹. В своем романе Гёте, уже осмысливший критически пафос «бури и натиска», ставит на первое место классический идеал разума, правильного построения жизни. Человеку лишь кажется, что он «здесь» менее деятелен, чем «там», он просто перестает чувствовать, что совершает «необычайное». «Небо на земле» предпочтительнее религиозного «отречения»: “Selten sind unsere Aufopferungen tätig, wir tun gleich Verzicht auf das, was wir weggeben. Nicht entschlossen, sondern verzweifelt entsagen wir dem, was wir besitzen”¹². Подлинное отречение состоит в том, чтобы освободиться от забот о своей душе и, заняв определенную позицию в обществе, заботиться о благополучии своего узкого круга: “Hier oder nirgend ist Herrnhut!”

Эйхендорф же, в отличие от Гёте и, например, Арнима в романе «Бедность, богатство, вина и покаяние графини Долорес», подчеркивает

¹⁰ *Eichendorff J.* v. Sämtliche Werke. Bd. 13. S. 59.

¹¹ *Goethe W.* v. Goethes Werke. Bd. 7. Hamburg, 1950. S. 431.

¹² *Ibid.* S. 432.

то предпочитает идеал действительности, смыкаясь в этом с иенскими романтиками. Он повторяет эсхатологические чаяния Новалиса (“Wunder werden zuletzt geschehen, um der Gerechten willen ...”), но меняет тональность: наступает время, когда нужен человек нового типа, не мечтатель и не светский деятель, а миссионер, избравший «крест вместо меча»¹³.

В эстетических установках Эйхендорфа на момент создания первого романа намечается сдвиг: в 1809 г., в черновике письма Лёбену Эйхендорф еще восстает против «господствующего представления о религии», затемняющего «первую любовь и живую религию жизни»¹⁴. Через год писатель уже приступает к роману, в котором, как показал В.М. Жирмунский, фиксируется путь героя от упоения весенней полнотой жизни к «отречению» ради над-индивидуального духовного мира¹⁵. Для графа Фридриха в первой части романа богатое мироощущение юности воплощается в любви к Розе, переходящей в новое, более острое переживание мира: “... es war, als deckten ihre Blicke plötzlich eine neue Welt von blühender Wunderpracht, uralten Erinnerungen und nie gekannten Wünschen in seinem Herzen auf”¹⁶. Действие происходит на фоне «зеленых гор и лесов» и открывается «великолепным» (prächtig) восходом солнца. Но подлинную полноту бытия Фридрих находит, лишь распознав тщету всего мирского: его отказ и от любви к Розе, и от деятельной борьбы символически завершается еще одним «пышным» восходом солнца: ощущение жизненной полноты преобразено, а не утрачено.

Писатель рано осознает, что и эти новые образы быстро сотрутся. Именно поэтому в романе граф Фридрих обращается к участникам «эстетического чаепития», во время которого происходит обсуждение романа Арнима «Нищета, богатство, вина и искупление графини Долорес», со словами: «все равно всякое ваше слово опять станет всего лишь словом» (“in euch wird doch alles Wort nur wieder Wort”)¹⁷.

Итак, художественное слово должно быть действенным. Как иллюстрацию этого положения Эйхендорф вводит в сюжет фигуру наивного читателя, у которого знакомство с искусством, а именно с этим романом Арнима, вызвало необычайное изменение всей жизни: это простой человек, который провел всю жизнь в своем поместье, занимаясь сельским хозяйством. Искусство, к которому тянулись его сыновья, он презирал как пустую трату времени. Впервые взять в руки книгу его побудила личная трагедия: разрыв с сыном. Лишь

¹³ *Eichendorff J. v. Werke. Bd. 2. S. 291–292.*

¹⁴ *Eichendorff J. v. Sämtliche Werke. Bd. 12. S. 4–5.*

¹⁵ *Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 55.*

¹⁶ *Eichendorff J. v. Werke. Bd. 2. S. 8.*

¹⁷ *Eichendorff J. v. Op. cit. S. 136.*

благодаря роману Арнима отец смог ненадолго увидеть мир глазами художника: умершая возлюбленная сына стала казаться ему «самым прекрасным» существом на свете, а картины в вечернем свете как будто ожили. «Многие темные места» романа «все сильнее привлекали» его и «многое казалось правдивым, как собственное сокровенное мнение или давние, потерянные ... мысли». Филистер «впервые в жизни ощутил чудесную силу поэзии в самом себе»¹⁸.

Столь неожиданный, даже пугающий его перелом, тем не менее, избавляет от того, что прежде «давило». «Прилежное чтение» постепенно учит «принимать и разрешать многое из того, что раньше было непостижимо в самом себе, в окружающих людях и вещах». Рассказ помещика завершается словами, которые мог бы сказать о себе хронический больной, ощущающий близкое выздоровление: “Ich befinde mich jetzt viel wohler”¹⁹.

Эйхендорфа неслучайно привлекает именно этот роман Арнима. Он сразу же указывает на основную тему романа «Графиня Долорес», тему греха, который у Арнима всегда сопровождается каким-то ослеплением. Графиня Долорес не замечает двуличия соблазителя, забывает про мужа, не слышит голоса совести, увлекшись вымышленной ролью участницы дипломатических игр, которую ей предложил соблазнитель. Лишь после своего падения она понимает, что жила в вымышленном мире. С еще большей тщательностью Арним показал, как разрушительно действует замкнутость на самого себя в истории княгини: “Seit ... die Fürstin sich ihrer Leidenschaft ... ganz hingeeben, war ihr der Geist in allen seinen Kreisen verwirrt und verfälscht; mit keiner Seele konnte sie sich eigentlich verständigen, in allen Wesen irrte sie sich”²⁰. Княгиня, ложно истолковывает поступки и слова окружающих, подгоняя их под свои любовные мечты, что ведет к трагедии, к смерти трех человек. Так и в романе Эйхендорфа: светские литераторы и любители искусств, все «родственные души», связанные «вечной дружбой» и «священным союзом», на самом деле объединены «кое-как, тысячей тонких, почти невидимых нитей тщеславия, расточаемых похвал и похвал ответных... хотя они слишком уж охотно называют это любовной сетью»²¹. И подлинный талант, и подражатели, и заурядность замкнуты в самоослепении. Одни из них критикуют Арнима, дабы заглушить голос собственной совести, другие слишком поглощены собственным тщеславием, чтобы посмотреть на себя со стороны.

¹⁸ Ibid. S. 138.

¹⁹ Ibid.

²⁰ *Arnim A. v. Sämtliche Romane und Erzählungen*. München, 1962. Bd. 1. S. 489–490.

²¹ *Eichendorff J. v. Op. cit.* S. 139.

Причина нравственного выздоровления «наивного читателя», «порядочного и трудолюбивого земледельца», — прозрение относительно и самого себя, и той духовной стороны реальности, которая раньше совершенно ускользала от его внимания. На него «давила» прежде всего неправда «в самом себе», закрытость по отношению к близким и ближним, своеволие, от которого бежал его сын. Недаром первым его шагом преодоления «слепоты» стала поездка к сыну в «далекий город», желание проникнуть в жизнь другого. То, что Эйхендорф думает именно об исправлении внутренней «неправды», подтверждает параллелизм рассказов о покаянии легкомысленной подруги художника и его отца. Давят на человека и внешние события. Имея в виду, что роман был задуман как «образ ... эпохи ожидания, тоски и скорби»²², можно усматривать в его содержании и отражение человеческого страха перед лицом непостижимых и зачастую болезненных исторических перемен; не случайно здесь фигурирует представитель того сельского дворянства, исчезновение которого болезненно переживал сам автор. Примирить человека с историей может лишь взгляд на окружающую ситуацию извне, сверху, чувство освобождения от себя и своих желаний. Эту возможность выйти за пределы собственной индивидуальности Эйхендорф считает дарованной свыше, литература же, по угадываемому его мнению, призвана подготовить читателя к такой встрече с миром и самим собой.

В своем первом романе Эйхендорф, действительно полноправный (хотя самый «молодой») представитель гейдельбергского романтизма, предлагает собственный вариант «религиозного отречения», все еще считая образцом для себя как писателя то чувство «жизни в избытке», которое он находит в произведениях Тика и Новалиса. В то же время ему хочется представлять искусство как силу, которая, пусть и в утопическом будущем, может изменить реальный мир, начиная с жизни отдельного человека.

При этом, в отличие от «Графини Долорес», «подлинной» и «поучительной» истории, как утверждает подзаголовок романа Арнима, Эйхендорфу изначально ближе позиция «парящей» романтической иронии, чем какая-либо дидактика. Финал «Предчувствия и действительности» дает целостный пространственный образ: граф Фридрих из монастырского сада видит, как с одной стороны между небом и землей скрывается парус корабля, увозящего Леонтина и Юлию, а по другую сторону от него «меж потоками, виноградниками и цветущими садами» скачет поэт-поденщик Фабер, стремящийся вернуться в «блестящую» мирскую жизнь. Критически изображаемый на всем протяжении романа, Фабер вдруг оказывается не менее

²² *Eichendorff J. v. Sämtliche Werke. Bd. 12. S. 9.*

важен для художественного целого, чем пришедший к «покаянию» Леонтин: без него точка зрения Фридриха уже не означала бы «центр», открывающий две крайности — уход в утопию и суетную, но по-своему прекрасную жизнь. Примечательно, что Доротея Шлегель, редактировавшая роман, предлагала убрать фигуру Фабера из финала: по всей видимости, на ее взгляд такое появление поэта-подражателя противоречило замыслу произведения, которое должно было создать еще один вариант романтически-выдающейся личности. Тем не менее Эйхендорф по совету Фуке оставил в финале этот художественно оправданный образ.

В позднем романе «Поэты и их подмастерья» (1834) писатель обнаружит итоги переосмысления своего гейдельбергского этапа.

Список литературы

- Arnim A.* v. Sämtliche Romane und Erzählungen. Bd. 1. München, 1962.
Eichendorff J. v. Sämtliche Werke. Bd. 12. Regensburg, 1910.
Eichendorff J. v. Sämtliche Werke. Bd. 13. Regensburg, 1911.
Eichendorff J. v. Werke. In 5 Bdn. Bd. 2. München, 1978.
Goethe W. v. Goethes Werke. Bd. 7. Hamburg, 1950.
Korff H.A. Geist der Goethezeit. Bd. 4. Leipzig, 1953.
Lämmert E. Eichendorffs Wandel unter den Deutschen: Überlegungen zur Wirkungsgeschichte seiner Dichtung // Die deutsche Romantik. Göttingen, 1967. S. 219–252.
Жирмунский В.М. Религиозное отречение в истории романтизма. М., 1919.

Сведения об авторе: *Черепанов Даниил Дмитриевич*, аспирант кафедры истории зарубежной литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: daniel_tcherepanov@yahoo.de

А.А. Кольовски

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А.Л. БЕМА

В статье предпринята попытка наметить пути создания научной биографии А.Л. Бема — ученого-литературоведа, просветителя и педагога, игравшего значительную роль в интеллектуальной и культурной жизни русской эмиграции «первой волны». Работы ученого рассматриваются как ключ к реконструкции его творческой и человеческой индивидуальности, его профессиональных и жизненных поисков в их неразрывном единстве.

Ключевые слова: А.Л. Бем, эмиграция «первой волны», научная биография, психоанализ в литературоведении.

In the article an attempt is made to outline possible ways of creating the scientific biography of A.L. Bem — a literary scholar, educator and teacher who played a significant role in the intellectual and cultural life of the “first wave” of Russian emigration. The scholar’s works are regarded as the key to reconstructing his artistic and human persona, his professional and life searchings in their indissoluble unity.

Key words: A.L. Bem, the “first wave” of emigration, scientific biography, psychoanalysis in literary criticism.

В редакционном вступлении к сборнику, составленному по материалам посвященной 120-летию со дня рождения Альфреда Людвиговича Бема конференции (2006), отмечается, что «вклад Бема в научную и культурную жизнь русской диаспоры находился еще недавно в разительном несоответствии с уровнем информационной поддержки и текстуальной представленности ученого в современном российском гуманитарном знании»¹. Ситуация начала меняться в начале 2000-х годов: вышло в свет издание избранных работ А. Бема (2001)², были опубликованы первый том предполагаемого двухтомника, заключающего в себе собрание работ Семинария по изучению творчества Достоевского³, и две антологии объединения «Скит»⁴, про-

¹ А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения / Сост., науч. ред. М.А. Васильевой. М., 2008.

² См.: *Бем А.Л.* Исследования. Письма о литературе / Сост. С.Г. Бочарова; предисл. и коммент. С.Г. Бочарова и И.З. Сурад. М., 2001.

³ *Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. ст. под ред. А.Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М., 2007.*

⁴ *Поэты пражского «Скита»: Сб. / Сост., вступ.ст., коммент. О.М. Малевича. СПб., 2005; «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Под общ. ред. Л.Н. Белошевой. М., 2006.*

ведена конференция. Однако вслед за этим вновь наступает затишье. До сих пор остался неосуществленным и проект издания собрания сочинений, о начале подготовки которого совместными усилиями Чешской и Российской академий наук сообщалось еще в 2001 г.⁵ Говоря о сегодняшней ситуации в области исследования и публикации трудов А. Бема, можно повторить сказанное в 2006 г.

Работы А. Бема являются не только фактами истории филологической мысли, многие из них не устарели и представляют собой образцы строго научного и вместе с тем заинтересованного, отражающего личность самого исследователя труда. В данной статье мы будем говорить о литературоведческом наследии Бема как о материале для построения научной биографии — для реконструкции его творческой и человеческой индивидуальности, его профессиональных и жизненных поисков в их неразрывном единстве.

Рассматривая вопрос о возможности создания жизнеописания писателя, Бем разграничивает понятия «литературная» биография и «жизненная», подчеркивая: «... не факты жизни играют при воссоздании первой решающую роль, а реконструирование “психического типа”»⁶. Сказанное может быть отнесено и к принципам построения биографии ученого-гуманитария, в исследованиях которого отражается стиль научного мышления и особенности «психического типа», и их анализ позволяет дать представление не только об интеллектуальном наследии, но и о личности, воссоздать «образ»⁷ ученого. По крайней мере, такой подход оправдан по отношению к научной биографии А.Л. Бема.

Первые теоретические статьи Бема назывались «К уяснению понятия историко-литературного влияния. По поводу статьи А.С. Полякова “Пушкин и Пнин”» (1916) и «К уяснению историко-литературных понятий» (1918). С.Г. Бочаров обращает внимание на то, что научная позиция Бема заявлена в заглавии статей: Бем «не объявлял теоретическую программу, как новые формалисты, его соседи по семинару Венгерова, — он хотел *уяснить* уже существующие в науке понятия»; «А.Л. Бем был настолько добросовестным исследователем, что он как будто остерегался быть теоретиком. На

⁵ Бочаров С.Г., Сурат И.З. Альфред Людвигович Бем: Предисловие // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 31.

⁶ Бем А.Л. Психоанализ в литературе (Вместо предисловия): Достоевский. Психоаналитические этюды // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. С. 253.

⁷ А.Л. Бем говорил о воссоздании «образа писателя» в статье: Бем А.Л. Психоанализ в литературе (Вместо предисловия): Достоевский. Психоаналитические этюды // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе С. 252.

самом же деле он по складу ума и по направлению интересов был теоретик, но теоретик осторожный и скромный»⁸.

Со стремлением к «уяснению» согласуется разработанный Бемом «метод мелких наблюдений». Обозначая таким термином свой метод, Бем подчеркивал, что предмет его исследования — текст, тем самым противопоставляя себя и формалистам, выходящим за пределы текста в область чистой поэтики, и философской критике, зачастую игнорирующей законы построения художественного произведения при обращении к нему как материалу для реконструкции философской системы писателя. Можно сказать, что Бему было свойственно своего рода научное пуританство, поэтому он критично высказывается об элементах социологизма в работе М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского», об игнорировании авторской идеи у формалистов. С его точки зрения — и то, и другое было выходом за пределы литературоведения⁹. Он строго ограничивает и себя, обращаясь к инструментарию смежной с литературоведением науки — психологии, точнее, к принципам психоанализа, использование которых, по его мысли, дает ключ к раскрытию многих загадок произведений и творческой личности Ф.М. Достоевского.

В числе достоинств психоанализа Бем отмечает, что, во-первых, этот метод обеспечил более глубокое проникновение в душевный мир человека, введя понятие бессознательного; во-вторых, вооружил исследователей несколькими общими законами, дающими «руководящую нить при изучении явлений, связанных с проявлениями душевной жизни»¹⁰.

Говоря о «буйном вторжении психоанализа в область изучения литературы», Бем отмечает и тот факт, что, начиная от основателя школы до самых скромных его последователей, все почти психоаналитики «пробовали свои силы на памятниках художественного словесного творчества»¹¹. «Это вполне понятно, — пишет Бем, — ибо художник по своему психическому складу должен был до психоаналитиков подметить в психике те явления душевной жизни, которые легли потом краеугольным камнем в научное обобщение психоневрологов. Ничего нового в этом обращении психологов к

⁸ Бочаров С.Г. А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. С. 29.

⁹ М. Магидова приводит факты, показывающие, как научное «пуританство» Бема стало причиной того, что от публикации его работ отказывались толстые журналы. См.: Магидова М. Альфред — Алексей Бем. К вопросу о самоидентификации // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. С. 9–28.

¹⁰ Бем А.Л. Психоанализ в литературе (Вместо предисловия): Достоевский. Психоаналитические этюды // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. С. 245.

¹¹ Там же. С. 246.

литературе нет. Психиатрия уже давно заинтересовалась художественным творчеством для целей своей науки»¹². Вместе с тем Бем полагал, что существенных «чрезмерностей» в применении психоанализа достаточно даже у самого Фрейда: например, перенесение эдипова комплекса в область политического поведения, мысль о «бунтарстве» Достоевского, обусловленном одним только эдиповым комплексом (что Бем считает ошибочным, недостаточно литературно-историческим, упрощенным). И неудивительно, что и многие другие «заигрываются» с фрейдизмом. Бем указывает на необходимость умеренного употребления психоанализа. С точки зрения Бема как историка литературы, опасность такого подхода заключается в том, что художественное произведение берется как материал для другой области знаний, для психологии или психиатрии. В результате художник, его внутренний мир становится только объектом психического исследования, художественные образы подвергаются детальному психиатрическому разбору. Бем подчеркивает: психоаналитический метод должен использоваться применительно к тексту произведения очень осторожно и тем более не прилагаться к личности самого писателя вне его творчества, и четко формулирует мысль о границах применения психоанализа к литературе: «Меня не интересует то, что могло быть скрытым за произведением, но внешнего, в слове реализованного выявления не нашло. Литературовед обязан оставаться внутри произведения, не выходить за его границы»¹³ (курсив А.Л. Бема. — А.К.).

Бем указывает и на ограничения в использовании психоанализа, определяемые самим текстом, утверждая, что психоанализ в литературоведении применим лишь настолько, насколько он позволяет понять произведение и помочь его истолковать. Он приводит интересный пример с повестью Гоголя «Нос»: для психоаналитика не подлежит никакому сомнению, что утрата Ковалевым своего носа — это аналог кастрационного комплекса. Другое дело — историк литературы. С психоаналитической точки зрения он может сделать то же предположение, однако оно должно стать *предположением, обоснованным в произведении*, иначе говоря, «психоаналитическое исследование художественного произведения возможно только до той границы, до которой доводят закрепленные в слове следы когда-то реальных у автора душевных переживаний»¹⁴ (курсив А.Л. Бема. — А.К.). В случае с повестью «Нос» никаких оснований примерять вышеупомянутый комплекс к майору Ковалеву нет, перед нами пример «двойничества», и именно на это указывают найденные в «авторском слове»

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 263.

¹⁴ Там же. С. 261.

«следы». Сравнивая подходы психоаналитика и литературоведа, Бем определяет различия «предметом» их деятельности: если первый работает с личностью живой, а потому обладает возможностью вскрыть подобные комплексы, что и является его задачей, то второй имеет дело с законченной данностью (чтобы сделать более наглядным это противопоставление, Бем даже называет художественное произведение «мертвецом»), и поэтому он не вправе применять всю «схему» какого-либо комплекса, не имея на то оснований в тексте произведения (иначе — данных самим автором).

Еще одно направление литературоведческих интересов Бема — генетические связи русской литературы с западноевропейской, а также внутри самой русской литературы. К этим проблемам Бем обращается еще в период участия в семинарии С.А. Венгерова «Пушкин: история его жизни, творчества и текста»¹⁵, однако со временем само представление о типах генетических связей меняется, внимание Бема привлекает прежде всего та их форма, которую он определяет как «литературные припоминания». Исследователь обращает внимание на те случаи, когда можно говорить об использовании автором сюжетов, нарративных схем своих предшественников неосознанно, бессознательно. Такое отношение к авторской деятельности приводит нас к цельной картине мира художественной литературы, в котором подобные заимствования происходят совершенно естественно, по законам жизни этого мира.

Термин «литературные припоминания» используется впервые в статье «Драматизация бреда», входящей книгу «Достоевский. Психоаналитические этюды». Бем уточняет, что речь не идет о влиянии Гоголя и Гофмана на Достоевского: «Для меня, в связи с общим уклоном моих работ, речь может быть только о бессознательном использовании Достоевским»¹⁶ произведений этих авторов, — и далее: «Внутренний мир человеческих переживаний сложен и впитывает в себя все явления внешнего мира, в том числе и книжные воздействия, по своим собственным законам перерабатывая их»¹⁷. С.Г. Бочаров делает, на наш взгляд, справедливое предположение, что не психоанализ определил бемовский взгляд на генетические связи в литературе, а, скорее, наоборот: «...этот общий его уклон и внимание к бессознательному или полусознательному в процессе литературного творчества способствовали развитию интереса к психоанализу во

¹⁵ Первая печатная работа А. Бема «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина» в академическом издании «Пушкин и его современники» (вып. XV. СПб., 1911).

¹⁶ Бем А.Л. Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского) // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. С. 319.

¹⁷ Там же. С. 319–320.

фрейдистском классическом варианте»¹⁸. В концепции «литературных припоминаний» Бема можно увидеть совпадение направленности его интересов с трудами современников — Ю. Тынянова, М. Бахтина; с идеей «резонансного пространства» современного исследователя В.П. Топорова, точки сближения с постмодернистской теорией интертекста. Однако Бем, работая в русле основных тенденций развития литературоведческой мысли XX в., остается верен себе: он избегает глобальных обобщений, его интересует конкретный материал, в приложении к которому его метод работает. Таким материалом явилось творчество Ф.М. Достоевского.

Здесь надо сказать немного подробнее о научных интересах Бема в истории русской литературы. В начале своей профессиональной деятельности он обращается к творчеству Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина. Работа с наследием этих писателей во многом способствовала становлению его собственного творческого метода, на годы вперед определила тематику и проблематику его исследований.

Уже в зрелом возрасте Бем признавался: «В моей личной жизни Толстой занимал большое место»¹⁹. Прежде всего это было удивление читателя при первом знакомстве с книгами Толстого: «основное впечатление: да ведь это все и ко мне относится, это не чтение, а кусок личной жизни. А главное — страшно что-то нужное, серьезное и ответственное. <...> Жить по-прежнему, бездумно отдаваясь потоку жизни, я уже не мог»²⁰. После окончания университета работа в Рукописном отделении Российской академии наук под руководством Всев. И. Срезневского предопределила новую встречу с Толстым: Бем участвует в подготовке сборников «Толстой. Памятники творчества и жизни», составляет ежегодные толстовские библиографии, затем работает с рукописями писателя. Толстой для Бема, что важно, это и научная, духовная среда, в которой формировалось мировоззрение ученого: «...не мог даже представить своей жизни без Толстого, влияние которого сказалось не только непосредственно, через его творчество, но и через людей, на которых лег немеркнущий свет его душевного благородства»²¹.

Пушкин — это для Бема «чудо», которое исследователям никогда не удастся объяснить. «Но все же, — как пишет далее Бем, — пылкий аналитический ум человека не может успокоиться на одном

¹⁸ Бочаров С.Г. Феномен «Литературного припоминания» в эстетике А.Л. Бема // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. С. 30.

¹⁹ Бем А.Л. После Толстого (Из моих воспоминаний) // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. С. 423.

²⁰ Там же. С. 423–424.

²¹ Там же. С. 430.

констатировании чуда, он стремится, по крайней мере, объяснить себе, в чем тайна чудесного явления»²². Можно с большой долей уверенности сказать, что такое отношение к творчеству Пушкина было сформировано в пушкинском семинарии С.А. Венгерова.

К Ф.М. Достоевскому Бем приходит уже в эмиграции. Как он сам писал: «Я нарочно и сосредоточился на новой для меня теме, к<о> т<орой> в России никогда не занимался. Достоевский давал возможность начинать без материалов, без литературы, опираясь на один текст его произведений. До Праги у меня не было возможности иначе работать»²³. Однако Бем говорит только о внешних причинах, но можно предположить более глубинные связи «психологических типов» писателя и ученого, на что дает основания столь долговременный и разносторонний интерес Бема к личности и творчеству Достоевского²⁴. Можно высказать несколько предположений, основываясь на работах самого Бема и исследователей его творчества. В ряде статей Бем выделяет как основную тему вины: рассказ «Вечный муж» трактуется им как «трагедия совести» (статья «Развертывание сна (“Вечный муж” Достоевского)»), о герое «Двойника» он пишет, что «трагедия Голядкина есть трагедия совести, трагедия не преодоленной сознанием вины»²⁵. Статья «Проблема вины в художественном творчестве Достоевского» (1936) подводит своего рода итог размышлениям на эту тему. В ней говорится о чувстве первородного греха как определяющей для Достоевского мотивации поведения страдающих, рефлексирующих героев писателя, и отсюда делается вывод: «“Несповедимы пути, которыми Бог находит человека” — так Достоевский собирался закончить свой роман»²⁶, и эти

²² Бем А.Л. Чудо Пушкина // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. С. 431.

²³ Цит. по: Магидова М. Альфред — Алексей Бем. К вопросу самоидентификации // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. С. 30. С. 18.

²⁴ Бем явился организатором и руководителем семинария по изучению Достоевского. Семинарий существовал при Русском народном университете в Праге с 1925 г., в начале 1930-х был преобразован в Общество Достоевского под патронажем президента Чешской Республики Томаша Масарика, а в 1933 г. — в Собрание по изучению жизни и творчества Достоевского при Славянском институте, просуществовавшее до июня 1939 г. Было выпущено несколько сборников «О Достоевском» (1929, 1933, 1936), редактором и автором которых был Бем. Сборник 1936 г. представляет собой собрание статей Бема. Всего за период с 1921 по 1938 г. им было опубликовано более полусотни статей и книг о Достоевском на разных языках (см. об этом подробнее: Бочаров С.Г., Сурат И.З. Альфред Людвигович Бем: Предисловие // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. С. 7–31). Бем также был одним из составителей «Словаря личных имен у Достоевского» (1933).

²⁵ Бем А.Л. К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского. Прага, 1928. С. 17.

²⁶ Речь идет о романе «Преступление и наказание».

последние слова романа вскрывают перед нами и его внутренний смысл»²⁷. Последняя статья А. Бема посвящена мотиву, тесно связанному у Достоевского с темой вины, — «Чужая беда в творчестве Достоевского» (1941). Исследователь В.А. Викторovich говорит, что последние строки этой статьи как будто резюме творений Достоевского в прочтении А. Бема²⁸: «Страдания ума и сердца противопоставлены страдания жизни, и из столкновения их рождается “новый человек” — человек деятельной любви и сострадания»²⁹. Эти мысли, перенесенные из литературного контекста в контекст реальной жизни, могут быть восприняты как размышления Альфреда Людвиговича о своем жизненном пути, о своем выборе. О чувстве вины Бема перед оставленной в 1919 г. в Киеве семьей, о его приходе к православию пишет М. Магидова³⁰. Представленный в ее статье взгляд на вопрос о самоидентификации ученого помогает показать общность направленности научных и жизненных поисков ученого. Сам Альфред Людвигович, как бессменный руководитель поэтического объединения «Скит», семинария по творчеству Достоевского, преподаватель, стремился, как можем мы предположить, следовать путем этого «нового человека».

Еще одна точка соприкосновения «психологических типов» писателя и ученого — диалоговость как принцип прочтения художественного текста. Бем в ряде статей, рассматривая связь произведений Достоевского с творчеством Грибоедова, Пушкина, Гоголя, рассуждает об особой форме художественного переосмысления тем, мотивов, образов предшественников. Он использует, о чем уже упоминалось, термин «литературные припоминания» и определяет позицию Достоевского как гениального читателя (эта мысль была вынесена в заглавие статьи: «Достоевский — гениальный читатель»³¹). «Это было подлинное научное открытие. Бем параллельно Бахтину вскрыл диалогическую природу творчества Достоевского, но только

²⁷ Бем А.Л. Проблема вины в художественном творчестве Достоевского // Жизнь и смерть: Сборник памяти д-ра Н.Е. Осипова. Т. II. Прага, 1936. С. 4.

²⁸ См.: Викторovich В.А. Из истории достоевсковедения. А.Л. Бем // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. С. 72.

²⁹ Там же.

³⁰ Магидова М. Альфред — Алексей Бем. К вопросу самоидентификации // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. С. 9–28.

³¹ Статья была первоначально напечатана по-немецки, в 1932 г. прозвучала как юбилейная речь на праздновании 110-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского, а затем опубликована во втором сборнике «О Достоевском» (1933).

в другой — историко-генетической ипостаси»³². Возможность такого подхода к произведениям Достоевского была заложена в самом отношении исследователя к художественному тексту — бемовский метод «мелких наблюдений» есть обозначение позиции вдумчивого, творческого чтения. Сама собой напрашивается параллель: дефиниция «гениальный читатель» может быть отнесена в равной степени и к Достоевскому, и к Бему. В обоих случаях мы наблюдаем, как «материал чтения» раскрывается по-новому в новом контексте: художественном, научном, психологическом, историческом.

Как было сказано в начале, мы ставили задачу выделить в научном наследии А.Л. Бема то, что, на наш взгляд, является наиболее характерными чертами «образа ученого», то, что определяет «лица необщее выраженье» Бема-литературоведа. К таким основным моментам относятся: стремление к объективности, соблюдению строгой научности в сочетании с глубоко личным отношением к материалу исследования; академичность и вместе с тем открытость новому; отказ от построения масштабных теорий, умение через поэтику, «малые величины» художественного текста осмыслить общий замысел писателя; внимание к нравственной проблематике, но ни в коей мере не навязывание писателю тех или иных нравственных императивов. С нашей точки зрения, все вышеперечисленное может стать своего рода направляющим вектором построения научной биографии А.Л. Бема.

Список литературы

- А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения / Сост., научн. ред. М.А. Васильевой. М., 2008.
- Бем А.Л.* Исследования. Письма о литературе / Сост. С.Г. Бочарова; предисл. и коммент. С.Г. Бочарова и И.З. Сураг. М., 2001.
- Бем А.Л.* К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского. Прага, 1928.
- Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Н.Е. Осипова / Под ред. А.Л. Бема, Ф.Н. Досужкова, Н.О. Лосского. Т. II. Прага, 1936.

Сведения об авторе: *Кольовски Александр Александров*, аспирант отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. E-mail: alkolovski@gmail.com

³² *Викторович В.А.* Из истории достоевсковедения. А.Л. Бем // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. С. 66.

Л.В. Павлова, И.В. Романова

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА «ГИПЕРТЕКСТОВЫЙ ПОИСК СЛОВ-СПУТНИКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ»

Статья отражает опыт применения оригинального программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте», который позволяет обнаружить повторяющиеся лексические комбинации в творчестве того или иного автора. Созданная программа может служить задачам идентификации автора, установления его принадлежности или близости к литературному течению, в частности, к символизму. Кроме того, выявление лексических комбинаций может стать еще одним, помимо известных, способом описания поэтического мира автора и способом установления как внутритекстовых, так и межтекстовых связей.

Ключевые слова: лексические комбинации, слова-спутники, поэтический мир.

The article reflects an experience of applying the original software system “Hypertext Search for Companion Words in an Author's Texts” which allows researchers to find recurrent lexical combinations in the works of an author. The developed program can serve problems of identification of the author, establishing his/her identity or closeness to a literary trend, in particular, to symbolism. In addition to that, identification of lexical combinations can become another way (besides those already known) of describing the author's poetic world and a way of establishing intra- and intertextual relations.

Key words: lexical combinations, companion words, poetic world.

Проблема распределения языкового материала в художественном, в особенности в поэтическом тексте, не решена. Эту проблему поднимал академик В.М. Жирмунский, когда писал о «художественных принципах, которыми определяется в произведении искусства его внешнее построение, распределение или расположение в нем художественного материала» [Жирмунский, 1921: 3]. Поскольку материалом поэзии является язык, основная задача исследователя сводится к выявлению тех фактов языка, «в которых прежде всего осуществляется композиционное задание» [там же].

Формальной школе удалось существенно продвинуться на этом пути. Разные ее представители писали о некоторых механизмах, осуществляющих «языковое задание». В частности, Ю.Н. Тынянов

показал, как теснота стихового ряда усиливает взаимодействие соседних, близко расположенных слов, особенно «по вертикали», диктуя сам лексический подбор и раскрывая дополнительные семантические оттенки: « <...> ввиду тесноты ритмического ряда в слове могут возникнуть и колеблющиеся признаки значения, по тесной связи со словами данного ряда; так, со словом “темный” может вступить в связь, обуславливаемую звуками, слово “шумит”» [Тынянов, 2007: 70]. Р.О. Якобсон, характеризуя языковые особенности, которые составляют индивидуальный стиль поэта, указывал на наличие неких доминант, сохраняющихся в разных произведениях на протяжении всего творчества. Задачу ученого Якобсон видел в том, чтобы «извлечь эти постоянные компоненты, или константы, непосредственно из текста поэтического произведения путем его внутреннего, имманентного анализа, а если речь идет о варьирующих компонентах, установить, что является закономерным и устойчивым в этом диалектическом движении, найти основу (субстрат) вариаций» [Якобсон, 1987: 145]. При этом он подчеркивал необходимость изучения каждого «символа» не изолированно, а в тесном взаимодействии «с другими символами и со всей единой системой произведений поэта» [там же: 146].

Все перечисленные замечания и наблюдения делались на основе так называемой ручной выборки из текста и были продиктованы филологической интуицией.

В последние годы при решении различных филологических проблем все чаще используются компьютерные модели. Для автоматизированного анализа текстов создается система управления словарными базами данных, которая позволяет составлять компьютерные словари, она снабжена развитой системой поиска по запросам и дает возможность осуществлять подвыборки, с помощью которых проводится автоматизированное исследование словарной или текстовой базы данных. Первым опытом была компьютерная база данных «Грамматический словарь русского языка А.А. Зализняка», разработанная сотрудниками МГУ в 1993 г.¹

На сегодняшний день накоплен богатый опыт лексикографических исследований, которые учитывают особенности авторского словоупотребления и в совокупности представляют языковую картину мира автора, отражающую его мировоззрение. Кроме сведений о частотности словоупотреблений в такой авторской лексикографии содержится информация о контексте, позволяющая переходить к этапу интерпретации. Например, подобный опыт отражен в словаре языка Ф.М. Достоевского, составленном Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом [Караулов, Гинзбург, 2001]. В центре их концепции — нахождение и описание наиболее значимых, ключевых слов и для мировоззрения

¹ URL: <http://www.jurta.org/ru/nlp/rus/zaliz>

писателя, и для его картины мира, и для стиля. Такие слова авторы словаря называют идиоглоссами, т.е. лексическими единицами, характеризующими идиолект — особенности авторского стиля².

«Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова», выпущенный сотрудниками Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (ЛОКЛЛ) филологического факультета МГУ под общей редакцией А.А. Поликарпова [Частотный словарь, 2012] имеет электронное приложение, программная оболочка которого дает возможность исследователю самостоятельно получать алфавитно-частотные конкордансы, причем не только для отдельных слов, но и для некоторых семантических классов как по отдельным произведениям писателя, так и по периодам его творчества.

Работы А.Т. Хроленко по лингвофольклористике демонстрируют возможности электронного словаря языка русского фольклора на материале былин. Исследователь находит возможности выявления и анализа разных аспектов русской эпической картины мира, дифференциации идиолектов и диалектов в былинной лексике — с выходом на этническую ментальность [Хроленко, Бобунова, 2000; Хроленко, 2005: 199–207; Хроленко, 2008: 100–105].

Все эти исследования выполнены либо на материале прозы, либо (в случае с фольклором) на текстах, на которые не распространяется категория авторства. Между тем в стихотворном тексте иной характер синтагматических и — особенно — парадигматических связей.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова начал выпускать «Словарь языка русской поэзии XX века» [Словарь, 2001]. В работе программной оболочки этого электронного словаря есть принципиальное качественное отличие от упомянутых проектов. В нем приводимые в словарных статьях контексты словоупотреблений уже позволяют выявить круг слов-спутников, сопровождающих ключевое слово и создающих его коннотативное значение. Так формируется экспрессема³.

Однако в «Словаре языка русской поэзии XX века» слова-спутники, сопровождающие ключевое слово, учитываются в пределах синтагмы. Мы же задались целью выявить не только очевидные, но и скрытые связи слов в поэтическом тексте, характерные для индивидуального стиля того или иного автора. Поэтому нас интересуют связи, выходящие за пределы синтагмы, но находящиеся в поле внимания воспринимающего текст человека. Это не только «горизонтальные», но и «вертикальные» отношения лексем, которые не во всех случаях

² Ружицкий И.В. О словаре языка Достоевского. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/619/>

³ Григорьев В.П. Слова в контекстах русской поэзии XX века (Избранные экспрессы). URL: <http://cfrl.ru/dictionaries/express/03.htm>

можно назвать собственно связями. Речь идет о сопровождающих друг друга из текста в текст лексических комбинациях, закрепленных в сознании автора и находящих выражение в неоднократном повторении. Повторение лексических комбинаций — необходимое условие его выявления и анализа.

Мы имеем многолетний опыт по составлению, интерпретации данных и сопоставлению частотных словарей языка писателей. При этом мы опираемся на обозначенную еще в трудах представителей формальной школы концепцию слова как носителя тематизма в поэтическом тексте. Частотный словарь рассматривается как модель тематики поэтического текста, средство преодоления языковых оболочек и выявления феноменологической сущности поэтического сознания [Баевский, Романова, Самойлова, 2000: 19–30]. «Перечень лексем текста, — считал Ю.М. Лотман, — это предметный перечень его поэтического мира» [Лотман, 1972: 187].

Интерпретируя данные частотного словаря, мы придерживаемся гипотезы, сформулированной Ю.И. Левиным: «<...> развертывание частотного словаря можно рассматривать как своего рода космогонию, как «сотворение мира» поэтом, как генезис его модели мира» [Левин, 1966: 203]. В целом ряде исследований описание такой авторской «космогонии» выглядело примерно следующим образом. В «Стихотворениях Юрия Живаго» Пастернака верхушку частотного словаря составляли слова (по убыванию частотности): *ночь, свеча, снег, небо, свет, лес, земля*. Интерпретируя эти данные, мы заключали: «В “Стихотворениях Юрия Живаго” первой появляется Ночь. Затем в ней — Снег. Свет же исходит от Свечи. А между Землей и Небом — Лес. <...> Так постепенно формируется мир» книги [Романова, 1997: 29]. На подобные интерпретации распространяется некоторая поэтическая вольность, так как самые частотные слова гипертекста, в качестве которого выступает книга стихов или все творчество автора, как правило, не связаны между собой в текстах сколько-нибудь тесной семантической, тем более — грамматической связью.

Между тем лексическое окружение некоторых частотных слов может повторяться в разных текстах, формируя таким образом некий семантический комплекс. Это явление отмечали, даже безотносительно к интерпретации данных частотных словарей, разные исследователи. Например, О.А. Левченко установила, что для всего творчества Пушкина характерно неразрывное взаимное единство трех тем: Бог, Отец, Царь [Левченко, 1997: 11–27]. Г.А. Закроева обнаружила в творчестве Пастернака целый тематический комплекс сна: в стихотворениях, в которых *сон* составляет ведущую тему или мотив *спать* является сюжетообразующим, непременно появляются минимальные темы: природа, вода, окно, звуки, женщина. При этом

лексическое выражение данных тем может быть разное, например, тема окна может быть выражена через лексемы *стёкла, оконное стекло, подоконник, занавесь* и т. п. [Закроева, 2011: 78–90]. Объемные и разнообразные данные приводила в ряде своих публикаций Л.В. Павлова, работающая над созданием Словаря поэтических образов Вячеслава Иванова [Павлова, 2008: 218–221; Павлова, 2009: 18–38; Павлова, 2012: 243–255]. В частности, было установлено, что у Иванова в произведениях разных лет, входящих в состав разных поэтических книг, некоторые слова устойчиво соседствуют друг с другом: «Стоит в тексте появиться одному слову из этой компании, как рядом или чуть подальше непременно возникают его верные спутники. Например, увидев слова, образованные от корня “блед-” (бледный, бледность, бледнеть и т. д.), будьте уверены, что в этом же тексте появятся *тень, луна, жизнь, венец, звезда, туман, дева, зыбкий, луч, тусклый, призрачность, лен, гроб, чело* и т. д. Не обязательно все сразу, но некоторые из этих слов — обязательно» [Павлова, 2012: 244–245].

Возникает вопрос, насколько это явление характерно для поэтического языка вообще и для идиостиля отдельных авторов в частности. Для решения этой задачи была организована исследовательская группа и создан программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» [Павлова, Романова, Самойлова, 2013: 314–323].

Назначение разработанной системы поиска — автоматизация обработки художественных авторских текстов с целью выявления слов-спутников, сопровождающих друг друга в одном или нескольких произведениях автора. Компьютеризация данного процесса позволяет литературоведам решить трудоемкие в случае больших авторских текстов задачи. Для решения этих задач осуществляются следующие этапы автоматизации:

1. Исходный авторский текст разбивается на блоки заданного объема. Мы выбрали произвольно объем в 50 слов из расчета, что 50 слов входят в поле единовременного читательского внимания, в пределах которого читатель в состоянии уловить и зафиксировать различные авторские приемы построения текста, включая лексические комбинации. В рамках эксперимента размер блока может варьироваться.

2. На втором этапе происходит формирование словника — полного набора словоформ авторского текста, объединение одинаковых словоформ и получение частотного словаря языка автора. Для каждой словоформы создается набор гиперссылок на блоки исходного текста, где она содержится. Так мы получаем конкорданс.

Далее исследователь отбирает из словаря наиболее частотные лексемы. Предполагается, что они — наиболее вероятные претенденты

на формирование лексических комбинаций. Так создается словарь потенциальных компонентов лексических комбинаций. Здесь мы имеем дело с уровнем минимальных тем, поэтому объединяем словоформы с одинаковыми корнями, следовательно, с одинаковой доминантной семьей (например, объединяются лексемы и их словоформы: *Англия, английский, по-английски, англичанин* и т. п.). В матрицу программного комплекса вводилось 100–120 корней самых частотных лексем из составленного на первом этапе частотного словаря, что облегчает компьютеру поиск и распознавание слов.

3. На третьем этапе программа производит анализ словаря отобранных компонентов и поиск сначала пар, потом троек, четверок слов т. д., расположенных в общих блоках исходного авторского текста. Так формируется набор лексических комбинаций с гиперссылками на исходный текст. После этого исследователь может переходить к контекстуальному анализу.

Пример выходного файла, где найдены трех- и четырехчленные лексические комбинации, с гиперссылками (в качестве исходного текста выступает книга лирики Вяч. Иванова «Кормчие звезды»):

бег=ночь=око,133,427,605,728,733,734,
бег=ночь=пламя,333,388,391,394,606,728,732,733,
бег=ночь=сон,133,305,330,353,389,390,391,394,605,607,
бездна=берег=сон,007,133,331,340,342,343,344,388,389,390,404,405,
406,418,
бездна=берег=взор=небо,404,405,406,418,
бездна=берег=взор=сон,404,405,406,418,
бездна=берег=звезда=звук,008,009,330,388,419,
бездна=берег=звезда=любовь,008,009,376,377,419,
бездна=берег=звезда=ночь,008,009,330,388,389,390,419,

Несложный анализ полученных трех- и четырехчленных комбинаций еще до перехода к контекстам показывает, что есть слова (обычно это пары), которые многократно повторяются в составе разных «троек» и «четверок», варьируются только их спутники: например, *бездна* — *берег* попадают в связки со словами *сон, взор, небо, звезда, любовь, ночь*. Можно предположить, что именно такие слова, как *бездна* и *берег* в данном примере, будут выступать в качестве «ядерных», объединяющих прочие компоненты выявленных лексических комбинаций.

На начальном этапе в качестве материала исследования выступили поэтические книги авторов разных поколений и эстетических ориентаций: Владимира Соловьева (вся лирика), Вячеслава Иванова «Кормчие звезды», Юрия Верховского «Стихотворения. Том первый. Сельские эпиграммы. Идиллии. Элегии», Иосифа Бродского «Новые стансы к Августе» и Татьяны Бек «Облака сквозь деревья».

Первое, что мы увидели, — пристрастие к созданию и повторению устойчивых лексических комбинаций присуще поэтам в разной степени. Для поэтического языка Бродского и Бек лексические комбинации оказались менее характерны, чем для языка Верховского. С несравнимо большим отрывом ушли вперед Соловьев и Иванов, у которых вся лирика зиждется на таких лексических комбинациях, ядром которых обычно становятся частотные лексемы. Эти комбинации многокомпонентные — от 3 до 5–6, а иногда и больше единиц, причем некоторые лексемы могут принадлежать сразу нескольким комбинациям, встречающимся в одном тексте.

На одном из примеров рассмотрим, как двухкомпонентные лексические комбинации (пары) могут появляться в тексте.

В «Кормчих звездах» Вячеслава Иванова комбинация *дух* — *хор* (соседство этих слов заранее невозможно предсказать, в отличие, например, от пар *хор* — *песнь* или *бог* — *дух*) выявлена в пяти стихотворениях, порой далеко отстоящих друг от друга.

Впервые в непосредственной близости лексемы «дух» и «хор» появляются в стихотворении «Воплощение», одном из первых в разделе «Порыв и грани», открывающем книгу. Данную комбинацию здесь трудно не заметить, во-первых, потому что *дух*, жаждущий воплощения, и *хор* (сначала появляется хор планет, затем хор душ, покидающих земные тела, который вступает в разговор с духом) — центральные образы стихотворения, во-вторых, потому что пара *хор* — *дух* настойчиво повторяется в четырех строфах из десяти: первой, второй, шестой и девятой. Во всех случаях лексический повтор подкреплен повтором на синтаксическом уровне; а синтаксический параллелизм шестой и девятой строф позволяет установить вертикальные связи между находящимися в одинаковых позициях компонентами пары *хор* — *дух*:

Мне снился сон: летел я в мир подлунный,
Неживший *дух*,
И *хор* планет гармоньей семиструнной
Ласкал мой слух;

И *хор* планет красой семивенчанной
Мой взор ласкал:
Я мир любил, — и к жизни *дух* избранный —
Я жить алкал.

<...>

И встречный *хор* «прости» сказавших тлену,
Стеная, пел:
«О, алчный *дух*! ты не любовь — измену
Избрал в удел.

<...>

И новый *хор*, мимойдя из плена,
Стеная, пел:
«О алчный *дух*! твой любовь — измена,
Но глад — удел!...» [Иванов, 1903: 10–11]

Неподалеку от «Воплощения», отделенного семью стихотворениями, располагается стихотворение «Ночь в пустыне», одним из действующих лиц в котором также является Дух. Лексема «Дух» появляется и в качестве наименования участника диалога, и в развернутых репликах других персонажей — Потока и Человека. Дважды в одном лексическом блоке с *духом* упоминается *хор*. В одном из случаев компоненты интересующей нас пары связаны — входят в состав сравнения: «В прозрачной звездной тишине, / Как бурный *дух*, носились *хоры* <...>», в другом случае одновременное присутствие этих слов в лексическом блоке зафиксировать непросто, поскольку лексема «Дух» как указание на говорящего далеко отстоит от лексемы «хор», представленной в следующей другой строфе, запечатлевшей речь другого участника беседы:

Дух

Здесь, не ближе,
Остановись! коль станем ниже,
Сокроют облик ткани чар –
Волнистый свет, блестящий пар...
Внимай!..

Поток
Любовию томим,
Ты жаждешь слиться с темным *хором*,
С камнями, ветром, морем, бором
Дышать дыханием одним. [Там же: 28]

Следующий раз пара *хор* — *дух* появится лишь в сорок четвертом стихотворении «Кормчих звезд» — “Eritis sicut Dei”.

И каждый, полн в себе мечты проникновенной,
Сиял, как *духи* сфер, что горний свой закон
Блюдут, погружены в астральный светлый сон,
И все, блаженные, вокруг солнечной подруги
Свершали, *хор* светил, мистические круги. [Там же: 111]

Расположение лексем «духи» и «хор» в позиции «одна под другой» здесь не облегчает обнаружения данной пары, поскольку стихи, содержащие эти лексемы, разделены несколькими строками, наполненными чрезвычайно сложной образностью.

Еще труднее заметить без специальной на то установки одновременное присутствие в тексте компонентов пары *хор* — *дух* в «Возрождении», занимающем 155-ю позицию в «Кормчих звездах». Помимо того, что они разделены несколькими стихами и находятся в разных строфах, *хор* в данном случае не является самостоятельной лексемой, а входит в состав лексемы «хоровод».

<...> Встань, жизнещедрый
Дух боговещий,
Встань, Избытка царский сын!
Лесы темные

Древнюю песнь поют:
Поет Душа многая
Душе древней!...

Эпод

Мы *хоровод* ведем, вещую песнь поем —
Песнь твою, сердце земли родной! <...> [Там же: 333–334]

То, что в авторском сознании Иванова лексемы «дух» и «хор» соседствуют, подтверждается стихотворением «Альпийский Рог» (82-я позиция в книге), где данные лексемы образуют запоминающееся словосочетание — *духов хор* [там же: 178].

Контекстуальный анализ бытования пары *хор — дух* (как и других лексических комбинаций) в текстах Иванова показывает, что порой искомая лексическая комбинация хорошо заметна, поскольку слова, ее образующие, связаны либо грамматически, либо близким месторасположением. Однако в целом ряде случаев оказывается фактически невозможно «невооруженным глазом» обнаружить в тексте присутствие лексем, устойчиво соседствующих друг с другом, но не связанных ни грамматически, ни синтаксически, ни какой-либо иной очевидной связью.

Сопоставление контекстов, в которых проявилась пара *хор — дух*, показало, что лексическое окружение этой пары в разных стихотворениях имеет целый ряд точек соприкосновения. Так, «Ночь в пустыне» и «Возрождение» содержат повторяющиеся или однокоренные слова: *лес, встань (восстань), древний (древле), жизнь (жизнещедрый)*; «Ночь в пустыне» и «Альпийский рог»: *горы, носилось, пастух (пастырь)*; «Ночь в пустыне» и “Eritis sicut Dei”: *свет (светлый), светила, мечты (мечтатель), сиять* и т. д. Порой буквально повторяются образы: хор планет («Воплощение») и хор светил (“Eritis sicut Dei”). Есть общность мотивов: из текста в текст переходят ночные пророческие видения, поющие леса и горы, мистическая встреча земного и небесного, музыка вселенной (например, ср.: «И хор планет гармоньей семиструнной // Ласкал мой слух <...>» («Воплощение» [там же: 10]) и «Оно (эхо) носилось меж теснин таким // Неизреченно-сладостным созвучьем, // Что мнилось: незримый *духов хор*, // На неземных орудьях переводит // Наречием небес язык земли» («Альпийский рог» [там же: 178]).

Мы считаем, что при помощи созданной программы удалось обнаружить и описать еще один способ обретения словом, если не четко фиксируемого символического значения, то ассоциативного символического ореола.

По нашим наблюдениям, выделяемые программой лексические комбинации помогают обнажить некоторые механизмы построения поэтического текста. В ряде случаев лексемы, входящие в состав комбинации, оказываются связаны между собой весьма сложными семан-

тическими связями. Тогда они, как правило, входят в состав образа или создают общий контекст, который потом может автором сознательно или не вполне сознательно повторяться и в других текстах.

Встретились в нашем материале и случаи, когда между компонентами комбинации в пределах текстового блока нет очевидных семантических связей (как и фонетических и ритмико-синтаксических). Эти случаи представляют не меньший интерес для исследователей и дают богатый материал для размышлений. Скорее всего такие комбинации автором не осознаются, но — повторяясь — свидетельствуют о некоторых мыслительных и речевых клише, составляющих особенность индивидуального стиля.

Выявленные нами явления отражают процессы, позволяющие хаосу языкового сознания претвориться в космос текста. Устойчивые лексические комбинации — это некие аморфные, бесструктурные образования, зарождающиеся где-то в глубинах поэтического сознания на уровне предтекста, при этом сугубо индивидуальные. Позже, на этапе формирования текста, они будут устанавливать отношения — грамматические, фонетические, ритмико-синтаксические — и обрастать семантикой, уникальной для каждого автора.

Мы предполагаем, что созданная программа может служить задачам идентификации автора, установления его принадлежности или близости к литературному течению, в частности к символизму. Кроме того, выявление лексических комбинаций может стать еще одним, помимо известных, способом описания поэтического мира автора и способом установления как внутритекстовых связей, так и межтекстовых, обнаруживающих отношения между далеко расположенными друг от друга стихотворениями или художественными мирами разных авторов.

Список литературы

- Баевский В.С., Романова И.В., Самойлова Т.А.* Тематические парадигмы русской лирики XIX–XX веков // Известия АН. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59. № 6.
- Жирмунский В.М.* Композиция лирических стихотворений. Пб., 1921.
- Закроева Г.А.* Тема сна в лирике Пастернака // Литература в искусстве, искусство в литературе: Сб. науч. статей. Пермь, 2011.
- Иванов Вячеслав.* Кормчие звезды. Книга лирики. СПб., 1903.
- Караулов Ю.Н., Гизбург Е.Л.* Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. М., 2001.
- Левин Ю.И.* О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // Структурная типология языков. М., 1966.
- Левченко О.А.* Мифологема «Бог — царь — отец» в творчестве Пушкина 1824–1836 гг. // Русская филология. Учен. зап. Смолен. гос. педагог. ун-та. Смоленск, 1997.

- Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972.
- Павлова Л.В.* Комбинации символов, или Как пополнить Словарь поэтического языка Вячеслава Иванова // Русская литература XX и XXI веков. Проблемы теории и методологии изучения: Материалы Третьей международной научной конференции. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова. 4–5 декабря 2008 г. М., 2008.
- Павлова Л.В.* Яркая жизнь «бледных» слов в лирике Вячеслава Иванова // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2009. № 3 (7).
- Павлова Л.В.* Очевидные и неочевидные повторы в лирике Вячеслава Иванова // Повтор в художественном тексте. *Powtorzenie w tekście artystycznym*. Bydgoszcz, 2012.
- Павлова Л.В., Романова И.В., Самойлова Т.А.* Решение филологических проблем с помощью программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2 (22).
- Романова И.В.* Частотный словарь «Стихотворений Юрия Живаго» Б.Л. Пастернака // Русская филология. Учен. зап. Смолен. гос. педагог. ун-та. Смоленск, 1997.
- Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1: А–В / В.П. Григорьев [отв. ред.], Л.Л. Шестакова, В.В. Бакеркина, А.В. Гик, Л.И. Колодяжная, Т.Е. Реутт, Н.А. Фатеева [сост.]. М., 2001.
- Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. 4-е изд., стереотип. М., 2007.
- Хроленко А.Т., Бобунова М.А.* Словарь языка русского фольклора: Лексика былинных текстов. Первый выпуск (статья, словарь). Курск, 2000.
- Хроленко А.Т.* Программа NEWSLOV для технологии контрастивной лексикографии // Проблемы компьютерной лингвистики: Сб. научн. трудов. Вып. 2. Воронеж, 2005.
- Хроленко А.Т.* Конкордансы текстов русского фольклора как инструмент выявления «фольклорных диалектов» // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века: Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2007 года. СПб., 2008.
- Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова с электронным приложением / О.В. Кукушкина, Е.В. Суровцева, Л.В. Лапонина, Д.Ю. Рюдигер; под общ. ред. А.А. Поликарпова. М., 2012.
- Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987.

Сведения об авторах: *Павлова Лариса Викторовна*, докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Смоленского государственного университета. E-mail: pavlar@inbox.ru; *Романова Ирина Викторовна*, докт. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и методики ее преподавания Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru

А.И. Соломенник

ТЕХНОЛОГИЯ СИНТЕЗА РЕЧИ: ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается зарождение и развитие технологии синтеза речи от первых попыток искусственного создания человеческой речи до наших дней, дается характеристика различных методов и подходов к решению задачи порождения естественно звучащего речевого сигнала, кратко обсуждаются достоинства и недостатки этих методов, а также их историческая преемственность.

Ключевые слова: синтез речи, история синтеза речи, методы синтеза речи, формантный синтез, артикуляционный синтез, конкатенативный синтез, селективный синтез, статистический параметрический синтез.

The article considers the genesis and evolution of speech synthesis technology beginning with the first attempts at synthesizing human speech until nowadays. Characterization is given of various methods and approaches to solving the problem of generating a naturally sounding speech signal; advantages and disadvantages of these methods are briefly discussed, as well as their historical continuity.

Key words: speech synthesis, the history of speech synthesis, speech synthesis methods, formant synthesis, articulatory synthesis, concatenative synthesis, unit selection, HMM-based synthesis.

1. Введение

В статье рассматривается зарождение и развитие технологии синтеза речи от первых попыток искусственного создания человеческой речи до наших дней.

Синтез речи — задача, которая издавна интересовала людей. Существуют легенды о «говорящих головах», умевших отвечать на вопросы, которые были созданы Гербертом Орильясским (ок. 946–1003), Альбертом Великим (1198–1280) и Роджером Бэконом (1214–1294) [Mattingly, 1974]. Но и достоверная история создания машин, имитирующих человеческую речь, насчитывает уже более двух веков. С течением времени изменялись как и сами механизмы и принципы работы синтезирующих устройств, так и основные области интереса и задачи ученых, занимавшихся созданием и развитием синтеза речи.

2. Первые механические синтезаторы

Первые синтезаторы, появившиеся во второй половине XVIII в., были механическими, они могли порождать отдельные звуки или небольшие фрагменты слитной человекоподобной речи подобно

музыкальным инструментам, т.е. требовали участия оператора-исполнителя. В них посредством различных механических приспособлений воспроизводились основные процессы, происходящие при производстве речи человеком.

В 1779 г. Петербургская Академия наук объявила ежегодную премию за объяснение разницы между пятью основными гласными звуками и за конструирование устройства, их порождающего. Немецкий ученый Христиан Готлиб Кратценштейн (1723–1795), работавший в то время в Петербурге, предложил лучшее решение. Он создал систему резонаторов, которые при помощи пульсирующего воздушного потока порождали русские гласные. Воздушный поток создавался вибрирующими язычками, подобными голосовым связкам человека [Фланаган, 1968]. Независимо от Кратценштейна над механической системой синтеза речи стал работать австрийский изобретатель Вольфганг фон Кемпелен (1734–1804), представивший результат своих трудов в 1791 г. Его машина могла произносить различные звуки и их комбинации. В ней моделировалось продвижение струи воздуха через речевой тракт человека: имелись меха для подачи воздуха на язычок, в результате чего возбуждался резонатор, управляемый рукой. Согласные, в том числе и носовые, получались с помощью четырех каналов, зажимаемых пальцами [Фланаган, 1968]. По утверждению самого Кемпелена, его машина производила 19 хорошо различимых согласных звуков [Кейтер, 1985] и короткие фразы на нескольких языках [Mattingly, 1974]. Для управления «говорящей

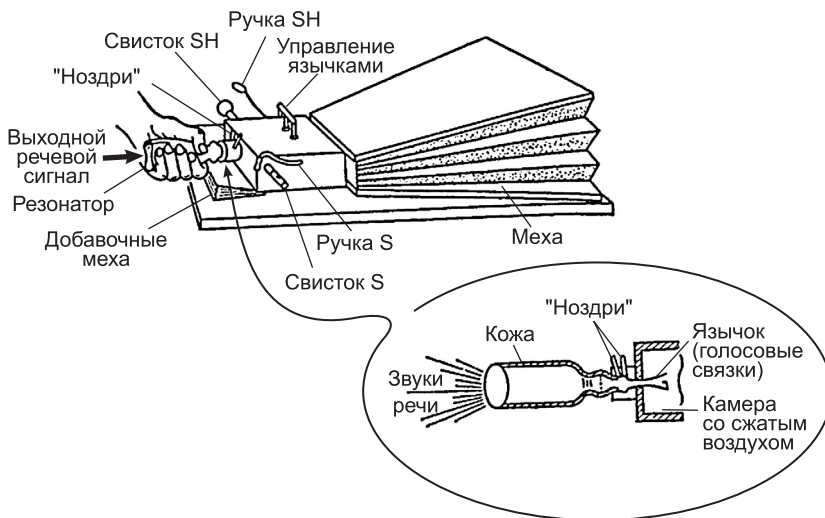


Рис. 1. Говорящая машина Кемпелена, построенная Уитстоном [Кейтер, 1985]

машиной» требовался хорошо обученный оператор, и порождение речи можно было сравнить с игрой на органе. Усовершенствованный вариант машины Кемпелена (рис. 1) был создан в 1837 г. английским физиком Чарльзом Уитстоном (1802–1875).

В течение XIX в. в технологии синтеза речи не было каких-либо революционных изменений. Известны исследования английского ученого Роберта Уиллиса (1800–1875), который подобно Кратценштейну экспериментировал с синтезом гласных звуков и установил связь между качеством гласных и геометрической формой речевого тракта. В своих работах 1828 г. «О гласных звуках» и «О механизме гортани» Уиллис описал механизм извлечения гласных звуков по аналогии со звукоизвлечением органа. В 1840 г. Джозеф Фабер (ок. 1800 — ок. 1850) представил свою говорящую машину под названием «Эйфония», которая по сообщениям современников могла производить обычную и шепотную речь, а также исполнять песни (см. подробнее: [Mattingly, 1974]).

В XX в., несмотря на развитие электрических методов синтеза речи, разработка механических синтезаторов проводилась вплоть до 60-х годов [Lemmetty, 1999]. Это было связано, с одной стороны, с малой доступностью сложных электрических компонентов [Кейтер, 1985], а с другой — с необходимостью имитации и измерения нелинейных эффектов в голосе, которые с трудом поддаются расчетам и не могут быть легко смоделированы с помощью линейных устройств [Фланаган, 1968]. Среди наиболее известных устройств следует упо-

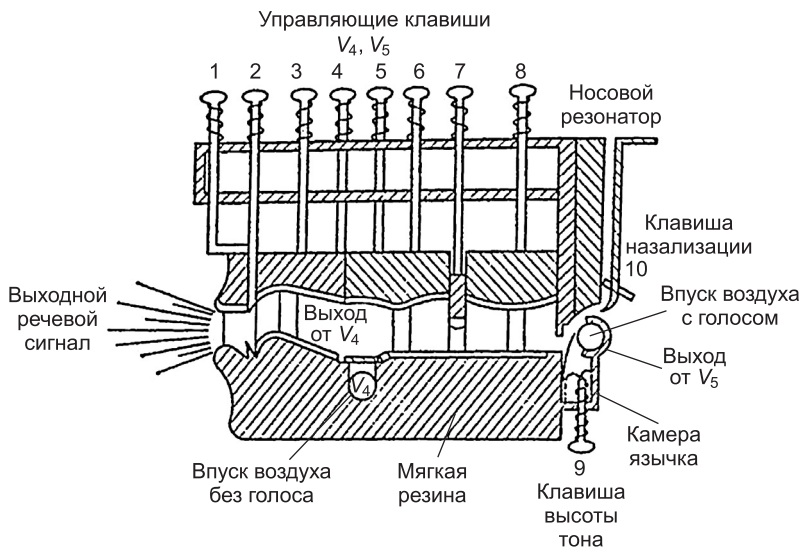


Рис. 2. Механический синтезатор Риша [Кейтер, 1985]

мянуть механический синтезатор Р. Риша, продемонстрированный им в 1937 г. (рис. 2). По форме он практически повторял речевой тракт человека, был выполнен из резины и металла и управлялся клавишами, подобными клавишам трубы [Кейтер, 1985].

Таким образом, общим методом создания механических синтезаторов стала имитация или прямое моделирование речевого тракта человека. Основными рабочими компонентами таких моделей были: устройство для подачи воздуха (аналог легких), вибрирующая часть (аналог голосовых связок) и система резонаторов, в большей или меньшей степени точно воссоздававших форму речевого тракта человека. Механические синтезаторы стали прототипом современного артикуляционного синтеза.

3. Первые электрические синтезаторы

В XX в. с освоением электрических устройств и зарождением электроники начались попытки построить синтезаторы речи — электрические аналоги речеобразующей системы. Самый первый электрический синтезатор был создан Дж. Стюартом в 1922 г. [Klatt, 1987]. Его схема (рис. 3) включала электрический зуммер для моделирования работы голосовых связок и два индуктивно-емкостных резонатора для моделирования резонансов горла и ротовой полости [Кейтер, 1985]. Таким образом генерировались первые две форманты (резонансные частоты речевого тракта), т.е. устройство могло синтезировать только гласные звуки.

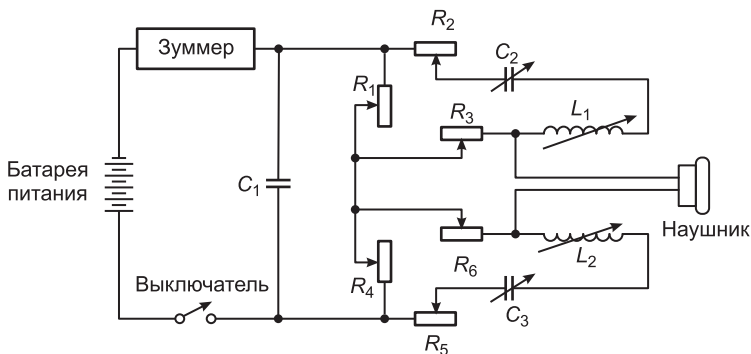


Рис. 3. Электрическая модель речевого тракта Стюарта [Кейтер, 1985]

Аналогичный синтезатор, состоящий из четырех подключенных параллельно резонаторов, возбуждаемых прерывателем тока, был создан немецким инженером Карлом Вилли Вагнером (1883–1953) в 1936 г. [Фланаган, 1968].

Следующий важный шаг в формировании технологии синтеза речи связан с развитием радиотехники, построением вокодеров (систем кодирования и декодирования речи, в которых используются различные методы сжатия полосы частот для передачи сигналов, “voice coder”) и ЭВМ [Обжелян, Трунин-Донской, 1987]. Первым электрическим синтезатором, способным генерировать фрагменты связной речи, стал «водер» (Voice Operating Demonstrator), созданный американским инженером Гомером Дадли (1896–1987), Р. Ришем и С. Уоткинсом. Водер был основан на вокодере, созданном в Bell Laboratories (США) в середине 30-х годов. От вокодера была взята синтезирующая часть, управлявшаяся вручную посредством тринадцати клавиш, ножной педали и переключателя источника шума на браслете (рис. 4) [Фланаган, 1968]. Водер синтезировал сигналы с заданным спектром посредством десяти включенных параллельно полосовых фильтров, охватывавших весь спектр частот.

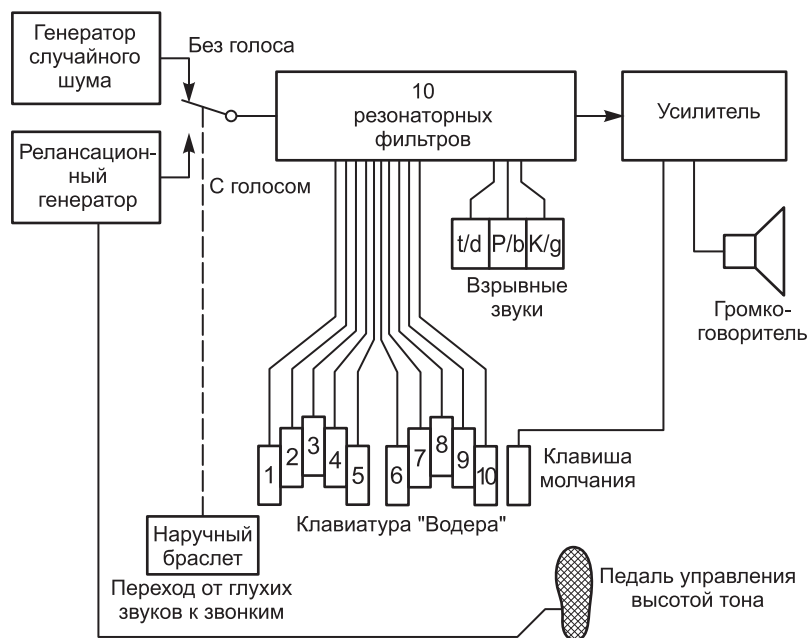


Рис. 4. Схема синтезатора «водер» [Кейтер, 1985]

Важным этапом в развитии методов экспериментальных фонетических исследований и синтеза речи стала разработка звукового спектрографа в 1946 г. Появилась идея использования спектрограмм для управления оптическим синтезатором речи. В устройстве Л. Шотта 1948 г. использовался линейный источник света, расположенный

вдоль оси частот спектрограммы и просвечивающий участки изображения с различной степенью прозрачности, а фотоэлементы, расположенные в ряд вплотную друг к другу по другую сторону спектрограммы, являлись источником управляющих сигналов для набора тех же полосовых фильтров, что и в водере. Дополнительные дорожки на спектрограмме управляли переключением тона и шума и несли информацию о частоте основного тона. Подобный метод использовался Дж. Борстом и Ф. Купером в устройстве «водек» (1957) [Фланаган, 1968]. Наиболее известный «проигрыватель» спектрограмм, синтезатор Pattern Playback (рис. 5), был представлен американскими исследователями Ф. Купером, А. Либерманом и Дж. Борстом в 1951 г. Он состоял из оптической системы для динамической модуляции амплитуд гармоник основного тона в 120 Гц в зависимости от изображений на движущейся прозрачной ленте [Klatt, 1987]. При помощи этого синтезатора, позволявшего производить монотонную, но разборчивую речь, проводились многочисленные эксперименты по оценке значимости для восприятия речи различных акустических характеристик путем упрощения и стилизации подаваемых на синтез фонограмм.

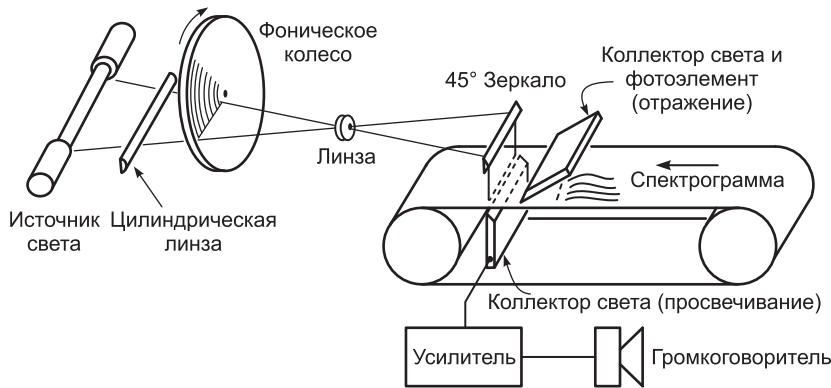


Рис. 5. Синтезатор Pattern Playback [Klatt, 1987]

В первых электрических синтезаторах уже не моделируется напрямую речевой тракт человека. Вместо этого основным методом создания синтезированной речи является моделирование (или прямое считывание со спектрограммы) акустических характеристик речевого сигнала. Основными рабочими компонентами таких синтезаторов были устройства, генерирующие шум и периодический сигнал, и набор фильтров или резонаторов, усиливающих заранее определенные частотные составляющие. Электрические синтезаторы стали прототипом современного компьютерного параметрического синтеза.

4. XX век: синтезаторы первого поколения

Следующей важной вехой в истории синтеза речи стала разработка акустической теории речеобразования (1960), создавшей необходимую теоретическую базу для построения формантных и артикуляционных синтезаторов, а также синтезаторов, использующих линейное предсказание. Эти три метода называют также технологиями синтеза первого поколения [Taylor, 2009]. На основании используемых методов синтезаторы первого поколения можно разделить на две большие группы: акустические (формантный синтез и синтез с использованием линейного предсказания), при создании которых не ставится задача непосредственного отражения в синтезе процессов, связывающих артикуляцию с акустикой речевого сигнала, и артикуляционные.

4.1. Артикуляционный синтез

Артикуляционный (или артикуляторный) синтез продолжил направление, заданное первыми механическими синтезаторами. В нем делается попытка синтезировать речевой сигнал на основе моделирования процесса речеобразования с учетом сведений об артикуляции, количественной оценке формы речевого тракта, его резонансных свойств и характеристик звуковых источников. Затем на основе расчетных данных генерируется речевой сигнал [Кодзасов, Кривнова, 2001]. В артикуляционной модели трубка, соответствующая речевому тракту, обычно разделяется на множество небольших секций и таким образом может быть представлена в качестве неоднородной электрической линии передачи [Фланаган, 1968].

Первые электронные артикуляционные модели были статическими и требовали ручной настройки. Первый синтезатор американского исследователя Х. Данна 1950 г. состоял из 25 одинаковых звеньев, между которыми для учета влияния положения языка можно было ввести переменную индуктивность, а индуктивность на конце линии отражала влияние губ. Для произнесения вокализованных звуков синтезатор возбуждался пилообразным напряжением регулируемой частоты, а шумные звуки получались подключением к соответствующей точке линии белого шума [Фланаган, 1968]. Первый артикуляционный синтезатор с динамическим контролем (рис. 6) DAVO (Dynamic Analog of the VOcal tract) был разработан в 1958 г. в Массачусетском технологическом институте Д. Розеном. Он управлялся записанными на ленту контролирующими сигналами, созданными вручную [Lemmetty, 1999].

С течением времени артикуляционные синтезаторы совершенствовались, в них вводилось дополнительное моделирование ослабления сигнала в речевом тракте, взаимодействия источника и фильтра,

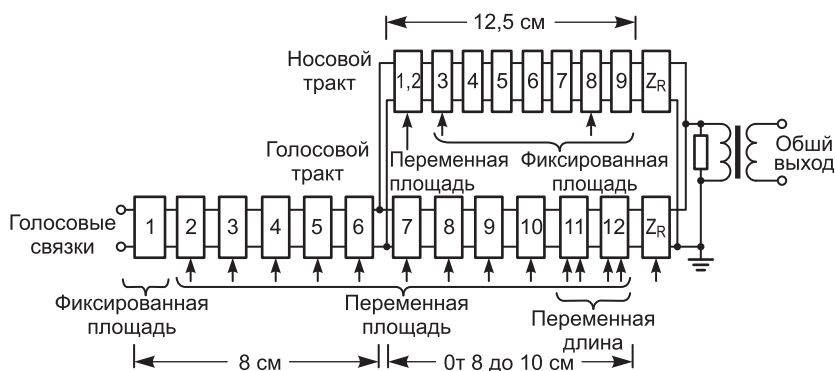


Рис. 6. Аналог речевого тракта с линией передачи, управляемый непрерывно [Фланаган, 1968]

распространения сигнала от губ и совершенствовалось моделирование параметров голосового источника сигнала. Многие подходы в этом направлении включают моделирование движений и параметров мышц и управления артикуляционной моторикой. Однако из-за сложностей подобного рода моделирования в большинстве современных систем синтеза речи, позволяющих получать искусственную речь высокого качества, используются более «простые» подходы, а артикуляционный синтез чаще применяется в научных исследованиях в области артикуляционной фонетики и физиологии речи.

4.2. Формантный синтез

Первым формантным синтезатором стал ПАТ (Parametric Artificial Talker) английского исследователя Уолтера Лоуренса, представленный в 1953 г. Этот синтезатор состоял из трех электронных формантных резонаторов, соединенных параллельно, на вход которым подавался шум или гармонический сигнал. Он управлялся шестью временными функциями (три форманты, частота основного тона, амплитуда шума и амплитуда голосового источника), которые считывались с нарисованных на движущейся стеклянной дорожке шаблонов [Klatt, 1987]. Этот синтезатор был первым параллельным формантным синтезатором. Главным преимуществом параллельных синтезаторов была относительная простота управления. Вторым типом формантных синтезаторов, позволяющим более точно моделировать передаточную функцию речевого тракта, но имеющих зачастую более сложную структуру, стали каскадные синтезаторы, в которых формантные резонаторы были соединены последовательно [Klatt, 1980]. В параллельном синтезаторе амплитуда каждого формантного резонатора должна контролироваться отдельно. В каскадном выходной сигнал каждого резонатора является входным сигналом следующего.

В том же 1953 г. известный шведский исследователь речи Гуннар Фант, автор классической акустической модели речеобразования «источник-фильтр», продемонстрировал свой каскадный формантный синтезатор OVE I (Orator Verbis Electricis). В нем частота двух нижних резонаторов контролировалась механической рукой, а амплитуда и частота основного тона определялись ручными потенциометрами [Klatt, 1987]. В дальнейшем оба типа синтезаторов усложнялись и совершенствовались, позволяя каждой новой версии звучать всё ближе к естественной речи. В 1973 г. английскому исследователю Джону Холмсу удалось вручную настроить на своем синтезаторе произнесение предложения “I enjoy the simple life” так хорошо, что обычный слушатель не мог отличить его от произнесения того же текста живым человеком [Lemmetty, 1999]. Однако оставалась проблема с автоматическим контролем работы синтезатора, результат которого не мог приблизиться к ручной настройке произнесения.

С развитием компьютерной техники и появлением доступных вычислительных машин в середине 50-х годов электрические аналоговые синтезаторы стали постепенно замещаться компьютерными программами или специально сконструированной цифровой аппаратурой, позволявшими работать с цифровой формой речевого сигнала. В 1972 г. американский исследователь Д. Клатт предложил компьютерный вариант гибридного формантного синтезатора, в котором сонорные и шумные звуки синтезировались каскадными и параллельными формантными резонаторами соответственно. Публикация исходного кода программы на языке Фортран в 1980 г. позволила ученым в различных исследовательских лабораториях оценить работу этого синтезатора, а также оказалась очень полезной для организации и проведения перцептивных экспериментов в области фонетики [Klatt, 1987].

4.3. Синтезаторы, использующие линейное предсказание

Метод линейного предсказания позволяет напрямую использовать при синтезе искусственной речи параметры передаточной функции речевого тракта и является своеобразной альтернативой формантному синтезу. Первые эксперименты с моделированием речи при помощи коэффициентов линейного предсказания (КЛП) были проведены в середине 60-х годов. Эта технология впервые была использована в недорогих устройствах типа TI Speak'n'Spell (1980) [Lemmetty, 1999].

Для синтеза речевого сигнала в КЛП-синтезаторе используются следующие изменяющиеся во времени параметры: период основного тона, средняя громкость звука, признак тон-шум и определенное заранее количество коэффициентов линейного предсказания. При этом качество синтезированной речи зависит от числа коэффициентов,

точности их вычисления и от того, насколько хорошо моделируются источники возбуждения [Обжелян, Трунин-Донской, 1987]. В общем виде простейший КЛП-синтезатор имеет структурную схему, представленную на рис. 8. Обычно для работы КЛП-синтезатора из оцифрованной речи человека вычисляются все необходимые для синтеза акустические параметры, а далее все базовые единицы синтеза (слова или более короткие единицы) записываются в параметризованном виде в память и затем при синтезе соединяются, или конкатенируются, в определенном порядке. Таким образом, модель линейного предсказания косвенно способствовала развитию технологии конкатенативного синтеза.

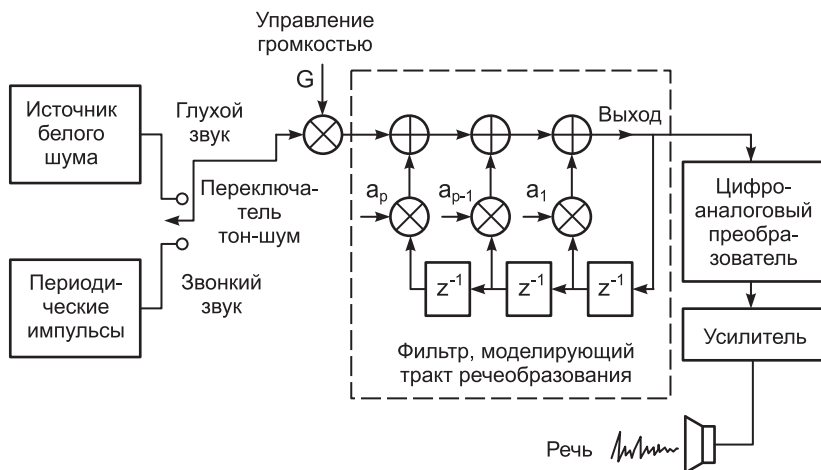


Рис. 7. Структурная схема КЛП-синтезатора [Обжелян, Трунин-Донской, 1987]

Синтезаторы первого поколения обычно требовали детального акустического описания того, что должно быть произнесено, и не включали какого-либо автоматического способа получения подобного описания для произвольного сообщения или текста.

5. XX век: синтезаторы второго поколения

В середине 60-х годов, в связи с продолжающимся развитием компьютерной техники и возросшими потребностями общества, перед разработчиками автоматического синтеза речи была поставлена более широкая и сложная задача озвучивания любого сообщения, вводимого в компьютер в текстовом виде и неизвестного заранее системе синтеза. Это привело к развитию синтезаторов типа «Текст-Речь» (Text-to-Speech или сокращенно TTS). В синтезаторах такого типа (т.е. синтезаторах речи в современном понимании этого

термина) появился блок лингвистической обработки, независимый от акустического блока и метода генерации речевого сигнала, тогда как самые ранние синтезаторы и синтезаторы первого поколения были ориентированы в основном или полностью на разработку акустического блока, т.е. на задачу генерации речевого сигнала. Первая полноценная система «Текст–Речь» для английского языка была создана в 1968 г. в Японии Норико Умеда и его коллегами. Она была основана на артикуляционной модели акустического блока. Анализ текста и расстановка пауз производились при помощи сложных правил. По свидетельству специалистов, речь, производимая этой системой, была разборчивой, но довольно монотонной [Klatt, 1987]. В дальнейшем алгоритмы лингвистической предобработки текста усложнялись благодаря увеличению скорости компьютерного анализа данных и объема памяти для хранения вспомогательной информации (словарей, речевых баз, моделей и т. п.).

5.1. Конкатенативный синтез

Конкатенативный (или компилятивный) синтез, называемый также техникой второго поколения [Taylor, 2009], смог появиться благодаря тому, что перед создателями систем синтеза уже не стояли такие жесткие ограничения по доступной компьютерной памяти, как в 70-е и 80-е годы. В памяти компьютера стали храниться фрагменты реальных акустических сигналов из речи определенного «диктора-донора», из которых путем склейки (или конкатенации) и создавалась первичная основа синтезируемого акустического сигнала. В дальнейшем эта основа подвергается модификации по правилам, функция которых состоит в том, чтобы придать склеенным фрагментам акустического сигнала нужные просодические характеристики [Кодзасов, Кривнова, 2001]. Различные системы конкатенативного синтеза используют в качестве базовых элементов для склейки звуковые единицы различного размера: фрагменты фонемной размерности (акустические аллофоны), полуслоги, слоги и образцы смешанных типов. Наиболее часто в таких системах используются дифоны — отрезки, начинающиеся в середине одного звука и заканчивающиеся в середине следующего. Дифоны как оптимальная единица для учета эффектов коартикуляции в речевом сигнале были впервые предложены американским исследователем Дж. Петерсоном с коллегами в 1958 г. [Klatt, 1987].

На качество речи, производимой конкатенативным синтезатором, влияет как качество и количество самих единиц для конкатенации, так и используемые алгоритмы просодической модификации речевого сигнала. Наиболее широко используемым методом модификации речи во временной и частотной области является алгоритм PSOLA

(Pitch Synchronous Overlap and Add), разработанный в 1985 г., и его последующие варианты [Lemmetty, 1999]. По современным меркам объем звуковой базы для обычного конкатенативного синтеза речи является относительно небольшим, что позволяет построить синтезатор высокого качества довольно быстро. Главным недостатком систем такого типа является то, что они не обладают достаточной гибкостью в изменении тембра голоса, так как для этого необходимо создавать новую базу акустических образцов для другого диктора-донора [Кодзасов, Кривнова, 2001].

6. XX век: синтезаторы третьего поколения

К третьему поколению технологий автоматического синтеза речи обычно относят селективный синтез речи и синтез на основе скрытых Марковских моделей [Taylor, 2009]. Их общей чертой является использование для автоматического синтеза речи больших объемов речевых данных, а также высокая естественность синтезированной речи.

6.1. Селективный синтез речи

В настоящее время доминирующей технологией автоматического синтеза речи является так называемый селективный синтез, так как он позволяет получать синтезированную речь, которая по своим характеристикам наиболее приближена к естественной [Taylor, 2009]. Селективный синтез речи (в англоязычных источниках называемый *unit selection*) является разновидностью конкатенативного синтеза речи: при синтезе речевого сигнала также используются заранее записанные фонограммы естественной речи диктора-донора. В отличие от конкатенативных синтезаторов второго поколения, порождающих итоговый речевой сигнал из отдельных и специально подготовленных звуковых единиц из небольшого и тщательно подобранного набора слов, при селективном синтезе для каждой целевой единицы синтеза производится выбор наиболее подходящего кандидата из множества вариантов, взятых из озвученных предложений естественного языка. Для этого записываются звуковые базы, размер которых может составлять до нескольких десятков часов звучащей речи. В процессе акустического синтеза алгоритм строит оптимальную последовательность звуковых единиц, учитывая одновременно то, насколько кандидат подходит под описание необходимых характеристик целевого звука (стоимость замены), и то, насколько хорошо выбранные элементы будут конкатенироваться с соседними (стоимость связи). При этом специально, с помощью механизма стоимостей, «поддерживается» ситуация, когда из базы в качестве оптимальных выбираются не отдельные звуки, а их цепочки или даже целые предложения. Такой подход позволяет минимизировать случаи необходимой модифика-

ции речевого сигнала, что повышает естественность синтезируемой речи.

Первыми системами селективного синтеза стали n-Talk [Sagisaka et al., 1992] и CHATR [Black, Taylor, 1994], а в 1996 г. известные специалисты по синтезу речи А. Хант и А. Блэк предложили алгоритм выбора оптимальной последовательности единиц для конкатенации, который стал классическим [Hunt, Black, 1996].

6.2. Статистический параметрический синтез

Статистический параметрический синтез, так же как и описанный выше конкатенативный, является методом, основанным не на правилах, а на имеющихся акустических данных. Однако в отличие от конкатенативного метода, при котором необходимые для синтеза параметры речевого сигнала уже присутствуют в самих хранимых в памяти компьютера единицах конкатенации, в статистическом параметрическом синтезе система обучается на имеющихся речевых данных с целью получения модели соответствия характеристик речи, поступающих на вход акустического блока синтезатора, нужным физическим параметрам звуковых единиц. Получаемая модель дает два преимущества: уменьшение компьютерной памяти для хранения модели вместо самой речевой базы и возможность ее параметрической модификации, например, быстрого изменения тембра голоса [Taylor, 2009].

Наиболее распространенной техникой в данном направлении синтеза является метод, основанный на использовании скрытых Марковских моделей (СММ). Скрытые Марковские модели звуковых единиц применяются в автоматических системах распознавания речи с конца 70-х годов [Lemmetty, 1999]. Работу над автоматическими системами синтеза речи, основанными на СММ, начали в 1995 г. японские ученые К. Токуда с коллегами [Tokuda et al., 1995]. Возможность использования статистического подхода в применении к синтезу речи обусловлена возросшим быстродействием вычислительных машин и объемов носителей информации для хранения больших речевых баз, необходимых для обучения акустических моделей звуковых единиц языка.

7. Заключение

В уже довольно длительной истории технологий синтеза речи значительно менялись приоритеты и направления исследований. Это связано и с задачами, которые ставились перед синтезаторами и их разработчиками: от демонстрации возможности получения звуков, подобных человеческой речи, и моделирования процессов речеобразования до получения разборчивого, а затем и естественного выразительного чтения компьютером произвольного текста. История и

успехи разработок в области синтеза речи тесно связаны с развитием других научных дисциплин: физики (механики, электродинамики, акустики), математики (статистики), информатики, физиологии, психологии и, конечно же, лингвистики (фонетики, автоматической обработки естественного языка). Основными направлениями современных исследований в области автоматического синтеза речи являются аудиовизуальный синтез, синтез экспрессивной и эмоциональной речи, а также объединение двух подходов к синтезу речи третьего поколения: селективного синтеза и синтеза на основе скрытых Марковских моделей [Taylor, 2009].

Список литературы

- Кейтер Дж.* Компьютеры — синтезаторы речи. М., 1985.
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
- Обжелян Н.К., Трунин-Донской В.И.* Машины, которые говорят и слушают. Кишинев, 1987.
- Фланаган Дж.* Анализ, синтез и восприятие речи. М., 1968.
- Black A., Taylor P.* CHATR: A Generic Speech Synthesis System // COLING94. Japan, 1994.
- Hunt A., Black A.* Unit Selection in a Concatenative Speech Synthesis System Using a Large Speech Database // Proceedings of ICASSP 96, 1996.
- Klatt D.* Review of Text-to-Speech Conversion for English // JASA. 1987. Vol. 82 (3).
- Klatt D.H.* Software for a cascade/parallel formant synthesizer // JASA. 1980. Vol. 67.
- Lemmetty S.* Review of Speech Synthesis Technology. Master's Thesis, Helsinki University of Technology, 1999.
- Mattingly I. G.* Speech Synthesis for Phonetic and Phonological Models // Current Trends in Linguistics / Ed. by T.S. Sebeok. 1974. Vol. 12. Mouton, The Netherlands.
- Sagisaka Y. et al.* ATR — n-Talk speech synthesis system // Proceedings of IC-SLP92, Banff, Canada, 1992.
- Taylor P.* Text-to-Speech Synthesis. Cambridge University Press, 2009.
- Tokuda K., Masuko T., Yamada T.* An algorithm for speech parameter generation from continuous mixture HMMs with dynamic features // Proceedings of Eurospeech-1995, 1995.

Сведения об авторе: *Соломенник Анна Ивановна*, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник ООО «Речевые технологии» (Минск, Беларусь). E-mail: anna.i.prodan@gmail.com

А.Ч. Пиперски

**ПЕРЕХОД СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СЛАБЫЕ
В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
И ДРЕВНЕЙШИЕ ПРОЦЕССЫ**

В статье рассматривается переход сильных глаголов в слабое спряжение в истории немецкого языка. Предлагается теоретическое описание процесса смены словоизменительных типов, которое применяется к морфологическим изменениям, происходившим при переходе от древневерхненемецкого периода к средневерхненемецкому. Делается вывод о том, что в первую очередь переходу в слабое спряжение подвергались сильные глаголы VII класса с характерным вокализмом (с корневыми *e, ei, ð, ou, uo*), поскольку из-за отсутствия чередований в настоящем времени они были недостаточно маркированы как сильные и были более склонны к морфологическим изменениям.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, германские языки, древневерхненемецкий язык, средневерхненемецкий язык, морфология, словоизменительный класс, морфологические изменения, сильные глаголы, слабые глаголы.

This paper describes the transition of some strong verbs into the weak conjugation in the course of the history of German. A theoretical model of inflectional class change is put forward and applied to the earliest inflectional class changes which took place at the turn of the Old High German into Middle High German. It is argued that the first verbs to be transferred into the weak conjugation were class VII strong verbs with certain specific root vowels (*e, ei, ð, ou, uo*). Since these verbs lacked alternations in the present tense, they were not sufficiently marked as strong and were more easily affected by inflectional class change.

Key words: historical linguistics, Germanic languages, Old High German, Middle High German, morphology, inflectional class, morphological change, strong verbs, weak verbs.

На протяжении всей письменной истории немецкого языка сильные глаголы постепенно уступают место слабым. Таким образом, словоизменительный тип слабых глаголов, который в прагерманском языке считался инновационным, постепенно стал продуктивным. Это проявляется как в том, что все новые глаголы, возникающие в языке путем суффиксации или заимствования, относятся к числу слабых, так и в том, что многие сильные глаголы в ходе истории немецкого языка меняют словоизменительный тип с сильного на слабый. Так, например,

др.-в.-нем. *bellan* ‘ляять’, *waltan* ‘владеть’ относятся к сильному типу (прош. вр. *bal* ‘он лаял’, *bullun* ‘они лаяли’; *wialt* ‘он владел’, *wialtun* ‘они владели’), а в современном немецком языке соответствующие глаголы принадлежат к слабому спряжению (*bellen* ‘ляять’ ~ *bellte* ‘он лаял’, *bellten* ‘они лаяли’; *walten* ‘владеть’ ~ *waltete* ‘он владел’, *walteten* ‘они владели’). Исключения из этого правила встречаются, но очень редко — буквально несколько случаев на протяжении более чем тысячелетней письменной истории немецкого языка.

Важно, что смена словоизменительного типа у отдельной лексемы — это не одномоментное событие, а сложный и постепенный процесс. Если проанализировать механизмы этого процесса, станет понятнее, какие факторы могут способствовать переходу тех или иных лексем из одного словоизменительного типа в другой или, напротив, сохранению словоизменительного типа. В данной статье предлагается теоретическая модель, описывающая условия для изменения словоизменительных типов, и в рамках этой модели анализируются древнейшие переходы глаголов из сильного спряжения в слабое, происходившие при переходе от древневерхненемецкого к средневерхненемецкому состоянию.

Немецкий язык не испытывал сильных внешних влияний, которые оказали бы влияние на морфологическую систему (в отличие, например, от английского языка). Из этого можно сделать вывод, что процесс смены словоизменительных типов немецких глаголов происходил в процессе усвоения языка как родного — при передаче языка от родителей детям¹. Разумеется, человек вполне может вносить некоторые модификации в свой диалект под влиянием речи окружающих людей и во взрослом состоянии, но основные характеристики языка все же закладываются именно в детском возрасте.

Язык не передается из поколения в поколение как целостная и нерушимая система. Возможность языковых изменений при том, что язык сохраняет свою коммуникативную функцию, обусловлена тем, что любой естественный язык избыточен: даже если ребенок не совсем точно воспроизводит язык родителей, подобные помехи не препятствуют эффективной коммуникации между носителями языка [Бурлак, Старостин, 2005: 25]. Другими словами, избыточность позволяет возникнуть вариативности в языке, а вариативность, в свою очередь, является предпосылкой для языковых изменений, поскольку один и тот же элемент может по-разному интерпретироваться говорящими. Этот механизм изменений охватывает все уровни языка: и фонетику [Бурлак, Старостин, 2005: 28–29], и синтаксис [Campbell, 2004: 284], и морфологию.

¹ В языках с развитой литературной нормой ситуация осложняется из-за деятельности кодификаторов, но для древне- и средневерхненемецкого языков, о которых будет идти речь в данной статье, это нерелевантно.

Большинство морфологических изменений описывается как результат аналогии (ср. [Носк, 1991: 167–189]), но по сути эта аналогия обычно являет собой результат переинтерпретации исходного материала при освоении родного языка, о которой шла речь выше. Ни один человек не может хранить в памяти все формы всех слов, особенно в языке с достаточно богатой морфологией, каким является немецкий, и даже услышать все формы всех слов невозможно: при освоении языка люди слышат лишь небольшую часть словоформ и вынуждены достраивать остальные, выбирая для этого уже сформировавшиеся словоизменительные модели. В какой мере человек запоминает формы, а в какой мере порождает формы по правилам и моделям — вопрос дискуссионный, однако сам факт наличия двух этих механизмов не вызывает сомнений у исследователей [Clark, 2009: 178].

Основываясь на этом, можно описать механизм смены словоизменительного типа при передаче языка из поколения в поколение:

- человек, осваивающий язык, слышит и запоминает некоторое количество форм данного слова, которые позволяют отнести его более чем к одному словоизменительному типу, но выбирает при достройке форм не тот словоизменительный тип, который выбирался в языке до него.

В свою очередь, сохранение словоизменительного типа при передаче языка из поколения в поколение может происходить разными путями:

- человек, осваивающий язык, слышит и запоминает все формы данного слова, тем самым полностью сохраняя словоизменительный тип;
- человек, осваивающий язык, запоминает некоторое количество форм данного слова, которые позволяют отнести это слово только к одному словоизменительному типу — к тому, который выбирался в языке до него;
- человек, осваивающий язык, запоминает некоторое количество форм данного слова, которые позволяют отнести его более чем к одному словоизменительному типу, и выбирает при достройке форм тот же словоизменительный тип, который выбирался в языке до него.

Разумеется, все описанное выше — лишь упрощенное описание процесса, проходящего в сознании всего множества говорящих на языке. Отметим также, что более традиционные концепции сравнительно-исторического языкознания, не акцентирующие внимание на передаче языка из поколения в поколение, также способны объяснить механизм смены словоизменительных типов: например, в рамках структурализма речь шла бы о давлении системы. Однако предложенная выше модель полезна потому, что она показывает, как процесс изменения в языке, отражающийся в письменных памятниках, берет начало в речевой деятельности.

Как бы то ни было, сказанного еще недостаточно для работы с фактическим материалом, поскольку, как отмечалось выше, вопрос о соотношении запоминания форм и достройки по правилам еще далек от решения. Это означает, что необходимо искать наблюдаемые лингвистические факторы, способствующие изменениям или замедляющие их, а не абстрактно рассуждать о том, что человек слышит и запоминает. Кроме того, следует понять, почему при наличии конкуренции словоизменительных типов один из них оказывается победителем (другими словами, какой из них является продуктивным) и на каком этапе развития языка появляются возможность отнесения форм некоторого слова к разным типам. Необходимо также выяснить, почему одни слова более подвержены смене морфологического типа, чем другие.

В применении к конкретной проблеме перехода сильных глаголов в слабые в истории немецкого языка это означает, что необходимо дать ответ на три вопроса:

- 1) какой словоизменительный тип — сильные или слабые глаголы — является продуктивным в истории немецкого языка?
- 2) когда появилась возможность принять услышанные формы сильных глаголов за формы слабых глаголов?
- 3) какие формализуемые факторы могут привести к тому, что для одних слов вероятность смены словоизменительного типа оказывается выше, чем для других?

Вопрос о продуктивности глагольных типов в германистике решается однозначно. Для прагерманского периода можно говорить о том, что аблаут — продуктивное морфологическое средство и, соответственно, сильные глаголы являются продуктивным словоизменительным типом [van Coetsem, 1990: 13; Mailhammer, 2007: 50], однако в исторически засвидетельствованных германских языках, в том числе в немецком, продуктивным классом являются слабые глаголы [Nübling et al., 2010: 45]. Слабые глаголы оказались функционально более эффективны при образовании новых слов, чем сильные глаголы, поскольку они по большей части более регулярны. Среди слабых глаголов выделяется небольшое количество крупных классов, в отличие от сильных глаголов, где простая система классов уже к древнейшему периоду истории всех германских языков, за исключением готского, оказалась сильно затемнена фонетическими изменениями. При этом многие слабые глаголы образуют формы абсолютно регулярно: в них используется простое прибавление морфем без такого сложного морфологического средства, как чередование. Разумеется, в разных языках продуктивными могут оказываться разные классы слабых глаголов: например, в истории немецкого языка продуктивными стали 2-й и 3-й классы, а в истории английского языка и скандинавских языков — 2-й класс². Правда, следует отметить, что регулярностью

² Продуктивными в конечном итоге стали те классы, в которых морфонология отличалась наибольшей простотой: в этих классах не было чередований в основе,

отличаются не только слабые глаголы, но и некоторые классы сильных глаголов: например, I класс и разновидность III класса, в которой после чередующегося гласного следует носовой. Их ограниченная продуктивность проявляется в том, что в ходе истории западногерманских языков в состав этих классов вошли некоторые глаголы, изначально бывшие слабыми: например, ср.-в.-нем. *prīsen* ‘хвалить’ ~ прош. вр. *prīste* ‘он хвалил’ (совр. нем. *preisen* ~ *pries*), ср.-англ. *ringen* ‘звонить’ ~ прош. вр. *ringede* ‘он звонил’ (совр. англ. *ring* ~ *rang*)³.

Массовое смешение сильных и слабых глаголов в немецком языке стало возможным начиная с конца древневерхненемецкого периода, когда в немецком языке все безударные гласные редуцировались до [ə] (на письме — *e*). Разумеется, этот процесс в разных диалектах протекал с разной скоростью, а в некоторых маргинальных диалектах не завершился и до сих пор [Braune, Reiffenstein, 2004: 60–64], но традиционно именно ослабление безударных гласных считается одним из признаков, отграничивающих древневерхненемецкий от средневерхненемецкого [Solms, 2004: 1681]. До качественной редукции безударных гласных сильные глаголы отчетливо противопоставлялись слабым глаголам 2-го и 3-го класса, суффиксы которых характеризовались гласными *ō* и *ē* соответственно. Однако важно, что противопоставление сильных глаголов слабым глаголам 1-го класса было менее отчетливым, поскольку в большинстве форм презенса слабые глаголы 1-го класса формально не отличались от сильных глаголов, ср. парадигмы слабого глагола *suochen* ‘искать’ и сильного глагола *gītan* ‘ехать верхом’:

Таблица 1

Сравнение парадигм настоящего времени слабых и сильных глаголов в древневерхненемецком языке

	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>suochu = rītu</i>	<i>suochemēs, suochamēs, suochēn ≈ rītumēs, rītamēs, rītemēs, rītēn</i> ³
2	<i>suochīs = rītīs</i>	<i>suochet = rītet</i>
3	<i>suochīt = rītīt</i>	<i>suochent ≠ rītant</i>

а наличие соединительного гласного препятствовало фузии на стыке корня и суффикса. В частности, в английском языке закрепление 2-го класса слабых глаголов как единственной продуктивной модели полностью согласуется с общим движением грамматического строя в сторону агглютинации.

³ Подчеркнем, что эти примеры представляют собой единичные случаи, которые могут быть объяснены воздействием тех или иных дополнительных факторов. Так, среднеанглийский глагол *ringen* стал сильным из-за формальной и семантической близости с глаголом *singen* ‘петь’, который изначально изменялся по сильному спряжению.

⁴ Формы 1 л. мн. ч. настоящего времени в древневерхненемецком языке отличались сильной вариативностью. Старейшими считаются формы на *-umēs*, которые постепенно подвергались редукции, достигшей своего окончательного результата в средневерхненемецкой форме *-en* [Braune, Reiffenstein, 2004: 261–263].

Таким образом, некоторые предпосылки для смешения сильных и слабых глаголов имелись с самого начала древневерхненемецкого периода, а к его концу из-за редукции безударных гласных эти предпосылки усилились. Однако еще одно важное условие для того, чтобы какой-то глагол мог перейти из сильного типа в слабый, состоит в том, что человек, осваивающий язык, не должен был услышать и запомнить формы прошедшего времени этого глагола, поскольку они однозначно указывают на сильное спряжение. Особенно интересным представляется третий из перечисленных вопросов: почему некоторые глаголы более склонны менять словоизменительный тип, чем другие. Релевантные в этом случае факторы выводятся из модели, представленной выше. Вероятность смены словоизменительного типа будет более высокой в следующих случаях:

- осваивая язык, носитель слышит слишком мало форм глагола, чтобы однозначно отнести его к непродуктивному типу;
- осваивая язык, носитель слышит достаточно много форм, но сама парадигма глагола формально устроена так, что у носителя не оказывается оснований отнести глагол к непродуктивному типу.

В первом случае смена словоизменительного типа происходит у низкочастотных глаголов, во втором случае — у глаголов с особыми свойствами парадигмы. Таким образом, можно выделить два фактора, которые влияют на сохранение сильного спряжения или, напротив, на переход глагола в слабый тип: **частотность и структура парадигмы**.

Значение частотности для морфологической системы германских глаголов в последние годы изучается весьма активно. В 2007 г. в журнале «Nature» вышла статья, в которой при помощи статистических методов было доказано, что более частотные глаголы меньше склонны к регуляризации, чем менее частотные [Lieberman et al., 2007]. Исследование было выполнено на материале истории английского языка, но авторы явно претендуют на универсальность сделанных ими выводов, что отражается даже в названии их работы: “Quantifying the evolutionary dynamics of language”, а не, например, “of English verbs”. Аналогичное исследование, имеющее более традиционный лингвистический характер, было выполнено и для немецкого языка [Carroll et al., 2012]. Эти работы статистически подтверждают интуитивно очевидное утверждение, что более частотные слова хорошо сохраняют непродуктивный словоизменительный тип, а менее частотные слова склонны переходить в продуктивные типы.

Сложнее решить вопрос о структуре парадигмы и ее влиянии на сохранение/смену словоизменительного типа. В [Carroll et al., 2012: 164] приводится таблица, показывающая, что распространенность

перехода в слабый тип разнится по классам глаголов: наиболее склонны к смене спряжения сильные глаголы VII класса. Однако это лишь констатация факта, который нуждается в объяснении.

Такое объяснение может быть предложено в рамках модели смены словоизменительных типов, описанной выше. Материалом для нашего анализа послужат древнейшие изменения словоизменительных типов, которые происходили при переходе от древневерхненемецкого языка к средневерхненемецкому.

Подсчет, выполненный по словарю [Seebold, 1970], показывает, что в древневерхненемецком языке имеется 270 сильных глаголов (если учитывать только непроезводные глаголы и не принимать во внимание образования с превербами). Разумеется, это число не является абсолютно точным, поскольку для редких глаголов многое зависит от интерпретации отдельных примеров.

Из этих 270 сильных глаголов по слабому спряжению в средневерхненемецком (исключительно или с сохранением редких реликтовых сильных форм) изменяются 14 глаголов, перечисленных ниже с разделением по классам (глаголы даются в нормализованной древневерхненемецкой форме):

I: *glīzan* ‘блестеть’;

II: *brūhhan* ‘использовать’;

III: *limpfan* ‘подходить, соответствовать’, *sinnan* ‘идти’;

IV (также V): *lehhan* ‘капать’;

V: *klenan* ‘мазать’;

VI: *laffan* ‘хлебать’;

VII: *bluozan* ‘приносить в жертву’, *bōzan* ‘бить’, *eihhan* ‘требовать’, *erren* ‘пахать’⁵, *fluohhan* ‘бить’, *ouhhan* ‘увеличивать’, *zeisan* ‘дёргать’.

Переход в слабое спряжение — это вероятностный процесс, напоминающий процесс радиоактивного распада, так что нет необходимости говорить про каждый отдельный глагол, почему он перешел или не перешел в слабое спряжение. Однако имеет смысл искать объяснение в том случае, если статистически резко выделяется из общей массы целая группа глаголов, а именно сильные глаголы VII класса.

Если сопоставить количество глаголов, сменивших словоизменительный тип, с общим количеством глаголов в каждом из классов, получаем данные, представленные в табл. 2.

⁵ В других древнегерманских языках этот глагол является слабым: ср. др.-англ. *erian*, др.-исл. *erja* (в готском языке фиксируется только форма причастия I *arjandan*, которая не позволяет определить, имеем ли мы дело с сильным *j*-презентным глаголом или со слабым глаголом 1-го класса). Однако в древневерхненемецком языке он образует сильный претерит *iarun* с вокализмом, характерным для VII класса [Seebold, 1970: 82], хотя некоторые исследователи считают такое образование немецкой инновацией [van Coetsem, 1980: 336].

Таблица 2

**Переход др.-в.-нем. сильных глаголов в ср.-в.-нем. слабое спряжение:
распределение по классам**

Класс	Переход в слабое спряжение в ср.-в.-нем.	Число глаголов в др.-в.-нем.	% перехода в слабое спряжение
I	1	49	2,0
II	1	40	2,5
III	2	64	3,1
IV	1	29	3,4
V	1	27	3,7
VI	1	23	4,3
VII	7	38	18,4

Эта таблица подтверждает, что глаголы VII класса были особенно склонны к переходу в слабое спряжение (что отмечается уже в статье [Carroll et al., 2012]), но все равно не дает объяснения этому факту. Ситуация становится более понятной, если привести распределение глаголов внутри VII класса в зависимости от корневого гласного:

Таблица 3

**Переход др.-в.-нем. сильных глаголов VII класса в ср.-в.-нем. слабое
спряжение: распределение по корневым гласным**

Класс	Переход в слабое спряжение в ср.-в.-нем.	Число глаголов в др.-в.-нем.	% перехода в слабое спряжение
VII (<i>a</i>)	0	11	0
VII (<i>ā</i>)	0	10	0
VII (<i>e</i>)	1	1	100,0
VII (<i>ei</i>)	2	6	33,3
VII (<i>ō</i>)	1	3	33,3
VII (<i>ou</i>)	1	3	33,3
VII (<i>uo</i>)	2	4	50,0

Из табл. 3 видно, что особую склонность к переходу в слабое спряжение имеют редкие подтипы VII класса — глаголы с корневыми гласными, отличными от *a* и *ā*.

Устойчивость сильных глаголов с корневым *a* объясняется просто: эти глаголы имеют чередование по умлауту в форме 2–3 л. ед. ч. настоящего времени (др.-в.-нем. *haltan* ‘держат’ ~ *heltis* ‘ты держишь’, *heltit* ‘он держит’). Соответственно, если люди, осваивающие язык, запоминают формы с двумя разными корневыми гласными,

они неизбежно вынуждены отнести глагол к числу сильных глаголов и не могут достраивать его формы по слабому типу. В случае корневых гласных *e*, *ei*, *ō*, *ou*, *uo* умлаут в древневерхненемецком отсутствовал (др.-в.-нем. *loufan* ‘бежать’ ~ *loufis* ‘ты бежишь’, *loufit* ‘он бежит’; *bōzan* ‘бить’ ~ *bōzis* ‘ты бьешь’, *bōzit* ‘он бьет’). Соответственно, если при освоении языка глагол ‘бить’ встречался людям только в формах настоящего времени, они не могли сделать вывод о том, что этот глагол является сильным, поскольку данные формы не отмечены чередованием, а окончания совпадают с окончаниями слабых глаголов или очень похожи на них (см. табл. 1). Поэтому при определении словоизменительного типа у таких глаголов конкурировали непродуктивный сильный тип и продуктивный слабый тип, и неудивительно, что победителем в итоге часто оказывался второй. При этом сильные глаголы с *e*, *ei*, *ō*, *ou*, *uo* не пользовались поддержкой системы, так как их было мало. Например, если носитель языка слышал только в формах настоящего времени глагол с корневым *ī*, у него было достаточно оснований отнести его к сильному спряжению, ориентируясь на корневой гласный, поскольку глаголы с корневым *ī* обильно представлены в системе сильных глаголов: долгое *ī* характеризует все глаголы I класса, которых насчитывается около полусотни. Однако в случае с *e*, *ei*, *ō*, *ou*, *uo* таких моделей для аналогической аттракции не было, поскольку в каждый из этих подклассов входило очень ограниченное число глаголов.

Остается вопрос о том, почему оказалось устойчивым сильное спряжение у глаголов VII класса на *ā*. Дело в том, что, по-видимому, эти глаголы получили чередование по умлауту раньше, чем глаголы редких подтипов VII класса: умлаут долгого *ā* свидетельствуется уже во франкских памятниках рубежа X–XI в. [Braune, Reiffenstein, 2004: 37], тогда как гласные *ō*, *ou*, *uo* подвергались умлауту только в средневерхненемецком. Возможно, сравнительно ранний умлаут *ā* вызван влиянием краткого *a*, которое претерпело умлаут еще в дописьменный период. Кроме того, даже если умлаута в глаголах с *ā* и не было, это довольно обширный класс, включающий 10 глаголов, и если запомнить как сильные несколько наиболее частотных глаголов с *ā* (например, *lāzan* ‘позволять’, *fāhan* ‘ловить’, *rātan* ‘советовать’), то по аналогии можно выбрать сильное спряжение для других глаголов с тем же корневым гласным, принадлежность которых к словоизменительному типу неочевидна.

Таким образом, смена сильного спряжения на слабое в истории немецкого языка — это сложный процесс, который затрагивает низкочастотные глаголы, глаголы, относящиеся к малым классам, не дающие достаточных оснований для аналогической аттракции,

и глаголы с особой структурой парадигмы (недостаточно маркированные как сильные из-за отсутствия чередования в ед. ч. наст. вр.). Особенно склонны к переходу в слабое спряжение сильные глаголы VII класса с редким корневым вокализмом (с *e*, *ei*, *ō*, *ou*, *uo*). Эти выводы согласуются и с теоретической моделью, объясняющей изменение словоизменительных типов как результат помех при передаче языка из поколения в поколение, и с реальными событиями, происходившими на рубеже древневерхненемецкого и средневерхненемецкого периодов и отражающимися в письменных памятниках.

Список литературы

- Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.
- Braune W., Reiffenstein I. Althochdeutsche Grammatik. 15. Aufl. Tübingen, 2004.
- Campbell L. Historical linguistics: an introduction. Edinburgh, 2004.
- Carrroll R., Svare R., Salmons J. Quantifying the evolutionary dynamics of German verbs // Journal of Historical Linguistics. 2012. № 2. 153–172.
- Clark E.V. First language acquisition. Cambridge, 2009.
- Coetsem F. van. Germanic verbal ablaut and its development // Contributions to historical linguistics: issues and materials / Ed. by F. van Coetsem and L.R. Waugh. Leiden, 1980.
- Coetsem F. van. Ablaut and reduplication in the Germanic verb. Heidelberg, 1990.
- Hock H.H. Principles of historical linguistics. Berlin; N. Y., 1991.
- Lieberman E., Michel J.-B., Jackson J., Tang T., Nowak M.A. Quantifying the evolutionary dynamics of language // Nature. 2007. № 449. 713–716.
- Mailhammer R. The Germanic strong verbs. Berlin; N. Y., 2007.
- Nübling D., Dammel A., Duke J., Szczepaniak R. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. 3. Aufl. Tübingen, 2010.
- Seebold E. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague; Paris, 1970.
- Solms H.-J. Vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen // Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung. Hg. v. G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas. 2. Halbband. Berlin; N. Y., 2004. S. 1680–1698.

Сведения об авторе: *Пиперски Александр Чедович*, аспирант кафедры германской и кельтской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: apiperski@gmail.com

М.В. Фокина

ОСНОВНЫЕ ПОЗИЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ НЕМЕЦКОГО КОНСОНАНТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ НЕМЦЕВ РУССКОЙ ФОНЕТИКЕ

В статье представлены результаты анализа основных позиционных закономерностей немецкого консонантизма в сопоставлении с позиционными закономерностями русского. Проведенный анализ позволил выявить существующие сходства и расхождения в закономерностях функционирования звуковых единиц в двух системах, «контактирующих» в процессе освоения немцами русской фонетики. Результаты проведенных исследований необходимо учитывать в практике обучения немцев русскому произношению.

Ключевые слова: фонетическая интерференция, немецкий акцент, русское произношение, позиционный, функционирование.

The article presents the results of comparative analysis of basic positional rules of consonant systems in Russian and German. This analysis enabled researchers to reveal actual similarities and differences in the positional rules of the two systems, which “come into contact” in the process of learning the Russian pronunciation by Germans. Results of the research conducted should be taken into account in the practice of teaching Russian pronunciation to native Germans.

Key words: phonetic interference, German accent, Russian pronunciation, positional, functioning.

Большинство национально ориентированных курсов русской фонетики строится на основе сопоставления звукового строя русского языка со звуковым строем родного языка учащихся. Это обусловлено необходимостью сознательного усвоения особенностей иноязычного произношения. В ходе этого сопоставления выявляются сходства и расхождения между «контактирующими» системами, что позволяет определить специфику работы над произношением в конкретной аудитории.

К числу факторов, определяющих значительную часть особенностей иностранного акцента, относятся расхождения в позиционных закономерностях звукового строя родного и изучаемого языков. Так, например, для английского акцента в русской речи характерно произнесение звонких шумных вместо глухих шумных в абсолютном конце слова: *лоб *ло[b]* вместо *ло[п]*, *завод *заво[d]* вместо *заво[t]*.

Это объясняется тем, что в данной позиции в английском языке в отличие от русского нет мена звонких согласных на глухие. Совпадение позиционных закономерностей двух «контактирующих» систем, напротив, обуславливает возможности положительного переноса особенностей звукового строя родного языка на изучаемый, что упрощает задачу постановки произношения в иноязычной аудитории. Например, в польском языке, как и в русском, имеет место позиционная мена звонких согласных на глухие в абсолютном конце слова. Соответственно для учащихся-поляков данная закономерность в русском языке не представляет трудности.

Из сказанного ясна необходимость уделять особое внимание сопоставительному анализу позиционных закономерностей родного и изучаемого языков, иными словами, закономерностям функционирования звуковых единиц. Под функционированием фонем в настоящей статье понимается реализация фонем в звуках и закономерности их употребления в определенных позиционных условиях [Горшкова и др., 1985: 55–57; Бархударова, 2011: 43].

Позиционные закономерности русского и немецкого консонантизма могут как совпадать, так и различаться, причем последнее имеет место гораздо чаще. Расхождения в позиционных закономерностях звукового строя русского и немецкого языков являются серьезным фактором фонетической интерференции, определяющим акцентные черты в русской речи немцев. В случае несовпадения позиционных закономерностей в двух контактирующих системах имеет место отрицательный перенос, который обусловлен тем, что закономерности функционирования фонем в изучаемом языке с трудом воспринимаются учащимися, а позиционные закономерности родного языка при наличии соответствующих условий переносятся на изучаемый [Бархударова, 2012: 66]. Чрезвычайно важным в ходе обучения произношению является преодоление «позиционных навыков родного языка» [Реформатский, 1959].

Говоря об особенностях немецкого консонантизма, стоит прежде всего отметить, что звуковое варьирование согласных в немецком языке не столь разнообразно, как в русском. Как известно, в русском языке варьирование согласных может происходить по всем четырем дифференциальным признакам (далее — ДП), определяющим систему русского консонантизма: месту и способу образования, глухости / звонкости, твердости / мягкости. Система немецкого консонантизма характеризуется тремя ДП. Немецкие согласные противопоставлены по месту образования, способу образования и напряженности / ненапряженности. Последний признак коррелирует с признаком глухости / звонкости, характеризующим систему русского консонантизма,

однако в немецком языке значимыми являются такие параметры, как наличие / отсутствие придыхания, интенсивность / неинтенсивность артикуляции и некоторые другие. Параметр наличия / отсутствия вибрации голосовых связок, основной в противопоставлении русских глухих и звонких согласных, играет сопутствующую роль в противопоставлении немецких напряженных и ненапряженных согласных; вибрация голосовых связок далеко не всегда сопровождает артикуляцию немецких ненапряженных согласных на всем ее протяжении [Раевский, 1997].

Как в русском, так и в немецком языке имеет место варьирование по месту и способу образования, что естественно: данное варьирование, как указывала К.В. Горшкова, характеризует систему любого языка [Горшкова, 1980: 81], т.е. является универсальным. В то же время, как показывает анализ различных языковых систем, в каждом языке оно организовано по-разному, что отражает типологический характер того или иного языка. В русском языке ассимиляции по месту и способу образования характеризуют в основном шумные согласные и представлены достаточно широко и последовательно. В немецком языке они ограничены сонорными и, строго говоря, не являются регулярными, так как характеризуют быстрый темп речи и «сниженный» стиль произношения. Например, сочетания немецких фонем <nb>/<np>, представленные только на стыке приставки и корня, подвергаются ассимиляции в быстром темпе произношения: такие слова, как *anbeißen* 'клевать', *Anpassung* 'подгонка' могут произноситься как *a[m̩]eisen*, *a[m̩]assung*. Несмотря на несистемный характер этих ассимиляций в родном языке учащихся, они находят свое отражение в акценте: в русской речи немцев слово *замдиректора* звучит как **za[nd]иректора, он бы* — как **o[m̩]ы*.

Характерная для русского языка позиционная мена согласных по месту и способу образования в сочетаниях свистящих с шипящими представляет большую трудность для учащихся. Соответственно, на месте долгих твердых [ш:] и [ж:] в словах *несший, визжать* и других подобных в акценте произносятся либо сочетания свистящих [ss], свистящих и шипящих [sʃ], [zʒ], либо шипящие заальвеолярные [ʃ] и [ʒ]: **не[ss]ий, *не[sʃ]ий, *ви[sʃ]ать, *ви[zʒ]ать, *ви[ʒ]ать, *ви[ʃ]ать*.

Расхождения в закономерностях функционирования глухих и звонких согласных в русском языке и их напряженных / ненапряженных аналогов в немецком являются одной из наиболее серьезных причин акцентных отклонений в русской речи немцев. Во-первых, в немецком языке имеет место обязательная мена звонких согласных на глухие на морфемных границах, которая не характерна для русского языка [Милюкова, Норк, 2004]. Мена ненапряженного звонкого на на-

пряженный глухой в этой позиции происходит независимо от качества последующего звука. Эта закономерность переносится на изучаемый язык: поэтому, например, в словах *вса*[д'н']ик, *о*[бм]акнуть немцы в позиции конца морфемы произносят глухой согласный на месте звонкого, даже несмотря на последующий сонорный: **вса*[тн]ик, **о*[рм]акнуть¹.

Во-вторых, серьезное различие двух фонетических систем заключается в том, что в немецком языке вообще отсутствует мена напряженных глухих на ненапряженные звонкие, которая имеет место в русском языке, например, в словах *сбор*, *сдать* — [зб]ор, [зд]ать. Мена звонких ненапряженных на полувзвонкие и глухие ненапряженные или глухие напряженные в немецком языке может происходить не только в препозиции к глухому напряженному (например, *gibt* 'берет' gi[pt]), но и в постпозиции (например, *aufbessern* 'повышать' au[fb]essern²), т.е. влияние напряженного глухого на соседний ненапряженный звонкий может носить как прогрессивный, так и регрессивный характер. Прогрессивная ассимиляция согласных по напряженности, имеющая место в системе немецкого консонантизма, не имеет аналогов в русском языке.

Таким образом, в сочетаниях «глухой + звонкий согласный» в акценте происходит прогрессивная ассимиляция по напряженности и сопутствующей данному признаку глухости. Поэтому данные сочетания в русской речи немцев часто реализуются как сочетания двух глухих согласных: *[st]оба вместо [зд]оба (*сдоба*). Это акцентное отклонение обуславливает возможность появления в интерферированной русской речи немцев несуществующих в русском языке омофонов: слова *спор* и *сбор*, *стать* и *сдать* звучат одинаково — *[sp]op, *[st]ать.

Более того, сочетание двух глухих можно наблюдать в немецком акценте и на месте двух звонких согласных. Это отклонение имеет место на морфемных стыках, где первый звонкий согласный оглушается в позиции конца морфемы, а последующий звонкий согласный сочетания учащиеся заменяют на ненапряженный глухой вследствие прогрессивной ассимиляции по глухости: слова типа *ра*[зз]адорить, *дря*[зг']и звучат как **ра*[ss]адорить, **дря*[sk]и.

Наоборот, совпадения позиционных закономерностей родного и изучаемого языков дают возможность прогнозировать положительный перенос особенностей немецкой фонетической системы на рус-

¹ К.В. Горшкова объясняла подобные случаи «влиянием слоговой структуры родного языка на русское слово» [Горшкова, 1980: 83].

² Значком « $\underset{\sim}$ », расположенным под символом звука, в транскрипции обозначена полувзвонкость соответствующего согласного: например, [b̃].

скую. Регрессивная мена согласных по напряженности, характерная для родного языка учащихся (например, нем. *sagst* 'говорит' *sa*[kst]), помогает немцам усвоить мену звонких на глухие перед последующим глухим в русском языке. В итоге сочетания «звонкий + глухой согласный» в русской речи немца реализуются, как «глухой + глухой согласный», и, значит, такие слова, как [фп]авший, ю[пк]а, обычно произносятся правильно.

В позиции абсолютного конца слова в системе немецкого консонантизма происходит мена ненапряженных звонких на напряженные глухие согласные: *Nerv* 'нерв' *Ner*[f]. Данная позиционная закономерность немецкого консонантизма совпадает с соответствующей закономерностью в русском языке: в позиции абсолютного конца слова здесь также происходит мена звонких согласных на глухие. Соответственно, слова типа *сно*[ф] не вызывают затруднений у учащихся. Правда, у смычных [р], [т], [к] в немецком языке в данной позиции появляется придыхание: *Lo*[p^h] 'похвала', *la*[k^h] 'лежал'. Поэтому положительный перенос позиционных закономерностей родного языка на изучаемый возможен здесь в полной мере, только если в позиции абсолютного конца слова находится щелевой согласный. Русские смычные согласные [п], [т], [к] в позиции конца слова произносятся немцами с аспирацией: например, **zo*[t^h] вместо *zo*[т].

Как в русском, так и в немецком языках позиционная мена возможна не только внутри фонетического слова, но и на стыках слов³. Однако, как было показано выше, закономерности функционирования глухих и звонких согласных в русском языке и их напряженных / ненапряженных аналогов в немецком могут не совпадать, что может служить причиной акцентных отклонений. Так, на месте двух звонких согласных в акценте произносится два глухих напряженных согласных, например, в таких словосочетаниях, как *кот бежит* — **ко*[t p]ежит вместо *ко*[д б]ежит, *глаз задет* — **гла*[s s]адет вместо *гла*[з з]адет. Немцы в этом случае следуют закономерностям функционирования звуковых единиц в родном языке: в позиции конца слова происходит мена ненапряженного звонкого на напряженный глухой и прогрессивное воздействие на последующий ненапряженный звонкий, что переносится на изучаемый язык.

Напротив, при реализации сочетаний «звонкий + глухой согласный» и «глухой + глухой согласный» на стыках слов в русской речи немцев прогнозируется положительный перенос, что объясняется

³ В немецком языке позиционные мены на стыках слов более типичны для быстрого темпа речи [Раевский, 1997]. Однако в немецком акценте ошибки при произношении русских согласных на стыках слов частотны и проявляются независимо от темпа речи.

совпадением закономерностей функционирования звуковых единиц родного и изучаемого языков на этом участке. Так, реализация последнего согласного в словах *глаз* и *нос* в таких сочетаниях, как *глаз плохой* (*гла[с] плохой*), *нос картошкой* (*но[с] картошкой*) не создает трудностей для немецких учащихся.

Отдельно следует рассмотреть особенности функционирования немецких сонорных согласных и их отражение в немецком акценте. В отличие от русских сонорных согласных немецкие сонорные могут оглушаться в позиции после напряженных глухих смычных и щелевых шумных согласных перед гласными. Это провоцирует ошибочное произнесение в акценте оглушенных сонорных в таких русских словах, как, например, **с[ɣ]азу*, **завт[ɣ]ак*, **к[ʎ]асть*.

Позиционные закономерности звукового строя языка могут определяться как наличием позиционной мены звуковых единиц, так и ограничением на их употребление в конкретных позициях [Бархударова, 2011: 40]. В первом случае значимой оказывается фонетическая парадигматика, во втором — фонетическая синтагматика, область которой составляют законы сочетания звуковых единиц [Панов, 1977]. Позиционные закономерности немецкого консонантизма, в отличие от русского, во многом определяются ограниченной дистрибуцией согласных фонем. Позиционные ограничения на употребление фонем в родном языке учащихся ярко проявляются в их интерферированной русской речи.

Так, немецкая ненапряженная (звонкая) шипящая переднеязычная фонема <ʒ> не встречается в сочетаниях с согласными и в середине слова в интервокальной позиции. Ее основная реализация близка к русскому шипящему [ж], соответственно для немцев трудными оказываются русские слова, где шипящий [ж] встречается в указанных позициях. Это находит отражение в акценте — в таких словах, как, например, *жница*, *возможный*, *мажор*, звук [ж] заменяется на шипящий [ʃ]: **[ʃ]ница*, **возмо[ʃ]ный*, **ма[ʃ]ор*.

Особый характер носит функционирование немецкой напряженной глухой фонемы <s> и ее ненапряженного коррелята <z>, что определяет существенные черты немецкого акцента в русской речи. Немецкая фонема <s> невозможна в абсолютном начале слова перед гласными. В результате в немецком акценте в указанной позиции на месте переднеязычных глухих фрикативных [с] и [с'] произносится переднеязычный звонкий фрикативный [z]: **[z]ахар*, **[z]ерый*. Соответственно слова *собор* и *забор* в немецком акценте могут звучать одинаково: со звонким согласным в начале слова. Немецкая фонема <z>, напротив, не встречается в абсолютном начале слова перед согласными, в том числе перед сонорными и [v]. В связи с этим немцы

допускают ошибки в таких словах, как *змея*, *злой*, заменяя звонкий переднеязычный фрикативный на глухой: *[sm]ея, *[sl]ой.

В интервокальной позиции в немецком языке встречаются как фонема <s>, так и фонема <z>. Однако на письме фонема <s> в этой позиции обозначается двумя буквами «ss»: *Masse* ‘мацца’. Фонема <z>, в свою очередь, в указанной позиции обозначается одной буквой «s»: *Hose* ‘брюки’. Под влиянием графики в русской речи немцев на месте глухого согласного [с] в интервокальном положении может звучать гласный [z] — *o[z]унуться (*осунуться*), *ко[z]а (*коса*). Такая ошибка устраняется проще, чем отклонения в произношении начального согласного в словах типа *собор*, *совершать*, так как она обусловлена не закономерностями функционирования фонем в родном языке, а лишь графическими особенностями, подобные ошибки в процессе обучения «уходят» быстрее. Немцы делают ошибки и в таких словах, как *восседать*, *рассориться*, где, казалось бы, можно ожидать однозначно правильного произношения, однако в этих случаях учащихся «подстерегает» другая проблема — на стыках с приставкой в русских словах чаще всего произносятся долгие согласные. Немцы же произносят здесь краткие согласные, поскольку сочетанием «ss» в родном языке учащихся обозначается краткий ненапряженный глухой согласный. Данная ошибка менее распространена и устойчива, однако и она фиксируется в немецком акценте.

В акценте находят яркое отражение и некоторые другие синтагматические закономерности немецкого консонантизма. Так, в немецком языке в сочетании с щелевым шумным согласным [v] или сонорным согласным в абсолютном начале слова невозможны следующие звуковые единицы: среднеязычный [ç], увулярный [X] и фарингальный [h]. В русском языке ближе всего к таким сочетаниям как артикуляционно, так и перцептивно оказываются сочетания шумного согласного [x] с щелевым шумным согласным [v] или сонорным согласным, которые встречаются достаточно часто. Последовательности согласных [хн], [хв], [хм], [хл], [хр] в абсолютном начале русского слова вызывают у немецких учащихся большие затруднения. Соответственно, такие слова, как *хна*, *хмурый*, *хватит*, трудны для немцев. Обычно учащиеся или упрощают начальные сочетания согласных, или заменяют звук [x] каким-либо другим шумным согласным: *[v]атит, *[ʃ]мурый. При этом выбор звука, которым заменяется русский заднеязычный, весьма произволен, основная «цель» учащегося — избежать «неудобного» сочетания.

Серьезную трудность для немцев представляют некоторые сочетания сонорных с шумными в русских словах, что объясняется отсутствием таких сочетаний в родном языке учащихся. Так, в начале

немецкого слова невозможны сочетания сонорного [r] с согласными в постпозиции. Соответственно, в словах типа *ржаной, рванул, ртуть* звук [р] в немецком акценте либо вообще не произносится (*[ʃ]анной, *[ʃ]ванул), либо заменяется любым другим согласным (*[d]ванул).

Ни в начале, ни в середине немецкого слова невозможно сочетание губных носовых согласными с латеральными. По этой причине русские слова, содержащие сочетания [мл]/[мл'], немцы произносят с разного рода ошибками. Во-первых, в них возможна слогаобразующая гласная вставка между сонорными: *[mil]ечный (*млечный*). Во-вторых, один из сонорных в сочетании может быть заменен на шумный: *промя[v]ить (*промямлить*). В-третьих, компонент сочетания может быть вообще пропущен: *зе[l]я (*земля*).

Таким образом, анализ позиционных закономерностей родного языка учащихся и их сопоставление с позиционными закономерностями изучаемого языка позволяют выявить существующие сходства и расхождения в двух системах, а значит, прогнозировать как возможности для положительного переноса, так и вероятные акцентные отклонения в русской речи немцев. Проведенное исследование позволяет усовершенствовать методику устранения и профилактики фонетических ошибок при обучении немцев русскому произношению, а также определить последовательность презентации материала на уроках по русской звучащей речи в немецкой аудитории.

Список литературы

- Бархударова Е.Л.* Парадигматика и синтагматика звуковых единиц в контексте обучения русскому произношению // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 4.
- Бархударова Е.Л.* Методологические проблемы анализа иностранного акцента в русской речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 6.
- Горшкова К.В.* Фонетика // *Горшкова К.В., Мустейкис К.В., Тихонов А.Н.* Современный русский язык. Ч. I. Вильнюс, 1985.
- Горшкова К.В.* О фонеме в языке и речи // *Slavia orientalis*. DXXIX. № 1/2. Warszawa, 1980.
- Милюкова Н.А., Норк О.А.* Фонетика немецкого языка. М., 2004.
- Панов М.В.* О двух типах фонетических систем // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
- Раевский М.В.* Фонетика немецкого языка. М., 1997.
- Реформатский А.А.* Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. № 2.

Сведения об авторе: *Фокина Мария Владимировна*, соискатель кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mfokina@list.ru

Е.Е. Баркова

ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРШЕГО ПОЛУУСТАВА XIV–XV вв.

В статье рассматриваются графика и орфография памятников, переписанных старшим русским полууставом XIV–XV вв. В ходе исследования были выявлены графико-орфографические разновидности, книжная и деловая, которые различались не только сферой употребления, но и набором графем, орфографическими нормами. В рамках делового полуустава можно выделить региональные разновидности: московскую и «литовскую». В некоторых скрипториях существовало функциональное распределение устава и полуустава в пределах одной книги. В конце XIV — первой половине XV в. в книжную разновидность старшего полуустава проникают отдельные особенности второго южнославянского влияния.

Ключевые слова: палеография, тип письма, почерк, деловая разновидность старшего полуустава, книжная разновидность старшего полуустава, второе южнославянское влияние.

The article considers graphic features and the orthography of historical documents copied with the XIV–XV century older Russian semi-uncial. In the course of investigation graphical-spelling varieties were singled out, the bookish and the business variety which were differentiated not only by the sphere of their use, but also by the set of graphemes and the spelling norms. Within the business half-running hand regional varieties can be singled out: the Moscow and “the Lithuanian variety”. In some scriptoria there existed functional distribution of block lettering and the semi-uncial within one book. In the late XIV — early XV century certain peculiarities of the second south Slavic influence find their way into the bookish variety of the older semi-uncial.

Key words: paleography, a type of writing, handwriting, the business variety of the older semi-uncial, the bookish variety of the older semi-uncial, the second south Slavic influence.

В XIV в. в восточнославянской письменности произошел переход к ускоренным типам письма: старшему полууставу и появившейся в результате его развития скорописи. Это было связано с увеличением объема делопроизводства, возросшей потребностью в книгах и изменением книжного репертуара в Московской Руси в этот период. Старший (или русский) полуустав — тип книжного и делового письма, сформировавшийся к середине XIV в. (Духовная Симеона Гордого 1353 г.) на основе простых деловых почерков позднего рус-

ского устава в среде книжников, постоянно занимавшихся переписыванием деловых бумаг и книг. По сравнению с уставным письмом полуустав более прост и небрежен. Для него характерно отсутствие геометричности в начертаниях букв, большое количество графических вариантов, частое использование сокращений и выносных букв. Поскольку смена типов письма происходила постепенно, в переходный период, длившийся до конца XIV в., устав и полуустав сосуществовали, различаясь по сферам употребления: устав использовался в основном для написания литургических книг, а полуустав — деловых документов. Постепенно черты полуустава начинают проникать в уставные почерки, и во второй половине XIV в. появляется новый книжный почерк, более крупный и каллиграфичный, чем почерки деловых документов XIV в. Однако новый почерк сохраняет черты, выработанные старшим полууставом для ускорения процесса письма [Щепкин, 1999: 118].

В последней четверти XV в. старший полуустав был окончательно вытеснен младшим (южнославянским) полууставом, появившимся на Руси во время второго южнославянского влияния. Графико-орфографические особенности младшего полуустава, ставшего основным книжным почерком в восточнославянской письменности со второй четверти XV в., хорошо, хотя и недостаточно полно изучены (описание см.: [Соболевский, 1894: 3–5; Гальченко, 2001б: 325–383; Турилов, 1998: 321–337; Щепкин, 1999: 143]). Особенности же старшего полуустава никогда не подвергались систематическому описанию и остаются почти неизученными. Именно этой проблеме посвящена наша статья.

Поскольку старший полуустав генетически связан с поздним уставом, представляется очень сложным четко разграничить их [Гальченко, 2001: 20]. Почерки, переходные от устава к полууставу, имеют нестабильный характер, что проявляется в сочетании рисованных букв, характерных для устава, и упрощенных вследствие ускорения процесса письма форм полуустава. Кроме того, для них характерна высокая вариативность начерков, являющаяся одной из отличительных черт полуустава [Костюхина, 1987: 4]. Возможно, в переходный период основное различие между уставом и полууставом заключалось не только в графике и орфографии, но и в разной функциональной нагруженности типов письма.

Это положение можно проиллюстрировать на примере рукописи Евангелия тетр [Маз-1699], которая датируется концом XIV в. [Каталог ЦГАДА, 1988: 168]. Большая часть текста написана поздним уставом, но 4 отрывка (л. 1 об., 6, 73–74, 117) переписаны русским полууставом. Графико-орфографический анализ показал, что все четыре отрывка переписаны одним писцом. Четыре рассмотренных отрывка, переписанные старшим полууставом, представляют собой

предисловия Феофилакта Болгарского к Евангелиям (нет предисловия только к Евангелию от Иоанна) и «**какѡ чтѣтъся тетра еѡѡ. на часѣхъ стѣтъѡ великыѡ недѣѡли**» (л. 6). Вероятно, писцы данного скриптория не считали полуустав почерком, подходящим для передачи сакрального текста. И хотя есть вероятность, что основной текст и предисловия переписаны разными писцами, функциональное распределение очевидно.

В восточнославянской письменности полуустав существовал в разных функциональных и региональных разновидностях, поэтому важной неизученной проблемой представляется типология почерков старшего полуустава. Первые памятники, переписанные полууставом, относятся к деловой письменности (грамота князей Кестутия и Любарта после 1341 г., грамоты Витовта 1398 и 1399 гг. и князя Дмитрия Ивановича 1398 г., духовная князя Симеона Гордого 1353 г.) [Карский, 1979: 172]. Позже, во второй половине XIV в., стали появляться книги, написанные полууставом. Таким образом, в соответствии со сферой применения можно говорить о двух разновидностях старшего полуустава: книжной и деловой. Разница между ними заключается не только в степени каллиграфичности, но и в наборе графем, вариантах начертания и графико-орфографических нормах.

Деловая разновидность старшего полуустава представлена преимущественно в грамотах. В XIV–XV вв. старший полуустав был основным почерком канцелярий Московского княжества и Великого княжества Литовского. Проведенный анализ графико-орфографических систем этих документов позволил выявить региональные различия внутри деловой разновидности полуустава. Были проанализированы духовная (третья) великого князя Василия Дмитриевича [Духовная 1424], духовная великого князя Симеона Гордого [Духовная 1353], договор князя Дмитрия (Любарта) с королем Казимиром о границах владений и союзе [Договор 1366], поручная грамота князей и бояр королю Ягеллу и его жене за его брата Северского князя Корибута [Поручная грамота 1388], поручная грамота рязанского князя Олега Ивановича королю Ягеллу за своего зятя, брата Ягелла, князя Корибута [Поручная грамота 1393]. В статье приведены описания графико-орфографических систем памятников, особенности почерка которых наиболее типичны для московской и литовской разновидностей старшего полуустава.

Духовная (третья) великого князя Василия Дмитриевича (около 1424 г.) является образцом московской разновидности делового полуустава. Поскольку лист не был разлинован, строки часто неровные. Буквы либо прямые, либо имеют небольшой наклон (преимущественно вправо, но бывает и в другую сторону: например, **и** обычно имеет наклон влево). Многие буквы выписаны очень небрежно: в



местах соединения элементов штрихи выходят за пределы буквы, элементы часто не соединяются.

В начерках отдельных букв можно отметить некоторые отличия. Так, **а** пишется с длинным прямым хвостом, спускающимся под строку: **А** (мати, братѹ, Васильа, хрусталонои, а снѹ, да, а приказѹ, каменное, страстѹми).

Буква **в** напоминает прямоугольник: **В** (своемѹ, витовѹта, свои, великомѹ).

Буква **д** пишется с длинными штрихами, далеко выходящими за нижний уровень строки: **Д** (дала, да, ондрѹю, дмитриеви(ч), дочере(м), дяю).

Йотированное **к** и **ю** пишутся без мачты, сохраняя только соединительный элемент: **К**, **Ю** (даю кмѹ, мокмѹ, князю, своимѹ, ксть, Василью, сю, блюде(т), княгиню, которѹк). Йотированное **к** имеет длинный прямой язычок. Для **е** этот вариант является основным: **К** (все, чепь, велико, гжелѹ, честнѹи).

Как было отмечено выше, многие буквы выписываются небрежно, без соединения элементов. Так, например, **ж** пишется в три отдельных штриха, причем расстояние между ними может быть достаточно большим: **Ж** (женами, гжелѹ, животѹ, животворщии). То же самое можно сказать применительно к начеркам буквы **к**: **К** (каменное, княза, иконѹ, прикупѹ, кубо(к), велико, которѹе).

В грамоте есть только графема **з**, причем только один вариант: **З** (з моухѹ, золотѹю, князю, з женами).

В грамоте встречается только один вариант **ч** — в виде расщепѹ: **Ч** (почто, чепь, дочере(м), хоче(т), что, печаловати).

В составе диграфа **чы** пишется **ѹ**, причем **ѹ** пишется почти без мачты, штрих располагается почти сразу над петлей: **Ч** (честнѹи, приказѹ, которѹе, золотѹ, ре(к)лѹ, привезлѹ).

Писец не употребляет **w** и **i**. Также в рукописи не встречается **па**: вместо нее во всех позициях пишется **а**. Буква **а** обычно выписывается очень небрежно, часто не доходит до нижнего уровня строки и имеет наклон влево: **А** (боарѹ, васильа, ма, моа, княза). Однако в некоторых случаях перед писцом все же стояла проблема выбора: так, в начале слова и после букв гласных он употребляет диграф **оу**, а после букв согласных — монограф: **тиоуни**, но **золотѹю**, **петрѹ**, **мокмѹ**, **слободѹ**, **снѹ**. В данном случае писец следует правилу, выработанному в уставе XIII–XIV вв.

Таким образом, эволюция деловой разновидности старшего полуустава движется по пути упрощения графики и орфографии.



Возможно, это связано с тем, что его главной целью была функциональность, и, следовательно, можно было обойтись меньшим количеством графем. В книжной разновидности старшего полуустава необходимость в большем количестве графем была продиктована традиционной графикой, на которую ориентировались писцы.

Рассмотренная грамота представляла собой образец деловой письменности Московского государства, однако в конце XIV–XV в. активно развивалось делопроизводство и в Великом княжестве Литовском. Основным канцелярским почерком там также являлся старший полуустав, который несколько отличался от московской разновидности.

Поручная грамота 1388 г. князей и бояр королю Ягеллу и его жене за его брата Северского князя Корибута написана мелким полууставом. Размер букв очень небольшой, но буквы пишутся плотнее. Обращает на себя внимание начертание букв **р**, **х**, **ц** с длинными хвостами и дополнительными штрихами: **р**, **х**, **ц**. Также следует отметить активное употребление выносных букв.

Элементы буквы **ж** аккуратно соединены, буква асимметричная, с небольшой верхней частью: **ж** (служба, иже, вѣжен, нарожѣниа).

Элементы буквы **к** также либо соединены, либо находятся на незначительном расстоянии друг от друга: **к** (корунѣ, корола, коривѣт), польскои, кна (з), николи (ж), новгородский, котораа).

В большинстве случаев перемычка буквы **м** опускается ниже уровня строки: **м** (земли, асманович), хочемъ, людми). Иногда перемычка соединяет не непосредственно мачты, а поперечные штрихи, лежащие на них: именемъ, землями, примучени, милѣи.

Буква **ч** пишется с небольшой ножкой и симметричной чашей: **ч** (чинимы, примучени, чемъ, печати, хочемъ, честной, на вѣчнаа).

В первой части **чы** пишется **ѣ**. Оба элемента диграфа соединены линией, проходящей по нижнему уровню строки: **чы** (мы, инѣ, боары, го/роды, бытѣи, милѣи). Мачта буквы **ч** низкая.

Диграф **оу** и монограф **у** распределяются в соответствии со стандартным правилом: в начале слова и после букв гласных пишется диграф, а после букв согласных — монограф: оугодѣ, оувиди (т), оуслыгѣ, послѣшѣи, коривѣт (т), бѣде (т), корунѣ, листѣ.

В грамоте отсутствует **а**, во всех позициях употребляется **а**: боарѣ, адвизѣѣ, навѣчнаа, нарожѣниа, праваа, авно, землями, кна (з), dokonчалоса.

Якорное **є** встречается всего дважды: **ѣ** (его). В остальных случаях после букв гласных и в начале слова пишется **к**: **воквѣ**, **кго**, **дмитрикви(ч)**, **братькю**, **квдокимови(ч)**.

Для обозначения [i] используется только графема **и**. В начале слова и после букв гласных над ней ставится кендема: **польскоѣ**, **инѣла**.

Омега встретилась в грамоте всего один раз: **ѡ** (взарьичи). Это единственный случай, когда в тексте появилась позиция для этой графемы.

Судя по сохранившимся источникам, в последнюю четверть XIV в. старший полуустав проникает в тексты практического назначения (Лаврентьевская Летопись 1377 г.) и в церковные книги (новгородский Тактикон Никона Черногорца 1397 г.). Книжная разновидность старшего полуустава более традиционна: она ближе к русскому уставу, чем деловая разновидность, и в начерках букв, и в правописании. В деловой разновидности старшего полуустава одной из ведущих тенденций стало избавление от графических дублетов. Это можно объяснить тем, что деловые документы имеют более простую графическую систему и должны исключать всякую неоднозначность. Не только русский полуустав, но и сербский устав прошел по пути упрощения графической системы за счет отказа от ненужных на практике особенностей. В книжной разновидности полуустава, напротив, дублетные графемы употребляются часто. В этом можно увидеть и влияние греческой графики, прямое и через южнославянское посредство. Именно употребления дублетных графем (**ѡ**, **і**, **ѣ**, **ѡ**) касалась значительная часть новых реформированных правил. Правильное употребление графических дублетов позволяло книжнику продемонстрировать свое мастерство [Гальченко, 2001а: 124].

Основные особенности книжной разновидности старшего полуустава можно проиллюстрировать на примере одного из почерков служебной минеи [Тип-118], которая датируется концом XIV — началом XV вв. [Каталог ЦГАДА, 1988: 93].

Буква **в** пишется с клинописной верхней петлей: **ѡ** (вѣлго-дѣйствиова (л. 62 об.), вѣдцѣ (л. 62 об.), вѣспримше (л. 62 об.), обрадованага (л. 31 об.), вса (л. 31 об.), слова (л. 31 об.), чревѣ (л. 31 об.)).

Буква **д** пишется с очень короткими штрихами у перекладины: **Д** (мдртъю (л. 31 об.), исповѣдающѣ (л. 31 об.), обрадованага (л. 31 об.), обидцаго (л. 61 об.), оуподобляемь (61 об.), повѣди (л. 62 об.)).

Элементы буквы **ж** соединены, а верхняя часть буквы сокращена: **ж** (рожьюю (л. 31 об.), неискѣсомужнага (л. 31 об.), мужьственъ(м) (л. 31 об.), вседержителя (л. 31 об.), же (л. 62 об.), бжтвнцю (л. 62 об.), живущага (л. 62 об.)).

Элементы **к** обычно соединяются: (кровью (л. 31 об.), скве/рнѹ (л. 31 об.), како (л. 31 об.), крта (л. 31 об.), показалъ (л. 62 об.)).

Буква **з** пишется с прямым хвостом, направленным вправо: **з** (защищаѣми (л. 31 об.), образо(м) (л. 31 об.), възвесели (л. 31 об.), показа (л. 62 об.), зижитель (л. 62 об.), везднѣ (л. 62 об.), избавителя (л. 62 об.)).

Основным вариантом **ч** является **ч** в виде расщепа: **ч** (всѣчгага (л. 31 об.), члѣка (л. 31 об.), чревѣ (л. 31 об.), благочтвѣымъ (л. 62 об.), млѣвениче (л. 62 об.), почивага (л. 62 об.)).

В памятнике регулярно употребляется **ѣ** якорное, наклоненное влево, с изогнутым язычком, направленным вверх: **ѣ** (защищаѣми (л. 31 об.), еѣ (л. 31 об.), еси (л. 31 об.), едема (л. 62 об.)).

га и **ла** распределены в соответствии с правилом, сформировавшимся в русской книжности: **ла** пишется после согласных, а **га** — в начале слова и после гласных.

В начале слова писец регулярно употребляет **ш** или **о** широкое: **ш** (шгненѣ (л. 44 об.), шзаряющи (л. 45 об.), шснованье (л. 45 об.); **о** (одѣвающаго (л. 55), оцю (л. 53)).

Распределение диграфа **оу** и монографа также характерно для русской письменности XIV в.: после согласных пишется монограф, а в начале слова и после гласных — диграф.

В почерке встречается вариант **ы** с **ь**: **агарьны** (л. 49), **тричисленымъ** (л. 57), **хвастныга** (л. 56 об.), **немошнымъ** (л. 68 об.). Также в Тип-118 отражается зияние (**покаганіа** (л. 57 об.), **коренна** (л. 29)) и активно используются диакритические знаки. Эти особенности появились в русской письменности в результате второго южнославянского влияния.

Исходя из проведенного графико-орфографического анализа, можно установить основные различия между книжной и деловой разновидностями старшего полуустава. В книжных почерках чаще встречаются черты второго южнославянского влияния, что можно объяснить стремлением писца продемонстрировать ученость и искусность. Книжные почерки более каллиграфичны и декоративны, часто стремятся подражать младшему полууставу, в них широко используются дублетные графемы и диакритические знаки. Деловой полуустав имеет своей основной целью максимальную четкость,

поэтому обычно избегает излишнего декора. Начерки отдельных букв также отличаются: в частности, элементы букв **ж** и **к** находятся на большом расстоянии друг от друга, тогда как в книжном полууставе они соединяются.

Внутри деловой разновидности старшего полуустава можно выделить некоторые региональные различия. Так, «литовский» и русский полуустав отличаются размером букв (русский более размашистый и крупный, «литовский» — более мелкий), их формой (в русских грамотах — угловатые, а в «литовских» — более округлые). Междустрочные интервалы в русском полууставе небольшие, а в «литовском» — весьма значительные, хвосты букв в литовских грамотах очень длинные, часто имеющие дополнительный штрих влево. В русских грамотах диакритические знаки используются намного реже, чем в «литовских».

На рубеже XIV–XV вв. процессом, определяющим развитие русской книжности, было второе южнославянское влияние. В этот период смена почерков (устава и старшего полуустава на младший полуустав) проходила медленнее смены графико-орфографических норм. Для овладения новыми южнославянскими почерками требовалось больше времени, чем для простого подражания особенностям графики и орфографии южнославянского оригинала. Поэтому в первой трети XV в. графико-орфографические новшества проникают в книги, переписанные русским уставом и старшим полууставом. В рукописях этого периода можно увидеть такие особенности графики и орфографии, как начертание омеги с высокой серединой, одностороннюю асимметричную **ч**, **ь** в составе **ы**, распределение **и** и **і**, употребление лигатуры **ѣ**, расширение сферы употребления диграфа **оѣ**, обозначение слоговости плавного, зияние, использование большого количества диакритических знаков, употребление нестяженных форм имперфекта, спорадическое употребление запятой. В разных рукописях встречается разный набор южнославянизмов и не всегда они употребляются одинаково последовательно, но М.Г. Гальченко отмечает, что эти особенности выполняли на графико-орфографическом уровне ту же функцию, что и некоторые морфологические формы и синтаксические обороты в гибридных текстах (употребление аориста, имперфекта, форм двойственного числа, синтаксических оборотов «**еже**+инфинитив», «дательный самостоятельный»), т.е. служили показателями образованности и искусности писца [Гальченко, 2001а: 115].

Старший полуустав широко использовался русскими книжниками на протяжении полувека. В новгородских и псковских книжных

центрах традиционные для русского XIV в. почерки удерживались до середины XV в. Ко второй половине XV в. старший полуустав был вытеснен из сферы книгописания младшим южнославянским полууставом, хотя некоторые книжники использовали его еще в последней четверти XV в. А.И. Соболевский упоминает одну тетрадь с русским полууставом, находящуюся в Сборнике Кирилло-Белозерского собрания 1476–1482 гг. [Соболевский, 2005: 39]. На основе канцелярской разновидности полуустава впоследствии развилась скоропись [Черепнин, 1956: 144]. Распространено мнение, что полуустав и скоропись восходят к одному источнику (позднему русскому уставу), однако представляется более вероятным, что переход от устава к скорописи проходил через некоторую переходную ступень, которой и является старший полуустав.

Источники

- Договор 1366 — Договор князя Дмитрия (Любарта) с королем Казимиром о границах владений и союзе, без даты (предположительно 1366 г.). Цит. по: *Соболевский А.И., Пташицкий С.Л.* Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в. СПб., 1903.
- Духовная 1353 — Духовная великого князя Симеона Гордого, 1353 г. (РГАДА. Ф. 135 (Древлехранилище). Отд. I. Рубр. I. № 3. Л. 1).
- Духовная 1424 — Духовная (третья) великого князя Василия Дмитриевича, около 1424 г. Цит. по: *Соболевский А.И., Пташицкий С.Л.* Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в. СПб., 1903.
- Маз-1699 — Евангелие тетр. Конец XIV в. РГАДА. Рукописное собр. Мазурина (ф. 196). № 1699.
- Об-76 — Псалтырь с добавлениями. XIV–XV вв. РГАДА. Рукописное собр. Оболенского (ф. 201). № 76.
- Поручная грамота 1388 — Поручная грамота князей и бояр королю Ягеллу и его жене за его брата Северского князя Корибута, 1388 г. Цит. по: *Соболевский А.И., Пташицкий С.Л.* Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в. СПб., 1903.
- Поручная грамота 1393 — Поручная грамота рязанского князя Олега Ивановича королю Ягеллу за своего зятя, брата Ягелла, князя Корибута, 1393 г. Цит. по: *Соболевский А.И., Пташицкий С.Л.* Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в. СПб., 1903.
- Тип-118 — Минея служебная, XIV–XV вв. РГАДА, библиотека московской Синодальной Типографии (ф. 381). № 118.

Список литературы

- Гальченко М.Г. О древнейшей рукописи из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М., 2001.

Гальченко М.Г. Датированные новгородские рукописи конца XIV — первой половины XV в. и проблема второго южнославянского влияния // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М., 2001а.

Гальченко М.Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М., 2001б.

Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.

Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост. О.А. Князевская, Н.С. Коваль, О.Е. Кошелева, Л.В. Мошкова. М., 1988. Т. 1–2.

Костюхина Л.М. Книжное письмо в России в XV в. // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987.

Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894.

Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. Лекции А. И. Соболевского. 2-е изд. СПб., 1908 [3-е изд. СПб. 2005].

Турилов А.А. Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998.

Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.

Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1999.

Сведения об авторе: *Баркова Екатерина Евгеньевна*, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: pankova_katerina@mail.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э р в и н В е д е л ь. Первый сборник стихотворений Федора Ивановича Тютчева в немецких переводах Генриха Ноэ (*Erwin Wedel «Ich bringe einer Sanger Dir vom Norden...» Die erste Lyriksammlung Fedor Ivanovi Tjutcevs in deutscher bersetzung von Heirich Noe. Wiesbaden: Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG, 2012. 158 S.*)

Среди довольно устойчивого потока публикаций по русистике, выходящих на немецком языке¹, книга Э. Веделя выделяется особой привлекательностью. Интерес русского читателя вызывает не только предмет изучения — проблема перевода русской поэзии на иностранные языки, но, несомненно, и личность исследователя. В данном случае это непременно, так как речь идет о человеке-истории, стоявшем у истоков создания западногерманской русистики в первые послевоенные годы, и от которого в значительной степени зависело, в каком направлении она будет развиваться во второй половине XX в.

Автор рецензируемой книги — вдумчивый и серьезный исследователь, свободно ориентирующийся в обширной русской и зарубежной литературе. В отличие от некоторых его западногерманских коллег, Э. Веделю чуждо предвзятое отношение к русской литературе, стремление использовать свои научные изыскания в «ненаучных» целях. Э. Ведель исследует литературу с большой основательностью и тщательностью, опираясь при этом на труды русских ученых, историю создания произведения и весь процесс работы над художественным текстом. Он неизменно принимает во внимание изыскания и выводы своих российских коллег, вступая с ними в спор, выдвигая свои соображения и предположения. Его исследования свидетельствуют о том, что интерес к творческой лаборатории поэтов и писателей — неотъемлемая часть каждого научного труда.

Э. Ведель родился в 1926 г., детские годы провел в немецкой колонии в Крыму, а в школу пошел уже в Одессе, куда его родители вскоре переехали. Великолепное знание русского языка с рождения в сочетании с родным немецким предопределило его личную судьбу, а встреча с такими выдающимися славистами, как Р. Траутман, Р. Олеш, П. Дильс, А. Шмаус, в студенческие годы в Лейпциге и

¹ Bibliographie slawistischer Veroffentlichungen aus Deutschland, sterreich und der Schweiz / Hrsg. von W. Gladrow, K. Gutschmidt, K.D. Seemann. Sagner, Munchen, 2002 (Sagners Slavistische Sammlung, 27).

Мюнхене — профессиональную деятельность. С 1957 г. после защиты диссертации «История создания “Войны и мира” Л.Н. Толстого» преподает в университетах Германии. В 1967–1994 гг. работал на кафедре славянской филологии университета в Регенсбурге, а последние годы и возглавлял ее. Будучи специалистом широкого профиля, Э. Ведель занимался русистикой (его докторская диссертация посвящена подчинительным союзам в русском языке XVI в.), а также украинской, сербской, польской филологией. В 1992 г. Э. Ведель в связи с большим вкладом в изучение творчества Леси Украинки и Максима Рыльского становится Почетным доктором Одесского университета. Однако его главным интересом всегда была русская литература XIX–XX вв.

Особенностью его исследовательской деятельности является подчеркнутое внимание к слову вне его деления на языковое и литературное начало, поэтому поистине мировой популярностью пользуются его словари русского языка и грамматики². Работы, посвященные творчеству Пушкина, Достоевского, Тургенева, Толстого³, отличает внимание к языку писателей, а исследования о русской литературе исполнены стремлением автора рассматривать ее в широком европейском контексте⁴.

Среди других аспектов деятельности Э. Веды участие в работе немецкого Союза Славистов, насчитывающего полуторавековую традицию. Союз объединяет более 200 членов и служит делу развития славянской филологии в Германии, где преподавание русского языка и литературы ведется в более чем 30 университетах. В 1972–1973 гг. Э. Ведель возглавлял немецкий Союз преподавателей-славистов, многие годы работал в качестве вице-президента МАПРЯЛ. За неустанную и кропотливую работу на благо русского языка, литературы и культуры в 1994 г. он был награжден Пушкинской медалью.

Последние годы творческая активность Э. Веды сконцентрировалась вокруг изучения русской эмиграции в Мюнхене. Результатом этой работы стал выход в 2010 г. большой двуязычной книги «Русский Мюнхен»⁵, созданной большим авторским коллективом. О диапазоне

² Langenscheidt-taschenwörterbuch-russisch. München, 2003; Russisch-Deutsches Wörterbuch. T. 1 / Renate Belentschikow. Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Germany).

³ Die Entstehungsgeschichte von L.N. Tolstojs «Krieg und Frieden», von Erwin Wedel, Wiesbaden 1961. Bibliotheca Slavica, 354 S.; F.M. Dostojewskij. Kallmünz: Lassleben, 1992; К поэтике заглавий в творчестве И.С. Тургенева // И.С. Тургенев. Жизнь, творчество, традиции / Под ред. Ж. Зельдхейн-Деак, А. Холлош. Будапешт, 1994; Пушкин (1799–1837). Regensburg, 2003.

⁴ Русский язык и литература в современном диалоге культур. Регенсбург, 1994; Neueste Tendenzen in der Entwicklung der russische Literatur und Sprache. Hamburg, 1992; Probleme der russischen Gegenwartssprache und -literatur in Forschung und Lehre. Hamburg, 1986.

⁵ Das russische München. Erinnerungen, Portraits, Aufzeichnungen (Русский Мюнхен. Воспоминания, портреты, зарисовки). Мюнхен, 2010. 413 с.

персоналий, описанных в книге можно судить по фотографиям на обложках. На лицевой стороне — памятник Федору Тютчеву, который «оставил свои следы не столько в деловых бумагах русской дипломатической миссии... сколько в поэтических сборниках и, особенно, в сердцах баварских дам»⁶. На тыльной — фотография батюшки Тимофея Прохорова, построившего в 1947 г. своими руками небольшую православную церковь. А еще здесь есть очерк о кинозвезде Третьего рейха Ольге Чеховой, рассказ родственницы казненного нацистами Александра Шмореля, одного из организаторов студенческого антифашистского сопротивления «Белая Роза»; воспоминания ученицы российского философа, профессора Мюнхенского университета Федора Степуна; трагическая история 53 русских солдат, которые после освобождения из немецкого плена вступили в баварскую Красную армию, а затем в 1919 г. без суда и следствия были расстреляны; малоизвестные факты из жизни писателя Гайто Газданова, работавшего руководителем редакции русской программы радиостанции «Радио Свобода» и умершего в Мюнхене в 1971 г. и др.

Работа над этой книгой продолжалась более трех лет; среди ее авторов был и профессор славистики Регенсбургского университета Э. Ведель. Именно он проделал огромную работу по проверке и корректировке переводов эссе и воспоминаний с русского на немецкий и с немецкого на русский языки, что придало текстам безупречность.

В этой книге впервые на русском языке опубликованы письма супруги Тютчева Эрнестины. Здесь же профессор русской литературы Э. Ведель публикует материалы об истории выхода в Мюнхене в 1861 г. первого стихотворного сборника Тютчева в немецком переводе Генриха Ноэ, предваряя тем самым выход вышеупомянутой отдельной книги.

История переводов стихов Тютчева на немецкий язык заслуживает отдельного разговора, и исследования в этой области ведутся немецкими коллегами⁷. Обращает на себя внимание выбор Э. Веделем Г. Ноэ как одного из первых переводчиков. До Г. Ноэ отдельные стихи Тютчева переводились на немецкий язык А. Мальтицем, а в 1993 г. в одном из последних переводов швейцарского слависта Х. Фербера в Цюрихе был издан двуязычный сборник «Die letzte Liebe. Последняя любовь»⁸.

В «Предисловии» к книге Э. Ведель, явно предполагая вопросы читателя, разъясняет причину этой публикации. Дело в том, что работа представляет собой «текстовый анализ достоинств и недостатков»

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Полонский А. Творчество Ф.И. Тютчева на немецком языке. Мюнхен, 2009.

⁸ Fedor I. Tjutschew. Die letzte Liebe. Последняя любовь. Gedichte auf Leben und Tod von Elena A. Denis'eva. Übersetzt von Christoph Ferber mit einem Nachwort von Ulrich Schmid. Zürich, 1993.

первого перевода первого сборника стихов Тютчева, изданного в 1854 г., от которого издатель и переводчик, «впрочем, впоследствии сам отрещивался»⁹.

Молодой мюнхенский библиотекарь Г. Ноэ заинтересовался попавшим ему в руки сборником стихов известного русского поэта. Сейчас в фондах мюнхенской городской библиотеки хранится уникальный экземпляр сборника стихотворений Тютчева¹⁰. Дарственная надпись гласит: «Господину советнику двора фон Пфистермайстеру как слабый знак своей преданности и благодарности сочинителя. Мюнхен, 1 января 1862». За ней кроется довольно примечательное переплетение судеб знаменитых людей эпохи.

Франц Сераф фон Пфистермайстер (1820–1912) — кабинет-секретарь Людвига II Баварского, главный распорядитель королевских финансов. Из-за своей строптивости Пфистермайстер даже поплатился должностью в 1866 г., когда конфликт его с королем по поводу средств на постановку опер Вагнера достиг апогея. Однако благодаря ходатайству свояка Тютчева барона Карла фон Пфеффеля, влиятельного журналиста, Г. Ноэ удалось опубликовать книжку, содержащую 74 перевода, за казенный счет. Новогоднее признание в «преданности и благодарности сочинителя» дает основание полагать, что Пфистермайстер высоко оценил тютчевскую поэзию, выполнив свой долг перед немецкой культурой. Возможно, непосредственным толчком к изданию сборника переводов послужила встреча Г. Ноэ с Тютчевым во время краткого пребывания поэта в Мюнхене в 1859 г. Судя по восторженному «Предисловию», которое предпослано переводам, непосредственное воздействие обаяния Федора Ивановича на Г. Ноэ, по-видимому, все же состоялось.

Стиль изложения и точность оценок предполагают серьезную эрудицию автора, хорошее знание личности и творчества Тютчева. И хотя совершенно очевидно, что сведения о Тютчеве изложены Г. Ноэ не со слов самого поэта, важен факт приоритетности появления на Западе краткой биографической и критико-литературоведческой справки о русском поэте задолго до публикаций российских биографов. Петербургское издание 1854 г. «Стихотворений» Тютчева вышло вообще без предисловия и справки о поэте.

Однако книжка переводов тютчевских стихов открывается не упомянутым выше «Предисловием», а другим авторским текстом: сонетом-посвящением, в котором поэт представляет поэта. В отече-

⁹ *Wedel Erwin*. «Ich bringe einer Sanger Dir vom Norden...» Die erste Lyriksammlung Fedor Ivanovi Tjutcevs in deutscher bersetzung von Heirich No / Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG. Wiesbaden, 2012. S. 82.

¹⁰ Feodor Iwanowitsch Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaassen des Originals dem Russischen nachgebildet von Heinrich No. Munchen, 1861. Stadtbibliothek Munchen, Sign: 27 635.

ственной поэзии известно немало обращений к Тютчеву, в зарубежной, одно единственное.

Всю эту длинную историю можно было бы не вспоминать, если бы в книге Э. Веделя об этом было бы хоть вскользь упомянуто. По какой причине автор называет свое исследование цитатой из сонета Г. Ноэ, не делая на это никакой ссылки, как будто это цитата из Тютчева — но из какого стихотворения?! При этом известен подстрочник Э. Веделя этого сонета, опубликованный как раз в книге «Русский Мюнхен». Ноэ обращается к читателю:

Я привожу к Тебе с Севера певца,
Но он поет не о стране, откуда родом,
Не о глуши, полученной в наследство,
Не о сумерках, в которых рождается восход.
Он ищет и находит слова своим песням
В трудных звуках, совершенных и удивительных,
Божественно-светлых и чистых,
Он ищет родину души — для всех одну.
Вечные источники южной красоты
Орошали его на его пытливого стезе
И манили его в тот Джинистан,
Где неугасимо-творящее солнце,
Не окруженное сумерками,
Излучает ему пламенное вдохновение.

В сонете Г. Ноэ явно звучат мотивы восточной поэзии, влияние которой ощутимо в творчестве Гете (цикл «Западно-восточного дивана») и Тютчева («Silentium!»). Г. Ноэ надеялся, открывая немецкому читателю тютчевскую поэзию, что его книжка не будет предана забвению.

На этом обращенные к читателю загадки не заканчиваются. После того как удалось разобраться с названием книги Э. Веделя (“Ich bringe einen Sänger Dir vom Norden...” — Я привожу Тебе с Севера певца...), возникает имя еще одного участника истории — Лудольфа Мюллера, памяти которого Э. Ведель посвящает свой труд. С одной стороны, посвящение вполне закономерно, так как Л. Мюллер, ушедший из жизни в 2009 г., был не только профессором Кильского и Тюбингенского университетов, но и близким другом Э. Веделя еще со времен их занятий у профессора Д.И. Чижевского. С другой стороны, Л. Мюллер также внес неопределимый вклад в перевод стихотворений Тютчева. Ему принадлежат переводы на немецкий язык практически всех стихотворений Тютчева, включая и те, которые были написаны по-французски. Почти четыреста переводов несколько лет ждали опубликования. Лишь немногие разбросаны по отдельным сборникам, посвященным русской лирике. Десять стихотворных переводов

Л. Мюллера напечатаны в немецкоязычных статьях А. Полонского¹¹. Профессор Л. Мюллер отобрал сто пятьдесят самых значимых переводов для вышедшего в 2003 г. в Дрездене двуязычного сборника¹² и в 2004 г. — в Москве, в издательстве «Классика». Таким образом, получается, что Э. Ведель, посвятив свою книгу «детальному анализу достоинств и недостатков» переводов Г. Ноэ, отсылает читателя к более совершенным образцам, созданным Л. Мюллером во второй половине XX в.

В «Предисловии» к своей работе Э. Ведель обращает внимание на то, что хотя Г. Ноэ и берет за основу изданный в России сборник стихотворений Тютчева, тем не менее подвергает его значительной редакции. Украсив сборник биографической справкой и посвящением, переводчик тем не менее не сохранил последовательности стихотворений русского издания, а сгруппировал их по темам: пейзажная, любовная лирика; по времени суток: утро, день, вечер, ночь; по географическому принципу: заграница / Россия, горы / равнины. Таким способом, считает исследователь, переводчику и издателю удалось избежать художественной монотонности, правда, в ущерб целостности — из немецкого издания были исключены переводы Тютчева английских и немецких поэтов (что вполне понятно). Вызывает недоумение отсутствие многих прекрасных стихотворений. В общей сложности в немецком издании представлено две трети содержания русского сборника.

Среди других очевидных несоответствий — перевод названий стихотворений, изменение и придумывание названий стихотворениям, у которых их в оригинале не было, что, по мнению Э. Веделя, не может не привести к изменению смысла. В частности, в немецких названиях ощущается большая метафоричность образов, усиление социального мотива, заметнее механистический взгляд на природу и усиление семантической оппозиции Восток / Запад.

Центральная часть работы посвящена последовательному скрупулезнейшему анализу формы и содержания каждого из представленных в сборнике стихотворений по установленной схеме. Особо обращается внимание на соответствие поэтической метрики в русском и немецких вариантах, в отдельных случаях обращается

¹¹ *Polonskiy A. Der Dichter Tjutschew — die Münchner Jahre // Russische Spuren in Bayern. München, 1997. S. 35–58; Polonskiy A. Der Dichter Fedor Tjutschew // Deutsch-Russischer Kurier. Ludwigshafen, 1997. N 1–12; Polonskiy A. Fjodor Tjutschew — ein russischer Diplomat und Dichter in München. Archenoah. 1999. N 1.*

¹² *Tjutcev Fedor I. Im Meeresrauschen klingt ein Lied. Ausgewählte Gedichte Russisch und Deutsch / Herausgeben und übersetzt von Ludolf Müller. Verlag «Thelem». Dresden, 2003 (Тютчев Федор И. В шуме моря звучит песня. Избранные стихотворения на русском и немецком языках)*

внимание на «ритмическую неравномерность»¹³, а также лексические и грамматические соответствия, ведущие к сохранению или искажению авторской идеи. Порой, уклоняясь от размеренной монотонности заданной схемы, Э. Ведель восклицает с досадой: «А сравнение с “бедным нищим” так, к сожалению, и осталось непереверденным»¹⁴. Но такие моменты не часты. В основном материал подается так, как это следовало бы делать в пособии по стихосложению и в практикуме по переводу.

Даже при анализе «выдающегося» стихотворения «Silentium!» исследователь ограничивается лишь формальным подходом, указывая на соответствие метрических переходов ямба в амфибрахий и введение пиррихия в предшествующие амфибрахическим стихам строки, что делает и ямп плавным. Вызывает возражение автора лишь перевод фразы «Мысль изреченная есть ложь», которая в переводе потеряла афористичность и приобрела значение, близкое к следующему: «Твое чувство в слове становится ложью» (Dein Sinn im Wort zur Lüge wirt). Но слово «Sinn» настолько многозначно, что в переводе оно может пониматься как «ощущение, чувство», «сознание, разум, помыслы», «смысл, значение». А это совсем другое дело: ведь у Тютчева все предельно ясно — «мысль изреченная», а это уже следующая после «ощущения, чувства, смысла» фаза умственной деятельности.

По поводу этого афоризма есть прекрасное наблюдение А.И. Журавлевой: «“Мысль изреченная есть ложь” — это один смысловой полюс “Silentium!” Но этой лжи изреченности противостоит истина, богатство, полнота мысли, бережно возвращенной “в душевной глубине”. И глубина эта оказывается в тютчевском стихотворении поистине грандиозной, неизмеримой и даже бесконечной. Через все стихотворение проходит метафора — внутренний, духовный мир (во всей нестертой первозданности этого образа). Душа уподоблена миру, вселенной»¹⁵.

Суммируя свои наблюдения над переводами русского поэта, Э. Ведель делает довольно скептические выводы о качестве сделанной Г. Ноэ работы. По его мнению, в немецких стихах преобладают ямбические структуры, в то время как у Тютчева метрика разнообразнее. «При анализе следующих текстов были выявлены далеко идущие расхождения оригинала и перевода, как по форме, так и по содержанию»¹⁶. Указывается на синтаксические упущения, искусственность выбранного слова ради рифмы, компактный текст

¹³ Erwin Wedel. Ich bringe einer Sanger Dir vom Norden... S. 21.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум. О русской литературе XIX века. М., 2013. С. 116.

¹⁶ Wedel E. S. 79.

оригинала усложнен придаточными конструкциями, иногда опускаются сравнительные обороты, изменение числа, употребление другого времени и др.

Однако в заключение Э. Ведель отмечает, что Г. Ноэ «для своего времени сделал интересную и очень важную работу, переведя большую часть первого русского издания стихотворений Тютчева»¹⁷. Недостатки эти были очевидны и самому переводчику. Сейчас через сто пятьдесят лет они становятся все очевиднее на фоне последних немецких трудов в этой области.

У Веделя нет широких обобщений, и в этом, быть может, один из недостатков его работы, но вместе с тем он не позволяет себе голословных утверждений. Его выводы всегда тщательно подкреплены материалом. В процессе этой работы Э. Ведель делает интересные выводы, любопытные наблюдения, призванные помочь будущим переводчикам в постижении смысла тютчевской поэзии.

Сведения об авторе: *Сорокина Вера Владимировна*, докт. филол. наук, ст. научн. сотр. лаборатории «Русская литература в современном мире» филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vvs@philol.msu.ru

¹⁷ Там же. С. 82.

Петербургская стихотворная культура. Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов / Сост. и науч. ред. Е.В. Хворостьяновой. СПб.: Нестор-История, 2008. 662 с.; Петербургская стихотворная культура. Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов II / Сост. и науч. ред. Е.В. Хворостьяновой. СПб.: Нестор-История, 2013. 476 с.

Пять лет тому назад в петербургском издательстве «Нестор» вышла книга, которую нельзя было не заметить уже благодаря ее многообещающему названию «Петербургская стихотворная культура», солидному объему и прекрасному художественному оформлению. Содержательно же оценить этот труд смогли в первую очередь специалисты-стиховеды, которыми он и был активно востребован.

И вот недавно в том же издательстве вышел из печати том, так же озаглавленный и похожий по оформлению, но с цифрой «II» на обложке, явившийся продолжением первого. Таким образом, если в 2008 г. можно было приветствовать интересное начинание авторского коллектива, то теперь нужно говорить о серии изданий, реализующих единый фундаментальный научный замысел.

Многолетняя деятельность по осуществлению этого замысла заслуживает внимания и глубокого уважения, тем более что речь идет о таком энергозатратном и ответственном труде, как исследование стиха. Эту систематическую работу ведет коллектив, ядро которого составляет стиховедческий семинар профессора СПбГУ Е.В. Хворостьяновой. Ученица В.Е. Холшевникова, памяти которого посвящены оба тома, продолжает, вместе со своими коллегами и учениками, традиции петербургской стиховедческой школы XX в. Характерной чертой этой школы был и остается интерес к литературоведческой стороне стиховедческого знания.

Как свидетельствуют вступительные статьи к обоим томам, обусловивший их появление проект изначально имел две цели — и соответственно оказался ориентирован на решение двух сверхзадач. Первая состоит в системном фронтальном описании и изучении метрики, ритмики, рифмы и строфики русских поэтов; вторая — в выявлении специфики организации петербургского стихотворного текста. Начнем с первой.

Главную часть материалов составляют подготовленные коллективом авторов метрико-строфические справочники по творчеству

четырнадцать поэтов-петербуржцев XVIII–XX вв., разных по творческой манере и месту, которое они занимают в отечественной словесности. В первой книге это М.В. Ломоносов (сост. О.С. Лалетина, Е.В. Хворостьянова), А.А. Ржевский (сост. Е.М. Матвеев), И.С. Руквишников (сост. О.С. Лалетина), Б.К. Лившиц (сост. К.Ю. Тверьянович), К.К. Вагинов (сост. Г.Р. Монахова), Д.Е. Максимов (сост. Г.Р. Монахова), А.С. Кушнер (сост. О.С. Лалетина, И.Ф. Луцок, К.Ю. Тверьянович); во второй — А.Н. Апухтин (сост. О.С. Лалетина), И.Ф. Анненский (сост. С.А. Бутовская, В.М. Захарова, Г.Р. Монахова), В.А. Комаровский (сост. Б.П. Шерр), Г.В. Адамович (сост. В.М. Захарова), С.Л. Кулле (сост. С.А. Бутовская), Л.А. Виноградов (сост. С.А. Бутовская), А.Г. Битов (сост. Е.В. Хворостьянова). Ряд подробных и содержательных исследований, проведенных авторами и единообразно структурированных, предваряется открывающей первый том «Инструкцией к составлению метрико-строфических справочников по произведениям русских поэтов XVIII–XX вв.», разработанной К.Ю. Тверьянович и Е.В. Хворостьяновой.

Смысл и значение этого можно в полной мере оценить на фоне более чем 80-летней и достаточно драматичной истории стиховедческих справочников в отечественной науке. Выросший некогда из вспомогательных указателей стиховых форм, которые включались в научные издания античных или средневековых авторов, он был трансформирован в самостоятельный исследовательский жанр, способный помочь в изучении поэтики конкретных авторов. Б.И. Ярхо вместе со своими учениками в 1930-е годы составил справочники по метрике и строфике А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова (второй был опубликован позже и лишь частично). Конструктивный смысл создания таких справочников, открывающих возможность характеристики версификационной системы поэта на фоне других для уяснения как его творческой индивидуальности, так и общих законов развития поэтики стиха, — достаточно рано определил требования к жанру: максимальная полнота охвата материала, профессиональная статистическая обработка и единообразие структуры (т. е. типологизация и оформление). Последнее, в свою очередь, потребовало выработки эталонного инварианта описания.

Гонения на формализм затормозили эту деятельность; однако она возродилась в 1960-е годы, как и возросший интерес к стиховедческим исследованиям в целом. Группа ученых ИМЛИ выступила инициатором и координатором проекта создания серии метрико-строфических справочников на материале творчества русских поэтов; ими же была подготовлена первая Инструкция по их составлению. Идея публикации подготовленных справочников в серии специальных сборников, к сожалению (по внешним причинам), осталась ограниченной первым из них (Русское стихосложение XIX века. М., 1979). Однако

справочники продолжали создаваться и даже публиковаться — в различных, преимущественно периодических, изданиях. В основном они следовали Инструкции ИМЛИ, хотя не всегда строго и полностью. Между тем развитие науки о стихе делало со временем заданные в Инструкции параметры зачастую недостаточными: разнообразие форм требовало универсализации их учета на основе инварианта описания. Уже в 1970-е годы предпринимались попытки более дифференцированной и четкой структуризации материалов справочника (М.Ю. Лотманом и С.А. Шахвердовым). Необходимость создания нового образца метрико-строфических справочников со временем все больше ощущалась как проблема — столь же насущная, сколь и трудно исполнимая, требующая коллегиальных усилий. Коллектив под руководством Е.В. Хворостьяновой предложил свое современное решение этой проблемы как теоретически, так и практически.

Несомненным достоинством новой Инструкции является то, что в ней сохранены основные принципы предшествующего образца с целью обеспечить возможность сопоставлений с уже наработанными материалами. Что касается нововведений, то они связаны как со стремлением учесть и описать разросшийся спектр форм, обнаруживших свою актуальность и вариативность на протяжении последних десятилетий, так и с ориентацией на новые технологические возможности обработки данных. Заслуга разработчиков при этом видится не только в возросшем количестве уровней описания, но в продуманной систематизации таблиц, в которые первичные данные сводятся по трехуровневому (иерархическому) принципу. Если таблицы первого уровня в главном соответствуют ранее сложившейся в справочниках схеме учета и описания форм, то таблицы второго и третьего уровней последовательно детализируют их. Это позволяет вводить подробные сведения о стиховых формах системно в соответствии с состоянием современного стиховедческого знания.

Так, к примеру, если в справочниках предшествующего поколения подсчеты по полиметрическим композициям (ПК) обычно просто выделялись в небольшой отдельный блок нескольких таблиц, то в предложенной новой схеме данные по ПК учтены и представлены для всех характеризуемых уровней «сквозным» образом, что дает возможность сопоставлений по всем возможным параметрам и с монометрическими текстами, и с также приобретенной универсальной статус категорией свободных форм (СФ), в которых стихотворные фрагменты чередуются с прозаическими. Понятно, что если в 1970-е, когда изучение полиметрических композиций только начиналось (в работах П.А. Руднева и В.А. Сапогова) и сводные таблицы ПК вполне удовлетворяли запросам практического сравнительного анализа, то в настоящее время уровень накопленных знаний делает это недостаточным.

Аналогичным образом в новой Инструкции детализировано описание переходных метрических форм (ПМФ); двухсложников и трехсложников с переменной анакрузой; для вольных размеров введен коэффициент урегулированности; цезурные варианты дифференцированы по длине стихов (длинные, короткие и средние); и пр.

Наконец, новые справочники рекомендовано подготавливать в двух вариантах: для текстовой и электронной версии, что, конечно, облегчает дальнейшее практическое использование их материалов. При том, что новшества представленной Инструкции неизбежно увеличивают объем справочников (делая их теперь, увы, еще более проблемным для публикации жанром), нельзя не признать как существенную необходимость такого рода трансформаций, так и продуманность их формального воплощения составителями.

Научная новизна практических материалов обусловлена вполне понятным стремлением составителей прежде всего обследовать творчество тех авторов, чье творчество в стиховедческом аспекте остается малоизученным. В этом плане может удивить обращение к творчеству поэтов, уже удостоенных ранее публикации аналогичных справочников по старому образцу; это И.Ф. Анненский (составитель — М.Ю. Лотман, 1975 г.), Б.К. Лившиц (составитель — L. Lauwers, 1992 г.) и В.А. Комаровский (составитель — Б.П. Шерр, 2000 г., автор также и нового, включенного в рецензируемое издание справочника). Необходимость составления новых справочников в этих случаях мотивируется составителями неполнотой учтенного в первых вариантах материала; очевидно, не менее актуальным представляется также детализация и реструктуризация данных в соответствии с принятым новым образцом. К примеру, если в первый вариант справочника к поэзии Комаровского вошло лишь пять сводных таблиц, то во втором варианте составитель увеличивает их число до двадцати.

В целом материалы включенных в оба тома метрико-строфических справочников, соответствующих новой Инструкции, демонстрируют успешность ее использования. Версификация каждого из авторов предстает, с помощью подсчетов и таблиц, в своей системной специфике, а итоги проделанной аналитической работы формулируются в сводных текстовых комментариях и в Заключениех по каждому справочнику, где описываются выясненные особенности стиховой поэтики данного автора. Помимо ценности этих материалов для будущих исследований, сделанные наблюдения и выводы представляют несомненный самостоятельный интерес. Он различен для разных авторов, что связано с местом их творчества в литературе, со степенью изученности этого творчества, а также с характером авторской рефлексии версификационной составляющей поэзии.

Наиболее информативными оказываются для читателя сведения о творчестве авторов, чья версификация вообще не становилась до сих пор предметом научного анализа; это К.К. Вагинов, Г.В. Адамович, С.Л. Кулле, А.А. Виноградов, Д.Е. Максимов, А.Г. Битов. Посвященные их поэзии метрические справочники впервые дают системное и наглядное, верифицируемое представление о характере их поэтической индивидуальности на фоне современников, причем во всех случаях она оказывается самобытной и заслуживающей внимания. Это особенно важно в силу малой изученности их поэтического творчества в целом — либо по причине «невписанности» в официальную литературу своего времени и сильно запоздавшими возможностями публикаций (Кулле, Виноградов), либо в связи с тем, что их поэзия оставалась затенена другими видами их творческой деятельности: критико-публицистической (Адамович), исследовательской и преподавательской (Максимов), писательской (проза) (Вагинов, Битов). Материалы справочников, поддерживая ощутимый в последнее время читательский интерес к поэзии этих авторов, позволяют увидеть их своеобразие. Хотя всестороннее определение их места в истории отечественной литературы, скорее всего, остается делом будущего, но успешность и значение уже предпринятых первых принципиальных шагов в этом направлении трудно переоценить.

Другую группу авторов составляют поэты известные, поэтика и проблематика творчества которых изучалась достаточно активно: А.Н. Апухтин, И.Ф. Анненский, А.С. Кушнер. Они имеют сложившуюся устойчивую репутацию как в читательской, так и в исследовательской среде; однако версификационный аспект их творчества до настоящего времени был разработан явно недостаточно. Приведенные в материалах справочников данные позволяют проверить и уточнить устоявшиеся мнения и стереотипы, общие представления об их роли в истории отечественной словесности на основе точного знания, увидеть и осмыслить ранее не замеченные аспекты их поэтики. Наибольшее внимание здесь уделяется проблеме традиций и новаций.

Так, при анализе поэтической системы Апухтина оказывается возможным выстроить функциональную типологию его эксперимента. С одной стороны, это использование строфических моделей как своеобразных «знаков» прошлых эпох и индивидуальных авторских систем — а с другой стороны, разработка усложненных, малоупотребительных стиховых конструкций, предвосхитившая активное экспериментаторство поэтов XX в.

Анализ метрико-строфического репертуара А.С. Кушнера, подтверждая справедливость сложившегося представления о «классичности» его системы, в то же время существенно корректирует его, обнаруживая и демонстрируя экспериментальное поле поэта, уточняя

его отношение к традиции. По наблюдениям составителей, Кушнер, явно предпочитая классические стиховые структуры, стремится к их индивидуализации — и создает большое количество их вариантов путем всевозможных отступлений (не приводящих, однако, к качественному их преобразованию в другие) в метрико-ритмическом, графическом, рифмическом и строфическом планах.

Специфичен интерес к научному системному описанию стиха поэтов, для которых версификация представляла особый интерес, практический или теоретический. Здесь не менее важны проверка и дополнения уже сложившихся представлений о художественном строе и характере их экспериментов.

Таков А.А. Ржевский, в чьей поэзии уже современниками замечалось выраженное игровое начало, виртуозное использование языковых и стиховых форм. Это общее положение конкретизируется материалами справочника: консерватизм в репертуаре метрических и строфических форм не мешает Ржевскому выступать новатором путем их совмещения между собой. Составитель типологизирует пути экспериментаторства Ржевского, устанавливает связь стиха и жанра в его опытах — и выявляет в них ряд отличий Ржевского от Сумарокова, которому он во многом следовал.

Живший и творивший полутора веками позже модернист И.С. Руквишников, поэт, известный как мастер и рыцарь триолетов, теоретик стиха, преподававший стиховедение и писавший статьи для «Литературной энциклопедии», предстает — впервые, как и Ржевский, — практиком-версификатором, чья деятельность охарактеризована как разнонаправленная (что отличает ее от Бальмонта, Северянина и других современников), состоявшая и в усложнении уже известных метрических и строфических форм, и — одновременно — в их расшатывании.

Наконец, наиболее значительной фигурой в ряду представленных в двухтомнике, несомненно, является М.В. Ломоносов, поэт, теоретик и создатель русской силлаботоники. Материалы справочника по творчеству Ломоносова позволяют в полном объеме оценить практическую сторону его реформаторской деятельности: введение ранее неизвестных русской поэзии дактиля, анапеста, дольника, гекзаметра, логоздов, нетождественной строфики — причем в первую очередь в оригинальных, не переводных текстах; убедиться в иллюзорном характере еще встречающегося представления о том, что вклад Ломоносова в реформировании русского стиха связывался, кроме теоретического «Письма о правилах российского стихотворства», лишь с утверждением ямбических размеров — Я4 и Я6. Склонность к разнообразию стиховых форм подтверждается неожиданно

большим количеством использованных Ломоносовым моделей стиха (т.е. комбинаций размера, строфического строения, рифмования и окончаний), превышающим сто.

Так или иначе, каждый из опубликованных в рецензируемых томах справочник содержит не только фактический числовой аналитический материал (что, безусловно, важно уже само по себе), но и создает представление о поэтической индивидуальности автора в сопоставлении с другими.

Некоторые из путей сопоставления, надо надеяться, будут отрабатываться еще в дальнейшем. Так, вызывает интерес впервые апробированная в практике составления метрико-строфических справочников и систематически упоминаемая в текстах Заключений числовая характеристика того, сколько текстов приходится на одну реально использованную поэтом модель. Такая характеристика может свидетельствовать об интенсивности и характере авторского эксперимента; она представляется полезной. Вместе с тем возможности исследовательской интерпретации этой характеристики, очевидно, требует уточнений: хотя бы краткого исторического комментария и фактических фоновых (средних для эпохи) данных. Без этого возникает вопрос о сопоставимости по этому коэффициенту авторов, чье творчество охарактеризовано составителями как отличающееся особым разнообразием форм — при существенных различиях в числовом значении коэффициента. К таковым отнесены и Ломоносов (с коэффициентом 2,5), и Адамович (1,5), и Кулле (1), и Виноградов (1,4), и Битов (1,12).

Перспективность представленных в обоих книгах богатейших материалов и сделанных на их основе выводов может быть усмотрена в трех аспектах. Первый, наиболее очевидный, связан с дальнейшим изучением художественных систем каждого из авторов, их творчества в целом (чему, несомненно, мы еще будем свидетелями). Второй — более отдаленный, объемный и трудоемкий — это использование их для создания единой истории русского стихосложения, о чем идет речь во вступительных статьях. Это цель конкретная и очень заманчивая, но пока достаточно отдаленная; она потребует, несомненно, не только многих исследовательских усилий, но и решения непростых методических вопросов. Наконец, третья перспектива, также изначально обозначенная составителями как сверхзадача проекта и состоящая в установлении специфики петербургского стихотворного текста, — остается наименее ясной.

Непосредственно-проблемному сравнительному анализу разных авторских систем с целью выявления особенностей поэтики петербургского стихотворного текста посвящены в рецензируемых томах

две статьи: «Ритм трехстопных трехсложных размеров в петербургской поэзии XIX–XX вв.» С.И. Монахова — в первом томе и «Роль рифмы в моделировании петербургского текста: лирика Николая Агнивцева» В.А. Левицкого — во втором. Собственная содержательность и актуальность этих статей не подлежит сомнению. Монахов (продолжая проблематику своих предыдущих исследований) выступает пионером изучения ритма трехсложников; Левицкий обращается к феномену рифмования в поэзии Агнивцева. При этом если в статье Монахова, построенной на сравнительном анализе трехсложных размеров В.А. Жуковского, Н.А. Некрасова, М.Л. Михайлова, К.К. Случевского, А.А. Блока, З.Н. Гиппиус, Н.С. Гумилева и Ф. Сологуба (богатая выборка, действительно представляющая петербургский поэтический текст в лучших его образцах), замечены весьма любопытные отдельные переклички в ритмике ряда авторов, то анализ системы рифмования Агнивцева в статье Левицкого содержит лишь частные, сугубо предварительные подходы к поэтике петербургского стихотворного текста в целом. Представляется, что пока перспектива версификационной характеристики его особенностей остается все же гипотетической.

Хочется подчеркнуть редкую для изданий, в которых участвует большое количество авторов, согласованность и органичное единство представленных в них материалов. Хотя среди составителей, кроме Е.В. Хворостьяновой и известного американского стиховеда Барри Шерра, есть и уже зарекомендовавшие себя молодые ученые (О.С. Лалетина, К.Ю. Тверьянович), и только начинающие специалисты, — результат их деятельности производит впечатление целостности благодаря не только общности замысла, но и слаженности исполнения. Они составили сильный, работоспособный коллектив. Вызывает сожаление отсутствие среди авторов второго тома имени К.Ю. Тверьянович — пожалуй, самой талантливой из поколения молодых петербургских стиховедов исследовательницы.

Роль томов «Петербургской стихотворной культуры» в дальнейшем развитии филологического знания, очевидно, еще будет осмысляться и уточняться. Но в любом случае очень хотелось бы видеть продолжение этой сложной, удачно начатой и, несомненно, нужной и плодотворной работы.

Л.Е. Ляпина

Сведения об авторе: *Ляпина Лариса Евгеньевна*, докт. филол. наук, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). E-mail: larissa.lyapina@mail.ru

**Эпические жанры в литературном процессе
XVIII–XXI веков: забытое и «второстепенное».
VII Майминские чтения. 5–9 октября 2011 г.:
В 2 т. Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2011. Т. I. 360 с.;
т. II. 332 с.**

В двухтомном сборнике представлены материалы конференции, проходившей в октябре 2011 г. в Псковском государственном университете (само издание было подписано в печать в июне 2012 г.). В нем поднимается широкий спектр проблем, связанных как с теорией жанров, так и с историко-культурными особенностями их бытования в литературе XVIII–XXI вв.

Сборник открывается статьей его ответственного редактора *Н.Л. Вершининой* «Евгений Александрович Маймин. Биография ученого», где рассказано о жизни и научном творчестве основателя псковской научной школы Е.А. Маймина, памяти которого и посвящены продолжающиеся конференции по изучению темы «Забытое и “второстепенное” в литературном процессе».

Первый раздел первого тома «Теоретические и историко-литературные проблемы изучения эпических жанров» построен по принципу «от общего к частному». Он открывается фундаментальной статьей *С.И. Кормилова* «Забытые и упущенные аспекты теории эпических жанров», где поднимаются вопросы соотношения теоретического и исторического подходов к художественному произведению и существенно модифицируются современные жанровые концепции. При определении жанров в современном литературоведении часто возникает стремление «универсализировать» их развитие в абстрактно-типологическом духе, дать некую упрощенную и логически непротиворечивую жанровую модель. Однако такого рода классификации часто входят в противоречие с самой спецификой историко-литературного материала. И главная задача автора статьи заключается в том, чтобы снять это противоречие, показав, что жанры (в данном случае эпические) — это в первую очередь «историко-культурные» образования. Исследуя исторические трансформации жанров поэмы, рассказа, повести и романа на обширном материале русской литературы, С.И. Кормилов приходит к выводу о том, что «понимание специфики литературы той или иной эпохи, в том числе специфики жанровой, возможно лишь с учетом самосознания этой эпохи» (с. 32).

Другой важный вопрос, касающийся функционирования эпических жанров, связан с жанрово-родовой проблемой соотношения прозаического и стихового начал как в отдельных произведениях, так и в творчестве писателей в целом. Первый аспект рассматривается в работе *В.А. Кошелева* «Проблема “слитного” жанра в русской беллетристике 1830-х годов (“Рассказы Сибирика” В.И. Соколовского)», где ставится вопрос о функционировании в русской литературе первой трети XIX столетия жанра, который соединяет в себе стихотворный и прозаический способы выражения.

Второй аспект освещается в статье *Ю.Б. Орлицкого* «Стихи русских прозаиков и их роль в истории русской прозы». Здесь исследователь, рассматривая ту же «стихпрозаическую» проблему, ведет речь о поэтической деятельности русских прозаиков. обстоятельно анализируя творческое наследие писателей XIX и XX столетий, Ю.Б. Орлицкий доказывает, что «поэтический принцип» существенно повлиял на становление их прозы.

Отдельным жанрам посвящены статьи *Н.Л. Вершининой* «“Путешествие в северный край России” А.Н. Яхонтова в контексте литературы путешествий» и *М.Ю. Степиной* «Анекдот как жанровая составляющая мемуаров». Исследовательницы, обращаясь к довольно периферийным жанрам (путешествие и анекдот), подчеркивают в них коммуникативную составляющую. Этот рецептивный код в исследовании жанров имеет исключительное значение, ибо позволяет увидеть жанр не как «абстрактный конструкт», но как историко-литературную развивающуюся целостность, обусловленную культурным контекстом. Так, в работе Н.Л. Вершининой определяются принципы трансформации жанра путешествия в книге Яхонтова, которые прежде всего связываются с коммуникативно-эстетическим аспектом функционирования этого жанра. Писатель, как показывает автор статьи, проявляя свою индивидуальность в рамках готового жанрового образца, оказывался не подражателем, воспроизводящим жанровый канон, но скорее его «переводчиком», которому удалось дать новую разновидность жанра, синтезируя в нем мотивы «подходящих случаю традиций» (с. 62). В статье М.Ю. Степиной выявляется коммуникативная функция анекдота, предполагающая общее культурное поле рассказчика и слушателя. Анекдот, являясь своего рода «семиотическим ключом» к мемуарному повествованию, указывает на субъективный фактор, который, по справедливому замечанию автора, исследователями воспринимается как некая «погрешность» по отношению к «фактографической» информации.

Во втором разделе сборника «“Забытые” стороны литературной деятельности писателей-прозаиков» представлены самые разнообраз-

ные подходы к эпическим жанрам. Наиболее значимым становится *семантический ракурс* исследования, предполагающий понимание жанра как определенной содержательной категории. Влияние фактора содержания на становление и бытование эпических жанров рассматривается на персонажном, аксиологическом, пространственном уровнях художественного текста. Первый подход представлен в статье *С.В. Денисенко* «О персонажах “Литературного вечера” И.А. Гончарова». Сравнивая черновой автограф «Литературного вечера» с окончательным печатным текстом, автор прослеживает трансформацию его главных героев.

Аксиологический аспект, соотнесенный с религиозно-философским компонентом художественного творчества, представлен в статье *С.А. Васильевой* «Религиозно-философские произведения Ф.Н. Глинки» и работе *Т.Т. Савченко* «Герои повестей Н.Ф. Павлова в свете христианской аксиологии». С.А. Васильева показывает, как онтологический ракурс влияет на поэтику жанра в творчестве Ф.Н. Глинки, инспирируя окказиональные жанры: сны, видения, философские аллегории. Т.Т. Савченко сосредоточивается не столько на жанре, сколько на самом художественном содержании повестей Н.Ф. Павлова, анализируя их любовные и семейно-бытовые коллизии в контексте христианских ценностей.

Жанровый анализ через призму авторской аксиологии и тематики предпринят в статьях *А.Н. Неминуцего* «Забывтый роман П.Д. Боборыкина о староверах», *Г.С. Васильковой* «“Такая книга не просто полезна в наши дни” (О романе Б.С. Житкова “Виктор Вавич”)» и *О.С. Семеновой* «Эпический и этический контексты в драматургии Л.Н. Толстого». Автор последней статьи, исследуя соотношение эпоса и драмы в творчестве писателя, показывает, что в их основе лежит философско-семантический инвариант «Бог — человек — смерть», задающий основную проблематику и эпоса, и драматургии Толстого.

Немаловажную роль в определении семантики жанра играет пространственный компонент. Проблема пространства в ее соотнесенности с жанровыми координатами и миром художественного произведения поднимается в работах *Р.М. Лазарчук* «Локус станции в рассказе Н.А. Бесстужева “Шлиссельбургская станция”» и *А.Г. Разумовской* «Топос города в романах В.А. Каверина». В первой статье рассматривается семиотическая роль пространства в рассказе Бесстужева, показывается, что оно, мотивируя жанровый подтекст рассказа («происшествие»), стягивает в единый семантический центр все его основные мотивы. А.Г. Разумовская обращается к иной проблематике. Выявляя пространственный инвариант, лежащий в основе

каверинских романов, она показывает его реальную топографическую привязку и обозначает функцию этого инварианта в судьбах романских героев.

С семантическим подходом связан лингвистический аспект исследования художественного произведения. Этому вопросу посвящена интересная статья *К.И. Шарафудиной* «“Материалы для словаря русского народного языка” А.Н. Островского: лексикография или этнопоэтика?». Анализируя семантическую структуру материалов для словаря русского народного языка (который Островский начал собирать в 1856 г.), исследовательница показывает художественное преломление русских фитонимов в творчестве писателя, выявляет принципы их символизации и доказывает зависимость авторской семантики от русской лингвоментальной картины мира.

Не менее значимым, чем семантический аспект, в исследовании эпических жанров оказывается и *фактор литературной традиции*. Литературная традиция во втором разделе сборника рассматривается с точки зрения освоения писателями-прозаиками тех или иных «литературных образцов», что предполагает обращение к вопросам интертекстуального взаимодействия произведений.

Вопросы актуального литературного контекста и проблема освоения текстов русской классики поднимаются в работах *Е.В. Никольского* «Последний роман Всеволода Соловьева “Цветы бездны”: осмысление нищестанства и проблема рецепции Достоевского» и *Е.В. Павловой* «Жанрово-стилевое своеобразие очерков А.Ф. Писемского и общие закономерности литературного развития 1840-50-х годов». Е.В. Никольский анализирует нищестанский код в русской культуре рубежа веков и доказывает, что в романе Вс. Соловьева нищестанские идеи сочетаются с образами и мотивами творчества Достоевского и что это приводит к их аксиологической трансформации. Е.В. Павлова, рассматривая очерки А.Ф. Писемского «в их соотношении с предшествующей литературной традицией» (с. 130), показывает, как художественное своеобразие этих очерков связано с принципами соотношения между жанром и методом изображения действительности.

Выявление литературной традиции на формально-содержательном уровне предполагает обращение к проблемам «межтекстового» взаимодействия. Влияние интертекстуального компонента на генезис художественного произведения анализируется в статьях *М.А. Кучерской* «Лесков и Грибоедов: один из “претекстов” драмы “Расчиститель”», *О.В. Сливицкой* «Оля Мещерская и Ольга Орг (И. Бунин и Ю. Слѣзкин)», *П.В. Бекедина* «“Книжища выйдем — право, тома три” (Об одном толстовском замысле В.М. Гаршина)». В последней

работе исследуется замысел так и не написанной Гаршиным книги «Люди и война», выявляются связи этого задуманного произведения с другими произведениями писателя.

К проблеме литературной традиции, рассматриваемой с точки зрения жанровой составляющей, тесно примыкает и тема, связанная с вопросами бытования литературного произведения в контексте эпохи. Этой теме посвящена работа Ю.И. Красносельской «“Альберт” Л.Н. Толстого как повесть для современника (о литературном контексте и способах его создания)» и статья М.В. Трунина «К проблеме комментария к “Чернокнижникову” А.В. Дружинина: судьбу какого Мильгофера предсказал М.Н. Лонгинов?».

Следующий подход к эпическим произведениям в статьях второго раздела связывается с *выявлением в художественных текстах тех или иных предшествующих жанровых канонов*. Так, в работе А. Орловской «Демонологический компонент в поэмах Николая Радищева (Богатырские песнотворения в стихах)» анализируется влияние фольклорных жанров на становление русской сказочно-богатырской поэмы в стихах в творчестве Н. Радищева. В статье О. Глывко «Пословица “Время все сладит” в “Барышне-крестьянке”» исследуется интересный феномен «встроенности» паремии в семантическую ткань повествования. Проблеме взаимодействия жанров посвящено и исследование И.Ф. Гнусовой «Традиция пасторали в романе Л.Н. Толстого “Воскресение”». Здесь автор, определяя принципы трансформации жанра пасторали в романе Толстого, показывает, что они связываются с самой структурой мира романа и ценностными установками писателя.

Отдельного упоминания заслуживает статья М.С. Макеева «Жанр автобиографии и эволюция “автобиографизма” в творчестве Н.А. Некрасова». Исследователь разводит автобиографизм как *принцип творчества* и автобиографию как *жанр*, доказывая, что в основе некрасовского автобиографизма лежит установка на предельно объективное изображение действительности. Примечательно, что само понятие «правдивости», как доказывает Макеев, является культурно обусловленным, оно диктуется той аудиторией, к которой принадлежал сам Некрасов. Появление же в конце его творческого пути жанра автобиографии связывается с тем, что для Некрасова оказывается важным еще и понятие *искренности* (которое соотносится с субъективным фактором, исключаемым понятием «правда»). На пересечении этих тенденций, как убедительно доказывает исследователь, и рождается жанр автобиографии, где сложно переплетены объективная и субъективная истины, поэт и человек.

Автобиографическим реалиям также посвящена статья *Е.И. Трофимовой* «Театр в биографии и творчестве Лидии Чарской», где рассказывается о непростой «театральной судьбе» писательницы и с проекцией на автобиографические реалии описывается «театральный текст» в ее творчестве.

Если во втором разделе исследователи идут от конкретных эпических произведений к вопросам жанрового порядка, то в третьем разделе «Вопросы теории и поэтики эпических жанров» центральной категорией становится сам жанр. Так, основные исследовательские линии раздела связаны прежде всего с изучением жанрового облика русской литературы XVIII–XIX вв. (работы *А.О. Шелемовой* «Героическая поэма в литературе русского классицизма: актуальность жанра», *Д.Л. Карпова* «Искания Пушкина-прозаика в контексте развития русской прозы 1820–1830-х гг.», *Н.Н. Акимовой* «Петербургский фельетонист и литературная авторефлексия в русской прозе XIX века» и др.). Вопросы жанрового порядка находятся и в центре статьи *И.В. Мотейунайте* «Психологический этюд Д.И. Стахеева “Отец Варфоломей”: на пути от очерка к роману», где анализируется жанр «психологического этюда», который выступает «переходной к роману формой <...>» (с. 331).

В разделе также затрагиваются проблемы типологического взаимодействия жанров, им посвящены работы *С.Ш. Шарифовой* «Двухполярность художественного изображения в романе XIX–XX века: диспут реализма и модернизма» и *Г.В. Зыковой* «К вопросу о западноевропейских соответствиях толстовскому выражению “догматический роман”». В последней работе рассматривается сама история названного жанра и доказывается, что «молодой Толстой мыслит свое творчество в контексте не столько современной ему русской, сколько общеевропейской <...> литературы» (с. 310).

Завершает раздел (и первый том сборника) работа *А.М. Березкина* «Продуктивные модели образования литературоведческих терминов и их понятийное содержание (“пост...”, “нео..”, “...изм” в обозначениях литературных направлений)». Здесь исследователь рассматривает образование терминов в культурно-лингвистическом аспекте, очерчивая семантическую область указанных словообразовательных средств.

Второй том сборника состоит из двух крупных разделов. Первый — по нумерации четвертый — раздел «Значение произведений малоизвестных авторов в литературном процессе XVIII–XX веков» по своей смысловой направленности продолжает основные тематические линии первого тома. Так, здесь в центре внимания вопросы литературной традиции и рецепции, которые трактуются

авторами статей в жанровом аспекте (*К.А. Чекалов* «Жанр романа в интерпретации аббата Дефонтена», *Е.Е. Дмитриева* «Парафразы на тему “Мертвых душ” в массовой беллетристике», *Е.М. Аксёненко* «О месте поэмы в творческом наследии монахини Марии»). В статье *Т.И. Акимовой* «Роль сказок Екатерины II в литературном процессе конца XVIII — первой четверти XIX века», примыкающей к этой тематической линии, рассматривается ряд интересных проблем, связанных со «смыслопорождающим» потенциалом сказок Екатерины II. Анализируя коммуникативные авторские установки, исследовательница изучает не только проблемы рецепции сказок, но и сам процесс жанрообразования, осуществляемый в поле художественного диалога.

В разделе также исследуются *вопросы бытования художественных произведений забытых писателей в литературном контексте того или иного периода*. Этим вопросам посвящены работы *Л.А. Перфильевой* «Из пушкинского литературного окружения: забытая повесть кн. С.Г. Голицына (Фирса)», *Е.Н. Пенской* «Сухонин П.П. и его сочинения в историко-литературном контексте 1840–1890-х годов», *Н.Б. Алдоиной* «Анна Гернер — писательница 40-х — начала 50-х годов XIX века», *А.М. Грачевой* «Забытое имя русского Зарубежья: Иван Болдырев (к истории парижской литературной школы Алексея Ремизова)». Отличительными особенностями этих статей становится богатство фактического материала и подробный анализ принципов взаимодействия творчества того или иного писателя и литературной «обстановки». Сюда примыкает статья *Романа Войтеховича* «Историко-биографическая проза Лидии Бать», где рассматриваются жизненные перипетии писательницы и дается содержательная интерпретация некоторых ее произведений.

Большое место в этом разделе отдано вопросам *поэтической семантики* тех или иных произведений. Исследуется их тематика (*Н.Н. Мельникова* «Тема проституции в произведениях “забытых” писательниц русской литературы начала XX века: Ольга Белавенцева и ее книга “Трагедия падших”»), проблематика (*Н.Ю. Зимина* «“Падшие” героини Ф.М. Достоевского в кругу семьи: социальная и идейная проблематика»), анализируются особенности построения образной системы (*Я.В. Крутова* «Провинциальная актриса в романе А.А. Соколова “Театральные болота” (поэтика образа)», *У.С. Кузнецова* «Модели женственности в мемуарах Т.А. Астраковой (“Из воспоминаний о Герцене” Т.А. Астраковой)»), уделяется внимание анализу хронотопа (*Анна Станкевич* «Мультинациональное культурное пространство Риги 20-х — 30-х годов XX века в романе И. Сабуровой “Корабли старого города”»), поднимаются вопросы

мифопоэтики (Н.К. Новикова «Миф о героической средневековой Испании и его воплощение в эпических произведениях английских и испанских романтиков»).

Особняком стоит статья А.А. Александровой «Маргинальные эпические формы современной литературы (на примере романов Ольги Арефьевой и Мариам Петросян)», посвященная проблемам современной прозы. Автор доказывает, что, несмотря на все различие двух писательниц, их романы на типологическом уровне репрезентируют определенную ветвь развития современной прозы, для которой характерны размывание жанровых границ романа, реально-мистический хронотоп, особый тип персонажа и сложность семантического строя.

В пятом разделе второго тома «Междужанровые и межродовые взаимодействия в разных “литературных рядах” (классика, беллетристика, “низовая литература” и т.д.)» основное внимание уделяется *пограничным межродовым формам*. Статьи этого раздела можно разделить на два класса. В первом случае исследуется лирическое начало в эпических и лиро-эпических произведениях (работы О.И. Федотова «Сонет как строфа в эпическом дискурсе (Поэма Аполлона Григорьева “Venezia la bella”)», Е.В. Сашиной «Эпическое начало поэзии Шарля Леконта де Лиля (на материале “Варварских стихотворений”)» и другие исследования). Сходная проблематика поднимается и в статье С.Н. Ефимовой «Лиро-эпика в русской провинции конца XX века: Константин Васильев как автор и исследователь поэм». Отмечая тесную связь лирики и эпика в творчестве К.Васильева, исследовательница выявляет литературную родословную его поэм, доказывая, что художественное творчество поэта тесно связывается с его критическими штурмами.

Во втором случае изучается эпическая составляющая в лирике. Особый эвристический интерес представляет изучение с этой точки зрения свободного стиха, чему посвящена статья У.Ю. Веринной «Эпическое и прозаическое в современном свободном стихе». Исследовательница обращается к творчеству современных поэтов, использующих технику свободного стиха, анализирует его синтаксические и семантические особенности, показывает связь этих двух факторов и уточняет типологию свободного стиха, предложенную Ю.Б. Орлицким.

В работе Г.А. Амановой «Эпические тенденции в корейской поэзии первой половины XX века», посвященной проблемам связи лирики и эпоса, на первый план выдвигается сугубо семантический фактор: автор статьи анализирует принципы и приемы эпизации

стихотворений преимущественно на смысловом, мотивно-образном уровне. Речь идет о первой корейской эпической поэме — «Пектусан» Чо Ги Чхона.

К проблеме межродовых взаимодействий примыкают *вопросы междужанровых отношений*, которые рассматриваются в работах *Н.А. Петровой* «Взаимодействие мемуарного и романного начал в повести Е.Н. Ахматовой “Завещание”», *Натальи Кононовой* «“Памятные записки” Давида Самойлова как синтез беллетристических, исторических, автобиографических начал». В этих статьях анализируются принципы взаимодействия разных жанровых канонов, которые играют важную роль в организации эпического повествования.

Помимо жанра и рода при анализе эпического произведения необходимо учитывать типы дискурсов, сосуществующих в художественном произведении. Этому вопросу посвящена статья *А.А. Булгаковой* «Художественное слово и слово массовой коммуникации в романе Умберто Эко “Таинственное пламя царицы Лоаны”». Исследовательница, анализируя взаимодействие медийного и художественного дискурсов в романе итальянского писателя, в когнитивном ключе исследует «онтологическую» семантику произведения, связанную с разными метафорическими способами осмысления концепта «мир».

Как показал наш анализ, статьи второго тома сборника в большей степени ориентированы на конкретные историко-литературные проблемы, в то время как в первом томе существенное место занимают вопросы теоретического порядка. В целом же рецензируемый сборник оказывается исключительно насыщенным по своему содержанию. Так, с одной стороны, исследуются забытые произведения, показывается их роль в литературном процессе, вводятся в литературоведческий оборот малоизвестные и забытые тексты. С другой стороны, большое внимание уделяется теоретическим принципам и методам жанрового анализа, предлагаются разные подходы к эпическим жанрам, ориентированные на семантический, формально-содержательный, межродовой и междужанровый компоненты.

О.П. Темиришина

Сведения об авторе: *Темиришина Олеся Равильевна*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова. E-mail: olesja@temirshina.ru

**Символизм как художественное направление:
Взгляд из XXI века: Сб. ст. / Отв. ред.: д-р филос. наук
Н.А. Хренов, д-р искусствовед. И.Е. Светлов. М.:
Гос. ин-т искусствознания, 2013. 464 с.**

В сборник включены материалы международной конференции «Символизм как художественное направление: взгляд из XXI века» (Москва, 16–19 апреля 2012 г.), в которой приняли участие как искусствоведы, так и исследователи, представляющие другие отрасли гуманитарной науки. Символизм участники конференции рассматривали как явление мировой художественной теории и практики, включив его в контекст истории искусства в целом, и в соотношении с теми процессами, которые происходили в культурной жизни России на рубеже XIX–XX вв. Внимание было уделено и проблеме трансформации традиций символизма в советском искусстве — статьи на эту тему собраны в завершающем сборник разделе «Традиции символизма в искусстве XX века» и посвящены анализу «советского символизма». Так — «“Советский символизм”. Мистерия масок» — названа статья *А.К. Якимовича*, предлагающего рассматривать художественную культуру советского периода нашей истории как воплощение некоего «исторического парадокса» — соединения архаики с модерном и даже авангардом. Символистская идея жизнотворчества (представленная как логическое продолжение исконных традиций русского словесного искусства) в соотношении с планами новой власти по переустройству жизни рассмотрена в статье *В.И. Мильдона* «Символизм и большевистская “эстетика жизни”». Литературно-политический аспект символистской доктрины анализируется и в статье *М. Дель Буфало* «Лев Троцкий, Антонио Грамши и культура символизма». Тем не менее большинство опубликованных в сборнике материалов посвящено живописному символизму, что логично, так как основной состав участников конференции — историки и теоретики изобразительного искусства.

Филологам полезно будет ознакомиться с такого рода трактовкой символистской эстетики, обычно исследуемой с точки зрения истории и теории литературы. Возможно, ряд тезисов, выдвинутых коллегами из смежной сферы, заставит вернуться к теме символизма в литературе, казалось бы досконально изученной, и, что не исключено, скорректировать свои представления с учетом высказанных искусствоведами взглядов. В этом смысле особенно интересны раз-

дела, в которых речь идет о воплощении идей символизма в разных *не-словесных* видах искусства: живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, балете, а также в декоративных видах искусства (обратим внимание на статью *Л.В. Казаковой* «Стекло как символ»).

Этой проблематике посвящен раздел «Символизм в разных видах искусства», куда вошли статьи, в которых обозначены точки пересечения русской живописи и поэзии эпохи расцвета символизма, в частности на примере взаимоотношений М.А. Кузмина и К.А. Сомова (см.: *Боулт Дж.Э.* «Горькое — сладкое: Михаил Кузмин и Константин Сомов»), или же проведены параллели при анализе моделей пространства в литературном и живописном символизме (см.: *Давыдова О.С.* «Эстетическая топография модерна»). Несколько статей посвящены воздействию символистской эстетики на творчество отечественных скульпторов (см.: *Галина Т.А.* «Символизм в творчестве А.С. Голубкиной»; *Коненкова А.К.* «Символизм в скульптуре С.Т. Коненкова. Фольклорные образы»). Отдельный аспект в анализе символистской скульптуры представлен в статье *К.Н. Гаврилина* «Проблема архаизма в скульптуре русского символизма», акцент в которой сделан на «антиклассической» тенденции, инициированной в изобразительном искусстве именно символизмом, нашедшим «новую эстетическую модель» в том числе и в архаических культурах.

Как источник революционных изменений в архитектуре более позднего времени рассматривает символизм М.В. Нащокина («Символизм в архитектуре русского модерна»), уделяя внимание в том числе и интерьерам, характерным для эпохи модерна.

Разумеется, наряду с исследованиями, посвященными русскому символизму, в сборнике широко представлены статьи, где предмет анализа — западноевропейский символизм и его интерпретации в разных видах искусства, как, например, «Символизм в архитектуре Антонио Гауди» *Е.В. Калимовой*, «Альтернативы и синтезы символизма (метафорические смыслы наготы и костюмировки фигуры человека в символистской живописи)» *И.Е. Светлова*, «Символика балетов Бартока» *А.Г. Солодовниковой*.

Отдельный раздел составили статьи, представляющие сравнительный анализ творчества русских и зарубежных символистов. Интерес представляет статья *Н.З. Башинджагян* «Станислав Выспянский и Александр Блок — возможности творческих сопоставлений», причем диада эта дополнена Михаилом Врубелем. Своеобразным воплощением идеи синтеза искусств, характерной для эстетики символизма, предстает польский поэт и художник Выспянский. Подобный «триптих», позволяющий реконструировать акт передачи «эстафеты смыслов», — от Эдгара По к русскому символизму — представлен

в статье *В.Б. Вальковой* «Сокровенные смыслы поэмы “Колокола” Э. По — К. Бальмонта — С. Рахманинова». Есть сопоставления географически и исторически достаточно близких культур, как, например, в статье *А.М. Василенко* «Влияние английского эстетизма на русскую символистскую критику», и сопряжение пространств и эпох, далеко отстоящих друг от друга. В частности, в статье *В.А. Дубровиной* «Образ Сфинкса в художественной культуре русского символизма» раскрываются принципы освоения русским символизмом культуры Древнего Египта — в соотношении с европейской традицией. Общие же положения о соотношении русского и европейского символизма излагаются в открывающей этот раздел статье *М.А. Ариас-Вахиль* «Французский и русский символизм — творческая асимметрия», в которой акцент сделан на выяснении природы русского декаданса в его соотношении с русским символизмом.

Внимания заслуживает раздел «Новые грани и аспекты символизма», где есть в том числе статьи, трактующие ряд интересных проблем, — на первый взгляд периферийных, но способствующих созданию целостного образа русского символизма, множеством нитей связанного с мировой культурой («Русский символизм в Венесуэле» *А.Д. Маполис*); проникающего в такие культурные пространства, как русская церковная архитектура («Русская церковная архитектура начала XX века в контексте символизма» *И.Е. Печёнкина*), книжная графика («Символизм и массовые издания начала XX века» *И.В. Обуховой-Зелинской*).

Статьи же, в которых трактуются проблемы западного живописного символизма («Камерный символизм художников группы “Наби”» *В.А. Крючковой*, «Символизм и мексиканский мурализм» *А.В. Соколова*, «История изучения ранней нидерландской живописи и культура символизма» *А.И. Савицкой*), позволяют существенно расширить представления о литературном символизме Западной Европы.

Вполне закономерно, что предшествует освещению «прикладных» вопросов существования эстетики символизма в культурном поле России, Европы и Америки в разные исторические периоды блок статей, в которых проанализированы вопросы общего характера. Собраны они в разделе «Философско-эстетические аспекты символизма». Вероятно, не все высказанные в статьях соображения, касающиеся мировоззренческих основ русского символизма, как и его взаимодействия с литературными школами предшествующего периода, могут быть приняты безоговорочно. Здесь есть еще о чем поспорить, в частности, о принципах соотношения русского символизма с ренессансной и средневековой культурой, о правомерности жестко определенной оппозиции *символизм — позитивизм* (и то и

другое в рамках определенного исторического периода, рубежа XIX и XX вв.), о чрезмерном педалировании таких элементов в философии русского символизма, как теософская доктрина, штейнерианство, сектантство. Однако подобного рода разночтения неизбежны при исследовании столь емкого, многоликого (даже в пределах отдельного взятого этапа существования) явления, как символизм, к тому же решительно настроенного на захват «чужих территорий», следствием чего, как правило, было сложное варьирование и ключевых понятий, и ключевых идей, и самих основ, на которых базировалась эстетика символизма. Этим, отчасти, можно объяснить парадоксальную зависимость от символизма позже появившихся в России литературных школ (не только акмеистических, но в той же мере и футуристических), не сумевших, несмотря на декларативный отказ от преемственности, избавиться от этого «родства». И это же — одновременно — объясняет, чем были обусловлены претензии, которые «обновители» русского искусства 1910-х годов предъявляли теоретикам символистской доктрины, оставившим недовольным наследникам правильно поставленные вопросы и бесконечное множество ответов на эти вопросы, однако не указавшим, какой из ответов можно считать единственно верным.

Е.А. Певак

Сведения об авторе: *Певак Елена Александровна*, канд. филол. наук, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: epevak@yandex.ru

**Гончаров: живая перспектива прозы.
Научные статьи о творчестве И.А. Гончарова.
Сомбатхей: Издательство «University of West Hungary
Press», 2012. 532 с.**

В России рецепция творчества Гончарова давно приобрела грандиозный масштаб: каждые пять лет выходят сборники материалов конференций, проводимых в июне. Первая венгерская конференция, которая называлась «Романы Гончарова в литературе XIX–XX вв.», состоялась в сентябре 2012 г. в городе Сомбатхее и стала, как пишет главный редактор настоящего издания *Ангелика Молнар*, «уникальным» событием, «так как ни в Венгрии, ни в соседних странах не было подобных научных мероприятий» (с. 8). Это явление оказывается еще более значимым, если учесть, что в Венгрии исследование творчества Гончарова до недавнего времени ограничивалось поиском главных мотивов его произведений и популярными биографиями писателя, а сами романы не пользовались большой известностью.

В сборнике собраны как работы венгерских ученых-гончароведов, так и статьи приглашенных авторов — представителей Франции, Германии, Австрии, Сербии, Словакии, Хорватии, Болгарии и, конечно, России. В издании материалов приняли участие также переводчики «Филологического журнала» Венгерской академии наук.

Содержание книги поделено на шесть основных разделов: «Единство произведений И.А. Гончарова», ««Обломов»: поэзия любви и поэтика романа», ««Обломов»: текст романа в культуре и мире читателя», ««Обрыв»: история создания текста и мотивика», «Фрегат “Паллада”», «Филологические сообщения о наследии Гончарова».

В первом разделе основное внимание направлено на онтологическую природу художественного мира Гончарова, находящую выражение в произведениях писателя при помощи многочисленных «скреп» — мотивных и образных, мифологических, культурных, бытовых, пейзажных, психологических и интертекстуальных.

Открывает раздел статья *В.А. Недзвецкого* «Слово о И.А. Гончарове». В ней ученый делает акцент на вневременном значении гончаровских романов, ставящих во главу вопросы бытийного характера и возводящих своих героев в ранг архетипов: фольклорных, исторических, мифологических, библейских и литературных. Множество переключек-прообразов впитал в себя центральный персонаж

«Обломова», что позволяет говорить, по мнению исследователя, о его близости людям разных наций и эпох. Недзвецкий подчеркивает исключительную важность для Гончарова и многих его героев понятий «любовь» и «семья». Именно любовь оказывает гуманизирующее действие на персонажей, но и становится испытанием для них. При этом истинная любовь неотрывна от чувства долга перед возлюбленным. Ученый заканчивает статью рассуждением о книге «Фрегат “Паллада”», которую он именуется четвертым романом писателя, написанным по всем законам этого жанра.

Работа *М.Б. Лоскутниковой* «Иван Гончаров как аналитик литературы» посвящена вопросам эстетики и поэтики в литературоведческих статьях писателя. Большую часть в них занимает мысль о природе искусства и «мышлении образами», продуктом которого является художественное произведение. Методика интуитивного поиска пластических образов противопоставляется аналитическим приемам в литературе. Романисту, по мнению Гончарова, призванному правдиво изображать картину жизни, не следует тем не менее механически копировать действительность. Образ в первую очередь должен быть живым и быть согласован не только с умом, но и с фантазией художника. Гончаров призывает к созданию типических образов, а также аргументирует необходимость психологического обоснования характеров героев.

Объективизм Гончарова-повествователя, по убеждению *А.Г. Гродецкой*, автора статьи «“Пафос середины”»: ирония и автоирония у Гончарова», зиждется на иронии и автоиронии, доведенных в творчестве писателя до автоматизма. Отношение автора к Штольцу, например, неоднозначно: ирония, присутствующая в рассказе о герое в первой и второй частях «Обломова», исчезает в четвертой части. Комическое смешивается с высоким в сфере повествования автора, знаменуя «имперсональный» тип письма. Ирония у романиста, утверждает автор статьи, размывает границы не только стиля, но и жанра; неизменной, похоже, остается только мягкость гончаровского юмора.

С.К. Казакова пишет о функции мотива окна в трилогии И.А. Гончарова. Окно, по мнению автора, становится каналом связи героев с внешним миром, отражающим при этом их индивидуальные внутренние качества, а также духовные искания.

Чаще всего образ Петербурга в произведениях писателя заявлен на уровне мифологии: это равнодушный, холодный город, которому противостоит мир деревни с ее ласковой природой и гостеприимными жителями. Но, как пишет *В.А. Доманский* в статье «Петербургский текст в романах И.А. Гончарова», столица приобретает и другой коло-

рит, характерный для предшествующих текстов русской литературы, вследствие чего возникает их диалог с произведениями Гончарова. Петербург выступает и как город жизненного комфорта, и это среди прочего служит преградой для мечтающего вернуться в деревню Обломова. Также, по замечанию Доманского, романист одним из первых изобразил «мир окраинного Петербурга, захолустья» (с. 55).

Интерес вызывает статья *Л.В. Карасева* «О “движении чувства” у Гончарова», в которой автор открывает склонность писателя представлять чувства, нередко любовные, как стихийные и существующие отдельно от личности, свободно перетекающие из одних душ в другие. Человек в этом случае являет собой «сосуд», в который из внешнего мира может войти какое-то впечатление или эмоция.

Как известно, Гончаров не любил углубляться в своих произведениях в сферу собственно социальную. Однако нельзя полагать, что романы и поздние очерки писателя были несовременны и несвоевременны. *Н.Л. Ермолаева* в статье «О культуре героя в поздних очерках И.А. Гончарова» отмечает: своих персонажей писатель «характеризует не столько приметам социальными, сколько культурными» (с. 93). Их устами он выражает свою позицию относительно духовной и бытовой культуры человека, ценностей и пороков общества.

Пolemической интерпретацией романа «Обыкновенная история» в работе *С.А. Кибальника* выступает роман Г. Газданова «Полет». Сюжетно-образная структура в нем усложнена, а главный герой-рационалист оправдывается автором, и это дает основания для пересмотра оценки «бесчувственного» Петра Адуева.

Другие статьи первого раздела сборника затрагивают следующие проблемы: пейзаж в произведениях Гончарова, концепт «живой жизни» и наряду с ним другие переключки в творчестве Толстого, Достоевского и Гончарова.

Второй раздел объединяет работы, посвященные своеобразию романа «Обломов». Отметим наиболее основательные из предложенных в них идей.

Крупный венгерский ученый-филолог *Арнод Ковач* в статье «“Живое согласие” (Смысловой масштаб симпатии в романе “Обломов”»)» трактует симпатию и любовь в качестве основного двигателя жизни и механизма личностного становления героев «Обломова». В случае с Ильей Ильичом любовь ярче всего проявляет себя, во-первых, когда он пишет письмо к Ольге Ильинской, а во-вторых, когда рассказ о его жизни претворяется Штольцем в романский дискурс. В основе этой и других работ Ковача лежит разработанный им метод

инновации языковых значений, способствующий порождению новых метафорических смыслов.

В исследовании «Нарративные модусы любви в одном из отрывков романа Гончарова “Обломов”» другой венгерский автор, *Эстер Рёриг*, проводит анализ фрагмента, в котором Илья Ильич впервые слышит пение Ольги, в контексте нарративной структуры произведения. Отрывок включает «дистанционно-ироническую» и «сочувствующую» точки зрения (с. 187). Язык наррации, повседневный и поэтический, меняется в зависимости от того, какая показана ситуация. Очень точно подмечено: в отрывке «драматичность создается практически полным пренебрежением временных скачков и описаний, сдерживающих настрой повествования» (с. 186). Наряду с этим максимально отстраненно описано времяпрепровождение Обломова после прослушанной им арии. Некоторые прямые высказывания Ольги и финальная нарраторская оценка состояния героини доказывают, с точки зрения автора статьи, что любовь Ольги и Обломова не взаимна.

Одним из «лекарств», позволяющих Обломову забыть на время о своих обязательствах в любовных отношениях с Ольгой Ильинской, как считает *С.А. Ларин* в статье «“Нарушение воли” (К функции алкогольных мотивов в романе И.А. Гончарова “Обломов”»)», становится алкоголь. Тот же мотив прослеживается и в «Обыкновенной истории», когда Александр, расставшись с Юлией Тафаевой, цитирует стихи, в которых лирический герой утоляет горе вином. Ларин обнаруживает, что намек на «падение» Обломова содержится уже в небылицах, рассказанных Захаром дворне в первой части романа. По словам слуги, барин то навещал вдову, то пил горькую. Илья Ильич сравнивается в статье с героями-пьяницами из очерков «Слуги старого века», «Иван Савич Поджабрин» и книги «Фрегат “Паллада”».

Другие работы этого раздела включают размышления на следующие темы: номинации главных и второстепенных персонажей, пространственные метафоры, природное пространство в «Обломове», квас как характеристика «обломовщины», проблема «вечно женского», антитеза «тишина — шум» в жизни и творчестве Гончарова, случай и судьба в историях любви главных героев романа, хоббиты и обломовцы как персонажи идиллического хронотопа.

Третий раздел сборника, с нашей точки зрения, чрезвычайно важен не только потому, что расширяет границы межкультурного анализа. Статьи, помещенные здесь, дают представление о новейшем восприятии заглавного романа Гончарова за рубежом.

В сборнике есть несколько статей, посвященных переводам «Обломова».

Мария Янкович в работе «Некоторые особенности венгерских переводов романа И.А. Гончарова “Обломов”» рассматривает три на данный момент существующих венгерских перевода романа, в частности то, как передаются на венгерском языке личные русские имена и реалии. Имена, как показывают примеры из статьи, либо транскрибируются, либо частично переводятся. К примеру, Эндре Сабо и Эрвин Серелемхеди при записи полных имен используют стандартный для эпохи австро-венгерского дуализма обратный порядок слов. Разница между переводами видна и на уровне орфографии. Далее Янкович констатирует, что не все предметы быта, блюда, напитки, названия одежды, а также культурные реалии и названия денежных единиц в переводе соответствуют «оригинальным» понятиям. Так, русская водка всеми тремя переводчиками была заменена на национальный венгерский спиртной напиток — палинку. Слово «квас» никак не переводится, но широкой венгерской аудитории оно неизвестно, а значит, нуждается в толковании. О необходимости исчерпывающих комментариев к романам Гончарова, а также к книге «Фрегат “Паллада”» в Словакии говорит исследователь *Душан Теллигер* в статье «“Обломов” и “Фрегат “Паллада”» на фоне творчества И.А. Гончарова».

Восьмой перевод «Обломова» в Германии, изданный в феврале 2012 г., вызвал настоящий ажиотаж среди читающей немецкоговорящей аудитории. Об этом пишет его автор, *Вера Бишицки*, в статье «Вместе с Обломовым в 21-й век (О восприятии нового перевода “Обломова” в Германии и других немецкоязычных странах)» и приводит целый перечень популярных рейтингов, в которых перевод романа занимает лидирующие позиции. Причиной такого небывалого успеха Бишицки называет необычайную актуальность вопросов, затронутых в «Обломове». Скромность не позволила автору обмолвиться о сугубо лингвистических факторах, вызвавших интерес читателей: по наблюдениям *Реки Бартфай*, проведенным в работе «О рецепции Гончарова в немецкоязычных странах», этот вариант перевода гончаровского романа «оказался очень точным и понятным для читателей» (с. 388). Все переводы до последнего издания, продолжает автор статьи, оставляли желать лучшего, что относится и к рецепции наследия Гончарова в Германии в целом.

О восприятии творчества романиста в американском и, в случае с первым автором, английском литературоведении размышляют *Ю.Г. Бабичева* в статье «Основные аспекты и направления рецепции

романа И.А. Гончарова “Обломов” в современном англо-американском литературоведении (К методологической проблеме изучения произведений отечественной классической литературы за рубежом)» и Янош Шелмеци в работе «Goncharov’s “Oblomov” in the American Criticism». Оба исследователя сходятся во мнении, что публикации иностранных коллег, посвященные «Обломову», достаточно фундаментальны и информативны. Бабичева указывает на использование в них положений социологического, мифологического и психологического подходов, Шелмеци выделяет среди предпочитаемых школ психологическую: используя ее приемы и методы, американские ученые стараются избежать односторонности социально детерминированного взгляда на вещи. Оба автора отмечают большое влияние фрейдизма на идеи американского гончароведения.

Ряд исследователей обращается к проблеме межтекстового обмена. Гончаровские аллюзии усматриваются *Мартиной Штембергер* в произведениях французских писателей межвоенного времени Эмманюэля Бова и Андре Беклера. В своей работе «Обломов в Париже: Метаморфозы персонажа во французской литературе 1920-х годов» она замечает, что персонажи их романов переживают кризис эпохи и, будучи не в силах бороться со своим бедственным положением, предпочитают укрыться одеялом и отказаться от каких-либо действий. *О.Б. Кафанова* в статье «Иван Гончаров и Эжен Сю: вариации на тему лени» сравнивает Обломова с главной героиней части «Лень» романа Э. Сю «Семь смертных грехов». Апатия у Сю изображается как достоинство, с чем не спешит согласиться Гончаров в своем романе. *Эржебет Ч. Йонаш* в работе «Параллелизмы реплик Обломова и Иванова И.А. Гончарова и А.П. Чехова (Проблемы речевого воздействия в коммуникации)» и *Н.О. Кононова* в статье «Гончаровские аллюзии в “Драме на охоте” Чехова» находят интертекстуальные параллели между романом Гончарова и произведениями А.П. Чехова, а именно драмой «Иванов» (Илья Ильич — его двойник Иванов) и повестью «Драма на охоте» («упрекающий» тип слуги в лице Захара — «мнимый» слуга Поликарп).

Остальные три работы третьего раздела посвящены методике преподавания романа «Обломов» в школе, образу русского немца Андрея Штольца и интерпретации романа Гончарова в фильме Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни И.И. Обломова», а конкретно — повышенному телесному коду по сравнению с книгой.

Статьи четвертого раздела по большей части обозначают мотивную структуру «Обрыва», а также уделяют внимание ненаписанному роману Райского и эпиграфу из стихотворения Гейне. Предметом

рассуждений Г.Г. Багаутдиновой в работе «“Ненаписанный роман” Бориса Райского: опыт реконструкции (“Обрыв” И.А. Гончарова)» и Ангелики Молнар в статье «Игра в страсть в романе И.А. Гончарова “Обрыв”» становится стихотворение, выбранное в качестве эпиграфа Райского к роману «Вера». Багаутдинова разбирает два отвергнутых и один принятый Гончаровым перевод из Гейне, опираясь на работы А. Федорова и Л.С. Гейро. Автор спорит с точкой зрения Гейро, считающего, что эпиграф касается жизни всех людей. По мнению Багаутдиновой, содержание стихотворения освещает судьбу Райского, осознавшего в финале произведения, что жизнь — не отвлеченная модель для картины художника, а реальность. Ангелика Молнар при анализе стихотворения Гейне использует метод дискурсивной поэтики, введенный Арпадом Ковачем. Языковые средства, выстраивающие эпиграф, по Молнар, «генерируют новое смыслопорождение» (с. 428). Например, рифмующиеся слова в конце строк образуют значимые смысловые пары, раскрывающие замысел всего романа. Обе предложенные работы, в которых применяется указанный метод, поучительны, хотя и небесспорны. Они прокладывают новый путь в развитии гончароведения, который должен быть замечен исследователями.

Е.В. Рипинская, автор следующей статьи под названием «Мотивная структура романа: символическая интеграция vs. семантическая дифференциация (И.А. Гончаров. “Обрыв”)», проектирует целое «генеалогическое» дерево из мотивов, организующих текст «Обрыва» («Приложение», с. 451). В работе пояснены некоторые из них. Мотивы статуи, луча, искры, открывающихся глаз, сна и пробуждения образуют метафорический сюжет, который на протяжении всего романа стремится воплотить Райский. Это ему не удастся, так как получающие разные, а порой и противоположные значения мотивы своевольно ведут фабулу в нужном им направлении. Таким образом, «внутренний потенциал мотивной конструкции» (с. 449), а не автор определяет исход романа, по мнению Рипинской.

В этом же разделе проводятся параллели между «Обрывом» Гончарова, «Войной и миром» Толстого и «Безотцовщиной» Чехова в свете разработки в них мотива скульптуры, а также между «Обрывом» и романом Белого «Москва», в которых акцентирование значения образов Веры и Лизаши Мандро происходит посредством «бестиальных» мотивов. Особняком в разделе стоит статья *С.Н. Гуськова* «О некоторых мотивах критики “Обрыва”», расследующая причины нерасположения критиков-современников Гончарова к заключительному роману его «трилогии».

В статьях пятого раздела, объектом рассмотрения которого стала книга «Фрегат “Паллада”», идет речь о множественности образов и позиций повествователя, пограничном положении произведения в аспекте жанровости, его документальной достоверности и межкультурной коммуникации в нем.

М.В. Отрадин в работе «Между “созерцанием” и “действием”»: повествование в книге И.А. Гончарова “Фрегат «Паллада»” исследует постановку фигуры нарратора во «Фрегате “Паллада”». Многоликость путешественника, по Отрадину, объясняется желанием Гончарова объективировать этот образ. Хотя лики и «не поддаются фокусированию» (с. 472), ученый выделяет несколько наиболее характерных из них: это «обломовец», чиновник, плохо осведомленный о специфике морских походов литератор, информированный путешественник, человек 1840-х годов, проникательный по отношению к язвам своего времени, и т. д. Отрадин подчеркивает, что все эти и другие образы гончаровского нарратора объединены единым сюжетом. Скрепляют лики аналитические рассуждения повествователя и его неизменное внимание к переживаниям человека.

Последний, шестой раздел сборника связывает статьи различной тематики. Это и работа об отношении Гончарова к императору Николаю I, и комплекс писем Андре Мазона русским ученым, и статья о совпадении юбилеев Гончарова и Бориса Михайловича Ляпунова, крупнейшего историка русского языка, у которого в 2012 г. был 150-летний юбилей.

Любопытна работа *С.В. Денисенко* «Из наблюдений над рукописью “Необыкновенной истории” И.А. Гончарова», в которой автор рассказывает о проведенной им текстологической экспертизе над автографом «Необыкновенной истории». Аккуратная рукопись, написанная понятным почерком, доказывает, по словам Денисенко, что ее писал вполне здоровый человек, вопреки бытующему мнению на этот счет.

Содержание сборника, необыкновенно объемного и информативного, служит доказательством возросшего интереса к художественному наследию Гончарова во многих странах мира и в том числе в Венгрии.

А.Ю. Шедловская

Сведения об авторе: *Шедловская Анастасия Юрьевна*, студентка 5-го курса филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: 790757@gmail.com

Гуревич А. М. Сокровенные смыслы. Статьи о Пушкине (1984–2011). М.: Совпадение, 2011. 208 с.

Книга известного пушкиниста и историка русской литературы А.М. Гуревича подытоживает его работы последних лет. Статьи, написанные с 1984 по 2011 г., объединяются понятием «сокровенные смыслы». Речь идет о таких произведениях Пушкина 1825–1834 гг., как «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник», «Пиковая дама», «Сказка о золотом петушке».

Стремление ученых расшифровать «тайнопись» творчества Пушкина не раз оборачивалось подлинными научными открытиями. О присутствии таящегося в пушкинском произведении современного подтекста писала А. Ахматова, раскрыв намеки и аллюзии автобиографического характера в «Сказке о золотом петушке». В современной пушкинистике к традиции освоения глубинного смыслового пространства «Египетских ночей» обратился В.С. Непомнящий. Работа А.М. Гуревича открывает новые грани традиционной темы: «скрытые» в смысловом пространстве художественных произведений оригинальные социально-политические идеи. На этом пути у автора книги тоже немало именитых предшественников. Например, С. Франк считал Пушкина «величайшим русским политическим мыслителем XIX века», своего рода либеральным консерватором, чьи взгляды не совпадали с программами различных обществ, течений, движений XIX в.¹

В открывающем работу концептуальном разделе «Мифология пушкинистики» названы основные мифы, ставшие препятствием к непредвзятому освоению темы: «артистический», в духе «чистого искусства», — о чистом художнике, чье творчество лишено значимого общественного содержания; религиозно-монархический — о поэте как стороннике самодержавия; полярный ему советский — о Пушкине как непримиримом враге самодержавия, пламенном революционере, единомышленнике декабристов. А.М. Гуревич, комментируя мифологизирующие тенденции, настойчиво выступает против упрощения, однолинейности, схематизма: «В этом мифологизме кроется драма непонимания, так как миф фиксирует одну грань явления за счет

¹ См.: Франк С. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX в. М., 1990. С. 398.

других. Нужно выявить их внутреннюю, глубинную связь и заложить основы синтеза» (с. 21).

Опираясь на работы Ап. Григорьева, П. Анненкова, С. Франка и Г. Федотова, исследователь так формулирует общественный идеал Пушкина: «Его привлекала государственность допетровской Руси, в судьбах которой важную роль играло старинное дворянство. К потомкам этих древних родов Пушкин относил самого себя и своих друзей-декабристов <...> Истинная аристократия, материально и политически независимая (в отличие от полностью зависимого от царской милости нового дворянства), призвана служить представительницей и защитницей народа перед лицом верховной власти. А ее постепенное уничтожение, все большая утрата ею политического значения (к чему приложили руку Романовы) чреваты социальной катастрофой — русским бунтом, “бесмысленным и беспощадным”» (с. 23–24).

Глубинные социально-политические смыслы, будучи «сокровенными», «потаенными», вместе с тем и обнаруживают себя в художественных текстах великого русского поэта. Поэтика пушкинских произведений, убежден А.М. Гуревич, — это «поэтика подразумеваний». Она предполагает наличие смысловых лейтмотивов, ключевых слов, понятий-интуиций, воспроизведение определенных типов сознания и нравственно-психологических комплексов — своего рода проводников «сокровенного». Убедиться в достоверности открытых подтекстов помогает соотнесенность художественных образов с высказываниями поэта «от первого лица» в публицистике, литературно-критических статьях, переписке, Дневнике 1833–1835 гг.

Пожалуй, самые яркие и полные неожиданных наблюдений страницы посвящены «Борису Годунову». От краткого обсуждения сказанного предшественниками А.М. Гуревич идет к формулировке нерешенных вопросов. О Борисе говорится как о типичном представителе «новой знати», стремящейся к власти любой ценой, в противовес истинному герою — «древнему русскому боярству», «исконному врагу самодержавного произвола» и в то же время его «жертве». Как далеко не случайное рассматривается и внимание поэта к «мятежному роду» Пушкиных и трем его представителям — Афанасию и Гавриле, боярину Рожнову. По воле поэта они произносят весьма значимые политические речи (о первостепенной значимости «мнения народного», например) и принимают самое активное участие в событиях Смуты. Исторические факты используются поэтом достаточно свободно вплоть до героизации Пушкиным своих предков, преувеличения знатности своего рода, занижения социального ста-

туса Годуновых, усиления деспотических черт в Борисе и наделения Самозванца «прямо-таки моцартовской легкостью» (с. 69).

Решительно уходя от упрощенного понимания и трактовки знаменитой трагедии, А.М. Гуревич находит в ней и «прямой вызов Романовым», продолжившим политику на ослабление старой аристократии. Гипотеза ученого об острозлободневном звучании трагедии получает свое подтверждение в сопоставлении «летописец Пимен — Александр Пушкин», основанном на уподоблении изгнанника политического монастырскому затворнику. К сожалению, в книге не оговорены границы этого сходства. Все-таки беспристрастие и объективность Пимена, каким он изображен в трагедии, отличны от пушкинского тяготения к злобе дня, на которой настаивает А.М. Гуревич.

Глубокий социально-политический символизм раскрывается и в разделе «Поэма без героев (К истолкованию “Медного всадника”)». Загадочное соединение в Евгении нищеты и знатности видится ученому частью пушкинских размышлений о дальнейшей судьбе родовитого русского дворянства, его социальной деградации. Слово «негерои» указывает на символический характер главных действующих лиц, лишенных неповторимой индивидуальности и скрывающих в себе множество аллюзий: Евгений — Пушкин, Петр — Николай. Художественный текст поэмы и, в частности, жест Евгения «Ужо тебе, строитель чудотворный!» в интерпретации А.М. Гуревича соотносится с первично-жизненной реальностью: «Своего рода реализацией этой угрозы — дерзким вызовом царю и всему его окружению стала последняя дуэль Пушкина» (с. 128).

Существенно дополняют эту часть работы замечания, касающиеся полемики Пушкина с Мицкевичем. Если польский поэт в борьбе с тиранией в России возлагал надежды на помощь извне, то Пушкин считал разрешение конфликта внутренним делом страны, где должен быть восстановлен союз власти и старинного дворянства.

«Сказка о золотом петушке», по мысли А.М. Гуревича, во многом родственна «Медному всаднику». Здесь преломилась кульминация в конфликте поэта и царя. Обратившись к одной из самых загадочных линий повести — противостоянию мудреца и царя, автор показывает, что образ звездочета-скопца таит в себе политический подтекст, обозначая отверженную личность «мудреца-пророка, творящего вездесде злому царю» (с. 175).

Вместе с тем книга не дает ясного ответа на вопрос, какой же образ государственного устройства и политического правления виделся Пушкину оптимальным. Ясно, что поэт был противником самовластия, деспотизма, тирании, но во имя чего — монархии, конститу-

ционной монархии, республики? Каким виделся ему союз старинного родового боярства и царя в новых исторических условиях?

В книге неоднократно говорится об устойчивом интересе Пушкина к эпохам смуты и ее деятелям. Обратившись к «Полтаве», исследователь выделил в сюжете поэмы два разнокачественных бунта, вызывающих сложную авторскую оценку. Так, бунт Мазепы, еще одного представителя «новой знати», сурово осужден, а бунт Кочубея против Мазепы подается в ореоле сочувствия. Злободневный подтекст поэмы проявился в сходстве поведения Петра, поверившего Мазепе, и Николая I, казнившего декабристов и совершившего непростительную политическую ошибку.

Веками складывавшийся конфликт старинной аристократии и «новой знати» своеобразно преломился и в «Пиковой даме», где герои-аристократы (Томский, графиня) противостоят стихии своеволия и индивидуализма, безоглядному стремлению к возвышению и самоутверждению Германна.

В ходе своих рассуждений А.М. Гуревич упоминает еще один миф о Пушкине, истоком которого можно считать фрейдистские интеллектуальные и психологические увлечения. В русле этого подхода рассуждают об эротической семантике «Золотого петушка», особой символике «оскопленности» мудреца-звездочета. О новых мифах говорится и в приложении к книге. Оно построено на полемике с теми, кто, во-первых, относит Пушкина к сторонникам абсолютной монархии (Л.М. Аринштейн, И.Ю. Юрьева), а во-вторых, с теми, кто игнорирует политический смысл произведений поэта (С.Г. Бочаров, И.З. Сураг). Получается, что с течением времени число мифов не уменьшается, и нередко мы все больше удаляемся от подлинного смысла пушкинского творчества. Значение рецензируемой книги определяется тем, что она содержит серьезнейший теоретический и методологический вопрос — как защитить литературоведение от мифов, мешающих непредвзятому изучению произведения?

Обращает на себя внимание и тот факт, что в заключительной части книги (с. 179) круг обозначенных мифов сужается до одного «православно-самодержавного», не без пристрастия истолкованного в духе «официальной народности». Разграничение православия как религии и самодержавия как одной из исторических форм правления напрашивается само собой. Заметим, однако, что ошибки сторонников «православно-самодержавного» мифа не в силах устранить факта личной религиозности поэта и его «пути к православию», феномен которого по-прежнему достоин исследовательского внимания. Соотношение религиозности и определенной общественно-политической

позиции также нуждаются в пристальном изучении и как никогда актуальны в наше время. Вызывает сомнения и намеченная в книге родословная «православно-самодержавного» мифа, у истоков которой почему-то находится Пушкинская речь Достоевского, а приверженцами являются философы и видные публицисты начала XX в., придерживавшиеся различных политических взглядов — П. Струве, И. Ильин и др. (с. 12–17)

Отмеченные недочеты ни в коей мере не снижают достоинств книги, где на каждой странице чувствуется испытанная временем любовь к уникальному миру пушкинского творчества. Отметим также, что в приложении автор развернуто полемизирует с новыми интерпретациями последней дуэльной истории и взаимоотношений с Дантесом. А.М. Гуревич аргументированно утверждает, что роман Дантеса и Натали также имел политическую подоплеку — месть «владык мира» строптивому поэту. В таком случае и дуэль выходит за рамки обыкновенного поединка: «... дуэль с Дантесом — больше, чем дуэль. Это поединок со светом, двором, властью, со всеми сплотившимися против него силами» (с. 200–201).

Новая книга А.М. Гуревича позволяет яснее увидеть в пушкинском творчестве не одну сокровищницу художественных ценностей, но и самобытную историческую и социально-политическую мысль, отличную от карамзинской, славянофильской, западнической, уваровской и многих других. Хорошо известные и, казалось бы, досконально изученные произведения полнее обнаруживают свою уникальность, злободневное звучание и немало новых загадок, требующих непредвзятых решений.

С.А. Мартыанова

Сведения об авторе: *Мартыанова Светлана Алексеевна*, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: martyanova62@list.ru

Федотов Олег. Сонет. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 614 с.

Рецензируемый труд О.И. Федотова имеет лаконичное название «Сонет». Длительное время сонет относился литературоведами к твердым строфическим формам (наряду с рондо, ронделем, триолетом, секстиной) и в качестве таковых описывался в структурном и историческом планах¹. В начале 1980-х годов принципиально иной подход был предложен в диссертации С.Д. Титаренко (выполненной под руководством А.С. Янушкевича), рассмотревшей русский сонет первой трети XIX в. как один из лирических жанров эпохи романтизма². Хотя данная работа С.Д. Титаренко, как правило, не фигурирует в библиографических списках сонетологов (рецензируемая книга — не исключение), ее подход, несомненно, учтен отечественным стиховедением (достаточно сравнить словарные статьи о сонете в седьмом томе «Краткой литературной энциклопедии» 1973 г. с аналогичными статьями в последующих отраслевых энциклопедиях — 1987, 2001, 2008). О.И. Федотов на протяжении всей книги называет сонет «жанрово-строфической формой», органично синтезируя оба подхода к интерпретации этого «жанрового феномена» (с. 111).

Книга О.И. Федотова, в которой, как сказано в аннотации, впервые под одной обложкой собраны статьи автора о знаменитой форме, состоит из трех неравных по объему частей. «Часть первая. Поэтический космос сонета», занимающая всего 12 страниц текста, функционально чрезвычайно нагружена, может быть, даже перегружена, поскольку выполняет несколько ролей: это и вступление с общим взглядом на историю мирового сонета как «самой совершенной строфической формы» (с. 11, 20–22) и формулировкой методологических принципов автора по поводу содержательности стихотворной формы (с. 20); это и вводные замечания с перечислением имеющихся в современном стиховедении классификаций типов сонетов (итальянский, французский, английский) и всех его аномальных вариантов (хвостатый, безголовый, двойной, половинный, опрокинутый, сплошной, хромой); наконец, это и по существу заключение исследования, содержащее формулировки, на наш взгляд, итогов проделанного поистине ги-

¹ См., например, фундаментальное исследование стиховых моделей русского сонета: *Вишневецкий К.Д.* Разнообразие форм русского сонета // Russian verse theory. Proceedings of the 1987 Conference at UCLA: UCLA Slavic Studies. Vol. 18. Slavica Publishers, Ins., 1989. P. 455–471.

² См.: *Титаренко С.Д.* Сонет в русской поэзии первой трети XIX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.

гантского труда. К последнему суждению мы еще вернемся. «Часть вторая. Из истории русской сонетианы» — самая большая по объему (свыше 400 страниц). Предлог «из» — очевидное маркирование отсутствия амбициозных претензий автора на полноту исторической картины, но четыре главы, выделенные в этой части, концептуально обозначают авторское видение основных этапов развития русского сонета: «У истоков сонета. XVIII век», «Золотой век сонета», «Серебряный век сонета», «Наследники Серебряного века». «Часть третья. Ассоциации сонетов» также включает четыре главы, в которых дается обзор существующих (в том числе и впервые выявленных автором) объединений сонетов: «Сонетные минициклы», «Венок сонетов», «Книга сонетов», «Роман в сонетах».

После основных трех частей следует небольшой раздел (семь страниц) «Вместо послесловия. История создания одной книги», в котором автор посвящает читателя в историю создания своей антологии «Сонет серебряного века» и в дальнейшие планы издания книг о сонете и ассоциации сонетов. Этот раздел книги читать, конечно, интересно, но думается, что он размывает границы жанра научного издания и вообще представляет собой «архитектурное излишество», поскольку читателю «Сонета» хорошо известна антология сонета Серебряного века, а также многочисленные работы по русской и русско-польской сонетиане, выполненные О.И. Федотовым — ученым, с 1995 г. возглавляющим Международный постоянно действующий научно-творческий семинар «Школа сонета». Справедливости ради следует отметить, что раздел, посвященный истории создания антологии Серебряного века, имеет существенное значение для прояснения позиции О.И. Федотова по одному из основополагающих и до сих пор спорных вопросов «композиции содержания». В письме от 29 апреля 1991 г. к одному из своих почитателей О.И. Федотов пишет: «<...> я не вполне разделяю его (И. Бехера. — С. М.) идеи, в частности, не согласен, что гегелевская триада (тезис — антитезис — синтез) характеризует исключительно сонет. Эта формула всеобщего закона развития, и ее можно применить в принципе к любому поэтическому тексту <...>» (с. 505).

Сформулированный в частном письме подход к содержательной композиции сонета по существу является и методологической установкой для исследования жанрово-строфической формы и — одновременно — итогом многочисленных анализов и разборов, из которых состоит рецензируемый труд.

Завершая обзор структуры книги, особо следует отметить «Приложение. Опыт нового перевода сонетов Мицкевича», в котором даны оригиналы 44 сонетов польского поэта и переводы автора, выполненные белым стихом с сохранением графического облика и размера подлинника (силлабического 13-сложника). Представляется, что своими переводами О.И. Федотов как бы следует указанию сочувственно

цитируемого Н. Гумилева, считавшего, что «поэты-переводчики высшего класса должны иноязычную силлабику переводить русской силлабикой» (с. 270–271), и вступает в плодотворное творческое соревнование со всеми русскими поэтами XIX–XX вв., переводившими Мицкевича не белым, а рифмованным стихом силлабо-тонических размеров. (Анализ этих переводов дан в большом разделе второй главы первой части «Русский Мицкевич».) Демонстрируя возможности русской силлабики, Федотов-переводчик одновременно включается в традиционный для отечественного стиховедения спор о факторах развития русского стихосложения: показывает, что оно зависит не только от национальных особенностей языка, но и от историко-культурной традиции.

В рецензируемом труде главный предмет исследования — русский сонет — рассматривается в контексте всей русской и отчасти мировой поэзии, что позволяет его автору наглядно показать устойчивый интерес русских поэтов (от В. Тредиаковского до И. Бродского) к этой жанрово-строфической форме. Периоды активной жизни русского сонета, обозначенные в названных выше главах второй части книги, всякий раз в общих чертах характеризуются. Особенно это относится к Серебряному веку. Здесь дается краткая характеристика и периоду в целом, и отдельным модернистским течениям, а также «независимым поэтам» и другим оформленным поэтическим группам. Яркой и убедительной представляется характеристика сонета на современном (с 1985 г.) этапе его развития (с. 380). И тем не менее, на взгляд рецензента, наибольшую ценность представляют не краткие очерки сонетных периодов, а «медальоны», посвященные поэтам, которые имеют большое число сонетов. Большое число — это высокий показатель сонетов в строфическом репертуаре поэта (например, сонеты в строфическом репертуаре Вяч. Иванова составляют, по подсчетам автора, 21%); но чаще всего в книге учитываются относительно большие абсолютные числа: 7 (А. Дельвиг), 10 (А. Фет), 13 (А. Ржевский, Ф. Сологуб), 16 (А. Ахматова, В. Ходасевич), 18 (О. Мандельштам), 23 (Е. Баратынский), 28 (В. Набоков), 53 (И. Бродский). Исключение составили А. Пушкин и М. Цветаева, сонеты которых, не будучи частотными, сыграли, по мнению автора, определяющую роль в развитии рассматриваемой жанрово-строфической формы. Сонеты всех поэтов анализируются с одних методологических позиций и по одной методике: приводится пронумерованный список стихотворений с полным воспроизведением заголовочного комплекса и указанием даты написания текста; рядом помещаются стиховедческие данные — размер и схема рифмования. Последняя дает представление о чередовании мужских и женских (в отдельных случаях — и дактилических) окончаний; пробелы в схеме (или их отсутствие) между субстрофами отражают особен-

ности сонетной графики текста. В тех случаях, когда очевидный объем сонета больше (или меньше) 14 строк, автор называет вид аномального сонета. Далее следует анализ каждого стихотворения, помещенного в списке. Этот анализ неизменно дается в двух аспектах. Первый аспект — описание и интерпретация стиховых характеристик текста с целью определения его сонетного статуса: является ли рассматриваемое произведение сонетом, сонетом какого типа, с какими отклонениями от канона и т. п. Второй аспект — анализ движения образов и мотивов, образующих поэтический мир сонета.

При ближайшем рассмотрении итогов анализа в первом аспекте выясняется, что констатация статуса сонета оказывается сложной, для нее требуются значительные исследовательские усилия. Так, в федотовском списке сонетов Баратынского, как уже отмечалось, 23 стихотворения, тогда как в метро-строфическом справочнике по Баратынскому С.А. Шахвердова (не упомянутого О.И. Федотовым) значится только один сонет («Любовь») и один «безголовый» сонет («Когда, дитя и страсти и сомненья...»)³. Противоположная ситуация с интерпретацией сонетов Пушкина. О.И. Федотов констатирует у поэта только три общепризнанных сонета («Суровый Дант не презирал сонета...», «Поэту», «Мадонна») и считает неправомерной интерпретацию Е.В. Хворостьяновой, усматривающей у Пушкина еще 16 аномальных сонетов (см. полемику с Е.В. Хворостьяновой на с. 520–521). Эти и другие подобные случаи объясняются тем, что значительная часть сонетов русских поэтов не имеет номинации «сонет» в заголовочном комплексе (по данным К.Д. Вишневого в упомянутой выше работе, номинация «сонет» с 70-х годов XIX в. отсутствует примерно в трети сонетов). Что касается ныне известных признаков сонета — объем (14 строк), строфика (два катрена и два терцета), рифмование (по итальянскому, французскому или английскому типам), графика (пробел между катреной и терцетной частями или между всеми субстрофами), метрическая форма (преимущественно 6-стопный или 5-стопный ямб), — то они равно присутствуют в так называемых классических сонетах, и в этом случае их выявление не представляет проблемы. Проблемы начинаются, когда один или сразу несколько признаков жанрово-строфической формы отсутствуют. И О.И. Федотов смело берется решать эти проблемы, включая в пронумерованные списки сонетов стихотворения, в которых отсутствуют многие из перечисленных признаков, в том числе — чаще всего! — признак 14-строчного объема или те, в которых признак объема остается единственным («Клоуны разрушают цирк. Слоны убежали в Индию...» И. Бродского). Отсутствие в текстах тех или иных признаков сонета Федотов справедливо трактует

³ Шахвердов С.А. Метрика и строфика Е.А. Баратынского // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979. С. 320, 327.

как структурные инновации сонета. Но где их предел? Отмечая, что среди сонетологов нет единого мнения о пороге для структурных инноваций сонета, автор книги предлагает определять этот порог (т.е. констатировать статус сонета) «путем перебора релевантно значимых признаков» (с. 19). Представляется, что при всей эффектности данной формулировки она в практическом применении может давать сбои. Например, можно согласиться с автором, что «Когда, дитя и страсти и сомненья ...» Е. Баратынского или «В весенний день мальчишка злой ...» Ф. Сологуба — это «безголовые» сонеты, поскольку в них сокращение объема до 10 строк сочетается с наличием типично сонетной графики и терцетным рифмованием во второй части стихотворений (у Баратынского добавляется еще и метрическая форма — 5-стопный ямб). Но трудно согласиться с автором, что «безголовыми» сонетами у Баратынского являются стихотворения «Не подражай: своеобразен гений ...», «Благословен святое возвестивший!..» Они написаны 5-стопным ямбом, но ни одного специфического признака сонета не имеют, и остается непонятным, почему это не астрофические произведения вольного рифмования (АввАссДеДе). Вывод в отношении принадлежности к сонету многочисленных 10-строчных эпиграмм Баратынского (с. 76) также представляется сомнительным.

Если решение вопроса о статусе сонетов вызывает в ряде случаев возражения, то анализ идейно-эмоционального комплекса («содержания») сонетов представляется практически во всех случаях убедительным, глубоким, подчас исполненным артистизма. При анализе динамики лирического переживания автор опирается на стиховедческие параметры: контраст катренных и терцетных частей, значимые изменения рифмования, сонетный замок, метрические формы и др. В центре анализа находятся «идейно-тематические и мотивно-образные константы» (с. 340), но в интерпретацию текста вовлекаются и субъектно-объектные отношения, и пространственно-временные характеристики, и особенности лексики и синтаксиса рассматриваемых произведений.

Из сказанного очевидно, что имманентный анализ стихотворений с обнаружением всех связей компонентов их структуры для О.И. Федотова наиболее важен. Однако ученый в большинстве случаев не ограничивается этим видом анализа и привлекает к интерпретации текстов многочисленные внетекстовые связи. Глубокому анализу художественного мира произведений способствуют обращения исследователя к датам написания и условиям публикации сонетов (при анализе сонетов А. Ржевского, Ф. Сологуба, Н. Гумилева и др.), а подчас и к их разночтениям (при анализе сонетов Г. Державина, А. Мицкевича и др.). В числе используемых в анализе источников — также библиотека писателя (в связи с Пушкиным), архивные материалы (в связи с В. Набоковым, М. Волошиным и др.), разнообразные отзывы современников,

факты функционирования произведений (чтение О. Мандельштамом переводов сонетов Петрарки союзникам) и др. И наконец, надо особо отметить, что каждый из анализируемых сонетов рассматривается в большинстве случаев в контексте всего творчества поэта и с учетом выявленных автором ассоциаций с темами, мотивами и образами сонетов его предшественников, современников, последователей.

В каждом «медальоне» после детального рассмотрения всех сонетов О.И. Федотов переходит к осмыслению материала в целом и дает классификацию сонетов по хронологическому, жанрово-тематическому и структурному признакам. В этих классификациях ученый сопрягает итоги анализа сонетов в обоих аспектах (в аспекте статуса сонета и аспекте содержания); классификации становятся основой развернутых характеристик во фразеологии автора, сонетного идеостила поэта, представляющих несомненную научную ценность (см. характеристики сонетных идеостилей О. Мандельштама, В. Набокова, И. Бродского и др.).

Будучи, как отмечено в аннотации, серией очерков сонетных идеостилей русских поэтов, книга, к сожалению, не имеет развернутого заключения, подводящего общие итоги проведенных исследований. Однако эти итоги без необходимых в данном случае акцентов по существу сделаны, как мы выше отмечали, в «Части первой» с метафорическим названием «Поэтический космос сонета». Осмысляя результаты исследований О.И. Федотова, следует, на наш взгляд, педалировать два вывода, существенно обогащающих представление о сонете. Первый вывод — о содержании сонета: «Сегодняшний сонет тематически абсолютно всеяден; он включает в себя: признания в любви и дружбе, философские обобщения, пейзажную живопись, бытовые зарисовки, социально-политические декларации, элегические медитации, гражданские лозунги, послания, эпитафии, портреты знаменитых творцов сонета, художников, музыкантов, государственных деятелей, юмор, сатиру и т. д. и т. п.» (с. 20). Второй вывод — о структуре сонета, который как жанрово-строфическая форма представляет собой «системно организованное единство компонентов, отличающихся уникальной связанностью на метро-ритмическом, композиционно-архитектоническом, тематическом, образном и языковом уровнях» (с. 11). Возможность обоих выводов и их научная весомость — результат многочисленных и многоаспектных анализов сонетов русских поэтов, предпринятых в рецензируемом труде.

С.А. Матяш

Сведения об авторе: *Матяш Светлана Алексеевна*, докт. филол. наук, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка факультета филологии Оренбургского государственного университета. E-mail: kklsb@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ РАЗНЫХ ЖАНРОВ И ЭПОХ»: ХРОНИКА КОНФЕРЕНЦИИ

15–17 мая 2013 г. в Институте языкознания РАН в Москве состоялась конференция «Информационная структура текстов разных жанров и эпох», организованная проблемной группой «Логический анализ языка» под руководством чл.-корр. РАН *Н.Д. Арутюновой*. В оргкомитет вошли сотрудники сектора теоретического языкознания: чл.-корр. РАН *Н.Д. Арутюнова* (председатель), докт. филол. наук *М.Л. Ковшова*, канд. филол. наук *С.Ю. Бочавер* (секретарь). В работе конференции приняли участие более 90 ученых из целого ряда стран Европы.

Основными задачами конференции были систематизация и интеграция представлений об информационной структуре, а также изучение ее особенностей в текстах разных жанров (сакральные тексты, художественные тексты, публицистика, дневник и др.), а также анализ ее изменений в различные исторические периоды. Особое внимание было уделено способам введения новой информации в различных коммуникативных ситуациях, специфике адресации в связи с информационной структурой.

Конференцию открыл директор Института языкознания РАН чл.-корр. РАН *В.М. Алтатов*. Доклады, представленные на пленарном заседании, соответствовали основным направлениям работы конференции: информационная структура текста в теории языка, различные способы адресации, специфика художественных и других типов текста. В докладе докт. филол. наук *Е.М. Верецагин* рассмотрел Пространное житие Константина-Кирилла в связи с вопросом о датировке создания славянской азбуки. Агиографические тексты характеризует информационная двуприродность, они могут быть сообщающими или назидательными. Филологическая критика этого исторического источника позволила отнести его к назидательным, а не сообщающим текстам и установить, что именно 863 г. является наиболее вероятным годом создания славянской азбуки.

Докт. филол. наук *Е.В. Падучева* проанализировала употребление второго лица в значении обобщенного первого, такие высказывания, традиционно именуемые обобщенно-личными предложениями (ОЛП), могут выражать различные значения (родового первого лица, повторяющейся ситуации, модальности). Предложения этого типа были сопоставлены с неопределенно-личными предложениями, семантические различия между этими типами предложений коррелируют с параметрами подразумеваемого субъекта (конкретно-референциальный субъект / родовой субъект / кореферентность).

Докт. филол. наук *В.А. Лукин* выделил ряд специфических функций текста. По мнению докладчика, базисной функцией текста, отличающейся

от функций языка, является максимально компактное кодирование сложного знания. Другой важной функцией текста является самоописание, поскольку в любом письменном тексте содержится информация о том, какими должны быть тексты этого типа, кроме того, текст необходим для создания идей-инвариантов, не зависящих от конкретного текстового воплощения, так как они были многократно пересказаны. В результате последовательного применения подобного функционального определения текста был сделан вывод о том, что художественные произведения, нередко рассматриваемые в лингвистике как эталон текста, являются не текстом, а его противоположностью.

Докт. филол. наук *А.Д. Шмелев* посвятил свой доклад феномену имплицитности, рассмотрев различные виды имплицитной информации, извлекаемой из высказываний в процессе речевого общения, а также проанализировал смену типов такой информации и различия в способах ее извлечения в зависимости от историко-культурного контекста.

Дальнейшая работа конференции продолжилась на двух параллельных секциях, на одной из которых рассматривались различные аспекты информационной структуры религиозных и мифологических текстов, в то время как на другой — информационная структура анализировалась с точки зрения прагматики текста.

Канд. филол. наук *И.И. Макеева* изучила диахронические изменения информационной структуры на материале древнерусских сказаний о чудесах, входящих в жития святых, были рассмотрены способы включения чуда в текст жития святого. Было отмечено, что «шкатулочное построение», при котором в текст жития входят несколько полных сказаний о чуде восходит к византийской традиции.

В докладе докт. филол. наук *В.И. Постоваловой* были рассмотрены понимание Божественного Откровения в православно-христианской мысли, его содержание и восприятие человеком. Был поставлен вопрос о границах применения информационной парадигмы при изучении Божественного Откровения и религиозной коммуникации в целом, которая носит не информативный, а перформативный характер.

Докт. филол. наук *И.И. Чельшева* проанализировала различные стороны функционирования проповеди как устного текста, основанного на авторитетных письменных источниках, который особым образом преломлялся в восприятии аудитории (иноязычные и многоязычные проповеди, проповеди *ad statu*, выборочное восприятие информации) и претерпевал значимые изменения при записи (разные типы записей, «мозаичный» перевод при записи, «идеологизация» информации и др.). Особенности проповеди в православии были отражены в докладах *К.В. Литвинцевой*, рассмотревшей ее лексические характеристики, и *О.В. Саломатовой*, рассмотревшей православную проповедь как особый жанр религиозной коммуникации.

Докт. филол. наук *С.Е. Никитина* сравнила структуры молоканских псалмов, духовных песен и беседы (проповеди), их тексты содержат сочетание нескольких речевых жанров, из которых, как правило, один является определяющим и в большой степени обуславливает порядок введения информации. Песни по вводимой в них информации более разнообразны,

чем другие жанры, однако модальность просьбы или призыва в них также присутствует.

Доклад канд. филол. наук *Д.Г. Полонского* был посвящен структурному анализу состава переводных и оригинальных восточнославянских гомилий («Слов», «Бесед», «Епистолий»), приуроченных к дням памяти о Вселенских соборах, составивших эпоху патристики IV–VIII вв. Исследования этих памятников докладчик дополнил анализом гомилии о IV Вселенском соборе. Данная гомилия имеет устойчивую четырехчастную структуру, поскольку фактически состоит из четырех текстов различных жанров и атрибутируемых разным авторам.

Канд. филол. наук *Е.Б. Яковенко* рассмотрела особенности изложения информации в художественных текстах XIX–XX вв., предлагающих различные, как комические, так и сатирические, интерпретации Библии. Эти тексты характеризуются десакрализацией содержания и стилистической сниженностью языка, нарушениями логики изложения и введением субъективных суждений в повествование.

Е.А. Власова установила, что средненижненемецких диалектах формирование узнаваемой структуры происходит за счет использования определенных языковых конструкций, повторяющихся из текста в текст, или определенных молитвенных формул.

На заседании, посвященном прагматическим аспектам информационной структуры, докт. филол. наук *Т.Б. Радбиль* рассмотрел особенности дискурсивной актуализации метаязыковых показателей со значением истинности (*в истинном смысле слова, по правде говоря, доподлинно известно* и др.). Употребляя их, говорящий не имеет в виду установление объективной истины, но реализует некие специфические интенции, связанные с утверждением своей точки зрения на излагаемое содержание.

Докт. филол. наук *Н.Г. Брагина* изучила *рейтинг* как слово и понятие современной культуры, а также интерпретировала рейтинг как регулиующую поведение и создающую шкалу оценки информационную структуру.

Докт. филол. наук *Г.Е. Крейдлин* и *Л.А. Хесед* предложили описание отдельных слов из семантических полей (не)вежливости. В докладе были определены некоторые правила вежливого поведения, а также лингвистические и экстралингвистические условия отклонения от этих правил.

Докт. филол. наук *Р.К. Потапова*, канд. филол. наук *Л.Р. Комалова* посвятили свой доклад индикаторам агрессии в письменном тексте, проведение контент-анализа текстов СМИ позволило создать типологию проявлений речевой агрессии.

Докт. филол. наук *Д.Б. Никуличева* изучила инвариантную информационную структуру и сопоставила способы выражения стандартной и нестандартной информации в политических текстах ритуального характера.

Докт. филол. наук *Д.О. Добровольский* изучил изменения информационной структуры высказывания в случаях узуального использования и трансформации идиом. Как правило, идиома занимает классическую рематическую позицию, т.е. стоит в конце предложения, однако вынос в начало высказывания идиомы или ее части может иметь разные последствия для информационной структуры высказывания: в одних случаях это влечет за собой утрату рематического статуса, а в других — может свидетельствовать

о рематизации всего высказывания, топикализации части идиомы или экспрессивной препозиции ремы.

В центре внимания докт. филол. наук *О.Е. Фроловой* находились способы конструирования и моделирования ситуации в анекдоте. Этот речевой жанр обнаруживает референциальную гибкость и разные способы интерпретации ситуаций в зависимости от характера воспроизводимой действительности или реальности, экспериментально и парадоксально сконструированной.

Канд. филол. наук *Э. Коневал* (Гданьск) рассмотрела способы представления прагматической информации в медиатексте и пришла к выводу о том, что она кодируется на поверхностном уровне текста и затем извлекается главным образом на уровне «мета» (метатекстовом, метамодалном и метаграфемном).

Магистральными темами второго и третьего дня конференции были фольклорный и художественный текст, медийный текст, а также репрезентация информационной структуры грамматическими средствами.

Докт. филол. наук *А.Д. Шмелев* и канд. филол. наук *Е.Я. Шмелева* выделили отсутствие интродукции, замаскированность пуанты и элементы, подталкивающие к ложным выводам в качестве основных характеристик информационной структуры русского анекдота, а также рассмотрели ее в свете взаимодействия языков и возникающей при этом языковой игры.

Докт. филол. наук *Т.Е. Владимирова* предложила металингвистический подход для описания структуры тотемистического мифа, позволяющий раскрыть текстовую, психологическую и религиозно-обрядовую составляющие мифа.

К.Е. Розова разрабатывает систему транскрипции устно передаваемого фольклорного текста, а также систему признаков фольклорного текста, позволяющую дифференцировать жанры фольклора в их прагматическом аспекте. Работа ведется на материале текстов алтайского фольклора, которые анализируются в формальном и содержательном аспекте.

Докт. филол. наук *О.А. Казакевич* сопоставила структуру шаманских песнопений и рассказов о камланиях у селькупов на говорах северных и южных селькупов, были выявлены языковые особенности камланий «на свету» и «в темноте».

Докт. филол. наук *В.В. Наумкин* и докт. филол. наук *В.Я. Порхомовский* выявили характерные особенности информационной структуры фольклорных и ритуальных текстов, представляющих сокотрийские устные традиции. Проведенный анализ позволил сделать вывод об их древнем происхождении, а также уникальной устойчивости их бытования. В качестве наиболее характерных черт этих текстов выделяются: избыточное употребление местоимений, частиц, действительных элементов, обращений и специальных формул, а также многочисленные повторы отдельных фрагментов текста.

Докт. филол. наук *Д.И. Эдельман* провела анализ «Легенды об Александре Македонском», записанной ею на Западном Памире, и установила, что данный текст является переработкой литературного сюжета, переосмысленного с позиций местного восприятия как реального давнего события, с привнесением своего понимания образа Александра и с включением действия в местные реалии.

Докт. филол. наук *Е.Н. Цветаева* рассмотрела образ дерева в немецких пословицах, используя как современный, так и исторический материал. Результаты проведенного лингвокультурологического анализа позволяют судить о проявлениях мифологического сознания в языке, влияющих на семантику отдельных его элементов и объясняющих их функционирование.

На секции, посвященной грамматическому аспекту информационной структуры, в центре внимания участников были адресация, тематическая структура высказывания, синтаксические особенности нарратива и дескриптивного текста. Докт. филол. наук *Ю.П. Князев* установил, что формы 2 лица в диалогическом тексте наиболее естественно сочетаются с вопросами и побуждением, а для целей информирования такие высказывания используются довольно редко.

Канд. филол. наук *А.А. Ануфриев* проанализировал выбор эпистемических предикатов в зависимости от степени уверенности, типа текста и других факторов в испанском языке.

Канд. филол. наук *О.А. Гулыга* выделила два вида информационной структуры предложения в старофранцузском языке, в одном глагол, занимая линейно второе место, служит границей между зонами известной и неизвестной информации, а в другом эту функцию выполняет группа подлежащего независимо от линейного расположения.

Докт. филол. наук *И.Б. Шатуновский* разделил индексальные приемы введения новой информации на отсылающие к самому тексту и на отсылающие к говорящему. В первом случае ввод новой информации совмещается с указанием на место фрагмента текста, содержащего эту информацию, в структуре текста, а во втором имеет дейктический характер и содержит прагматическую информацию.

Канд. филол. наук *А.В. Сидельцев* сопоставил содержание терминов *информационная структура* и *information structure* в русскоязычной и англоязычной лингвистической традиции и на материале хеттского языка продемонстрировал корреляции между категориями актуального членения и дискурсивными категориями.

Докт. филол. наук *А.В. Циммерлинг* выделил общие коммуникативно-синтаксические механизмы, лежащие в основе нарративной инверсии, т.е. преобразования, когда форма глагола выносится левее подлежащего вне зависимости от инверсии или выносов других членов предложения

Докт. филол. наук *Г.И. Кустова* сфокусировала свое внимание на функциях прилагательных в информационной структуре нарративного текста в тех случаях, когда употребление прилагательного необязательно. В этих случаях создается эффект дистанции между наблюдателем и ситуацией, комментируются причинно-следственные связи и развитие сюжета.

Докт. филол. наук *Э.Б. Крылова* установила, что, чем менее достоверным для носителя датского языка является пересказываемое сообщение, тем больше он отстраняется от ответственности за него и тем полнее он передает эту чужую информацию, что маркирует соответствующими показателями чужой речи.

Канд. филологических наук *Е.Л. Григорьян* описала синтаксис дескриптивного текста, который строится как имитация последовательного обзора,

перевода и остановки взгляда, фокусировки внимания, т.е. читатель всегда оказывается в позиции наблюдателя.

Канд. филол. наук *Е.А. Викулова* охарактеризовала обстоятельство в простых предложениях в английском научно-популярном тексте с точки зрения актуального членения предложения.

Докт. филол. наук *В.М. Труб* (Киев) проанализировал соотношение микро- и макротем в тексте, а также выделил ряд языковых средств, которые, с одной стороны, могут быть использованы для описания темы, а с другой — для затушевывания информации, которая не имеет отношения к теме, а также выделил фрагменты, не допускающие деления на тему и ремю, но сообщающие информацию о макротеме текста.

Канд. филол. наук *С.Ю. Семенова* предложила при автоматизированном извлечении параметрической информации использовать субстантивную параметрическую модель расширительно, совершая синтаксические трансформации с релевантной лексикой, и выделила лексические группы, которые могут участвовать в подобных трансформациях.

Докт. филол. наук *Н.К. Рябцева* обратилась к анализу новой текстовой категории, сопоставимой со связностью, *к о н н е к т и в н о с т и* и рассмотрела порождаемую в новом информационном киберпространстве *к о н н е к т и в н у ю* информационную структуру коммуникации, которая приобретает целый комплекс принципиально новых свойств, важнейшими из которых являются глобальность, непрерывность, интерактивность, динамичность, многомерность, гипермедийность и др.

Канд. филол. наук *И.В. Зыкова* изложила результаты изучения феномена фразеологической креативности в дискурсивном ракурсе. Это явление было рассмотрено в концептуальном плане, позволяющем адаптировать фразеологические знаки к достижению прагматических задач говорящего.

Докт. филол. наук *Л.Р. Дускаева* предложила типологию речевых жанров журналистского дискурса СМИ, которые были разделены на информационные, оценочные и побудительные жанры. Докт. филол. наук *Н.С. Бабенко* рассмотрела использование конъюнктива I как маркера непрямо́й коммуникации и способа выражения категории косвенности в информационной структуре немецкоязычного публицистического дискурса. Канд. филол. наук *Ж.И. Рудакова* также обратилась к анализу немецкого публицистического дискурса и выделила разнообразие сообщаемой информации и неоднородность информационного текста как основные характеристики первых немецких газет.

Канд. филол. наук *М.И. Киосе* рассмотрела согласование / рассогласование как единый когнитивный механизм, в котором реализуется трансформация образа референта, что позволило дать объяснение переходу согласования в рассогласование в структуре одной непрямо́й номинации и совместному использованию согласования и рассогласования.

Канд. филол. наук *Г.В. Грачев* проанализировал специфику общения пилотов на английском языке как дискурс закрытого типа.

Ряд докладов был посвящен представлению информации в различных семиотических системах. Канд. ист. наук *А.А. Котомина* проанализировала структуру нелинейного кинотекста 60-х годов, детерминированную техни-

ческими средствами круговой панорамы. Канд. филол. наук *В.А. Нуриев* рассмотрел обеднение информационной структуры оригинального кинотекста при переводе, проанализировав роль песен и музыкальных фрагментов во французских фильмах. Канд. филол. наук *С.В. Кабакова* предложила возможные интерпретации изобразительного дискурса ребенка.

Особое внимание участники конференции уделили структуре и представлению информации в различных видах художественного текста. Докт. филол. наук *Н.А. Фатеева* рассмотрела фактуальность, фикциональность и имагинативность как особые категории художественного текста. Канд. филол. наук *Е.М. Лазуткина* интерпретировала модификацию информации в художественном тексте (преобразовании информации о событии в информацию о факте, комментирование, символизация, концептуализация и др.) как творческое развитие текста на разных уровнях информационной «глубины». Докт. филол. наук *Е.В. Ягунова* предложила трактовку информационной и композиционной структуры художественного нарратива с точки зрения адресата в духе вариативности стратегий понимания.

Докт. филол. наук *Б. Тошович* (Грац) сопоставил информационную структуру авторской и народной сказки, сравнив сказку И. Андрича «Аска и волк» и фольклорные версии сказок о волке. Самое больше различие между авторской и волшебной сказкой состоит в том, что в первой явно выражается индивидуальное понимание жизни и особенно искусства. Докт. филол. наук *М.В. Ляпон* выявила интеллектуальную доминанту в структуре комического текста, выражающуюся в извлечении имплицитных смыслов из остроты.

Канд. филол. наук *А.А. Гук* проанализировала соотношение прозаических, поэтических и драматических фрагментов поэмы «Лесок» М. Кузмина, а также возможное распределение эмоциональной и логической информации в тексте.

Докт. филол. наук *Н.В. Изотова* сделала вывод о близости диалогических фрагментов текста в прозе А.П. Чехова к естественной разговорной речи, поскольку в них есть элементы конситуации, а также тематическая прерывистость в одной реплике.

Докт. филол. наук *Н.Г. Мёд* проинтерпретировала интертекстуальные элементы как особый стилистический прием, основанный на разнообразных прецедентных феноменах, знание которых обеспечивает цельность смысловой структуры принимающего текста и позволяет достичь его корректной интерпретации.

Канд. филол. наук *А.В. Уржа*, анализируя роль рефрена в структуре романа Э. Берджеса «Заводной апельсин», обратилась к трем русским переводам этого произведения, что позволило сделать вывод о том, что в переводах выявляется связь рефрена с оригинальным авторским замыслом, а также отношение переводчика к этому замыслу. Канд. филол. наук *П.С. Дронов* также обратился к различным стратегиям перевода и проанализировал использование буквального перевода, трансформации и контаминации русских и английских идиом в повести В.В. Набокова «Пнин».

Применительно к драматическому тексту были рассмотрены выражение оценочных значений в сопоставлении с прозой (*А.А. Водяницкая*) и особенностями незвучащего текста (канд. филол. наук *К.В. Толчеева*), канд. филол. наук *Л.А. Трахтенберг* предложил анализ комедии В.И. Лукина

«Щепетильник» и ее источников. *А.А. Полканова* изучила способы построения перспективизации в драматических текстах. Канд. филол. наук *С.П. Сорокина* рассмотрела движение и жест в структуре народной драмы «Царь Максимилиан» как особый информационный код, сформированный традициями, выработанными в фольклорных представлениях приемами, воспринятыми со сцены русского демократического театра XVIII в. Докт. филол. наук *М.Л. Ковшова* проанализировала *штору/занавес/занавески* как драматургему, в которой различными способами воплощается идея отгороженности и уюта, в пьесах М. Булгакова и их постановках.

Одна из секций была посвящена особенностям введения новой информации, адресации и структуры поэтического текста. Докт. филол. наук *В.В. Аристов* проанализировал ряд особенностей функционирования местоимений *я* и *ты* в поэтическом тексте, обратив особое внимание на переход от *я* к *ты* как на способ расширения поэтического пространства и «онтологического умножения» поэтической личности.

Докт. филол. наук *Н.И. Голубева-Монаткина* сравнила информационные структуры русского философского текста первой половины XX в. и французского переводного текста конца того же века (*Père Serge Boulgakov* “*La philosophie du verbe et du nom*”), специфика информационной структуры переводного текста обусловлена близостью философских текстов к текстам поэтическим.

В докладе докт. филол. наук *Н.М. Азаровой* было предложено понимание поэтической даты как комплекса, включающего место написания и указание на время, являющееся не аддитивным, а неотделимым компонентом структуры текста. Дата адресуется, выступая важным коммуникативным компонентом поэтического текста.

Канд. филол. наук *Л.Р. Додыхудоева* проследила специфику ведения поэтической проповеди, а также способы введения информации «от автора» и виды обращения поэта к 2 лицу в касидах персоязычного автора XI в. *Насира Хусрава*.

Канд. филол. наук *Е.М. Масленникова* изучила эволюцию семантики формы русского сонета. В процессе деканонизации жанра этот жанр приобретает семантику *кары* или *помилования*, связанную с формальной сложностью сонета и особыми правилами его построения.

А.Л. Полян рассмотрела метрическую структуру как источник сведений о прецедентном тексте на материале поэзии на иврите и выявила особенности представлений о стихе в различные эпохи.

Канд. филол. наук *О.И. Северская* на материале современной русской поэзии выделила способы актуализации информации, задающие отправную точку интерпретации, возможности формирования «данного» как «известного всем», «данного в контексте», а также образной «данности» и проанализировала преобразование экстенсивного, линейного развертывания информационной структуры в интенсивное.

Докт. филол. наук *Ю.Б. Орлицкий* проанализировал авторские метрические указания в структуре поэтического текста в поэзии XIX–XX вв. и проследил эволюцию этого элемента текста, настраивающего читателя на определенный режим чтения, от простых схем до развернутых партитур чтения.

В особую группу можно выделить доклады, посвященные дневниковому и автобиографическому тексту. Ряд общих особенностей автобиографического текста в когнитивном и эмоциональном плане проанализировала канд. филол. наук *Л.М. Нюбина*. Докт. филол. наук *М.Ю. Михеев* предложил разграничение образов адресата и читателя в дневнике Александра Гладкова 60-х годов XX в. Канд. филол. наук *Т.В. Радзиевская* (Киев) обратилась к вопросам репрезентации «внешней» и «внутренней» жизни в языке дневника. Канд. филол. наук *А.М. Сулейменова* проанализировала характеристики литературного языка японских дневников Нового времени, а также структуру разговора с воображаемым собеседником в этих текстах. Канд. филол. наук *О.В. Сахарова* (Киев) представила концепцию полифункциональной языковой личности в структуре автобиографического текста на материале «Автобиографических записок» Г.Г. Нейгауза.

Второе пленарное заседание открыл заместитель директора Института языкознания РАН докт. филол. наук *В.З. Демьянков*. Докт. филол. наук *Т.Е. Янко* при анализе предложений, которые характеризуются препозицией имени нового объекта, из озвученных текстов русской художественной литературы выделила два типа ключевых дискурсивных контекстов: сообщение о появлении на сцене нового предмета как о шаге в развитии основной сюжетной линии и сообщение о бытовании/появлении на сцене нового предмета как о фоне для развития сюжета.

Докт. филол. наук *С.А. Крылов* предложил функционально-коммуникативную классификацию текстов, которая может служить основой типологии их информационных структур.

Докт. филол. наук *К.Г. Красухин* в качестве основных способов подачи информации в древних письменных текстах выделил порядок слов и употребление частиц. В латыни сильная тема маркирована конечным положением имени, а сильная рема конечным положением глагола, что является нейтральным порядком слов для латыни. На материале древнегреческого языка были проанализированы местоимения, указывающие на новый или ранее упоминавшийся предмет, и частицы, маркирующие начало периода.

Докт. филол. наук *Анна А. Зализняк* обратилась к парадоксам фикциональности и автора при построении нарратива. Первый заключается в том, что, несмотря на то, что художественный текст является вымыслом, автор рассчитывает на то, что читатель будет воспринимать его фикциональный мир как реальный, увиденный глазами автора или одного из персонажей произведения. А второй в том, что повествователь может принадлежать или не принадлежать к миру произведения, т.е. являться его персонажем или тем субъектом сознания, к которому отсылают некоторые вводные слова и обороты, указывающие на акты речи или мысли.

С.Ю. Бочавер

Сведения об авторе: *Бочавер Светлана Юрьевна*, канд. филол. наук, младший научный сотрудник сектора теории языка Института языкознания РАН. E-mail: svetlana.bochaver@gmail.com

II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС» (МГУ, 21–22 марта 2013 г.)

В начале 2013 г. вышел сборник материалов первой (прошлогодней) конференции «Текстология и историко-литературный процесс» (см.: <http://www.philol.msu.ru/~istlit/books/textolog2012.pdf>), подготовленный организаторами — аспирантами и выпускниками кафедры истории русской литературы; очередная конференция состоялась через год.

Как почетный гость конференции с лекцией «Литературные институты в России первой половины 1860-х годов как объект историко-литературного изучения» выступил профессор истории русской литературы *М.С. Макеев*, говоривший о работе Литературного фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым): о механизмах формирования комитета, членских взносах, единовременных пособиях и о том, как комитет определял, кому из литераторов следует помочь. Оживленная дискуссия отразила общий интерес к проблемам функционирования литературных организаций в России XIX в.

Как и в прошлом году, первые доклады были посвящены древнерусской словесности. *А. Соболева* (МГПУ) продемонстрировала несводимые различия между списком Жития Александра Свирского в Синодальном собрании 997 и другими (76) источниками текста, а следовательно, ошибочность устоявшегося мнения о том, что Житие было помещено в Великие Минеи Четьи без переделок.

Л. Новицкас (МГУ), обратившись к обычно упускаемым из виду историко-культурным примечаниям на полях таблиц «Великого мировторного круга», определила, что в этих заметках сообщается о переводе составленного Евфалием критического аппарата к Апостолу, Учительного Евангелия и сочинений Псеудо-Ареопагита и атрибутировала их Ионе Думину (подробнее см. кандидатскую диссертацию, защищенную на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ в июне 2013 г.: <http://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2013/novitckas.pdf>).

А. Соловьев (ИРЛИ) обнаружил раннюю редакцию части текста «Моих воспоминаний» (1816) И.А. Второва (частично опубликовано; рукопись в РГАЛИ) в дневнике автора (также РГАЛИ): речь идет о фрагменте, описывающем путешествие из Москвы в Петербург летом 1802 г. В дневнике уже есть характерное для «Моих воспоминаний» критическое изображение действительности и ирония по отношению к сентиментальному ее восприятию. Как отметил докладчик, мы впервые получили точные сведения о раннем этапе истории текста произведения в жанре сентиментального путешествия.

Е. Яцук (СПбГУ) сопоставила две редакции цикла М.Н. Загоскина «Вечер на Хопре»: первую публикацию в «Библиотеке для чтения» (1834)

и переиздание в «Повестях Михаила Загоскина» (1837): на основании рукописи (ОР РНБ) было установлено, что в первой редакции есть правка О.И. Сенковского, затрагивающая многие уровни текста (вплоть до сюжета), устранившая в переиздании.

Н. Сабадаш (МГУ) говорила об истории текста стихотворения Лермонтова «Опять, народные витии...», сравнивая черновой автограф (тетрадь Чертковской библиотеки), первую публикацию («Современник», 1854) и публикацию в «Библиографических записках» (1859), пришла к выводу, что и в «Современнике», и в «Библиографических записках» стихи печатались по не дошедшим до нас источникам, которые отличаются от текста единственной известной нам рукописи.

А. Бодрова (ИРЛИ) рассказала о проблемах текстологии Лермонтова, ставших очевидными при подготовке нового собрания его сочинений (ИРЛИ). Множество вопросов вызывает сложившаяся традиция издания даже самых хрестоматийных текстов (начиная со «Смерти поэта»); выбор источников основного текста зачастую требует пересмотра. Не лучше обстоит дело и с датировками, в том числе вписанными в так называемую записную книжку Одоевского поздних шедевров («Сон», «Утес», «Выхожу один я на дорогу...», «Они любили друг друга так долго и нежно...» и др.), которую представляется возможным уточнить.

А. Федотов (Тартуский университет) разобрал один из эпизодов литературной перепалки, разгоревшейся вокруг водевиля В.С. Межевича и П.И. Григорьева «Друзья журналисты», в котором Ф.А. Кони был выведен как беспринципный журналист Шариков, говорящий про себя, что он «известный и опытный литератор и драматический писатель». Эта фраза, по мнению Федотова, отсылает к написанной Кони программе журнала «Пантеон русского и всех европейских театров»: здесь Кони назвал себя именно «известным и опытным литератором и драматическим писателем», что было высмеяно «Северной пчелой» и «Сыном отечества», а эта формула стала в 1840 г. обычным ироническим прозвищем Кони у его врагов и конкурентов.

А. Вдовин (НИУ ВШЭ) выступил с докладом «М. Михайлов и цензура Морского министерства (Куда исчез цикл “Уральские очерки”?)». Материал для цикла был собран в экспедиции, организованной Морским министерством с целью изучить быт жителей империи, традиционные промыслы которых связаны с судоходством; традиционно считается, что публикация «Уральских очерков» в «Морском вестнике» не состоялась из-за обусловленного идеологическими причинами противодействия ученого комитета Морского министерства. Однако, как показал докладчик, другие (опубликованные) тексты Михайлова свидетельствуют о полном совпадении взглядов автора и руководства морского ведомства на цивилизаторскую миссию власти. После завершения экспедиции Михайлов увлекается другими замыслами, так что, вероятнее всего, «Уральские очерки» так никогда и не были написаны.

К. Зубков (ИРЛИ, СПбГУ) показал, как соотносятся друг с другом разные интерпретации пьесы Писемского «Ипохондрик», предложенные современниками: трактовка Ап. Григорьева отвечает ранней редакции пьесы, а трактовка Дружинина ближе к более поздней редакции, появившейся, однако, уже после статьи критика.

Г. Атаянц (Тверской университет), сопоставляя воспоминания о Тургеневе, созданные уже после его смерти, выяснила, какие черты внешности и особенности поведения мемуаристы отмечали постоянно.

А. Перикина (МГУ), опираясь на данные сохранившихся конторских книг, говорила о финансовых проблемах журнала «Время» в конце 1862 — начале 1863 г., когда редакция резко снизила гонорары новым сотрудникам и стала задерживать выплаты старым; видимо, бюджет редакции был подорван выплатой крупного гонорара Островскому и заграничной поездкой Достоевского; в дискуссии обсуждалось, в какой степени конторские книги дают возможность судить об убыточности/доходности издания.

А. Азов (МГУ) в докладе «Как не надо переиздавать переводы Диккенса» описал издание «Посмертных записок Пиквикского клуба» в 2000 г., представляющее сокращенный перевод А. Горнфельда и Г. Шпета (впервые опубликовано в издательстве «Молодая гвардия», 1932) с комментарием Шпета, взятым из издания 1933–1934 гг. (представлявшим роман в переводе Е. Ланна и А. Кривцовой при участии Шпета).

Е. Глуховская (РГПУ им. Герцена; «Эллис и “Мусaget”»: к истории издания книги “Арго”») использовала неопубликованную переписку между Эллисом и Э.К. Метнером, что позволило описать творческую историю книги и объяснило, почему Эллис хотел напечатать ее именно в «Мусагете», и почему издательство предпочло эту книгу работам Андрея Белого.

А. Сысоева (ИРЛИ) описала некоторые эпизоды творческой истории «Творимой легенды» Ф. Сологуба: замену имен некоторых героев (Лулева на Острова, Фортунина на Матова), эволюцию названия романа (от «Наследия королевы Ортруды» до «Творимой легенды»); были обнаружены не комментированные ранее следы влияния философских и религиозных учений.

Доклад П. Успенского (Тартуский университет) был посвящен важному, но не отмечавшемуся историками литературы влиянию Боратынского на прием неожиданного смыслового поворота в лирике Ходасевича (обычно говорили только, что этот прием восходит к поэтике эпиграммы).

Фр. Лаццарин (Падуанский университет) проанализировала как исторический источник и специфический «эго-документ» дневники Марии Рыжкиной и Ады Оношкович-Яцыны, студисток Дома Искусств, где в начале 1920-х годов проходили литературные занятия для молодежи.

Доклад Д. Бреслера (СПбГУ) был посвящен анализу хранящегося в частном собрании так называемого авторского экземпляра романа Вагинова «Труды и дни Свистонова»: экземпляр содержит многочисленные вклейки, рукописные исправления, дополнения, в том числе две новые главы; докладчик высказывал предположения о завершенности (и завершимости) замысла Вагинова и возможной дате работы над авторским экземпляром.

В следующем году организаторы планируют опять провести текстологические чтения, которые становятся на филологическом факультете МГУ традиционными.

Л.А. Новицкас, А.Н. Перикина, А.С. Федотов

Сведения об авторах: Новицкас Любовь Александровна, канд. филол. наук. E-mail: novitskasla@mail.ru; Перикина Анастасия Николаевна, канд. филол. наук. E-mail: dostoevsk@mail.ru; Федотов Андрей Сергеевич, канд. филол. наук, докторант кафедры русской литературы Тартуского университета (Эстония). E-mail: anfed86@gmail.com

КОНФЕРЕНЦИЯ «М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И ИСТОРИЯ» (Великий Новгород, 14–16 октября 2013 г.)

Международная научная конференция «М.Ю. Лермонтов и история» прошла в Великом Новгороде в дни 199-летней годовщины со дня рождения поэта и таким образом открыла серию мероприятий, готовящихся в России к 200-летию юбилею Лермонтова. Великий Новгород был выбран местом проведения конференции с такой тематикой неслучайно: именно здесь, как предполагает профессор Новгородского университета *В.А. Кошелев*, у М.Ю. Лермонтова сложился индивидуальный взгляд на историю и особый историзм его творчества. В размышлениях о древнем Новгороде у поэта сформировалось осознание своего времени как неотъемлемой части «безвредно протекших» веков, а себя самого — как потомка «гордых душ», вольных славян.

Кроме того, с новгородскими Селищенскими казармами связаны два месяца службы М.Ю. Лермонтова в Гродненском гусарском полку в 1838 г. В экскурсионную программу конференции было включено посещение Селищенских казарм. Об их истории, в том числе во время пребывания здесь Лермонтова, рассказал канд. ист. наук, старший научный сотрудник Новгородского государственного музея-заповедника *И.В. Хохлов*.

Началась конференция пленарным заседанием, на котором после приветствия администрации Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого выступил начальник отдела международных, совместных и целевых конкурсов РГНФ *В.Н. Захаров* (Москва). Конференция «М.Ю. Лермонтов и история» проводилась в рамках целевого проекта РГНФ (грант № 12-34-10207). В.Н. Захаров рассказал участникам и слушателям конференции обо всех целевых проектах, поддержанных РГНФ в рамках юбилейных торжеств к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, отметив, что вплоть до последнего времени в лермонтоведении наблюдался некоторый застой, обусловленный заблуждением, будто в творчестве Лермонтова «все изучено» и «закреплено авторитетом «Лермонтовской энциклопедии»». В.Н. Захаров выразил надежду, что появятся новые исследования о творчестве М.Ю. Лермонтова, основанные на рукописях поэта, с привлечением ранее недоступных архивных источников, будет систематизирована библиография.

Далее на пленарном заседании были заслушаны доклады.

А.А. Асоян (Санкт-Петербург) уделил внимание православному мифу о Лермонтове как христианском поэте, предложив дифференцировать профессиональную религиозность и беспредпосылочную, экзистенциальную, о которой Андрей Белый говорил, что она не в форме, а в Духе. Эта религиозность издавна составляла и составляет особенность художественного сознания и в полной мере относится к творчеству М.Ю. Лермонтова.

Японский рисист *Асута Ямадзи* рассказал о важности реальных исторических событий для понимания произведений М. Лермонтова, особое

внимание уделив значению дат. Так, исследователь приводил аргументы в пользу того, что, по его мнению, датировка событий в «Княжне Мери» тщательно продумана и включает скрытую иронию автора по отношению к герою.

В.А. Кошелев (Великий Новгород) в докладе «“Новгородская” поэма М.Ю. Лермонтова» сообщил о том, что, согласно его разысканиям, главным литературным источником юношеской поэмы «Последний сын вольности» стал роман в стихах М.М. Хераскова «Царь, или спасенный Новгород» (1800). Это позволяет скорректировать идеологическую и художественную интерпретацию поэмы, опубликованной лишь спустя 80 лет после создания ее поэтом, а потому, явившись не вовремя, не понятой и не оцененной читателями и исследователями.

Доклад *О.И. Федотова* (Москва) содержал анализ «Сонета» Лермонтова 1832 г. с точки зрения взаимодействия его тематики с синтаксическим строем, звуковой и ритмической организацией текста. Докладчик предложил краткую характеристику дериватов сонетной формы (четырнадцатистиший, десятистиший и семистиший), сопровождающих ее.

Ю.Б. Орлицкий (Москва) рассмотрел стиховое начало в прозе Лермонтова в рамках исследования проблемы ритмического статуса прозаических переводов Лермонтова из Байрона.

В докладе *И.С. Юхновой* (Нижний Новгород) «Лермонтов как литературный персонаж» было рассмотрено формирование «лермонтовского сюжета» в русской литературе XIX–XXI вв., выявлены его основные элементы. Докладчик проследила взаимосвязь трактовок образа Лермонтова с требованиями и духом времени их появления.

Исследователь *А.Ю. Сорочан* (Тверь) в докладе «Лермонтов “для детей” и Лермонтов “для взрослых”»: проблема конструирования биографии поэта в научно-популярных и художественных текстах» рассмотрел сочетание «жизни» и «творчества» в литературных биографиях Лермонтова. Упрощенное представление о «великом поэте», считает исследователь, приводит к отказу от изображения его как человека и наоборот. Рассмотрев различные произведения XIX–XXI вв., и популярные, и забытые, А.Ю. Сорочан показал, как отказ от «хронологического императива» может способствовать воссозданию «творческой индивидуальности».

М.Ю. Перзек (Украина, Кировоград) в докладе «Поэтика “иного царства” в сказке М.Ю. Лермонтова “Ашик-Кериб”» рассмотрела особенности изображения топоса «иного царства» в названной ориентальной сказке. М.Ю. Перзек исследует поэтику жанрового хронотопа и прежде всего поэтические приемы воплощения «иного царства» как средства выражения компенсаторной функции сказочного жанра. Анализ литературной сказки демонстрирует, по мысли исследователя, как отдельные элементы авторского хронотопа и персонажно-событийной системы, нетипичные для фольклорного инварианта, попав в жанровую орбиту и подчинившись волшебнo-сказочной «памяти жанра», усиливают реализм и достоверность повествования, подчёркивают принципиальную возможность устройства мира по законам добра и справедливости, чем увеличивают компенсаторный потенциал произведения.



С.И. Кормилов (Москва) в докладе «Лермонтовские “Поле Бородина” и “Бородино” на фоне исторических источников» проиллюстрировал, как созданное в условно-романтическом духе изображение Бородинского сражения в раннем стихотворении Лермонтова «Поле Бородина» в зрелом «Бородине» стало другим: описания событий в основном подтверждаются мемуарами современников и исследованиями историков.

Второй день конференции начался в первой секции докладом *В.А. Викторovichа* (Коломна) «Проблема Лермонтова в русской критике». Он изложил историю интерпретации лермонтовского творчества в русской критике, исследуемую в аспекте самоидентификации национальной культуры. В.А. Викторovich приходит к выводу, что дуализм критики явился отражением дуализма эстетического объекта.

К.К. Джафарова (Махачкала) в своем докладе сопоставила историзм в творчестве М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя. Осветив новизну историзма и исторической тематики в творчестве Лермонтова и Гоголя, исследователь выделила центральные исторические проблемы, свойственные обоим авторам, особенности формы их раскрытия, сходство и различия обеих художественных систем.

Ю.М. Никишов (Тверь) в докладе «Конкретное и условное в стихах Лермонтова о войне» показал, как, на его взгляд, в стихах Лермонтова о войне конкретное и условное не исключают, а дополняют друг друга. Выразительность конкретного материала усиливается, по мнению исследователя, поэтической условностью в стихотворении Лермонтова «Завещание».

Д.Б. Терешкина (Великий Новгород) в докладе «“И в небесах я вижу Бога”»: жизнь и житие в поэтическом мире М. Лермонтова» рассмотрела лермонтовскую поэзию с точки зрения отражения в ней двух видов существования частного человека — жизни и жития. Исследовательница считает, что житийной составляющей в поэтическом мире Лермонтова обнаруживается не меньше, чем жизненной, только принадлежит она не лирическому герою, а герою житийно-идиллическому, через которого лирическое «я» поэта принимает земной мир как создание Творца.

Е.П. Беренштейн (Тверь) проанализировал особенности изображения «замкнутого пространства» в художественном мире Лермонтова, а также исследовал такие понятия, как Бог, природа, любовь, общество, личность, на обширном материале лермонтовской поэзии в филологическом и метафизическом аспектах.

В докладе *А.Б. Перзеке* (Украина, Кировоград) «О проблеме власти в художественной картине мира М.Ю. Лермонтова» рассматривалось воплощение поэтом активного присутствия в мире универсальных сил в системе его творчества — небесных и земных, явных и тайных, внешних и внутренних, которые имеют власть над человеком, определяя перипетии его бытия и пространства души.

Доклады второй секции были посвящены связям творчества поэтов и писателей разных эпох с творчеством Лермонтова. Из второй в первую секцию был перенесен доклад *Г.А. Амановой* (Узбекистан, Ташкент) «Лермонтов и другие русские классики в Корее». Она рассказала о переводах произведений русских классиков в Корее, в том числе «Героя нашего времени» Лермонтова. Образ Печорина, окрашенный «байроническими» чертами, не



всегда воспринимается корейцами положительно, так как в национальном сознании образ «героя», сформированный конфуцианством и традиционной литературой, значительно отличается от лермонтовского.

Р.Г. Назарьян (Узбекистан, Самарканд) в докладе «“...Я принужден поставить Лермонтова выше Марлинского и Сенковского...”»: В.К. Кюхельбекер и Лермонтов», основываясь на дневниковых записях декабристского поэта и критика В. Кюхельбекера, сделанных во время его заключения и изгнания в Сибири, показал историю его знакомства с творчеством М. Лермонтова. В записях даны оценки творчества Лермонтова и его места в русской литературе.

А.В. Кошелев (Великий Новгород) в докладе «К проблеме: Лермонтов и Сенковский» высказал предположение, основанное на сравнительном анализе текстов О.И. Сенковского и Лермонтова, что последний, по всей видимости, был знаком с седьмым томом «Библиотеки для чтения». Исследователь приходит к выводу, что творчество Сенковского — литератора и критика — не отрицалось Лермонтовым, а, наоборот, имело определенное значение в его становлении как самобытного художника.

В докладе *А.Е. Новикова* (Череповец) были проанализированы некоторые аспекты изображений Востока в работах О.И. Сенковского и М.Ю. Лермонтова. Автор подчеркнул, что ориентализм — неотъемлемая черта творчества обоих писателей. В этой типологии изображения храбрых рыцарей «Восточных историй» Сенковского и храбрых всадников ранних восточных стихов Лермонтова близки, как считает исследователь, из-за приверженности каждого из писателей к общим романтическим литературным тенденциям. В зрелом творчестве О. Сенковский обращается к созданию ряда ложно-иронических работ с восточным заговором; Лермонтов через художественное изображение Востока приходит к пониманию отношений разных типов российской, восточной и западной культур.

Доклад *Н.В. Калининой* (Санкт-Петербург) «Лермонтов в прочтении И.А. Гончарова» был посвящен отсылкам к Лермонтову в стихах раннего Гончарова. Последовательный ряд намеков на творчество Лермонтова в работах Гончарова докладчик исследовала в контексте литературного процесса 1840-х годов.

С.В. Денисенко (Санкт-Петербург) в докладе «О лермонтовском замысле либретто оперы по поэме А.С. Пушкина “Цыганы”» предложил свой анализ неоконченного либретто Лермонтова по пушкинской поэме, осветил причины его обращения именно к этому тексту, а также разительные отличия в интерпретации образов поэтом по отношению к оригиналу и введение не свойственных пушкинскому тексту мотивов (таков, например, мотив женского коварства, не читаемый у Пушкина и настойчиво разрабатывавшийся в дальнейшем творчестве Лермонтова, в том числе в его драматургии).

Исследователь из Пскова *И.В. Мотейонайте* («Лермонтов в творческом наследии С.Н. Дурылина») рассмотрела изучение С.Н. Дурылиным творчества Лермонтова, которому посвящено не менее восьми больших его работ. Докладчик показала, чем, на ее взгляд, Лермонтов был близок Дурылину в писательстве: цельностью природы, «непрофессиональным» социальным положением в писательском лагере, постоянством работы над своими текстами, а также — что является наиболее важным — тем, что Лермонтов своей

«звездностью» и религиозностью вполне отвечал представлениям Дурьлина о назначении литературы — утолять религиозную жажду человека.

Доклад *Л.А. Тимофеевой* (Санкт-Петербург) «Глазунов, Никитенко и наследственное право на издание сочинений Лермонтова» был посвящен полемике 1887–1889 гг. об авторском и издательском праве на сочинения М.Ю. Лермонтова. Исследователь использовала неопубликованные документы о наследниках поэта и первом посмертном издании сочинений 1842–1844 гг., проанализировала историю издательских договоров между наследниками и представителями фирмы Глазуновых.

Г.В. Петрова (Санкт-Петербург) в докладе «Лермонтовское начало в исторической живописи В.И. Сурикова» обратилась к факту очевидного, на взгляд исследователя, влияния творчества Лермонтова на художественную манеру и даже образы живописного творчества В.И. Сурикова. Особенно рельефно концептуальная зависимость Сурикова от Лермонтова проявляется, по мнению Г.В. Петровой, в его первой исторической картине «Утро стрелецкой казни».

Е.В. Титова (Вологда) в докладе «История восприятия Лермонтова как автора “Героя нашего времени” в экранизациях романа и художественных фильмах о поэте» рассмотрела, как на протяжении более чем столетнего периода развития отечественного кинематографа режиссеры неоднократно обращались к созданию образа самого Лермонтова и к экранизации его художественных произведений. Прозвучал анализ четырех киноверсий романа «Герой нашего времени» и трех игровых фильмов о судьбе поэта, позволяющий не только увидеть историю восприятия автора уникального художественного повествования, но и осветить ряд центральных проблем лермонтовской поэтики.

М.А. Ариас-Вихиль (Москва) в докладе «Образ М. Лермонтова в поэзии О. Мандельштама» утверждала мысль о воплощении Мандельштамом в его творчестве идеи власти поэзии Лермонтова над читателями XX в. В собственной жизни О. Мандельштам, по утверждению исследователя, архетипически повторил судьбу Лермонтова. С начала 1930-х годов поэзия и личность Лермонтова становятся для Мандельштама, как считает М.А. Ариас-Вихиль, образцом служения Поэта своему призванию. Поэт в истории — одна из главных тем мандельштамовской лирики. Обращение к образу Лермонтова позволяет Мандельштаму раскрыть эту важнейшую тему.

Т.В. Игошева (Великий Новгород) осуществила анализ метафизики звука в поэтическом мире раннего А. Блока, в котором формирование интереса к этому предмету происходило под влиянием поэзии Лермонтова. Свое наблюдение докладчик продемонстрировала на основе сравнительного анализа лирики Блока и Лермонтова.

О.А. Кузнецова (Санкт-Петербург) в докладе «М.Ю. Лермонтов в интерпретации Блока», подготовленном на основании архивных источников, сосредоточилась на анализе процесса редактирования стихов М.Ю. Лермонтова, проделанного А.А. Блоком для издания сочинений поэта в 1920 г. Докладчик продемонстрировала интерпретацию Блоком личности Лермонтова и его произведений через призму главных идей русского символизма.

Е.В. Мазниченко (Великий Новгород) рассмотрела пометы А. Блока (прежде всего графические) на текстах Лермонтова с точки зрения их вну-

тренного содержания на материале двух томов Полного собрания сочинений поэта 1910–1913 гг. Исследователь предложила группировку помет Блока по принципу их образно-тематической общности, что позволило ей более точно выявить некоторые сюжетные линии, образы и мотивы поэтического мира Лермонтова, интересовавшие поэта-символиста.

С.В. Федотова (Тамбов) свое выступление посвятила рассмотрению лермонтовского кода в раннем творчестве Вяч. Иванова в сопоставлении с его поздним очерком «Лермонтов». В анализе использовались архивные материалы и философско-эстетическая эссеистика поэта-символиста.

Н.Н. Вихрова (Великий Новгород) представила ряд литературных фактов, раскрывающих эволюцию восприятия И.С. Аксаковым феномена лермонтовского творчества. Лермонтов представляется Ивану Аксакову, сообщила докладчица, последним поэтом пушкинского периода русской литературы, необыкновенно талантливым, но не успевшим до конца реализовать свой дар.

А.А. Филиппова (Вязьма — Хмелита) в докладе «Смоленское окружение М.Ю. Лермонтова» представила широкий круг знакомых поэта — выходцев из Смоленской губернии. Как сообщила исследователь, со смоленским краем связаны имена целой плеяды декабристов, Е.А. Боратынского, посещавшего усадьбу Голошапово Бельского уезда, и А.С. Грибоедова, жену и друзей которого знал М.Ю. Лермонтов и много разговаривал с ними об авторе «Горя от ума».

Н.И. Рублева (Вологда) озаглавила доклад «“Антимир” маскарада в творчестве Лермонтова и Федора Сологуба». Как сообщила исследователь, в идейно-философской коллизии антиномическая пара «мир — антимир» создает многообразную ипостась маски. Это маски-роли, маски-личины, маски-чувства, маски-имена, социальные роли. Маскарад призван отразить темные стороны человеческой души, ее извечную приверженность к злу. Обретая отчетливые черты антимира, маскарад становится взглядом извне на реальную жизнь. Как метаязыковое понятие, маскарад очерчивает границы несвободы личности.

Е.Н. Монахова (Санкт-Петербург) сделала доклад «Лермонтов в Пятигорске. Место дуэли реальной и воображаемой в рисунках М.А. Зичи из собрания Литературного музея Пушкинского Дома», подкрепив наблюдения редкими иллюстрациями к роману «Герой нашего времени» из собрания ИРЛИ РАН, выполненными М.А. Зичи (1825–1906) на основе эскизов, сделанных во время его путешествия на Северный Кавказ в 1881 г. и знакомства со свидетелями трагических событий 1841 г.

И.С. Абрамовская (Великий Новгород) в докладе «Лермонтов в интернет-коммуникации» проанализировала информацию о М.Ю. Лермонтове, регулярно появляющуюся в Интернете. Исследованы «вторичные» ссылки, имеющиеся в различных публикациях, созданных в рамках интернет-коммуникации согласно законам этой коммуникации.

Е.Р. Матевосян (Москва) в докладе «Лермонтов в художественном восприятии М. Горького» констатировала, что осознать восприятие Горьким творчества Лермонтова невозможно без понимания исторического сознания

писателя, понявшего лермонтовский мир, по мнению исследователя, гораздо глубже и тоньше, чем многие современники, отводившего Лермонтову совершенно особую роль в русской словесности.

Н.К. Загребельная (Украина, Киев) в докладе «Лермонтовский прототекст поэзии Георгия Иванова: “Выхожу один я на дорогу...”» рассмотрела связь поэзии Г. Иванова со стихотворением Лермонтова. Различные способы интерпретации стихотворения Лермонтова отмечают развитие творческого пути Г. Иванова.

Т.Н. Хриптулова (Смоленск) доложила о своих наблюдениях над сопоставлением стихотворений Н.И. Тряпкина с лирикой М.Ю. Лермонтова. Поэтические традиции Лермонтова рассматриваются Н. Тряпкиным в аспекте переосмысления как точка отсчета и одновременно объект творческой полемики для поэта конца XX в.

А.О. Шелемова (Москва) проанализировала статью белорусского автора начала XX в. Максима Богдановича с характерным названием «Одинокое», которая содержит оригинальную трактовку «микроструктуры» стиха Лермонтова.

Завершающий день конференции состоял из заключительного заседания и подведения итогов конференции.

Е.Л. Соснина (Пятигорск) озвучила доклад, созданный совместно с исследователем *К. Пиле* (Франция), «Миф и история: к вопросу о становлении советского лермонтоведения и русско-французских связях в 30-е гг. XX в.», приведя несколько интересных фактов из истории сложных франко-русских дипломатических контактов, в том числе в рамках гуманитарной науки и, в частности, лермонтоведения.

В докладе с символическим для закрытия конференции названием «Поэт и история: еще раз о лермонтовском “Пророке”» *О.В. Зырянов* (Екатеринбург) отметил, что в зрелый период творчества Лермонтов открывает для себя ощущение реальной связи поколений («Дума»), пытается освоить диалогические отношения с миром, проблематизировать сам акт творческой коммуникации («Не верь себе...»), «Журналист, читатель и писатель»). Исследователь выдвинул аргументы в защиту предположения о проблемной ситуации и драматизированной структуре лермонтовского «Пророка» как образца ролевой лирики. В целях сравнительного анализа докладчик привлек отдельные произведения Пушкина и Боратынского, а также стихотворение К. Льдова «Пророк».

В заключение все выступавшие выразили удовлетворение итогами конференции, развернувшихся научных дискуссий, наметили новые пути исследования творчества Лермонтова и выразили надежду на начало следующего этапа в лермонтоведении.

Д.Б. Терешкина

Сведения об авторе: *Терешкина Дарья Борисовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета (Великий Новгород). E-mail.: terdb@mail.ru

**Указатель статей и материалов, опубликованных
в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 9. Филология» за 2013 год**

	№	С.
Статьи		
<i>Авраменко А.П.</i> Наследник Серебряного века	3	7
<i>Акинина Ю.С., Драгой О.В.</i> Оценка эффективности терапии называния при афазии как контролируемый лингвистический эксперимент.....	3	86
<i>Безяева М.Г.</i> О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта)	2	19
<i>Виноградова Е.Н.</i> Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации.....	4	138
<i>Всеволодова М.В.</i> Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы.....	6	16
<i>Дедова О.В., Куприенко М.С.</i> Заголовочный комплекс в электронной коммуникации	1	61
<i>Калугин В.В.</i> «Книга Св. Августина»: ошибки перевода или разночтения оригинала?	4	110
<i>Кислова Е.И.</i> Древнееврейский язык в православных учебных заведениях в России XVIII в. (к истории лингвистической компетенции церковной среды)	1	35
<i>Кобозева И.М., Попова Д.П.</i> Факторы выбора изъяснительных союзов <i>как, что, чтобы</i> (опыт типологически ориентированного формального анализа)	1	21
<i>Кормилов С.И.</i> Исторический контекст трагического конфликта в «Грозе» А.Н. Островского	4	70
<i>Кормилов С.И., Аманова Г.А.</i> Метрика, рифма и строфика в русских переводах из корейской поэзии (А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев). Статья первая.....	5	92
<i>Кормилов С.И., Аманова Г.А.</i> Метрика, рифма и строфика в русских переводах из корейской поэзии (А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев). Статья вторая	6	75
<i>Красных В.В.</i> Лингвокультура как объект когнитивных исследований.....	2	7
<i>Любжин А.И.</i> «РУССКИЙ ГОМЕР». Опыт о литературной репутации	1	71
<i>Ляпина А.А., Михайлова М.В.</i> Роман Карин Михаэлис «Опасный возраст»: рецепция в России	2	76
<i>Михайлова Т.А.</i> О логике семантической деривации в возникновении и эволюции терминов свойства: др. ирл. <i>aithech tige</i> vs. др.англ. <i>husbonda</i>	4	125
<i>Моисеева Е.В.</i> Спектральные характеристики гласных начальных неприкрытых безударных слогов внутри синтагмы в современном русском литературном языке	2	37
<i>Недзвецкий В.А.</i> Русский роман XIX века: задачи и перспективы целостной жанровой истории.....	2	56
<i>Недзвецкий В.А.</i> «Русская по духу» (Елизавета Алексеевна Романова о русских, русском языке и русской литературе).....	5	71
<i>Недзвецкий В.А.</i> Н.Г. Чернышевский, беллетрист и эстетик, сегодня (к 185-летию со дня рождения)	6	63



	№	С.
<i>Нефедова Е.А., Качинская И.Б., Коконова А.Б.</i> «Архангельский областной словарь»: прошлое и настоящее.....	3	39
<i>Никитина Е.Н.</i> О винительном падеже при «модально-эмоциональных» глаголах (на примере глагола <i>бояться</i>).....	5	60
<i>Панова О.</i> У истоков: складывание канона, топики и тематических констант афро-американской литературной традиции	5	83
<i>Певак Е.А.</i> Ментальный орнамент: гоголевский след в прозе К. Бальмонта....	2	86
<i>Пименова Н.Б.</i> Деривационная метафорика как особое явление в функционировании отвлеченных имен (на материале немецкого языка Средневековья)	2	48
<i>Поликарпов А.А., Руис-Соррилья Крусате М.</i> Трехчастная типология толковых словарей С.И. Ожегова в системной перспективе.....	5	7
<i>Разлогова Е.Э.</i> К проблеме передачи нарративных схем и стилистических фигур в переводе	3	101
<i>Ремнёва М.Л.</i> Древнерусский и церковнославянский	6	7
<i>Ремнёва М.Л., Кузьминова Е.А.</i> Система норм грамматики Мелетия Смотрицкого: проблемы рецензии и императивности	1	7
<i>Федотов О.И.</i> Черное солнце Ивана Шмелева.....	4	93
<i>Федорова О.В., Потанина Ю.Д.</i> Рабочая память и язык: от речепонимания к речепорождению	1	51
<i>Хализев В.Е., Холиков А.А.</i> Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского.....	5	116
<i>Чавчанидзе Д.Л.</i> Писатель и читатель: «немецкое» понятие Пушкина.....	2	67
<i>Шевелева М.Н.</i> К истории восточнославянского суффикса имперфективации <i>-ыва/-ива-</i>	3	61
<i>Шилихина К.М.</i> Неуместная ирония и неУДАЧная шутка: маркеры переключения между <i>bona fide</i> и <i>non-bona fide</i> модусами коммуникации	5	52
<i>Юн Ван, Хайтао Лю.</i> Квантитативное исследование имени существительного в русском языке по его синтаксическим признакам.....	5	35
 Материалы и сообщения		
<i>Артемяева Е.А.</i> Детские и подростковые образы в советском кинематографе: культ юности и страх перед ней.....	3	154
<i>Багаудинова Н.А.</i> Особенности вокализма второго предупредного слога после твердых согласных в говорах Карачевского уезда первой половины XVII в.	1	139
<i>Баркова Е.Е.</i> Графико-орфографические особенности старшего полуустава XIV–XV вв.	6	181
<i>Белюсова А.С.</i> Ритмико-синтаксическая организация русской, итальянской и английской октавы: к проблеме «стих и язык».....	3	121
<i>Бибикова А.М.</i> «Трагедии в две реплики» Акилле Кампаниле.....	1	185
<i>Виноградов И.А.</i> О некоторых грамматических особенностях майяского нарратива.....	5	181
<i>Вранеш Б.</i> (Сербия) Моделирование сюжета в гоголевской «Шинели»: травести сказки	6	112
<i>Гоганова А.В.</i> Типология персонажей в романе Андрея Платонова «Чевенгур»	2	176
<i>Дастамуз С.</i> Коммуникативные свойства инфинитивных вопросительных предложений с частицей <i>ли</i>	2	142
<i>Жигалов А.Ю.</i> Изучение древнерусской литературы в Чехословакии 1920–1930 гг. русскими исследователями-эмигрантами.....	3	132
		259





	№	С.
<i>Зими́на Н.Ю.</i> «Роман в девяти письмах» Достоевского как роман о любви	5	140
<i>Зинченко Е.С.</i> Средства реализации персуазивности в баннерном сообщении	4	191
<i>Зубков К.Ю.</i> «Очерк народной драмы»: сюжетика и цитация в «Обрыве» И.А. Гончарова	5	149
<i>Иткин И.Б.</i> Трактир в кавычках (вокруг одного сюжетного хода у Островского)	2	149
<i>Каркищенко Е.А.</i> Анкетные данные в социальной сети как репрезентация гендерной идентичности подростка	3	160
<i>Кольовски А.А.</i> К вопросу о принципах построения научной биографии А.Л. Бема	6	129
<i>Крупенченко В.Н.</i> К вопросу о пейоративах и механизмах их образования в немецком языке	2	158
<i>Литневская Е.И.</i> Об особенностях конситуативности при дешифровке письменной разговорной речи.....	5	169
<i>Лифшиц А.Л.</i> Подпоручик Василий Гринков, переводчик.....	4	164
<i>Макарова П.А.</i> Исторический роман как жанр популярной беллетристики: трилогия о мушкетерах А. Дюма	2	167
<i>Макеев М.С.</i> Книга А.К. Голубева о Некрасове как источник изучения биографии поэта (на материале писем А.А. Буткевич к издателю)	5	162
<i>Маряничева Т.А.</i> Мотив алкогольного опьянения в творчестве В.С. Высоцкого	3	168
<i>Минеева И.Н.</i> Творческая история повести Н.С. Лескова «Гора»	6	94
<i>Назарова А.В.</i> Легенда об Антихристе в семейной хронике Е.Н. Чирикова «Отчий дом»	1	171
<i>Новикова А.С.</i> Вывод как особый тип смысловых отношений	2	133
<i>Павлова Л.В., Романова И.В.</i> Опыт применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте».....	6	138
<i>Пиперски А.Ч.</i> Переход сильных глаголов в слабые в истории немецкого языка: теоретические предпосылки и древнейшие процессы.....	6	163
<i>Полилова В.С.</i> Испанские народные песни в переводе К. Бальмонта.....	1	147
<i>Прозорова Н.А.</i> История зачеркнутых слов в двух стихотворениях Бориса Корнилова	1	178
<i>Рылик П.А.</i> Говоры греческого острова Карпатос как часть говоров архипелага Додеканезы	4	202
<i>Сенина И.С.</i> Классификаторы как разновидность строевой лексики	1	126
<i>Соломенник А.И.</i> Технология синтеза речи: история и методология исследований	6	149
<i>Федорова Е.В.</i> Особенности лексического состава древнейшего перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского	4	182
<i>Фетисова Е.Э.</i> Неоакмеизм как «ренессанс» акмеизма: Данте Алигьери, И. Лисянская, А. Тарковский, Д. Самойлов	1	162
<i>Фокина М.В.</i> Основные позиционные закономерности немецкого консонантизма в контексте обучения немцев русской фонетике	6	173
<i>Черепанов Д.Д.</i> Постановка вопроса «религиозного отречения» в раннем романе Й. фон Эйхендорфа.....	6	122
<i>Шараткова А.А.</i> Роль глагольной семантики в создании портрета главного героя в романе Т. Мэлори «Смерть Артура»	3	185
<i>Янь Ланьлань.</i> Термины изобразительного искусства в художественном тексте (повесть Н.В. Гоголя «Портрет»)	3	179



**Материалы II Международного симпозиума славистов в МГУ (2012)**

<i>Мелиг Х.Р.</i> Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке	4	19
<i>Падучева Е.В.</i> Русский имперфектив: инвариант и частные значения	4	7
<i>Петрухина Е.В.</i> Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках	4	48

Материалы научных чтений, посвященных 95-летию со дня рождения В.А. Белошапковой

<i>Федосюк М.Ю.</i> Каким должен быть современный вузовский курс русского синтаксиса?	5	199
<i>Шмелева Т.В.</i> Коммуникативный вес пропозиции	5	189

К юбилею профессора. Е.З. Цыбенко

<i>Ивинский Д.П.</i> Об адресате стихотворения А.С. Пушкина «Предрассудок» («Ты просвещением свой разум осветил...»).....	2	103
<i>Мецгеряков С.Н.</i> Милош Црнянский: опыт Европы и Востока		112
<i>Шешкен А.Г.</i> 90-летие Елены Захаровны Цыбенко	2	98
<i>Шешкен А.Г.</i> Особенности формирования македонской литературы в свете компаративистики.....	2	123

Отечественная война 1812 года: вслед юбилею

<i>Недзвецкий В.А.</i> Информационная спецоперация русского командования в войне 1812 г. с Наполеоном: замысел и результат (по мемуарам Армана-Огюста де Коленкура).....	1	87
<i>Полтавец Е.Ю.</i> Войны России с Наполеоном в зеркале толстовской мифопоэтики	1	100

Критика и библиография

<i>Авилова Е.Р., Кихней Л.Г.</i> Ефимова С.Н. Записная книжка писателя: стенограмма Жизни. М.: Совпадение, 2012	3	212
<i>Аманова Г.А.</i> Г а с п а р о в М. Л. Филология как нравственность. Статьи, интервью, заметки. О прошлом и будущем. Об интеллигенции. О культуре. О школе. О жизни. М.: Фортуна ЭЛ, 2012.....	5	212
<i>Беляева И.А.</i> Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции: Материалы Международной научной конференции (Москва, 26–27 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. О.А. Клинга и А.А. Холикова. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.....	3	199
<i>Васильев Е.М.</i> Михаил Леонович Гаспаров. 1935–2005 / Сост. Г.Г. Грачева, Ю.Б. Орлицкий, А.Б. Устинов; авт. вступ. ст. С.И. Кормилов, Н.В. Брагинская. М.: Наука, 2012 (Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык. Вып. 33)	4	222
<i>Гоганова А.В.</i> Я б л о к о в Е. А. Путеводитель по роману А.П. Платонова «Чевенгур»: Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2012 (Школа вдумчивого чтения).....	5	224
<i>Гоганова А.В.</i> Г ю н т е р Х а н с. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012	4	217
<i>Злочевская А.В.</i> Пехалз. Феномен стихии в русской литературе; Pechalz.Fenoméň živlu v ruské literatuře. Olomouc:univerzita palackého, 2011	2	217





	№	С.
<i>Ивинский Д.П.</i> В а й с к о п ф М. Я. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012.....	1	195
<i>Изотов А.И.</i> К а л д т а И. В. Современная Беларусь: Языки и национальная идентичность. Ústí nad Labem: PF ÚJEP, 2010.....	3	218
<i>Капырина Т.А.</i> А.Н. Островский: энциклопедия / Гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: ШГПУ, 2012.....	3	197
<i>Клементьев С.В.</i> Х о р е в В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). М.: Индрик, 2012.....	1	205
<i>Кормилов С.И.</i> В е р ш и н и н а Н. Л. «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов: Монография. Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2011	5	207
<i>Кормилов С.И.</i> Обломов: константы и переменные: Сборник научных статей / Сост. С.В. Денисенко. СПб.: Нестор-История, 2011	2	198
<i>Кормилов С.И.</i> Х а н я н К. С. Русская литература и армянская критическая мысль XIX–XX веков: Сборник статей. Ереван: Авторское издание, 2012 .	1	199
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> И з о т о в А. И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. М.: Дрофа, 2012. 1023 с.; И з о т о в А. И. Чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2012.....	1	210
<i>Леднев А.В., Нижник А.В.</i> «Склонила муза лик печальный...». Памяти Николая Николаевича Пайкова. Сборник научных статей: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. и сост. М.Г. Пономарева. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011	2	194
<i>Ляпина Л.Е., Хворостьянова Е.В.</i> М а т я ш С. А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011	4	228
<i>Макеев М.С.</i> Б о р а т ы н с к и й Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Том 3. Часть 1: «Сумерки». Стихотворения 1835–1844 годов. Juvenilia. Коллективное. Dubia. Редакторы тома А.С. Бодрова и Н.Н. Мазур. Подготовка текстов и текстологический комментарий А.С. Бодровой при участии А.С. Зарецкого, Н.Н. Мазур и А.М. Пескова. Сопроводительная статья А.С. Бодровой.....	4	211
<i>Мартынова С.А.</i> Г у р е в и ч А. М. Сокровенные смыслы. Статьи о Пушкине (1984–2011). М.: Совпадение, 2011	6	228
<i>Матяш С.А.</i> Ф е д о т о в О л е г. Сонет. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011	6	233
<i>Михайлова М.В., Толкачева Е.В.</i> Русистика и компаративистика: Сборник научных статей. Вып. VII: В 2 кн. Кн. 2: Литературоведение / Отв. ред. М.Б. Лоскутникова. М.: МГПУ, 2012	1	191
<i>Недзвецкий В.А.</i> О к т я б р ь с к а я О. С. Пути развития русской детской литературы XX века (1920–2000-е гг.). М.: МАКС Пресс, 2012	2	190
<i>Певак Е.А.</i> Символизм как художественное направление: Взгляд из XXI века: Сб. ст. / Отв. ред.: д-р филос. наук Н.А. Хренов, д-р искусствовед. И.Е. Светлов. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2013	6	216
<i>Руденко М.С.</i> Памяти Николая Николаевича Пайкова: В 2 т. Т. 2. «Память сердца». Сборник воспоминаний / Сост. И.Г. Васильев, С.И. Кормилов; отв. ред. С.И. Кормилов. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012	3	224
<i>Семенов В.Б.</i> Из ранней валлийской поэзии / Сост. А.И. Фалилеев; отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2012 (Серия «Литературные памятники»).....	5	216
<i>Темришина О.Р.</i> Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации. <Вып. 1.> — Ровно: Волинські обереги, 2008. 256 с.; вып. 2. Ровно: Геден-Принт, 2010. 272 с.; вып. 3. Ровно: С.Б. Нестеров, 2012	2	204





	№	С.
<i>Трофимова Е.И.</i> Э к о н е н К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011	2	212
<i>Федотов А.С.</i> З у б к о в К. Ю. «Молодая редакция» журнала «Москвитянин»: Эстетика. Поэтика. Полемика. М.: Биосфера, 2012	3	204
<i>Шедловская А.Ю.</i> Гончаров: живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И.А. Гончарова. Сомбатхей: University of West Hungary Press, 2012	6	220

Научная жизнь

<i>Архангельская А.В.</i> «Ломоносовские чтения» в филиале МГУ в г. Севастополе	3	231
<i>Бочавер С.Ю.</i> «Информационная структура текстов разных жанров и эпох»: хроника конференции	6	239
В диссертационных советах филологического факультета	1	229
<i>Галактионова И.В.</i> Чтения, посвященные 95-летию со дня рождения В.А. Белашапковой	1	221
<i>Изотов А.И.</i> Грамматика и корпус 2012: очередная Международная конференция по корпусной лингвистике в Праге	2	232
<i>Изотов А.И., Воробьева Н.И.</i> Чешский язык в мире и мир в чешском языке: VII Международный симпозиум о чешском языке за рубежом	5	254
<i>Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Никитина Е.Н.</i> XLIV Виноградские чтения в МГУ	1	216
<i>Николаева С.Ю.</i> «Мысленное древо» Льва Гумилева	5	250
<i>Новицкас Л.А., Перикина А.Н., Федотов А.С.</i> II Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ, 21–22 марта 2013 г.)	6	248
<i>Пазио-Влазловская Д.</i> (Польша). Международная научная конференция «Ценности в мире славян»	4	235
<i>Пономарева М.Г.</i> X Васильевские чтения в Ярославле	1	224
<i>Степанов А.Г.</i> Международная научная конференция «Проблемы поэтической семантики»	5	245
<i>Терешкина Д.Б.</i> Конференция «М.Ю. Лермонтов и история» (Великий Новгород, 14–16 октября 2013 г.)	6	251
<i>Федорова Л.Л.</i> Хвала и хула в языке и коммуникации — хроника события	2	221
<i>Фролова О.Е.</i> Ломоносовские чтения — 2013	5	227

Юбилей

Майя Владимировна Всеволодова	3	235
Владимир Борисович Катаев	4	238
Ольга Федоровна Кривнова	1	236

Памяти...

Альберт Петрович Авраменко	2	237
Галина Алексеевна Лилич	2	239
Надежда Дмитриевна Октябрьская	1	239
Наталья Александровна Соловьева (8 августа 1938 — 7 июля 2013)	5	260



ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» выходит один раз в два месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к **формату** файлов:

- текстовый редактор Microsoft Word (любая версия);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный межстрочный интервал;
- поля 2,54×3,17;
- объем рукописи до 20 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – до 15 тыс. знаков с пробелами).

Требования к **форме** предоставления статей:

- текст предоставляется на компакт-диске (или присылается на электронный адрес редколлегии) в формате .doc или .rtf и в распечатанном виде (можно прислать указанные материалы простым письмом по почте на адрес редколлегии с пометой «для Вестника МГУ»);
- если в статье используются дополнительные шрифты (старославянские, древнегреческие и т. д.), то они должны быть записаны на диск;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных страницах.

Статья должна содержать обязательные элементы, без которых ее публикация невозможна:

- аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов / словосочетаний) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и / или адрес электронной почты автора;
- ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены **в тексте в виде постраничных примечаний**, а перечень процитированных произведений должен быть вынесен **в конец статьи в виде списка литературы**.

Статьи, оформленные не по правилам, не будут приниматься к публикации.

Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дискетах, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, межстрочному интервалу, некачественная печать могут существенным образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, комн. 902; тел.: (495) 939-53-80; e-mail: edit@philol.msu.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата за публикацию рукописей (в том числе с аспирантов) не взимается.